94
6287 p
6287 II

Рис. 9. Провѣрка поверхности спиртовымъ ватерпасомъ.

ь
о-
ер-

стоитъ изъ прямого деревяннаго бруска. Въ

~~5880.~~

II—65.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

940
П-16
И-81
IX-259
35
6287
II 6287
1-20к
Советская Центр. № 1-й ТЮМЕНЬ. Библиотека
РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ.
БИБЛІОТЕКА ТЮМЕНСКАГО ПРИКАЗЧИЧЬЯГО КЛУБА.
37

С. В. ПАНТЕЛѢЕВА.

НИДЕРЛАНДЫ И БЕЛЬГІЯ.

ОЧЕРКИ

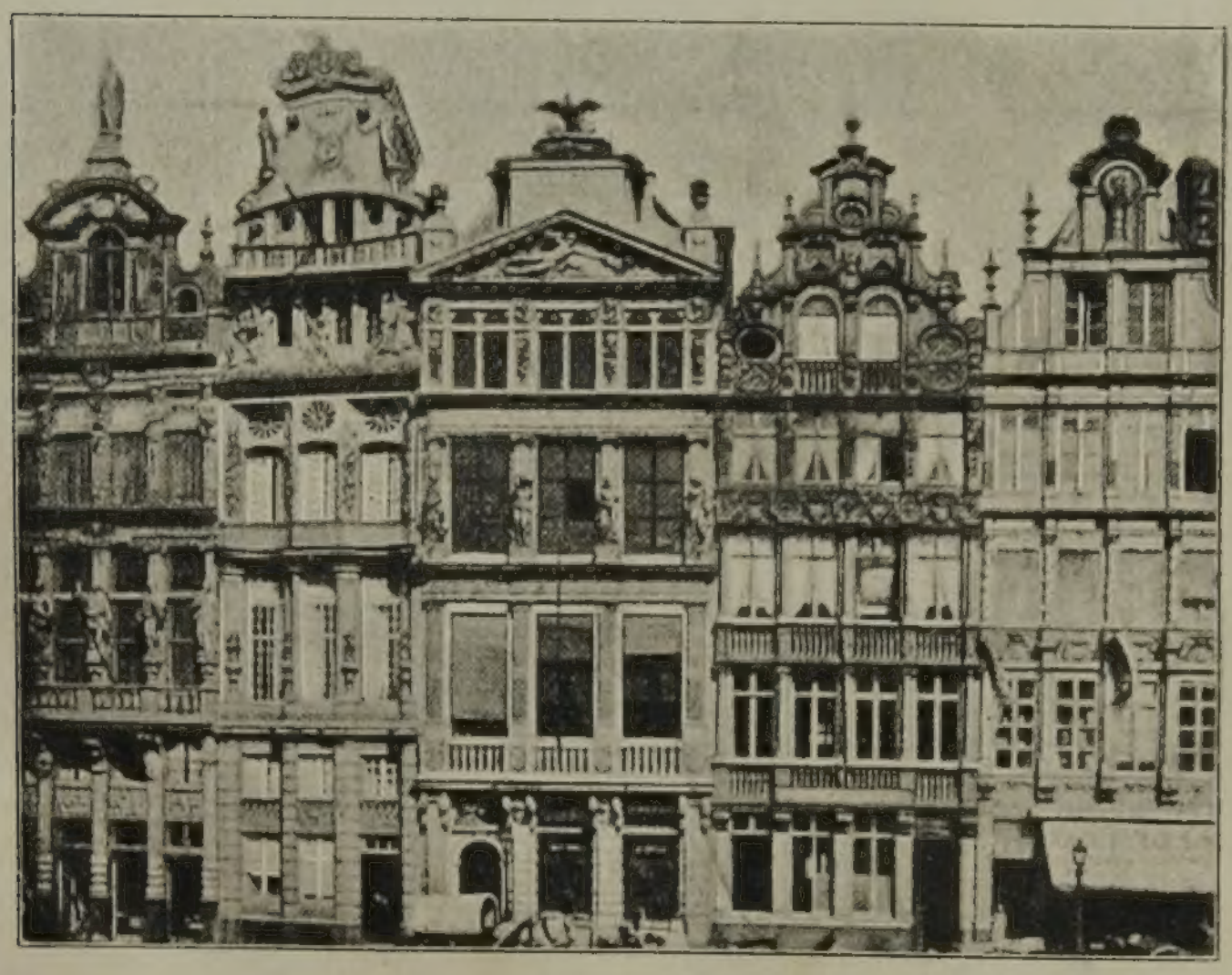
СТАРАГО И НОВАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1905.

С. В. ПАНТЕЛѢЕВА.

НИДЕРЛАНДЫ И БЕЛЬГІЯ.

ОЧЕРКИ
СТАРАГО И НОВАГО.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1905.

Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

Оглавленіе.

Стр.

ГЛАВА I.

Борьба со стихіею прежде и теперь . . . . . 1—12

ГЛАВА II.

Общинный бытъ варварскихъ племенъ. Вліяніе на него усиленія вождей и римскихъ завоеваній . . . . . 12—55

ГЛАВА III.

Разложеніе первоначальнаго строя средневѣковыхъ городовъ. Междоусобныя и національныя войны во Фландріи усиливаютъ большіе города. Городскія монополіи въ крестьянскихъ округахъ. Торговое соперничество между городами, крестьяне становятся на сторону графа противъ большихъ городовъ, и разложеніе феодальнаго строя какъ причины побѣдъ бургундскихъ герцоговъ . . . . . 55—88

ГЛАВА IV.

Очерки исторіи брабантскаго герцогства, епископства люттихскаго, голландскаго графства, гельдернскаго герцогства, Фрисляндіи, епископства утрехтскаго. Геннегаускіе парламенты. 88—116

ГЛАВА V.

Золотое дно бургундцевъ, испанцевъ и австрійцевъ . . . . 116—148

ГЛАВА VI.

Золотое дно измѣняетъ . . . . . 148—191

ГЛАВА VII.

Разгаръ борьбы . . . . . 191—235

ГЛАВА VIII.

Штатгальтеры и адвокаты . . . . . 235—282

ГЛАВА IX.

Управленіе австрійцевъ среди фламандцевъ и валлоновъ: французы-освободители на югѣ и сѣверѣ. Соединеніе сѣвера и юга. Окончательный разрывъ. Трудовая самопомощь . . . . 282—324

ГЛАВА X.

Новое и остатки стараго въ Нидерландахъ . . . . . 324—340

ГЛАВА I.

Борьба со стихіею прежде и теперь.

Сколько мучительныхъ и напрасныхъ призывовъ о помощи беззащитнаго человѣка раздавалось въ теченіе множества вѣковъ на берегахъ Сѣвернаго моря, когда люди не умѣли прочно ограждать себя и свою землю отъ захватовъ моря, заливавшаго низкіе берега Нидерландъ. Море затопляло и отрывало тутъ громадныя территоріи. Разрушительны бываютъ и наводненія, когда въ верховьяхъ Рейна или Мааса начинается ранній ледоходъ, и въ то же время устья этихъ рѣкъ, у Сѣвернаго моря, еще скованныя льдомъ, не пропускаютъ прибывающей воды и льдинъ; тогда рѣки съ ревомъ и грохотомъ выступали изъ береговъ, ломая все на пути, мосты и постройки. Словно тростникъ льдины косили прибрежныя деревья—громадные дубы падали въ воду. Иногда морскія наводненія соединялись съ рѣчными, если буря на океанѣ доносила въ Сѣверное море океанскіе валы. Съ страшною силою напирали они на устья рѣкъ, мѣшая стоку рѣчной воды въ море. Одновременно рѣки выступали изъ береговъ, и море наступало, разоряя берега. Отсутствіе морской защиты, быстроты телеграфныхъ и телефонныхъ сообщеній въ старину обусловливали крайнюю внезапность наводненій и массовую гибель отъ нихъ. Буря заглушала и звонъ набата. Люди хватались за суда, взбирались на башни, кровли и безпомощно глядѣли на разрушеніе, на уносимое имущество. Къ случайнымъ лодкамъ, запутавшимся въ вѣтвяхъ садовъ и прибиваемымъ къ крышамъ, тянулись торопливыя дрожащія руки, лучъ надежды освѣщалъ помертвѣ-

лыя лица... Тутъ же рушились стѣны домовъ, распатанныя свирѣпыми ударами волнъ. Съ размытыхъ кладбищъ волны поднимали гробы, срывая крышки съ мертвецовъ. Не краше казались лица живыхъ, у которыхъ море отнимало всѣхъ близкихъ, всѣ средства къ существованію. Когда наступалъ часъ морского отлива (хотя въ бурю море не имѣетъ полнаго отлива) и съ перемѣною вѣтра море стихало, но отъ городовъ и деревень нерѣдко ничего не оставалось. Вмѣсто нихъ изъ воды появлялись пустынные, илистые островки съ торчавшими развалинами, иногда съ уцѣлѣвшими старыми башнями. Спасшіеся разбѣгались въ разныя стороны, превратясь въ нищихъ, иногда же они начинали вновь тутъ строиться. Они энергично рыли каналы, отводя воду, осушая почву, и опять вырастали села и города, до новаго наводненія. Не всѣ наводненія, конечно, были столь разрушительными. Объ ужасающихъ наводненіяхъ упоминается уже въ историческихъ памятникахъ VI вѣка. Такъ, напримѣръ, одно изъ нихъ покрыло водою почти всю Фрисляндію. Въ каждое столѣтіе, иногда по нѣсколько разъ, покрывались водою разныя мѣстности Нидерландъ. Самыми несчастными были XI и XIII вѣка съ пятью громадными наводненіями. Въ каждое изъ нихъ утонуло отъ 40 до 100 тысячъ жителей. Въ XV вѣкѣ сразу затопило 72 деревни, и отъ нихъ ничего не осталось. Въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ топило города и деревни. Въ началѣ XIX вѣка покрыло водою 40 деревень изъ самыхъ богатыхъ, и тогда утонуло тысяча человѣкъ, до 10 тысячъ коровъ и до 100 тысячъ овецъ. Не перечесть множества наводненій меньшихъ размѣровъ.

Отъ наводненій и болотъ во многихъ мѣстностяхъ Фрисляндіи (сѣверо-востокъ Нидерландъ) невозможно было строить дома, и фрисляндцы уже въ сѣдой древности сооружали высокія насыпи, «терпены», на которыхъ они строили цѣлыя селенія. На травѣ терпеновъ пасся скотъ. Съ очень давнихъ временъ почву здѣсь осушали канализаціею, и всегда чрезвычайно цѣнилась илистая почва осушеннаго болота. Это сокровище нидерландца называется «польдеръ», т. е. «земля, сжатая плотиною». Лишь позже начали строиться морскія плотины—защита отъ морскихъ наводненій. Строить ихъ чрезвычайно трудно.

Несмотря на это, уже въ VIII вѣкѣ насчитывалось не мало морскихъ плотинъ, но бушующее море то и дѣло ломало ихъ и врывалось въ проломы.

Нидерланды [1])—«Nederland—низменная земля»—на сѣверѣ сплошь состоятъ изъ низменностей. Нерѣдко береговая линія лежитъ даже ниже уровня моря и существуетъ теперь только благодаря высокимъ, могучимъ плотинамъ, шлюзамъ и дюнамъ. Въ древности не только Фрисляндія, но и большая часть сѣверныхъ Нидерландъ и Фландріи была покрыта непроходимыми болотами, озерами, лагунами, рѣками, ручьями и дремучими лѣсами, которые останавливали иногда вторженіе враговъ, перѣшавшихся проникнуть въ невѣдомыя топи и дебри.

О первыхъ обитателяхъ Бельгіи и Нидерландъ не имѣется точныхъ свѣдѣній. Отъ нихъ остались лишь продолговатыя могилы изъ камня, гдѣ не оказалось достаточнаго количества костей скелета для опредѣленія расы. Эти примитивные люди, не оставившіе почти слѣдовъ, не могли, конечно, создать себѣ

[1]) Современныя Нидерланды состоятъ изъ слѣдующихъ провинцій:

Провинціи:	Глав. города каждой провинціи:
Голландія.	Амстердамъ.
Зеландія.	Миддельбургъ.
Брабантъ Сѣверный.	Герцогенбушъ.
Утрехтъ.	Утрехтъ.
Оберіссель.	Цволле.
Гельдернъ.	Арнгеймъ.
Дрентъ.	Ассенъ.
Гронингенъ.	Гронингенъ.
Фрисляндія.	Леварденъ.
Лимбургъ Голландскій.	Маастрихтъ.

Поверхность Нидерландъ въ 33,000 квадр. километровъ. Число жителей по переписи за 1899 г. = 5.139,565.

Отдѣлившееся отъ Нидерландъ въ 1830 г. королевство Бельгія:

Провинціи:	Глав. города каждой провинціи:
Антверпенъ.	Антверпенъ.
Брабантъ Южный.	Брюссель.
Фландрія Восточная.	Гентъ.
Фландрія Западная.	Брюгге.
Геннегау.	Монсъ.
Люттихъ.	Люттихъ.
Намюръ.	Намюръ.
Лимбургъ Бельгійскій.	Гассельтъ.
Люксембургъ Бельгійскій.	Арлонъ.

Число жителей по послѣдней переписи 1900 г. 6.693,810. Поверхность Бельгіи въ 29,457 квад. километровъ.

защиты. У послѣдующихъ поселенцевъ, кельтскихъ племенъ Юлій Цезарь, совершая свои захваты, нашелъ прекрасныя плотинныя сооруженія изъ свай и насыпей. Охрана плотинъ всегда была вопросомъ жизни и смерти населенія. Дѣло доходило до того, что за порчу плотины, изъ мести или шалости, виновнаго кидали въ проломъ и заживо закапывали: «чтобъ тѣломъ своимъ онъ исправилъ содѣянное имъ страшное зло». Это совершалось въ XIII вѣкѣ христіанскими судьями.

Прибрежное населеніе отважныхъ мореходовъ не покидало попытокъ превратить море изъ врага въ друга и помощника. Эти рыболовы, скотоводы, земледѣльцы и промышленники не уходили съ опасныхъ береговъ, пользуясь неизсякаемыми минеральными, растительными и животными богатствами океана, изъ котораго въ Сѣверное море, до XII вѣка, заходили даже киты. Благодаря морю, извилистой береговой линіи, множеству рѣкъ и другимъ благопріятнымъ условіямъ, торговыя суда областей, называющихся теперь Нидерландами и Бельгіею, издавна сообщали всѣ страны между собою, изъ конца въ конецъ, вокругъ земного шара. Долгую борьбу пришлось выдержать энергичному прибрежному населенію, прежде чѣмъ оно смогло покорить море, тревожившее не только временными наводненіями, но отрывавшее большія территоріи. Оно все менѣе отступало отъ нѣкоторыхъ береговъ, послѣ большихъ морскихъ приливовъ и наводненій, хороня въ своихъ пучинахъ сооруженія человѣка. Доказательствомъ этому служатъ обнаружившіяся въ 1647 и 1705 гг. на морскомъ днѣ древнія постройки: именно, во время сильнѣйшаго отлива изъ воды выступилъ цѣлый языческій храмъ. Изъ этого храма, посвященнаго богинѣ Нехе-Ленніи, были вынуты языческія гробницы, жертвенники, священные сосуды, древнее оружіе, кумиры, плиты съ языческими надписями (все это теперь сберегается въ одномъ изъ нидерландскихъ археологическихъ музеевъ). Еще въ языческія времена этотъ храмъ съ окружающими землями былъ поглощенъ моремъ. Точно такъ же снесены моремъ всѣ земли, отдѣлявшія озеро Флево (или Флавію) отъ моря. Море, сорвавъ громадныя территоріи, слилось съ древнимъ озеромъ Флево, образовавъ широчайшій заливъ Зюдеръ-Зее, врѣзывающійся въ Нидерланды.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

На стр. 5-й.

Входъ въ Зюдеръ-Зее.

Нидерландцы и бельгійцы издавна славились плотинными работами, и ихъ, какъ знатоковъ дѣла, призывали (въ XII вѣкѣ) въ другія страны Европы, но у нихъ не было современныхъ знаній, зато теперь увѣнчанъ поистинѣ гигантскій трудъ! Морю трудно теперь сорвать колоссы-плотины, настоящія крѣпости изъ гранита, приспособленныя для защиты отъ него. Онѣ созданы научными усовершенствованіями, чудесами современнаго инженернаго искусства. Теперь даже возвращаются прежде захваченныя моремъ земли, а внутри страна освобождается отъ излишней воды [1]). Словно волшебствомъ какимъ исчезли не только громадныя болота, но и громадиѣйшія озера, какъ напр. буриое, громадное, прозывавшееся даже моремъ, Гарлемское озеро. Готовъ къ выполненію и проектъ осушенія Зюдеръ-Зее.

Природа помогаетъ человѣку въ его плодотворной работѣ, если онъ умѣетъ брать отъ нея только полезное, сводя съ нею правильные счеты. Такъ и своенравное море помогаетъ человѣку насыпать горы песку и всякихъ отбросовъ, возводя несокрушимыя стѣны для защиты отъ своихъ бурь. Не всегда оно отнимаетъ. Его волны выкидываютъ не только плодоносный, цѣнный для земледѣльцевъ илъ, но возводятъ на побережьяхъ Нидерландъ, Бельгіи, Франціи и Испаніи безчисленные холмы, отъ 8 до 60 метровъ высотою. Для ускоренія образованія этой превосходной естественной защиты въ берега вколачиваются сваи, задерживающія накидываемый волнами песокъ и отбросы моря. Дюна тогда быстрѣе растетъ и называется «искусственною дюною». Старыя дюны на нѣсколько верстъ тянутся отъ берега моря внутрь страны, и если взобраться на верхушку одной изъ дюнъ, то въ одну сторону видите волнующееся море, а въ другую—зеленоватыя, поросшія мшистою травою дюны, гдѣ такъ славно пахнетъ мятою, горчавою полынью, ольшникомъ. Легко развѣваемый вѣтромъ песокъ новыхъ дюнъ сильно засоряетъ, обмеляетъ гавани, устья рѣкъ и каналовъ. Чтобъ предупредить это передвиженіе дюнъ, ихъ обсаживаютъ всевозможными растеніями.

---

[1]) Современныя наводненія почти всегда рѣчныя, являющіяся вслѣдствіе препятствій для стока рѣчной воды въ море. Наприм., во время ранняго ледохода.

На берегахъ, гдѣ не происходитъ образованія дюнъ, приходится строить чрезвычайно дорогія плотины. Примѣромъ дороговизны можетъ послужить провинція Зеландія. Если тамъ все обстоитъ благополучно, т. е. не произошло особенныхъ поломокъ, то одно содержаніе зеландскихъ плотинъ обходится болѣе милліона руб. въ годъ. Во что же можетъ обходиться сооруженіе и поддержка плотинъ всей береговой линіи Нидерландъ, гдѣ не имѣется ни камня, ни лѣса, и весь матеріалъ подвозится издалека? Изъ Норвегіи привлавляются глыбы взорванныхъ скалъ гранита, лѣсъ изъ Германіи. Швейцаріи. Швеціи и т. д.

Въ провинціи Фрисляндіи на протяженіи 160 миль береговой линіи укрѣплены въ нѣсколько рядовъ толстѣйшія сваи, глубоко вбитыя паровымъ молотомъ. Онѣ сплошь покрываются гвоздями съ широкими шляпками, это предохраняетъ отъ морского червя, истачивающаго дерево. Сваи защищены каменными насыпями. Тутъ нерѣдко идутъ въ дѣло громадныя массивы бетона [1]) до 600 пудовъ каждый. Нидерландскія плотины—настоящія крѣпости, воюющія съ моремъ. Ихъ стѣны отлого спускаются къ морю, для того, чтобъ ударъ волны терялъ свою силу. Волна не бьетъ, а лижетъ ихъ покатую стѣну. На широкихъ и высокихъ плотинахъ [2]) устроены великолѣпно вымощенныя дороги, стоятъ гостинницы, тянутся деревни. Колоссальная Гельдернская плотина въ пять миль длиною перемежается гигантскими каменными быками, вдающимися на сотни футовъ въ море. Она на 60 футовъ выше уровня моря. Буря разбивается у ея подножія, и съ яростью озлобленнаго, упорнаго звѣря волны кидаются съ ревомъ и грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ, безсильныя разрушить прочное созданіе генія современнаго человѣка. Чудная картина этой борьбы открывается съ нидерландскихъ плотинъ, когда море, побѣлѣвшее, въ желтыхъ и зеленоватыхъ пятнахъ, вспѣнившееся, яростно забрасываетъ паровообразные клубы пѣны, катящіеся и подгоняемые ураганомъ при гнѣвномъ свистѣ и

---

[1]) Бетонъ дѣлается заливкою цементомъ мелкихъ камней, при этомъ получаются громадной величины и вѣса кубы бетона.

[2]) Средній размѣръ плотины: ширина 150 метровъ, высота 15 метровъ. Метръ около $1^1/_2$ арш.

Естественная защита дюны.

Къ стр. 5-й.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

оглушающемъ шумѣ бури. За стѣною плотины полное безвѣтріе и заглушенный громъ бури. Всюду здѣсь настроены молы волноломы [1]).

Рѣчные берега высоко искусственно подняты насыпями и плотинами. Поперекъ теченія рѣкъ встрѣчаются шлюзы, охраняющіе рѣки отъ обмелѣнія и регулирующіе ихъ глубину. Здѣсь однимъ изъ чудесъ инженернаго искусства считается шлюзъ Рейнскаго канала у голландской деревни Катвикъ. Тутъ въ прежнія времена протекалъ одинъ изъ рукавовъ Рейна, но устье было занесено пескомъ, такъ что верховая вода, не найдя протока, выступила изъ береговъ, превративъ всю окрестность въ болото. Голландцы прорыли каналъ въ засохшемъ устьѣ Рейна, перегородивъ его шлюзомъ со множествомъ воротъ. Ворота быстро закрываются машиною во время морского прилива, чтобъ волной не накидало песку въ каналъ. Въ отливъ ворота открываютъ для стока болотной воды, выкачиваемой вѣтряными мельницами. Колоссальнѣйшій шлюзъ сооруженъ въ Сѣверномъ каналѣ около Зюдерь-Зее. Онъ изъ громадныхъ массъ гранита и желѣза и вмѣщаетъ въ себѣ 56 гигантскихъ желѣзныхъ воротъ, задѣланныхъ въ двухверстной шлюзовой плотинѣ. Эти ворота-великаны пропускаютъ большіе корабли. Поднимаются они только въ отливъ, опускаясь въ приливъ.

Глядя на нидерландскую равнину, въ ясный день, съ высокой башни или дюны, кажется, что она покрыта цѣлою сѣтью серебристыхъ лентъ, извивающихся по всѣмъ направленіямъ. Это—каналы, которые, подобно артеріямъ, доставляющимъ жизненные соки живому организму, служатъ промышленными и торговыми артеріями страны. Особенную роль играли они до проведенія желѣзныхъ дорогъ, но и теперь ихъ значеніе громадно. Тутъ каналовъ нерѣдко больше, чѣмъ улицъ

[1]) Волноломы (pirre), въ видѣ каменнаго помоста, иногда далеко выступаютъ въ море. Дѣлаются изъ свай, иногда покрываются плитами. У новаго волнолома (около Гаги) въ Скевенингенѣ гигантскій желѣзный остовъ, заполненный частью каменными глыбами, навалеными на тюфяки изъ фашинника (фашинникомъ зовутъ вязки изъ ивовыхъ вѣтвей, всего лучше выдерживающія напоръ воды). Этотъ волноломъ построенъ въ защиту отъ наступательнаго движенія моря, угрожающаго Скевенингену и Гагѣ. На помостѣ имѣется кафе-ресторанъ, и пр.

въ городахъ. По нимъ плаваютъ всевозможнѣйшія суда, движимыя паромъ, электричествомъ, нефтью, а то лошади, собаки и люди бичевою тянутъ свои лодки. Крестьяне на парусахъ, веслахъ, или бичевою переплавляютъ въ поля или съ полей зерно для посѣвовъ, сѣно, фрукты, овощи, молоко. масло, сыръ съ фермъ на городскіе рынки. Въ старину на амстердамскихъ каналахъ почти что каждый домъ былъ складочнымъ «портомъ».

Черезъ каналы перекинуты сотни мостовъ. Въ одномъ Амстердамѣ имѣется 300 мостовъ между 90 островками, на которыхъ построенъ Амстердамъ. Арки большихъ подъемныхъ мостовъ то поднимаются. то опускаются машиною, управляемою двумя, тремя сторожами на мосту. Поднимаются для пропуска кораблей съ очень высокими мачтами и опускаются для проѣзда экипажей и поѣздовъ. Благодаря глубинѣ каналовъ даже глубоко сидящія суда могутъ проникать далеко во внутрь страны, во внутреннiе портовые города, какъ Утрехтъ, Гауда, Гарлемъ, куда ежегодно приплываетъ болѣе 30 тысячъ судовъ. Къ набережнымъ Ротты и Мааса въ Роттердамѣ пристаютъ крупнѣйшіе. океанскіе, грузовые пароходы. Царитъ необычайное оживленіе среди пестрой, разноязычной толпы торгово-промышленныхъ городовъ Нидерландъ и Бельгіи.

Впервые проходя или проѣзжая по нидерландскимъ равнинамъ, непривычный человѣкъ дивится, увидѣвъ высоко надъ своею головою, надъ стѣнами домовъ и плотинъ, несущіеся паруса и мачты судовъ. Это фантастическое передвиженіе гдѣ-то въ вышинѣ вѣчно напоминаетъ иностранцу о неустанныхъ, вѣковыхъ, гигантскихъ трудахъ нидерландцевъ, о системѣ ихъ плюзовъ и высокомъ уровнѣ воды въ искусственно поднятыхъ берегахъ рѣкъ и каналовъ.

Монотонную нидерландскую равнину пестрятъ десятки тысячъ вѣтряныхъ мельницъ, вѣчно машущихъ огромными крыльями. Мельничное крыло бываетъ до 12 саженъ длиною. Вѣтряными мельницами мелется зерно, кофе, растирается табакъ, краски, шоколадъ, выдѣлывается масло, бумага, пилится дерево, движутся колеса множества фабрикъ. Не мало также паровыхъ мельницъ. Главная постоянная работа вѣтряныхъ мельницъ состоитъ въ выкачиваньи воды изъ болотъ для осу-

Саардамскія мельницы.

Къ стр. 9-й.

шенія почвы. Движимыя вѣтромъ крылья двигаютъ въ свою очередь колеса съ черпаками, которые зачерпываютъ и сливаютъ излишнюю почвенную воду для возвращенія ея морю.

Осушеніе болотъ и озеръ въ большихъ размѣрахъ предпринималось уже въ XIII вѣкѣ. Тогда изъ озера Миддельзее впервые была выкачана вся вода вѣтряными мельницами, а въ XIX вѣкѣ выкачали 33 верстное Гарлемское озеро, мѣстами имѣвшее до шести аршинъ глубины. Это озеро съ каждымъ годомъ увеличивалось и сильно наводняло прибрежныя села. Однажды оно до того разбушевалось, что, перекинувшись черезъ плотину, начало заливать Амстердамъ. Тутъ амстердамцы порѣшили выкачать при помощи мельницъ безпокойное озеро. Хотя за такой же проектъ, но лѣтъ 200 передъ тѣмъ, амстердамцы прозвали «сумасбродомъ» строителя мельницъ Леевватера. Геніальный проектъ былъ выполненъ въ 1840 г. Вокругъ озера цѣлыхъ десять лѣтъ строилась плотина, и копался отводной каналъ, опоясывающій плотину. Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, вѣтряныя и паровыя мельницы-водокачки безостановочно выкачивали воду. Илистое дно озера дало 23,000 десятинъ плодороднѣйшей земли, цѣнившейся по 700 руб. за десятину (теперь она стоитъ много дороже). Въ 1901 г. государство выступило съ проектомъ осушенія Зюдерь-Зее, стоимостью въ десять милліоновъ гульденовъ, при 18 лѣтнихъ непрерывныхъ работахъ. Осушенію должна подвергнуться лишь та часть Зюдерь-Зее, которая, по изслѣдованіямъ, оказалась годною для земледѣльческихъ цѣлей, а подъ водою оставлена песчаная часть залива, чтобъ не обездолить многочисленныхъ прибрежныхъ рыбаковъ. Останавливаютъ выполненіе проекта не только довольно основательныя опасенія взрывовъ эпидеміи болотной лихорадки, во время осушенія громадныхъ польдеровъ, но и недостатокъ у казны свободныхъ денежныхъ суммъ. На днѣ Гарлемскаго озера и другихъ сорокавосьми осушенныхъ озеръ раскинулись города, деревни, плодороднѣйшія поля и луга, образцовые огороды и садоводства. Тутъ произрастаютъ разнообразнѣйшія хлѣбныя, бобовыя, корнеплодныя и промышленныя растенія, цвѣты (выписываемые даже далекими странами), фрукты (славящіеся даже на лондонскомъ рынкѣ). На великолѣпныхъ травахъ польдеровъ пасутся образцовыя породы скота.

Тутъ мелькаютъ въ высокой травѣ овцы съ такою длинною и густѣйшею шерстью, что головы ихъ почти исчезаютъ въ ней, и гордость скотоводовъ—коровы, прозванныя «странствующими молочными фонтанами» за изобиліе молока. Солоноватыя травы польдеровъ придаютъ особенный вкусъ мясу, поэтому-то кушанье «Prés salé» такъ цѣнится гастрономами. Излишне упоминать о давно завоевавшихъ европейскій рынокъ голландскихъ молочныхъ продуктахъ. Ихъ подвозятъ къ станціямъ неуклюжіе геркулесы—нидерландскія лошади, двигающія возы—чистыя горы. Впрочемъ, Нидерланды имѣютъ и стройныхъ рысаковъ испанской помѣси. Плодородны нидерландскіе польдеры, только въ нихъ гнѣздится лихорадка, если они не вполнѣ осушены. Умѣряютъ ее морозы, сильные вѣтры, да голландская опрятность.

Опрятность эта вошла въ поговорку и вызываетъ юморъ. Говорятъ, что бѣдная и богатая голландка въ страшномъ безпокойствѣ, если вещи не блещутъ отъ чистоты, какъ новыя, и что чистка внутри дома и снаружи единственное ея времяпровожденіе. Это—преувеличеніе, хотя необыкновенная чистота обычное дѣло какъ въ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ крестьянскихъ домахъ. Въ крестьянскихъ хлѣвахъ свѣтло и чрезвычайно чисто, какъ въ хорошихъ комнатахъ. Гладкій, какъ паркетъ, кирпичный полъ слегка усѣянъ бѣлымъ пескомъ. Отводными трубами выводятся всѣ нечистоты при отличной вентиляціи. Лѣтомъ, когда скотъ на ночь остается въ лугахъ, хозяева переселяются въ хлѣвъ. Тутъ славно, прохладно. Около хозяйскихъ кроватей зеркало, шкапикъ съ книгами, хорошіе стулья и т. д. Находясь въ хлѣву, скотъ подвергается постоянной чисткѣ, а коровьи хвосты подвязаны къ потолку или же запрятаны въ мѣшечки, чтобъ не испортилось молоко. Мѣдная и жестяная молочная посуда горитъ словно золото и серебро. Конечно, комиченъ разсказъ о музыкантахъ, до того ужъ усердствовавшихъ надъ блескомъ своихъ духовыхъ инструментовъ, что начальство поспѣшило умѣрить ихъ ревность, ради спасенія музыки. Комическое составляетъ исключеніе, а чаще поневолѣ испытывается глубочайшее почтеніе передъ систематическимъ порядкомъ, въ которомъ содержатся земледѣльческія орудія и поля. Прямоугольники польдеровъ съ правильными каналами.

отдѣляющими поля. мостиками. соединяющими ихъ, и дорожками. идущими вдоль канавокъ у полей, краснорѣчиво говорятъ о такой массѣ энергіи, затраченнаго плодотворнаго труда и несокрушимаго терпѣнія для того, чтобъ упорядочить эту почву. состоящую изъ смѣси болотной и морской воды и земли. Прежнія тонкія тропы повсюду превращены въ чудесныя дороги, обсаженныя деревьями и гладко вымощенныя особенными, твердыми кирпичиками. Въ Голландіи дороги великолѣпны (онѣ гораздо хуже въ Бельгіи). Вдоль дорогъ кирпичные крестьянскіе дома или роскошныя виллы богачей. Вездѣ сады или хоть самые крохотные палисадники.

Рыхлость почвы заставляетъ строить дома на сваяхъ, которыя глубоко вбиваются паровымъ молотомъ. По нѣскольку тысячъ свай поддерживаютъ основанія большихъ общественныхъ зданій и дворцовъ. Подъ старымъ амстердамскимъ дворцомъ 13,659 свай. Въ городахъ, какъ Дордрехтъ и Амстердамъ, гдѣ такое множество каналовъ, и гдѣ ступеньки крылецъ даже спускаются прямо въ воду, необходимы очень прочныя и длинныя сваи при постройкѣ фундаментовъ зданій.

Если бъ не плотины, не шлюзы и не отводные каналы. то давно бы нидерландскія низменности провинцій Голландіи. Зеландіи и Фрисландіи превратились въ полужидкую массу изъ воды и земли и были бы снесены моремъ.

Медлительна и трудна была многовѣковая борьба со стихіею, успѣхъ которой зависѣлъ отъ накопленія богатствъ; но и обратно, само благосостояніе страны находилось въ зависимости отъ осушенія почвы и покоренія моря человѣку.

Оригинальная особенность въ исторіи сѣверныхъ нидерландскихъ провинцій, выражается въ томъ что населеніе пользовалось моремъ какъ оружіемъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ въ тѣ времена, когда почти что всѣ европейскіе короли покушались на захватъ богатыхъ Нидерландъ. а иногда и собственные нидерландскіе правители пытались ограничить городское самоуправленіе, что также заставляло нидерландцевъ проламывать свои плотины, открывать шлюзы и то соленою. то прѣсною водою прогонять или топить непрошенныхъ гостей.

Исторія Нидерландъ и Бельгіи полна такой яркой жизни и борьбы, что даже въ крупныхъ чертахъ она представляетъ громадный интересъ.

ГЛАВА II.

Общинный бытъ варварскихъ племенъ. — Вліяніе на него усиленія вождей и римскихъ завоеваній.

Въ отдаленнѣйшія времена общины охотниковъ, скотоводовъ и земледѣльцевъ свободно кочевали, въ поискахъ новыхъ земель для луговъ и полей, пока ширившаяся на счетъ своихъ сосѣдей громадная Римская имперія не поставила имъ границъ, принудивъ къ осѣдлости и отягощая поборами. Не могли только римскіе императоры остановить набѣговъ на свои колоніи съ береговъ Сѣвернаго моря. Долго продолжались эти морскіе кочевые набѣги.

Фризскія, саксскія, кельтскія ладьи викинговъ-промышленниковъ («викингъ» означаетъ промыселъ добычи) «Храбрѣйшихъ» со своими «Морскими королями» [1]) продолжали безпокоить римлянъ и гремѣть подвигами въ качествѣ корсаровъ.— Съ другой стороны, самые ранніе своды варварскихъ законовъ рисуютъ намъ общества, сложившіяся изъ мирныхъ общинъ скотоводовъ, позже земледѣльцевъ, которые осушали непроходимыя болота, расчищали лѣсныя дебри, заселяя ихъ деревнями и отдѣльными фермами. Къ общиннымъ работамъ причислялось земледѣліе, охота, рыбная ловля, при чемъ распредѣленіемъ работъ и раздѣленіемъ продуктовъ охоты и ловли завѣдывали выборные старшины общинъ. Судъ совершался при участіи всей общины. Появлялись мирные союзы различныхъ племенъ въ интересахъ торговли и усиленія замозащиты.

Поселки группировались у древнихъ германскихъ племенъ въ общинную «марку». Происхожденіе группированія, которое

[1]) До сихъ поръ еще зовется «королемъ сѣтей» —Not-king старшій вожакъ рыболовнаго предпріятія въ странѣ знаменитыхъ викинговъ въ Норвегіи.

называлось «марка» [1]). совершенно теряется въ доисторической древности. Главною цѣлью союза была самозащита отъ нападенія враговъ, отъ увода скота и похищенія женщинъ чужаками. Союзъ необходимъ былъ для производства большихъ работъ, какъ осушеніе болотъ, сооруженіе насыпей—терпеновъ, наведеніе мостовъ, съ уборкою ихъ во время половодья, проведеніе путей черезъ лѣсныя чащи, канализація для стока болотной воды, но прежде всего для общественныхъ засѣвовъ полей и одновременной уборки жатвы съ участковъ общинниковъ, не раздѣленныхъ межами. Какъ поля, такъ луга и лѣса были общественными. У большинства племенъ не существовало даже слова, выражающаго понятіе о земельной собственности. Только у германскаго племени батавовъ (предковъ голландцевъ на островахъ въ устьѣ Рейна) въ періодѣ варварства имѣлась личная земельная собственность, что объясняется ихъ раннимъ соприкосновеніемъ съ римскою культурою.

Послѣ одновременнаго сбора жатвы съ полей снимали изгородь, окружающую общинныя поля, и превращали ихъ въ общій выгонъ для скота. Посмѣннымъ было пользованіе общинными сѣнокосами, т. е. каждому по очереди доставались

---

[1]) Основныя черты древне-германской марки сохранились до сихъ поръ въ маленькихъ организаціяхъ, заботящихся объ осушеніи и стокѣ водъ, поддержкѣ путей и раздѣлѣ незанятыхъ земель. Только теперь собираются здѣсь не вооруженные воины на общественный совѣтъ послѣ совершенія жертвъ богу Водану, а мирные землевладѣльцы, послѣ засѣданія обѣдающіе сообща. Въ Дрентѣ до сихъ поръ существуетъ «марка», окруженная болотами и песками образующими ея границы. Еще въ 1828 году тутъ существовало 116 марокъ или 126.398 гектаровъ, т. е. около половины всей провинціи Дрентъ. Послѣ раздѣленія марокъ на личную собственность пастбища все таки остались въ общинномъ владѣніи.—Тоже въ Гронингенѣ, Оберъ-Неселѣ, Цутфенѣ, Велувѣ, Гойландѣ сохранились общинные обычаи предковъ. Въ Дрентѣ даже попадаются деревни съ общинными домами, гдѣ живетъ до 60 общинниковъ. Домъ въ два этажа. Внизу кухня и большая спальня съ настланными матрацами—справа спятъ незамужнія, слѣва холостые. Во второмъ этажѣ женатые, и у каждой пары по комнатѣ. Дѣтей въ люлькѣ до году, на ночь, подвѣшиваютъ въ общей спальнѣ, а бабушка или тетка качаетъ люльку за веревку со своего матраца. Старшій въ домѣ ведетъ всѣ счеты и даетъ ежемѣсячные отчеты остальнымъ членамъ. Онъ совѣтуется со старшими. За ѣдою всѣ пользуются одною общею миской, а мясо дѣлитъ старшій. Дѣвушкѣ при выходѣ замужъ даютъ въ приданое корову, кровать и сундукъ. Непослушныхъ членовъ изгоняютъ, давая имъ два гульдена на дорогу.

Laveley.—La propriété et ses formes primitives. (Дополненное изданіе).

лучшіе и худшіе участки луговъ. Но каждый съемщикъ пользовался лугомъ не болѣе года. Личнымъ владѣніемъ считалась изба и движимая собственность: скотъ, оружіе, домашняя утварь. Избы безъ оконъ въ стѣнахъ и безъ потолка подъ крышею освѣщались дымовымъ окошцемъ въ крышѣ, широкою дверью и неугасающимъ открытымъ очагомъ въ серединѣ избы. Религіозный культъ не дозволялъ угасанія огня, и даже ночью женщины не давали угольямъ потухнуть. Онѣ уже умѣли высѣкать огонь кремнемъ, но неугасимость огня въ очагѣ сдѣлалась пережиткомъ тѣхъ отдаленнѣйшихъ эпохъ, когда добываніе огня было такимъ страшно труднымъ дѣломъ. Огонь считался священнымъ, и у священнаго мѣста—у очага—находились символы языческихъ божествъ. У очага неустанно трудились женщины, заваленныя всевозможною работою. Ими растиралось зерно въ муку, между двухъ камней—ручныхъ мельницъ, приготовлялись молочные продукты, коптилось свиное и другое мясо, подвѣшиваемое къ почернѣлымъ отъ дыма верхнимъ балкамъ. Женщины пряли, ткали, окрашивали ткань и шили одежды изъ звѣриныхъ шкуръ. Онѣ же работали въ полѣ—тащили тяжелую соху. Мужчины нерѣдко сдавали свое полевое хозяйство женщинамъ, старикамъ, юношамъ и захваченнымъ плѣнникамъ-рабамъ. Предпочитались, конечно, занятія, болѣе прибыльныя, какъ охота, скотоводство, война съ угономъ чужихъ стадъ, захватомъ плѣнниковъ и земель для полей—новинъ, въ которыхъ такъ нуждалось первобытное полеводство, быстро истощавшее почву.

Мѣстныя дѣла марки рѣшались сходомъ, но очень рѣдки были собранія всего племени. Собирались подъ «священными деревьями» или въ «священныхъ рощахъ». Сходъ распредѣлялъ работы между членами марки, назначалъ штрафы за неисполненіе постановленій общества. Тутъ-же разбирались при всеобщемъ участіи судебные процессы. Тутъ совершались жертвоприношенія богамъ въ видѣ пищи и питій. Жертвователи доставляли рогатый скотъ, плоды полей, пиво, медъ. Жрецъ закалывалъ животное, и тутъ же приготовлялась пища. Участвующіе приглашали невидимыхъ боговъ принять въ ней участіе и трижды пили въ честь Водана, Донара и богини брака Фреи—за миръ и плодородіе, третій тостъ былъ

въ честь покойниковъ.—На большихъ племенныхъ собраніяхъ рѣшались вопросы мира или войны. выслушивались и давались отвѣты посламъ чужихъ племенъ, избирали исполнительную администрацію—жрена. а во время войны—вождя. выборныхъ судей марки, называвшихся маркграфами. маркизами. и надсмотрщиковъ за плотинами—дикграфовъ (dykgraf).

Власть вождя продолжалась только лишь на время войны. Вождь утрачивалъ всѣ верховныя права по окончаніи войны. Въ знакъ избранія его поднимали на громадномъ щитѣ. а избраніе опредѣлялось не столько заслугами предковъ. сколько личными достоинствами и довѣріемъ къ рѣшительности и опытности данной личности. Опытность цѣнилась всегда выше всего. но при общественныхъ рѣшеніяхъ иногда достаточно было одного голоса изъ толпы. чтобы пріостановить почти принятое рѣшеніе. На народныхъ собраніяхъ совершеннолѣтніе юноши впервые получали щиты и копья. становясь членами общины и племени.

Священныя рощи покровительствовали торговлѣ, и въ нихъ совершался обмѣнъ и торгъ. Такимъ образомъ священныя рощи были центрами всей національной жизни племенъ, въ ея религіозныхъ. торговыхъ. судебныхъ. административныхъ и хозяйственныхъ проявленіяхъ. Этимъ объясняется то отчаянное сопротивленіе. которое всегда проявляли варварскія племена во время войнъ при защитѣ своихъ священныхъ рощъ. Торговля въ нихъ пользовалась такою же охраною, какъ и священное мѣсто. подъ сѣнью котораго она происходила. То же самое встрѣчалось и встрѣчается теперь у всѣхъ племенъ новаго и стараго свѣта, находящихся на той же ступени общественнаго развитія, т. е. у всѣхъ варварскихъ племенъ рыночное мѣсто пользуется полнѣйшею охраною «мира» и неприкосновенности. Тутъ всякая вражда должна прекращаться. и всякій чужеземецъ считается «гостемъ». Эта идея мира и неприкосновенности такъ глубоко проникла въ общественное міросозерцаніе, что, несмотря на всѣ послѣдующія пертурбаціи и одичаніе феодальнаго періода, она вновь возродилась. будучи основою народной жизни. Громадно оказалось ея значеніе въ освобождающихся отъ феодальнаго ига торгово-промышленныхъ городскихъ общинахъ. Вездѣ и всегда большин-

ство искало лишь условій благопріятныхъ для мирной дѣятельности и, лично отстраняясь отъ войнъ и битвъ, выдвигало изъ своей среды военную группу, которой поручалась защита племени. Усиливаясь, эта вооруженная группа пользовалась своимъ могуществомъ для порабощенія соплеменниковъ.

Стремленіе къ общественному миру проявляется и въ уголовномъ судопроизводствѣ варварскихъ племенъ, въ ихъ установленіяхъ «соглашеній» между преступникомъ и пострадавшими отъ него. Соглашеніе сопровождалось уплатою штрафа, «виры», въ пользу пострадавшаго или его семьи и меньшаго штрафа, «фреды», за нарушеніе общественнаго мира, онъ уплачивался общинѣ и шелъ на общую пользу: возведенія защиты—стѣнъ, плотинъ и т. д. Тѣлесныхъ наказаній не существовало, это введено было позже. У фризовъ не имѣлось даже слова для выраженія понятія о наказаніи, а существовало лишь слово: hermescara (Schmerztheil), означающее имущественное возмѣщеніе для покрытія убытка, вознагражденіе за причиненное страданіе. Приговоры къ смертной казни были рѣдки и исполнялись лишь въ случаяхъ, когда невозможно было установить «соглашенія». Къ смертной казни приговаривали за измѣну всему племени. Жрецъ закалывалъ предателя на жертвенникѣ, въ видѣ искупительной жертвы богамъ и для умиротворенія разгнѣванныхъ душъ предковъ [1]). Въ общинахъ варваровъ (также у современныхъ варварскихъ племенъ) всѣ стараются прекратить возникшую вражду и во всякую ссору вмѣшиваются, стремясь примирить. Община и судьи, выслушавъ и обсудивъ дѣло, опредѣляютъ размѣръ штрафовъ.

Древне-германскія саги знакомятъ насъ съ чрезвычайно оригинальнымъ кодексомъ нравственности и понятіями о преступности у этихъ племенъ. Такъ, напримѣръ, прежде всего требовалась отъ человѣка полнѣйшая прямота дѣйствій относительно враговъ и друзей: «злобно встрѣчать враговъ и съ неизмѣннымъ привѣтомъ друзей». Всегда нужно было поступать

[1]) Человѣческія жертвоприношенія нужно разсматривать какъ пережитокъ отдаленнѣйшихъ эпохъ самой сѣдой древности временъ людоѣдства первобытнаго человѣка, пиршествъ каннибаловъ. Долго служили жертвами военнопленные, пока усиленіе рабскаго труда и спросъ на рабовъ не сократилъ заклапій и сожженій и въ жертву богамъ стали приносить рогатый скотъ и плоды полей.

такъ, чтобъ «ничто не мѣшало смѣло и прямо смотрѣть людямъ въ глаза». Позорнымъ и преступнымъ считалось лишь тайное ночное нападеніе, но то, что считали возможнымъ сдѣлать «при свѣтѣ дня», на глазахъ у всѣхъ, не могло никакъ преслѣдоваться фризскимъ закономъ. Преслѣдовать за открытое нападеніе могли только мстители, т. е. самъ потерпѣвшій или его родня. У фризовъ законъ могъ только ограничивать поле дѣйствій мстителей. Напримѣръ, они не могли тронуть преслѣдуемаго въ его домѣ, или даже въ чужомъ домѣ, если только онъ прожилъ въ немъ два дня; они не могли коснуться его при проходѣ въ судъ и обратно. «Миромъ», т. е. неприкосновенностью, пользовалась священная роща, засѣданіе ландтага, собраніе членовъ «защиты плотинъ», и «миромъ», неприкосновенностью въ отношеніи преслѣдованія, пользовался «всякій сняцій».—Судъ временно приговаривалъ къ изгнанію, чтобъ дать теченію времени совершить свое дѣло—успокоить злобу, страсти и дать возможность установленію примиренія и уплаты виры. Вира уплачивалась, смотря по преступленію, опредѣленнымъ числомъ головъ скота.

Такъ какъ открытое нападеніе считалось личнымъ дѣломъ—личнымъ споромъ, не касавшимся суда, если его не призывали, то община не прерывала добрыхъ отношеній съ членомъ общины, совершившимъ открытое нападеніе (напр. съ убійцею), пока дѣло не было разобрано въ судѣ (если только оно доходило до суда). Личная «кровавая месть» была обычною расправою. Судъ вмѣшивался только тогда, когда пострадавшіе приносили сами жалобу, не желая лично расправляться со своимъ обидчикомъ, требовали возмездія. Если же не примирившійся и приговоренный къ казни успѣвалъ бѣжать, то за него отвѣчала вся его родня (весь родъ), позже отвѣчали лишь ближайшіе, или, какъ говорилось: «шесть рукъ должны уплатить за него виру». Онѣ же захватывали оставшееся имущество бѣглеца. Какъ уже было сказано, кромѣ виры, уплачивалась фреда, въ пользу общины, иногда и въ пользу выборныхъ судей. Эта сумма составлялась изъ залога одной изъ спорящихъ сторонъ въ судебномъ процессѣ, въ которомъ посредники играли громадную роль. У фризовъ[1]) преступность

[1]) Фризы одно время занимали громадную территорію на юго-западѣ

опредѣлялась еще преднамѣренностью. За непреднамѣренно содѣянное не взималась вира; напр., за нечаянно разорванное платье судъ приговаривалъ тотчасъ зашить тому, кто его разорвалъ. За вредъ отъ животныхъ и рабовъ собственникъ ихъ платилъ лишь въ послѣднемъ случаѣ полную виру, «такъ какъ рабъ существо разумное, но совершалъ зло, можетъ быть, по требованію владѣльца». Присягая на судѣ, фризы клялись своими богами, священными предметами, а также своимъ скотомъ, который представлялъ мѣновую цѣнность и замѣнялъ деньги при натуральномъ (самодовлѣющемъ) хозяйствѣ варварскихъ племенъ. Фризы допускали своихъ рабовъ къ присягѣ. (Рабство среди фризовъ исчезло раньше, чѣмъ гдѣ-либо).

Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда надъ однимъ изъ членовъ общины расторгался «общественный миръ», ему оставалось только бѣжать, куда глаза глядятъ, — его жизнь не обезпечивалась болѣе круговою порукою, и такому человѣку приходилось скитаться по лѣсамъ, рискуя погибнуть отъ дикихъ звѣрей и чуждыхъ племенъ. Но дѣло рѣдко доходило до этого. Члены общинъ всячески старались уладить ссору. Труднѣе бывало устанавливать примиреніе въ ссорахъ между людьми, принадлежащими къ различнымъ племенамъ, такъ какъ обычное право племенъ и конфедерацій различно опредѣляло условія «соглашеній». Но и тутъ находились люди, знавшіе старѣйшіе основные законы (руны), способствуя этимъ наступленію мира.

Во время войнъ считалось позорнымъ потерять щитъ и вернуться безъ вождя. Перебѣжчиковъ вѣшали на деревьяхъ, а бѣглецовъ съ ранами отъ вражескихъ стрѣлъ на спинной части тѣла презрительно топили въ болотахъ. Римляне говорили о замѣчательной стремительности натиска этихъ варваровъ, но толковали объ отсутствіи у нихъ выдержки. Однако, Цезарь, въ два года покорившій всю Галлію и кельтовъ Бельгіи, не могъ справиться съ германскими племенами сѣвера, и римляне никогда не могли вполнѣ подчинить ихъ себѣ.

Низкорослыхъ брюнетовъ римлянъ и грековъ просто поражали громадныя атлетическія фигуры германцевъ, со свѣтлыми

до Шельды, а на востокъ до Везера. Фризское право простиралось даже до Брюггской бухты. Наводненія и завоеванія мѣняли границы.

«бычьими глазами» и длинными волосами «цвѣта золота», до того нравившимися, что смуглыя римлянки заказывали себѣ бѣлокурые и рыжіе парики изъ волосъ плѣнныхъ варваровъ. Тацитъ, негодуя на римскую испорченность, восхвалялъ и ставилъ въ примѣръ здоровость, силу, чистоту и простоту нравовъ древнихъ германцевъ, отсутствіе у нихъ лжи, вѣрность слову, какъ и рѣдкость нарушеній святости брака. Онъ сообщалъ, что: «въ рѣдкостныхъ случаяхъ подобной провинности виновницѣ отрѣзывали волосы и гоняли обнаженною по околодку, стегая плетью». Считая «тайное» преступнымъ или просто опираясь на право сильнаго, саксы не только колотили, но и душили и жгли измѣнницъ, а любовниковъ вѣшали на ихъ могилахъ. Женщина находилась (какъ и теперь) послѣдовательно подъ опекою отца, брата, мужа и сына. Наслѣдовать она не могла потому уже, что вообще не существовало еще завѣщаній, собственность была не отчуждаема, переходя по наслѣдству сыновьямъ. Многоженство, какъ и вездѣ, ограничивалось только недостаткомъ средствъ уплатить быковъ, лошадь и оружіе отцу новой жены. Положеніе женщинъ германскихъ племенъ все таки было лучше, чѣмъ у римлянъ или у сосѣднихъ кельтовъ. Женщины не были до такой степени приниженны. У кельтовъ онѣ не осмѣливались даже сидѣть за общимъ столомъ во время ѣды. Цѣнность жизни женщины у фризовъ была очень высока, и за убійство беременной женщины уплачивалась тройная вира, то же и за изнасилованіе, но при этомъ одна часть тройной виры уплачивалась потерпѣвшей, другая ея опекуну, а третья суду. Предпочитая смерть томленію ужаснаго римскаго плѣненія, если мужчины были перебиты, женщины избавляли себя и своихъ дѣтей отъ плѣна закалывая ихъ, а на ихъ трупахъ закалывали себя. Не разъ случалось, что при отступленіи мужчинъ, женщины вооружась топорами кидались къ нимъ, называя трусами, измѣнниками, и этимъ заставляли мужей, отцовъ и братьевъ возвращаться въ бой. Лишась топора, онѣ хватались за лезвія мечей римскихъ солдатъ и умирали въ борьбѣ. Батавы ставили своихъ женщинъ и дѣтей позади дружины, чтобъ криками онѣ возбуждали войско. Большую роль, чѣмъ у другихъ племенъ, играли тутъ вѣщія женщины, «пророчицы», напр., «вѣщая Веледа», напророчивъ побѣду.

сильно приподнята духъ дружины для возстанія противъ римскихъ насилій передъ основаніемъ союзной батавской республики. Волода жила въ башнѣ и оттуда возвѣщала велѣнія боговъ.

Обоготворяя силы и явленія природы, германскія племена представляли природу переполненной всевозможнѣйшими духами, феями, кобальтами, въ водѣ, въ воздухѣ, подъ видомъ вѣтра духи стрѣляли градомъ, снѣгомъ, дождемъ, блуждали огоньками по болотамъ. Всюду обитали злые и добрые духи. Напр., боялись срубать дерево около избы, подозрѣвая почему нибудь, что это дерево избралъ своимъ жилищемъ духъ (кобальтъ) и будетъ мстить за порубку. Въ сіяніи вечерней зари на берегахъ Сѣвернаго моря имъ мерещились лучезарныя головы боговъ, а солнце считали всевидящимъ окомъ главнаго бога Водана (или Одина, Годана Годе, у фризовъ Варисъ). Этотъ древній богъ викинговъ украшался эпитетами: сіяющій, прибѣжище премудрости и добра, отецъ неба, обнимающій землю, оплодотворяя богиню земли Эрту. (У Водана, впрочемъ, насчитывалось множество женъ). Въ стелющихся туманахъ чудились эльфы, души умершихъ, поднимавшіяся по радугѣ или млечному звѣздному пути въ воздушное жилище боговъ Валгаллу [1]) къ ихъ вѣчной трапезѣ. Злыхъ боговъ было мало, зато имѣлось множество добрыхъ боговъ и полезныхъ богинь — помощницъ женщинъ тащить соху и управляться въ хозяйствѣ. Богини проносились въ облакахъ на колесницахъ, заглядывали, сколько напрядено пряжи, приговаривая: «Сколько волоконъ— столько счастливыхъ дней!».

Движущіяся тѣни въ долинахъ объяснялись движеніемъ гривъ несущихся коней воинственныхъ Валькирій (дѣвъ мертвецовъ—Todtenjungfern). Сіяя крылатыми шлемами, щитами.

---

[1]) Имѣлся рай для чистыхъ женщинъ. Адъ (Hell), съ вѣчною тьмою узкихъ проходовъ, молчаніемъ, прерываемымъ вздохами, гдѣ мертвые сидятъ покрытые холоднымъ потомъ, окруженные вонью своихъ гніющихъ тѣлъ.— Другой адъ еще хуже, гдѣ измѣнники, предатели, насильники женщинъ плаваютъ въ ядовитыхъ рѣкахъ, изрыгаемыхъ драконами. Змѣи вѣчно рвутъ тѣла предателей. Рабы находились въ другомъ мѣстѣ. Отъ языческаго Hell произведено названіе христіанскаго ада, Hölle. Богиня Hele — царица тьмы, смерти, низвергнутая небесными богами въ преисподнюю за то, что она разнесла между людьми болѣзни и смерть.

копьями, валькиріи разыскивали павшихъ въ битвѣ, чтобъ отвозить ихъ въ небесную Валгаллу, гдѣ среди пиршествъ боговъ съ героями происходили ужасающія битвы, послѣ которыхъ герои возрождались [1]), чтобъ продолжать наслаждаться крѣпкими и сладкими медами, которыми ихъ угощали Валькиріи. Медами и пивомъ герои достаточно злоупотребляли и въ теченіе земной жизни, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобъ выпить въ честь боговъ, предковъ, по случаю браковъ, рожденій, смертей, что сопровождалось такими рукопашными схватками, послѣ которыхъ герои не вставали, какъ въ Валгаллѣ. Надо отдать справедливость варварамъ, нѣкоторыя ихъ племена упорно сопротивлялись ввозу спиртныхъ напитковъ, такъ, напримѣръ, нервіи совершенно не допускали даже ввоза спиртныхъ напитковъ, такъ какъ опасались развращенія и упадка народныхъ силъ, выражаясь такъ: «мы боимся, какъ-бы продукты Рима, опьяняющіе и возбуждающіе сладострастіе, не ослабили нашей мужественности». Когда готовилось общее возстаніе племенъ противъ Рима и создавалась союзная батавская республика, то тенстеверы изъ племени убіоновъ, присоединяясь къ ней, говорили: «откажитесь отъ разслабляющихъ наслажденій, которыми Римъ васъ всего болѣе побѣждаетъ!». Тацитъ сообщаетъ о страсти къ игрѣ въ кости, доводившей до проигрыша не только всего имущества, но и жены, дѣтей и собственной особы въ рабство, но такихъ рабовъ торопились перепродать.

Свобода утрачивалась изъ за долговъ, заключенія брака съ рабынею и плѣномъ на войнѣ, но зависимость свободныхъ общинниковъ и имущественное неравенство начинается съ усиленіемъ значенія вождей, которые, захватывая какъ военную добычу стада.—единственный капиталъ того времени скотъ, сосредоточивали его въ своихъ рукахъ, а для пастбищъ его пользовались пустыми пограничными землями марки. Одолженіемъ скота нуждавшимся въ немъ они превращали ихъ въ

[1]) Въ Валгаллѣ не всѣ признавались героями, и непризнанные должны были сами снискивать себѣ пропитаніе, поэтому родня при погребеніи помѣщала въ могилу ручную мельницу для зерна, сито и блюдо, а въ болѣе отдаленныя эпохи вмѣстѣ съ покойникомъ хоронили не только все его имущество и коня, но и живыхъ женъ и рабовъ. Считалось, что умершіе только перемѣняютъ мѣстопребываніе и будутъ нуждаться въ своихъ вещахъ, женахъ и рабахъ.

своихъ зависимыхъ и чѣмъ больше раздавали скота, тѣмъ больше становилось зависимыхъ. Скотъ раздавался въ награду за службу, за работу [1]). Г. С. Мэнъ въ своей превосходнѣйшей исторіи древнѣйшихъ учрежденій (H. S. Maine. Early History of Institution) подробно описываетъ значеніе обычая отдачи скота въ наймы, указывающаго на первое появленіе зависимости и капитализма въ отдаленнѣйшія эпохи. Нерѣдко скотъ черезъ опредѣленное число лѣтъ переходилъ въ собственность съемщика, но давшій его все таки продолжалъ пользоваться приплодомъ, молокомъ и работою своихъ зависимыхъ. Вожди усиливали число своихъ зависимыхъ еще тѣмъ, что давали пріютъ бѣглымъ и изгнаннымъ отъ другихъ племенъ, надѣляли ихъ скотомъ и землею, превращая въ своихъ оброчныхъ, надсмотрщиковъ, пастуховъ [2]). Что касается «храбрѣйшихъ» «благородныхъ» (благородство пріобрѣталось заслугами на войнѣ и пока еще не было наслѣдственнымъ), то они получали отъ вождя трапезу, составлявшуюся изъ приношеній отъ каждаго члена племени въ видѣ плодовъ полей, рогатаго скота. Каждый изъ свиты ожидалъ отъ вождя въ признаніе своихъ заслугъ «боевого коня» и «освященнаго въ бояхъ копья». Занятые войнами «храбрѣйшіе» сдавали свои хозяйственныя работы рабамъ и многочисленнымъ женамъ. Многоженство было имъ необходимо для пріобрѣтенія многочисленнаго вліятельнаго родства, какъ и для большаго числа работницъ въ домѣ. Въ тѣ времена еще не введена была рабья работа въ домахъ свободныхъ: рабы надѣлялись участками земли и хижинами и отрабатывали своему владѣльцу лишь извѣстную натуральную повинность, въ видѣ зерна, медовыхъ сотъ, птицы и т. д.

Римскіе легіоны грозно продвинули римскія границы на сѣверо-западѣ Европы, и Цезарь, совершенно покоривъ Галлію,

---

[1]). Жалованье скотомъ обозначалось по-староголландски «we», по-старонѣмецки «ve», по скандинавски «fe»—фе, а слова фе-одъ, феодалъ позже означали жалованье — пожалованный. Даже слово капиталъ происходитъ отъ словъ «головы скота» capi-капи. Древняя монета pecunia отъ слова pecus— т. е. стадо.

[2]) Вожди и нѣкоторые старѣйшины, пользуясь своимъ могуществомъ, присваивали все достояніе своихъ родичей, превращая въ зависимыхъ. Липпертъ (О происхожденіи дворянства) говоритъ, что это легко прослѣдить въ исторіи славянскихъ общинъ. Lippert. Entstehung des Adels.

увель съ собою треть населенія области, въ которую входитъ теперь Бельгія. Но уходъ римской солдатчины, эту область отожествлявшей съ «обезкровленнымъ, смертельно больнымъ, едва дышащимъ существомъ». Обязательная поставка рекрутъ Риму—требовались всѣ способные къ военной службѣ—начала задерживать приростъ населенія.

Батавовъ называли «братьями и друзьями Рима», но дорого имъ обходилась эта дружба, хотя батавскія конницы играли всегда рѣшающую роль въ римскихъ битвахъ. Фризы—искусные мореходы—заслужили тоже римское спасибо, выручивъ изъ бѣды римскій флотъ, захваченный отливомъ у береговъ очень враждебныхъ Риму хаттовъ (тоже германское племя въ Нидерландахъ). Но мирныя отношенія непрерывались при Друзѣ. Онъ прорылъ осушающій почву каналъ (Друзовъ каналъ, соединявшій рѣки Рейнъ и Иссель), благодаря которому батавы менѣе страдали отъ наводненій. Конечно, прорывая каналъ, римляне вовсе не имѣли въ виду благотворительныхъ цѣлей — каналъ былъ однимъ изъ ихъ военныхъ путей. Друзъ расширилъ и фарватеръ устья р. Исселя, впадающаго въ Зюдерь-Зее (тогда еще озеро Флево). Римляне, знаменитые строительствомъ, чаще сооружали въ своихъ колоніяхъ крѣпости, цирки, обширныя арены, гдѣ происходила травля дикихъ звѣрей на гладіаторовъ-рабовъ. Вскорѣ сюда стали наѣзжать, чтобъ нажиться, всякіе римскіе префекты, прокураторы и центуріоны, жестоко обиравшіе населеніе. Фризамъ, съ которыхъ взималась дань «только бычьими шкурами», приходилось хоть бросать свои поля, такъ какъ прокураторы стали требовать шкуръ громадныхъ размѣровъ, а фризскій скотъ былъ мелкой породы. Подъ предлогомъ долгаты, римскіе сборщики забирали у фризовъ не только живыхъ быковъ, но земли, женъ и дѣтей, и фризы поднялись противъ насилій Рима, въ 28 г. по Р. Х., при Тиберіи, съ примкнувшими батавами перебили римскихъ солдатъ, присланныхъ за сборомъ дани. Начальникъ отряда едва успѣлъ укрыться въ римской башнѣ. Не прошло и двадцати лѣтъ, какъ фризамъ опять пришлось подчиниться Риму, когда съ страшною силою надъ ними взвились орлы римскихъ легіоновъ. Римляне выстроили крѣпость, тамъ, гдѣ теперь г. Гронингенъ, но по уходѣ легіоновъ фризы опять сорвали съ себя римскія путы.

Римляне между тѣмъ сооружали сильныя укрѣпленія на Рейнѣ и Маасѣ, подавляя попытки къ возмущенію остальныхъ племенъ.

Въ Батавіи римляне тоже хозяйничали посвоему, уводя въ Римъ на продажу красивыхъ мальчиковъ и забирая стариковъ для отбыванія воинской повинности, т. е. вынуждали послѣднихъ откупиться отъ нея. Батавы, фризы и другія германскія и кельтскія племена образовали союзъ противъ римской имперіи, выдвинувъ опытнаго вождя, батава Цивилиса. Братъ его былъ казненъ въ Римѣ по доносу, да и Цивилиса судили уже за вмѣшательство въ батавскія дѣла. Въ Цивилисѣ соединялась горячность патріота съ изворотливостью ловкаго дипломата. Онъ сумѣлъ заручиться довѣріемъ римскаго правительства. Императоръ Вителій даже отправилъ его въ Батавію для набора войска. Вскорѣ начались смуты въ Римѣ. Веспасіанъ провозгласилъ себя императоромъ. Этимъ междуцарствіемъ и воспользовался Цивилисъ. Командуя римскимъ войскомъ, онъ сначала попытался подъ маскою усмирителя помочь соплеменникамъ, но это ему не удалось, и, сбросивъ личину, онъ созвалъ вліятельныхъ соотечественниковъ на жертвенный пиръ въ священной рощѣ, гдѣ «воодушевлялъ ихъ къ возстанію своими пламенными рѣчами». Онъ указывалъ на благопріятность момента для освобожденія среди римской безурядицы. Поднятый на щитѣ, т. е. избранный вождемъ возстанія, Цивилисъ по древнему обычаю поклялся на мечѣ—символѣ бога войны—не стричь волосъ и бороды, пока не одолѣетъ врага. Всѣ племена такъ дружно поднялись, что вскорѣ на всемъ протяженіи отъ устьевъ Рейна до альпійскихъ горъ уничтожены и сожжены были всѣ римскія укрѣпленія и прогнаны римскіе солдаты. Всѣ области, до самаго Эльзаса, быстро освободились отъ римскаго владычества, объявивъ себя членами союзной батавской республики. Ссоры вождей различныхъ племенъ испортили все дѣло, ослабивъ организацію общей обороны. Между тѣмъ изъ Рима прибылъ съ войскомъ энергичный полководецъ, сумѣвшій воспользоваться ошибками, разладомъ, и дѣйствовавшій одновременно мечомъ и подкупами. Кельтскія племена первыми отпали отъ союза. Цивилису, однако, удалось захватить римскій флотъ, проломивъ плотины напустить море на римскій лагерь. Римскіе солдаты вторглись въ Батавію, опустошали ее, при чемъ

имъ запрещено было касаться владѣній Цивилиса. Эта военная хитрость удалась, возбудивъ недовѣріе батавовъ къ Цивилису. Римскому войску плохо приходилось, оно было оторвано наводненіемъ отъ всѣхъ сообщеній. Но Цивилисъ чувствовалъ себя одинокимъ въ борьбѣ: уже кельтскія племена дѣйствовали заодно съ врагами, да и сами батавы роптали на Цивилиса; поэтому, отклонивъ предложеніе продолжать борьбу немногихъ союзниковъ, Цивилисъ началъ переговоры о мирѣ съ римскимъ полководцемъ Цереалисомъ. Противники вели переговоры, стоя на двухъ концахъ проломаннаго посерединѣ моста рѣки Исселя, на одномъ концѣ римскій полководецъ съ легіонерами, на другомъ Цивилисъ съ дружинниками. Батавская республика была уничтожена, и Цивилисъ былъ-бы прикованъ къ тріумфальной колесницѣ побѣдителя, если бъ не успѣлъ бѣжать.

Съ той поры громадное число батавовъ несло воинскую службу въ Римѣ, и батавы, какъ отдѣльное племя, потеряли всякое значеніе, слившись съ другими германскими племенами.

Фризы за своими непроходимыми болотами и дебрями удержали свою независимость, продолжая упорную борьбу съ римскою имперіею, и позже, какъ увидимъ, отстаивали свою независимость, послѣ того какъ разложившуюся, обнищавшую древнеримскую имперію уничтожили новые пришельцы общинники изъ самыхъ сильныхъ союзовъ германскихъ племенъ, прозывавшіеся «франки», т. е. «свободные воины». Они завладѣли и колоніями этого расшатаннаго колосса—римской Имперіи между Рейномъ, Марной и Сеной по Шельдѣ и Маасу.

Тутъ издавна селились предки бельгійцевъ,—кельтскія племена, которыхъ раздоры и слабый союзъ давно привели къ подчиненію римскому игу. Многія особенности кельтскихъ племенъ сложились подъ вліяніемъ могущественнаго, наслѣдственнаго сословія жрецовъ—друидовъ (отъ священнаго дерева «дру»—дубъ). Эта каста жрецовъ друидовъ была освобождена отъ всѣхъ повинностей. Они были верховными уголовными и гражданскими судьями, и въ ихъ рукахъ сосредоточивалось все духовное развитіе кельтовъ. Вліяніе ихъ было громадно, ничто не совершалось безъ ихъ рѣшенія, не только миръ и война, но даже битва не могла начаться безъ согласія друидовъ, хотя всѣ свободные

кельты (родовыхъ кельтскихъ общинъ) [1]) пользовались правомъ голоса въ военномъ совѣтѣ. Друиды сопровождали войско и своими предсказаніями, чарами магіи вліяли на толпу. Пользовались они физическими явленіями природы, чтобъ устрашать и поражать воображеніе. Они занимались химическими опытами, физикою, ботаникою, астрологіею и медициною, пользуясь всѣмъ для своихъ цѣлей, но не дозволяли записывать друидическія тайны юношамъ, посвященнымъ въ друидизмъ. Друиды вѣроятно боялись, что соплеменники провѣдаютъ объ ихъ фокусахъ.

Друиды признавали единобожіе, но для невѣжественной толпы остался въ силѣ культъ второстепенныхъ, свирѣпыхъ, языческихъ божествъ, и особенно угодными этимъ божествамъ считались заклапія и сожженія преступниковъ. Вѣщіе друиды предсказывали событія не только по птичьему полету, рокоту ручьевъ, мычанью стадъ, несущимся облакамъ, положенію созвѣздій, паденію листьевъ и т. д., но и по теченію крови и судорогамъ закалываемыхъ человѣческихъ и другихъ жертвъ. Въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ золотыми украшеніями друиды священнодѣйствовали въ волшебномъ кругѣ каменныхъ глыбъ—долменовъ. Тутъ, на каменныхъ жертвенникахъ, они закалывали плѣнниковъ и преступниковъ. Совершались иногда массовыя жертвоприношенія, а то по жребію назначался рабъ и даже свободный послужить жертвою свирѣпымъ кельтскимъ божествамъ. Передъ закланіемъ голову жертвы привязывали къ ближайшему отъ жертвенника дубу, и жрецъ орошалъ кровью жертвенникъ и священныя деревья. При массовыхъ жертвоприношеніяхъ изъ вѣтвей сплетались идолы, пустые внутри, наполнявшіеся жертвами, затѣмъ идоловъ зажигали при пѣніи священныхъ гимновъ и плескахъ. Иногда жертвъ распинали на крестахъ. Какъ вездѣ, человѣческія жертвоприношенія постепенно сокращались съ усиленіемъ спроса на рабскій трудъ, когда, вмѣсто закланій и сожженій, рабовъ стали употреблять на работы. Но прошло вѣроятно не мало времени, пока рогатый скотъ сдѣлался единственною кровавою жертвою у кельтскихъ и германскихъ

[1]) Къ кельтскимъ племенамъ Бельгіи Пиренъ причисляетъ (Histoire de la Belgique) слѣдующія племена: *морины* во Фландріи; *манапіи* и *нервіи* въ Брабантѣ и Геннегау, *эбироны* въ Лимбургѣ, *адуатекеры, кондрузы, эралы, треверы* и друг. въ Арденскихъ горахъ.

племенъ, хотя у послѣднихъ жрецы никогда не имѣли такого значенія, не будучи сплоченною кастой. Жертвенныя приношенія у многихъ древнихъ племенъ сопровождались пьянствомъ и превращались въ оргію. Друидическія процессіи появлялись въ поляхъ наряженныя демонами, въ длинныхъ одѣяніяхъ, и каждый годъ, 30 октября, друиды приказывали гасить всѣ огни въ очагахъ и являться къ нимъ 1 ноября для уплаты повинностей, иначе нельзя было получить священнаго огня, чтобъ снова зажечь свой очагъ съ наступающею зимою. Сосѣдъ не смѣлъ одолжить сосѣду своего огня подъ страхомъ отлученія, такъ какъ интердиктъ падалъ на всякаго, кто не слѣдовалъ повелѣніямъ друидовъ. Всѣ обязаны были бѣжать отъ такого отлученнаго—онъ считался богоотступникомъ и негодяемъ, хотя священное мѣсто—кругъ долменовъ—куда могли вступать одни друиды, защищало и укрывало преслѣдуемыхъ преступниковъ, но только совершившихъ другія, напр. противообщественныя, преступленія.

Жены друидовъ жили среди мірянъ недалеко отъ святилища. Имѣлись также женщины-друиды—пророчицы, по представленіямъ кельтовъ способныя принимать всевозможныя формы, т. е. обращаться въ животныхъ и т. д. Кельтскія женщины работали чрезвычайно много и были болѣе приниженны, чѣмъ германки. Во время попойки за кубокъ вина отдавалась подчасъ жена, дѣти и рабы. Право мужа у кельтовъ доходило до права убить жену и дѣтей, считавшихся его собственностью. Если же смерть мужа почему-либо могла показаться неестественной, то жену подвергали пыткѣ, до поклепа на себя, и лишали жизни. Зарываніе живыхъ женъ и рабовъ въ могилу умершаго кельта относится къ очень отдаленнымъ эпохамъ.

Друидическія таинства, попросту фокусы, которыми всякіе жрецы дурачили долго народы, уже освѣтила правда жизни и науки. Сами друиды своими химическими и физическими опытами доставили не мало цѣннаго матерьяла для научныхъ открытій и техническихъ усовершенствованій. Металлургическія свѣдѣнія и издѣлія кельтовъ очень давно цѣнились въ древнемъ Римѣ. Уже въ первый свой походъ Цезарь нашелъ у кельтовъ разныя изобрѣтенія, а также отличные мосты, ко-

тинныя работы. суда. сколоченныя гвоздями, а не выдолбленныя изъ дерева и окруженныя плетенками, какъ у германцевъ. Кельты отлично обрабатывали желѣзную и другую руду, въ то время. какъ германцы ея совершенно не знали. За 300 лѣтъ до нашей эры шла уже оживленная кельтская торговля желѣзными издѣльями и украшеніями. цѣнившимися тогда на вѣсъ золота. Уже тогда знаменита была выдѣлка суконъ кельтскаго племени моринovъ во Фландріи. Кельтскія изобрѣтенія: твердое и жидкое мыло, краски. полевые инструменты, даже ихъ жатвенная машина, отдѣлявшая колосъ отъ стебля, всюду цѣнились.

Несмотря на цѣпь римскихъ таможенъ, запрещавшихъ торговлю съ враждебными Риму племенами, галло-кельты не прерывали свою торговлю съ сѣверными странами. Внѣшность галло-кельтскихъ племенъ была очень щеголевата. Они одѣвались въ шаровары. куртки. плащи съ пряжками и другія украшенія. даже особенныя сандаліи носили въ грязь, называвшіяся gallicae (очевидно. положили начало нашимъ галошамъ). Благородные воины тутъ издавна занимались лишь пирами, охотой, войной, сдавъ работы рабамъ и женамъ. Римская культура и нравы здѣсь сильно прививались, такъ какъ римскія колоніи какъ сѣтью покрывались военными и торговыми путями, городами и селами. Но римская утонченная культура какъ-то совмѣщалась съ дикими обычаями, въ родѣ развѣшиванья въ кельтскихъ домахъ скальповъ съ вражьихъ череповъ, въ видѣ трофеевъ. Язычество не замѣнялось христіанствомъ на берегахъ Мааса и Шельды, хотя во второмъ вѣкѣ появились христіанскіе проповѣдники. Христіанство не распространялось и среди германскихъ племенъ у Сѣвернаго моря. Они теряли довѣріе къ языческимъ богамъ только при неудачахъ и переселеніяхъ. за то осѣдлое населеніе упорно держалось язычества. принимая легче аріанство.

Сигналомъ ко всеобщему освобожденію отъ римскаго гнета послужилъ наплывъ пришельцевъ франковъ, съ ихъ равноправностью. общиннымъ управленіемъ и народнымъ судомъ. Племена, истомленныя римскими поборами. протягивали имъ дружескую руку и вступали во франкскую лигу противъ Рима. Такъ и фризы присоединялись къ франкскому союзу, помогая крушенію римской Имперіи. внутренне обезсиленной обни-

щаніемъ низшихъ классовъ, разоряемыхъ и развращаемыхъ римскими патриціями. Тутъ мелкая земельная собственность исчезла, а громадныя помѣстья римскихъ патриціевъ заселились рабами, положеніе которыхъ было ужасно [1]). Римскіе поборы и насилія были таковы, что сами римляне спасались отъ нихъ, укрываясь среди варваровъ.

Сильная дружина союзныхъ германскихъ племенъ, отрывая отъ Рима его колоніи, распространяла свое первобытное равенство и всеобщую воинскую повинность для всѣхъ свободныхъ. Во франкской дружинѣ никто не могъ ни ударить, ни наказать дружинника, кромѣ жреца, дѣйствовавшаго по велѣнію бога войны Тира. Франкскіе короли (koning. koniung) имѣли значеніе временныхъ выборныхъ предводителей [2]).

Разселяясь, франки не лишали всей земли прежнихъ поселенцевъ, земель еще было достаточно, и франки довольствовались признаніемъ своего верховенства [3]). Они обрабатывали свои участки земли съ помощью сыновей, иногда рабовъ.

Усиленіе вождей совершенно разлагаетъ первобытные правопорядки. Вооруженнымъ дружинникамъ постоянно открывалась перспектива наживы, обогащенія захватами у враговъ скота, рабовъ, желѣза, что давало возможность ссужать ими нуждающихся. Земель было достаточно, но не у всякаго имѣлся скотъ и желѣзо для плуга. Они легко утрачивались ужасными наводненіями, пожарами или моромъ на скотъ. И вотъ какой-нибудь ловкій вождь, нахватавшій много скота, желѣза и т. д., предлагалъ

---

[1]) Рабовъ держали въ особыхъ тюрьмахъ вѣчно на цѣпи, выводя только на работы, колотя палками, чтобъ закалить терпѣніе. Работали они безъ передышки съ утра до вечера, а заболѣвшихъ и престарѣлыхъ бросали на островъ умирать съ голода. За разбитый кубокъ раба не рѣдко убивали, кидая мясо на кормъ любимымъ римскимъ рыбамъ—моренамъ. Эпидеміи помогали обезлюденью и крушенію Рима. Одной чумы было 20 эпидемій въ теченіе 173 лѣтъ (съ 237 по 460 г.), каждая длилась иногда по 3 и 13 лѣтъ. Особенно при Неронѣ. При Веспасіанѣ въ одинъ день въ Римѣ умерло 10.000 человѣкъ. Не стало рукъ для работъ, и царилъ голодъ.

[2]) Въ древности, когда одинъ король нечаянно убилъ дружинника, онъ тотчасъ собралъ вѣче и, стоя на колѣняхъ, умолялъ о прощеніи. Его заставили уплатить штрафъ, въ девять разъ больше обыкновеннаго, въ пользу родственниковъ убитаго и въ пользу дружины.

[3]) Въ областяхъ Нидерландъ и Бельгіи разселились такъ называемые Салическіе франки, жившіе въ большихъ мужскихъ избахъ—залахъ (Sale, Salische Franken); женскія помѣщенія были въ пристройкахъ.

ихъ нуждающимся земледѣльцамъ въ долгъ и превращалъ въ неоплатныхъ должниковъ. Такимъ образомъ богатый домъ окружался не только хижинами рабовъ, но и зависимыхъ свободныхъ людей. Имущественное неравенство уничтожаетъ первоначальное значеніе вѣча, и только въ дружинѣ долѣе сохраняется тѣнь первобытнаго равенства варваровъ. Характеренъ разсказъ о дѣлежѣ военной добычи при франкскомъ выборномъ королѣ Хлодовикѣ. Дѣлежъ добычи совершался по жребію. Случилось, что золотая церковная чаша выпала на долю дружинника. но Хлодовикъ позарился на нее. тогда дружинникъ мечомъ разбилъ ее въ дребезги, чтобъ она никому не доставалась. Хлодовикъ ничего не могъ сказать, такъ какъ онъ прежде всего старался привязать къ себѣ дружинниковъ остатками былой равноправности. Хлодовикъ, поднятый на щитѣ. избранный франкскій король превращается въ перваго наслѣдственнаго короля (451—511 г.), и династія королей, въ отличіе отъ соплеменниковъ, носитъ длинные волосы. до которыхъ не могли коснуться ножницы. Короли раздавали земли (въ ленъ) своимъ приближеннымъ, подражая императорамъ древне-римской имперіи, тоже раздавшимъ своимъ ветеранамъ земли отъ Рейна до Дуная. подъ условіемъ выступать на защиту имперіи. а приближенные франкскихъ королей. сдѣлавшись правителями отданныхъ имъ областей, звались по-римски comte, т. е. графами и герцогами («comte» и «duc»).

Разбогатѣвшіе земледѣльцы, какъ франки, такъ и кельты, дѣлались мѣстными начальниками не по выбору. какъ прежде. а по назначенію отъ графа (въ другихъ областяхъ отъ герцога). Судъ хотя и былъ въ вѣдѣніи графовъ, герцоговъ, взимавшихъ штрафы въ свою пользу или въ пользу короля, но тогда они не смогли еще уничтожить старыхъ народныхъ обычаевъ, т. е. общины вводили своихъ судей. дѣйствовавшихъ въ присутствіи схода, и графскаго судьи, какъ посредники.

Въ дебряхъ и болотахъ Фландріи укрывались отъ разбоевъ и набѣговъ первыя христіанскія общины. появившіяся здѣсь лишь въ V вѣкѣ. Тутъ появляются монастыри, сдѣлавшіеся убѣжищами всѣхъ обездоленныхъ. Христіанскіе общинники дѣлили имущество на началахъ первоначальной христіанской общности. Они и монашеская братья осушали непроходимыя

болота, воздѣлывали земли, но эти общины скоро начали распадаться, такъ какъ избранныхъ народомъ и духовенствомъ епископовъ стали замѣнять епископы, присылаемые свирѣпыми Меровингами (династія франкскихъ королей до Карла Великаго). Эти пришлые епископы отбирали въ свою пользу земли, осушенныя и воздѣланныя съ такимъ трудомъ монахами и христіанскими общинниками. Не будучи настоящими призванными пастырями, епископы грубо хозяйничали и довели населеніе до полнаго одичанія; дѣло доходило до дикой расправы, до убійствъ меровингскихъ епископовъ и возстановленія язычества, которое не могло давать повода къ вмѣшательству епископовъ. При меровингскихъ королях пріостановилась почти вся торговля, и были заброшены старые римскіе торговые пути. Одичаніе все усиливалось. У Сѣвернаго моря и даже на югѣ, въ Брабантѣ, Лимбургѣ, Геннегау и Люттихѣ, въ VII вѣкѣ по Р. Х., существовало состояніе полнаго язычества. Даже франки въ VI вѣкѣ, считавшіеся христіанами, приносили нерѣдко жертвы Тору и Тиру. На сѣверо-востокѣ фризы вели отчаянную борьбу съ франками и дольше другихъ сопротивлялись ихъ королямъ. Вѣдь въ древнихъ законахъ фризовъ было начертано: «фризы останутся свободными—пока вѣтеръ будетъ дуть изъ тучъ и земля стоять». За ними даже установилось прозваніе: «свободные фризы». Они жили зажиточно, объ этомъ свидѣтельствуетъ богатѣйшая добыча, которую увозили отъ нихъ франки во время набѣговъ. Фризы уже въ III вѣкѣ усиѣшно торговали, но были особенно богаты при своемъ выборномъ королѣ Радбодѣ. Они до VIII вѣка сами выбирали своихъ королей.

Однажды франки сдѣлали такой удачный набѣгъ на фризовъ, что Радбодъ согласился принять католическое крещеніе: «чтобъ служить побѣдившему его оружіе христіанскому Богу». Вступая въ католическую купель, Радбодъ вдругъ спросилъ епископа о мѣстонахожденіи душъ своихъ доблестныхъ предковъ; узнавъ, что они какъ язычники должны находиться въ геенѣ огненной, Радбодъ отказался креститься, заявивъ, что «ему слѣдуетъ быть тамъ, гдѣ пребываетъ наибольшее число благородныхъ фризовъ равныхъ ему, а не слѣдовать за небольшою группою попавшихъ въ рай». Радбодъ считался большимъ хитрецомъ и сумѣлъ уйти даже изъ плѣна норманскихъ

викинговъ, опустошавшихъ побережья Фрисляндіи. Отъ ихъ набѣговъ фризамъ приходилось не разъ откупаться дорогою цѣною, но денегъ у нихъ было много, благодаря торговлѣ съ Англіею, Римомъ, съ прибалтійскими странами, даже съ Кіевомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя фризскія монеты тѣхъ временъ, найденныя въ раскопкахъ этихъ странъ. Жизнью кипѣли фризскія гавани гг. Ставорума, Меденблика и Вика, а центрами шерстянаго производства были страны фризовъ и фламандцевъ. Даже Карлъ Великій, въ числѣ своихъ подарковъ Гарунъ Аль Рашиду, на первомъ планѣ поставилъ фризскій плащъ изъ одного куска ткани [1]).

Этому франкскому императору пришлось вести долгую упорную борьбу съ фризами, и всякій разъ по удаленіи его войскъ фризы-язычники изгоняли присылаемыхъ Карломъ епископовъ и обращали въ пепелъ католическіе храмы. Между тѣмъ, различіе религій всего болѣе мѣшало сліянію всѣхъ племенъ франкской монархіи, поэтому Карлъ Великій вводилъ суровыя мѣры для несогласившихся принимать крещеніе. Ихъ приговаривали къ смертной казни. Наконецъ, Карлу удалось, при содѣйствіи одного сосѣдняго славянскаго племени, такъ разгромить фризовъ, что онъ смогъ увести съ собою большинство способныхъ къ военной службѣ и отдалъ много фризскихъ земель духовенству. Тогда множество фризовъ, не согласившихся принять крещеніе, бѣжало въ Данію, и подъ сборнымъ прозвищемъ «норманновъ» они производили опустошительнѣйшіе набѣги на владѣнія Карла. Этимъ объясняются и невѣроятнѣйшія жестокости, совершавшіяся «этими норманами» надъ духовенствомъ. Карлъ сооружалъ укрѣпленія отъ норманновъ, епископы и монастыри окружались крѣпкими стѣнами, а за отпаденіе въ язычество назначались громадные штрафы [2]). Карлъ Великій

---

[1]) Въ верхней одеждѣ шерстяныя матеріи вытѣсняютъ полотняныя. Исчезаютъ и знаменитые красные полотняные шаровары франковъ. За то богатые и благородные начинаютъ употреблять столовое и постельное бѣлье изъ полотна. У большинства народовъ женщины занимались на дому льняныхъ производствомъ тканей, болѣе легкимъ, чѣмъ шерстяное.

[2]) Штрафъ со знатнаго былъ въ 60 солидовъ, съ простого свободнаго 30 солидовъ, а съ полу-свободнаго 15 солидовъ. Солидъ—древняя римская золотая монета, которая была единицею цѣнности, вытѣснившая древнѣйшую германскую единицу цѣнности—хорошую корову, почти равноцѣнную ей. При

назывался «премудрымъ законодателемъ»: онъ дѣйствительно мудро прекращалъ борьбу тамъ, гдѣ провидѣлъ ея безплодность: такъ и фризамъ оставилъ дѣйствіе ихъ старыхъ народныхъ законовъ. Законники, которыми былъ окруженъ Карлъ Великій, не могли уничтожить посредниковъ, на судѣ дѣйствительно и вершившихъ дѣла. Официальнымъ судьямъ приходилось лишь подтверждать это цѣнное право народнаго суда. И сходъ удержалъ свое верховное право по всѣмъ вопросамъ общиннаго владѣнія. Что касается возмущеній фризовъ, то нѣкоторые писатели утверждали, что только благодаря распространенію христіанства возможно было смирить фризовъ, включенныхъ впослѣдствіи въ почетный союзъ съ Имперіею Карла Великаго. Они уплачивали лишь небольшую церковную дань, а епископы прилагали всѣ усилія для распространенія католичества и духа покорности среди фризскихъ племенъ.

Чрезвычайно трудно было измѣнить народное языческое судопроизводство, основанное на вѣковыхъ обычаяхъ. Католичество стремилось уничтожить языческія «соглашенія» преступниковъ съ пострадавшими, но попытки окончились неудачею при Карлѣ, такъ что онъ сталъ требовать только скорѣйшаго установленія «соглашеній» и уплаты виры. Колѣнопреклоненія и другіе знаки униженія преступниковъ передъ пострадавшими введены были католическимъ законодательствомъ и совершенно были чужды законамъ фризской и германской общины. Въ ней не было государственнаго и сеньеріальнаго, а только корпоративный судъ и крестьянскій судъ, ему подсудны равно всѣ, и этимъ онъ отличается отъ сеньеріальнаго суда, существовавшаго исключительно для несвободныхъ и зависимыхъ.

По древнему фризскому закону считалось преступнымъ всякое вторженіе въ домъ частнаго лица. Вторженіе противъ желанія живущихъ въ домѣ давало право на немедленную личную расправу. Вторгающагося такъ же какъ грабителя и убійцу.

Карлъ Великомъ совершился переходъ счета на серебро—динарій. Цѣнность золотого римскаго солида часто мѣнялась. Въ 3 вѣкѣ до Р. Х. солидъ стоилъ около 4 фр. 9 сант. (около 1 рубля 43 коп.), а со временъ Цезаря цѣна поднялась до 20 фр. 40 сант. У фризовъ 1 солидъ распадался на 12 динаріевъ (у франковъ 1 фунтъ = 3 динаріямъ), одинъ солидъ т. е. одинъ шиллингъ равнялся 12 динарамъ или феннингамъ. 1 марка = 4 шиллингамъ, а въ одной большой маркѣ было 12 шиллинговъ.

вѣшали и закалывали на мѣстѣ. Этотъ самосудъ и личную расправу стремился уничтожить Карлъ, для того, чтобъ судъ и кара подлежали всецѣло веденію только графскаго, герцогскаго, т. е. его императорскаго суда. Прежде рѣдкая смертная казнь, примѣнявшаяся лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда не было никакой возможности установить примиренія сторонъ, дѣлается обыденнымъ явленіемъ въ монархіи Карла Великаго, и мечъ палача постоянно дѣйствуетъ. Съ того времени заводятся и выраженія: «платить шеей», «платить кожей». Смертную казнь [1]) Карлъ иногда замѣнялъ ссылками и крѣпостничествомъ, т. е. преступники отсылались на работы въ громадныя личныя имѣнія Карла, гдѣ велось хорошее вотчинное хозяйство. Карлъ тщательно велъ его, подсчитывая даже молочные расходы и доходы, а ссыльныхъ записывали: «мертвые». Карлъ стремился ввести судебныя реформы и сократить число судебныхъ засѣданій, тяготившихъ населеніе созывами «черезъ каждыя 14 ночей на 15 день». Участіе въ судоговореніи, прежде бывшее «почетнымъ правомъ» всѣхъ свободныхъ, превратилось въ тяжелое бремя, отрывавшее отъ хозяйства. Карлъ ограничилъ число засѣданій тремя въ годъ, на остальныя вызывался лишь свидѣтель преступленія. Окончательно упразднить общинный судъ удалось лишь потомкамъ Карла.

Дѣленіе областей франкской монархіи на графства и герцогства совпадало отчасти со старыми племенными областями. Всѣ свободные, какъ мелкіе, такъ и крупные землевладѣльцы обязаны были строить замки для своего графа, сооружать въ нихъ церкви, мосты, плотины, поддерживать пути сообщенія, но главное, во время войны, по первому призыву короля, лично являться для отбыванія военной службы, во время войны. Внѣ этого временнаго сбора вокругъ королей, ихъ окружала постоянная свита, какъ въ былыя времена «храбрѣйшіе» окружали «морскихъ королей» викинговъ. Только свита франкскихъ королей составлялась не изъ представителей старыхъ отличившихся заслугами родовъ, а изъ личностей, почему либо заслужившихъ расположеніе. Между ними находи-

[1]) Въ Фрисляндіи, въ округѣ Гронингена (въ Оммеландахъ) смертная казнь отмѣнялась, если какая нибудь дѣвушка, даже публичная женщина, объявляла о согласіи вступить въ бракъ съ осужденнымъ.

лись даже рабы. сумѣвшіе достигнуть высокихъ должностей. Напр. графы фландрскіе были просто лѣсничими въ одной изъ вотчинъ Карла. Наслѣдники Карла, его сыновья и внуки. подѣливъ Имперію на королевства, вынуждены были отчуждать въ пользу могущественныхъ частныхъ лицъ право суда. благодаря чему герцоги, епископы, бароны. графы пріобрѣтали полную независимость дѣйствій, а съ нею начинаются ихъ мелкія войны, междоусобія и организованное хищничество. Раздавались вѣчныя жалобы на то, что правители вовсе не помощники королей, а скорѣе нарушители законовъ. и не столько правоучители, какъ грабители. Напримѣръ, вопреки закону. по враждѣ графъ вызывалъ кого-нибудь въ судъ въ отдаленнѣйшую мѣстность—человѣка вовсе не причастнаго дѣлу—и грозилъ въ случаѣ неявки разоряющими штрафами.

Съ усиленіемъ роста населенія доли общинныхъ земель марки все болѣе дробились, но не столько малоземелье ослабляло земледѣльцевъ, какъ полная необезпеченность хозяйства и имущества отъ усиливающихся набѣговъ и разбоевъ. особенно когда приходилось далеко уходить для отбыванія воинской повинности королю, во время безпрестанныхъ войнъ. Это заставляло мелкихъ свободныхъ земледѣльцевъ искать защиты. отдаваться «подъ защиту» (vassa), съ землею, какому-нибудь крупному феодалу-сосѣду. Превращаясь въ зависимыхъ. «подзащитныхъ» вассаловъ, они избавлялись отъ королевской военной службы, такъ какъ только свободные должны были отбывать ее, и они присягали новымъ господамъ, съ возложеніемъ рукъ на евангеліе. «пребывать въ послушаніи во всемъ». Такъ исчезаетъ въ нѣкоторыхъ областяхъ мелкая земельная собственность. напр. Брабантъ покрывается громадными феодальными вотчинами. Являлись люди и безъ земли, отдаваясь на службу и подъ защиту крупныхъ сеньоровъ, вотчины которыхъ переполнялись подзащитными изъ свободныхъ и крѣпостными изъ прежнихъ рабовъ. Вѣчныя драки и битвы между феодалами и ихъ людьми, господство безправія, «кулачнаго права» прекращаютъ почти торговлю. старые торговые пути исчезаютъ, такъ какъ исчезла священность «мира» древняго рыночнаго мѣста и круговой поруки союзныхъ народныхъ общинъ. Епископы, аббаты, графы и т. д. выставляли на

границахъ знаки мира въ видѣ изображеній руки на шестъ. коршуна, креста (Weichbild), но мѣстное умиротвореніе мало вносило общаго порядка.

У крупныхъ феодаловъ дома превращались въ настоящія крѣпости. Башня со строеніями окружалась двойными стѣнами или частоколомъ, глубокимъ рвомъ съ водою, съ подъемнымъ мостомъ на цѣпяхъ. За первою стѣною находился дворъ съ избами крѣпостныхъ, слугъ и ремесленниковъ (хотя послѣднихъ было немного) [1]), изготовлявшихъ вещи для домашняго обихода феодала. На башнѣ сторожъ обозрѣвалъ окрестность, въ ожиданіи нападеній. а въ подземельи башни находилась тюрьма. Чтобъ попасть въ дверь башни, продѣланную на сажень высоты отъ земли, приходилось взбираться по подставной лѣстницѣ. Надъ тюрьмою помѣщались кладовая, а выше ея—жилыя комнаты.

Въ ихъ узкія окна, какъ щели бойницъ, проникало мало свѣта. Мрачно было въ башняхъ феодаловъ, но еще темнѣе въ ихъ головахъ. Они были совершенно невѣжественными, одичалыми. Рѣдкіе изъ нихъ умѣли писать. Грамотность была по части духовенства, священники писали за сеньоровъ, такъ какъ въ каждомъ замкѣ имѣлась часовня, а въ самыхъ крупныхъ церковь.

Крѣпостные, въ отличіе отъ свободныхъ, должны были коротко стричь волосы. не могли носить плаща. Они отбывали барщину, доставляли домашнюю птицу, яица, лѣсныя ягоды и т. д., другіе уплачивали только оброкъ. Онъ уплачивался не только поставкою муки, браги, хлѣба, барановъ, кабановъ. но и деньгами. Умирая, они могли передать своему потомку лишь половину имущества, женясь —тоже теряли половину движимости, а холостые имѣли наслѣдникомъ только своего помѣщика.

Къ крѣпостнымъ еще не относились съ такимъ презрѣніемъ. какъ въ послѣдующіе вѣка. Ихъ допускали даже за общій столъ со свободными—лишь солонка раздѣляла ихъ.

---

[1]) «Aemter und Zünfte» Prof. Kéutgen (1903 г.) отрицаетъ «многочисленность» придворныхъ ремесленниковъ въ вотчинахъ даже Карла Великаго, а поэтому и возможность организаціи изъ нихъ корпорацій, допуская самостоятельное ихъ развитіе.

Характерно приводитъ Ширенъ, что крѣпостные радовались урожаю желудей на дубахъ для зимняго прокорма помѣщичьихъ свиней, иначе господа распредѣляли на зиму своихъ свиней по убогимъ лачугамъ крѣпостныхъ для прокорма остатками ихъ убогой пищи, и имъ приходилось проводить зиму въ сообществѣ нечистоплотныхъ животныхъ. Крѣпостные не могли касаться господской пищи: дичи, рыбы. Ихъ главную пищу составляла ржаная каша. Работы у нихъ было очень много. Въ Бельгіи въ число различныхъ обязанностей входили нѣкоторыя чрезвычайно курьезныя, какъ, напримѣръ, колоченье дрекольями или палками по болоту, чтобъ унять кваканье лягушекъ, мѣшавшихъ господамъ покойно почивать. Въ половинѣ X вѣка аббатъ Ставелотъ объявилъ, что изъ шести дней въ недѣлю только одинъ день долженъ быть оставленъ крѣпостнымъ для ихъ сельскохозяйственныхъ работъ на собственныхъ надѣлахъ.

Обыкновенно сравниваютъ строй феодальнаго средневѣковаго общества съ правильною лѣстницею, на вершинѣ которой короли-сюзерены, подъ ними ленные сеньоры-вассалы, въ свою очередь поднимающіеся надъ своими вассалами—подзащитными. Нижнія ступени заняты крѣпостными. Этому строю соотвѣтствовалъ средневѣковый феодальный судъ, различно каравшій за одни и тѣ же преступленія: смотря по положенію потерпѣвшаго на феодальной общественной лѣстницѣ, соотвѣтствовали и налагаемыя наказанія и штрафы—вира. Напримѣръ, преступленія противъ короля не имѣли достаточно высокой виры, а преступленія противъ раба ни во что не цѣнились. Создавались прежде рѣдкія наказанія и небывалыя преступленія. За подѣлку фальшивой монеты отрубали обѣ руки при ссылкѣ, а иногда кипятили, какъ и еретиковъ. За колдовство и троекратное воровство въ церкви сжигали на кострѣ, а за неуважительный отзывъ о королѣ не только рубили головы, вѣшали, но и четвертовали, т. е. разрывали на четыре части, привязавъ къ четыремъ конямъ, разогнанными въ разныя стороны. Женщинъ, вмѣсто повѣшенія, душили, зарывали живыми въ землю и сжигали. Дѣйствовали еще средневѣковыя ордаліи (суды божьи) съ испытаніями желѣзомъ и кипяткомъ. Заставляли хватать раскаленное желѣзо, опускать руку въ кипя-

токъ и дня черезъ два осматривали руку. Если она не была повреждена. это служило указаніемъ божества на невинность. Для благородныхъ испытанія состояли въ поединкахъ, и побѣдитель считался оправданнымъ. Введены были испытанія Св. Дарами, и только послѣ 300-лѣтней практики ордаліи были исключены изъ католическаго суда. Правильность феодальной лѣстницы стала нарушаться, когда все усиливающіеся феодалы, графы фландрскіе, голландскіе, геннегаускіе, герцоги брабантскіе, гельдерискіе и другіе начали открыто выступать противъ своихъ сюзереновъ, французскихъ и нѣмецкихъ королей, а подъ знамена этихъ феодаловъ становились болѣе мелкіе землевладѣльцы. Большое значеніе пріобрѣтаютъ отряды всадниковъ—Ritters или рыцарей. Они дѣлаются главною силою феодальнаго міра, и эти рыцари все болѣе заковываются въ желѣзо. За нѣсколько столѣтій до крестовыхъ походовъ у нихъ была лишь броня изъ колецъ, позже присоединяется такой же капюшонъ, и спускается со шлема узкая полоса — наносникъ, позже уже вводятся латы, и лицо сплошь покрывается забраломъ. Также и конь покрытъ бронею. Тяжело вооружены были рыцари, и легко вооружены завпсимые. Хотя это измѣнялось, когда приходилось пополнять войска. Какъ сословіе, рыцарство вырождается въ XIII вѣкѣ, дѣлается переутонченнымъ, и домашняя одежда рыцарей женоподобна. браслеты. кольца, цѣпочки все больше входятъ въ обиходъ [1]). Въ IX, X, XI в. въ разгарѣ «кулачнаго права» рыцарство представляло собою мощное, хищническое сословіе. Не мало рыцарей находилось на службѣ у могущественнаго фландрскаго графа. подраздѣлившаго Фландрію на области. Въ каждой области графъ имѣлъ по крѣпкому замку съ помѣщеніемъ для себя, своихъ рыцарей, клира и бургграфа. (Бургграфъ былъ воинскимъ начальникомъ, инспекторомъ, судьею).

Фландрскій графъ переѣзжалъ со своею свитою изъ одного своего замка въ другой, собирая подать натурою, управляя

[1]) Въ рыцарскихъ замкахъ изданы были позже правила поведенія, о томъ, какъ держать себя за столомъ во время парадныхъ пиршествъ. Напримѣръ, о томъ, что не слѣдуетъ набивать рта обѣими руками разомъ, а только одною рукою (употребленія вилокъ тогда не знали), не перехватывать кусковъ съ тарелокъ сосѣдей, не сморкать носа въ скатерть, не лѣзть пальцами въ горчицу, а обглоданныя кости не бросать обратно на блюда, и т. д.

своими владѣніями и творя судъ. Повинности состояли преимущественно изъ домашнихъ животныхъ, сыра, овечьей шерсти, зерна и т. д. Большею частью все это приплавлялось на лодкахъ къ замку. Подать иногда собиралась и въ неуказное время, если графъ почему либо нуждался въ увеличенномъ сборѣ, напримѣръ, во время войны.

Среди постоянныхъ феодальныхъ междоусобій ничья жизнь ни имущество не могли быть хоть сколько нибудь обезпечены. Одинъ современникъ говоритъ слѣдующее о положеніи крестьянъ того времени: «ихъ изводили грабежами, поджогами, заковывали на цѣпь въ тюрьмахъ замковъ, пытками и голодомъ вынуждали откупаться изъ тюрьмы. Всюду раздается стонъ несчастныхъ крестьянъ, вѣчно льется ихъ кровь, а вдовы и сироты ихъ живутъ въ нищетѣ и слезахъ». Старые города опустѣли, такъ какъ невозможно было городу существовать среди постоянныхъ набѣговъ, грабежей, воинственныхъ кликовъ, звона оружія и уводимаго въ плѣнъ населенія. Жизнь новыхъ городовъ, сложившаяся здѣсь очень рано, создалась на иныхъ началахъ, обезпечивавшихъ имъ надежную оборону въ борьбѣ съ личностями въ родѣ графовъ Рейнье геннегаускаго или Бруно лотарингскаго, разъѣзжавшихъ со своею свитой, грабя и убивая и обращая аббатства въ увеселительныя мѣста для своихъ кутежей, или женщинъ, какъ графиня Ремильда фландрская, съ натурою гіены и Мессалины, кровожадныхъ грабительницъ, разорявшихъ подвластныя имъ провинціи. Тѣ моменты считались счастливыми, когда лучшіе люди, въ родѣ графа Балдуина фландрскаго (Желѣзная рука) или графа Флориса V голландскаго, прозывавшагося «богомъ простолюдиновъ» (der Kerlen Gott), энергически творили судъ надъ остальными разбойничавшими феодалами. Балдуинъ фландрскій даже самолично появлялся со своимъ топоромъ для расправы съ хищниками и однажды приказалъ повѣсить 12 рыцарей за постоянное ограбленіе купцовъ на дорогахъ, въ другой разъ онъ бросилъ рыцаря въ кипятокъ за безчисленные грабежи и насилія, по жалобѣ вдовы. Какъ-то разъ онъ послалъ приказъ одному рыцарю явиться къ нему на судъ, но рыцарь закололъ посланнаго и не явился. Тогда графъ Балдуинъ Желѣзная рука самъ пріѣхалъ въ замокъ рыцаря и приказалъ привязать его къ хвосту

лошади и доставить къ себѣ. Характерны и феодальныя права: если ось колеса ломалась въ пути, или если телѣга накренившись касалась земли, то весь товаръ считался собственностью землевладѣльца. То же относительно судовъ, прибитыхъ бурею къ берегамъ чужихъ владѣній. По дорогамъ рыскали компаніи рыцарей-грабителей (Raubrittern), служившихъ въ отрядахъ феодаловъ, но за неимѣніемъ дѣла притаивавшихся въ лѣсахъ, выслѣживая добычу, путниковъ, особенно купцовъ съ товарами. Такъ что вошло въ обычай передъ путешествіемъ совершать духовныя завѣщанія, и люди прощались торжественно, словно передъ смертью. Рыцари-грабители иногда подъѣзжали къ какому-нибудь замку и, сказавъ привратнику, что они друзья хозяина, вступали въ замокъ, овладѣвали хозяиномъ, вталкивали его въ тюрьму его-же замка и, ограбивъ, уѣзжали.

Изъ за клочка земли во всей западной Европѣ бились и рубились, и совершались всевозможныя живодерства. Во время войнъ упоминается, напримѣръ, о вырѣзываніи неродившихся дѣтей, при чемъ искалѣченныхъ матерей рыцари бросали полуживыми на дорогахъ [1]).

Грозны были для населенія латные всадники, но для нихъ самихъ битвы превращаются въ развлеченіе и въ очень выгодное предпріятіе. Такъ въ 1119 г. очевидецъ описываетъ одну битву, въ которой изъ тысячи рыцарей было убито всего трое. Закованные съ ногъ до головы противники всегда щадили другъ друга, стараясь не убивать, а брать въ плѣнъ, такъ какъ за знатныхъ плѣнниковъ брался громадный выкупъ. Всѣхъ прельщало это при вѣчномъ безденежьи, особенно же небогатыхъ рыцарей, которымъ приходилось самимъ обрабатывать свою землю. — Во время полевыхъ работъ феодаламъ и королямъ приходилось распускать войско, когда рыцарямъ и вассаламъ надо было возвращаться къ землѣ. Въ XI в. прибавилось много военнаго сословія, тогда множеству народа пришлось оставить мирныя занятія и взяться за мечъ, сдѣлавъ его орудіемъ своего единственнаго ремесла. Это случилось вслѣдъ за ужасающими морскими и рѣчными наводненіями, превратив-

[1]) Случаи, приводимые Готье въ его «Chevalerie» и другими, относятся къ крестовымъ походамъ.

ними земледѣльцевъ въ нищихъ. Одни изъ нихъ отправились на службу въ войска королей и крупныхъ феодаловъ, другіе ушли на морскіе разбои, присоединясь къ корсарамъ, третьи примкнули къ норманамъ во Франціи для завоеванія Англіи, иные просто разбойничали на большихъ дорогахъ. Типична хартія, предложенная для подписи королю Роберту, въ которой онъ вынужденъ былъ подписаться: «Я не буду грабить ни быковъ, ни другихъ животныхъ, ни захватывать торговцевъ, ни отнимать у нихъ деньги, ни выкупа. Отъ богородицина дня до дней всѣхъ святителей не буду захватывать на лугахъ ни жеребцовъ, ни кобылъ, ни жеребятъ. Не буду жечь мельницъ и похищать муку, не буду покровительствовать ворамъ» и т. д. Какіе-нибудь мелкіе феодалы, бароны, маркизы разыгрывали роль настоящихъ маленькихъ корольковъ и въ своихъ владѣніяхъ ставили висѣлицы и творили судъ. Что касается самыхъ крупныхъ изъ нихъ, какъ графы и герцоги, они, все округляя свои владѣнія захватами, покупками и другими способами, такъ въ этомъ преуспѣвали, что считались равными королямъ и не разъ побѣждали ихъ въ открытомъ полѣ. Это вынуждало королей создавать оплотъ противъ свѣтскихъ феодаловъ, одаривая большими землями своихъ союзниковъ, духовныхъ феодаловъ, епископовъ. Такимъ образомъ люттихскіе, камбрійскіе, утрехтскіе и другіе епископы завладѣли громадными царственными территоріями. Особенно же расширились ихъ владѣнія съ началомъ крестовыхъ походовъ, когда рыцари начали закладывать свои земли и замки, нуждаясь въ наличныхъ средствахъ во время сборовъ въ дальній путь на востокъ. Въ епископскихъ владѣніяхъ тоже высились крѣпкіе замки, громадное число вооруженной стражи, вассаловъ, слугъ и крѣпостныхъ. Епископы были чрезвычайно воинственны. Тогда говорилось: «епископъ можетъ быть доблестнымъ воиномъ на конѣ, какъ и отличнымъ пастыремъ для души».

Между тѣмъ усиленіе епископовъ вовсе не входило въ расчетъ свѣтскихъ феодаловъ, особенно же ихъ союзничество съ королями. Недовольство свѣтскихъ феодаловъ вызывалось также бѣгствомъ ихъ крѣпостныхъ въ дарованныя епископамъ королевскія пустоши, гдѣ крѣпостнымъ обѣщалось, что владыкою надъ ними будетъ единый Господь Богъ. Но такъ какъ епи-

скопы, посвященные римскимъ папою, пользовались и привилегіями римскаго крѣпостного права, т. е. полнѣйшею неограниченностью дѣйствій относительно крѣпостныхъ, это и давало поводъ далеко не всегда оправдывать умилительнѣйшія обѣщанія бѣглецамъ изъ чужихъ вотчинъ, спасавшимся отъ невыносимой тиранніи свѣтскихъ феодаловъ. Послѣдніе вводили очень суровыя кары при обиліи тюремъ по всѣмъ деревнямъ. Такъ напримѣръ, случалось, что за срубленное дерево обезглавливали, а выкопавшаго пограничный камень повелѣвалось: «закопать по поясъ въ землю и проѣхать плугомъ по его сердцу». Изъ-за пойманнаго зайца крестьянину грозила то висѣлица, то выкалывались глаза, между тѣмъ какъ охота феодала безпрепятственно топтала крестьянскія засѣянныя поля. Общинные лѣса марки были отобраны феодалами для охоты. Протесты крестьянъ, настаивавшихъ на вѣковыхъ своихъ правахъ на эти лѣса, оставались голосомъ въ пустынѣ. Крестьяне вѣдь не могли привести письменныхъ документовъ. Таковыхъ въ старину не требовалось. Крѣпостные, во многихъ странахъ Европы, были лишены всѣхъ человѣческихъ правъ. Напримѣръ, права завѣщать что-либо дѣтямъ—все принадлежало сеньору (main morte, jus primae noctis) [1]. Лишенные рѣшительно всего, приниженные ниже животныхъ, покрытые нищенскими лохмотьями, въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ со скотомъ они и считались существами «другой породы» «вонючими, презрѣнными, способными только на грязные, низкіе поступки, обманъ, хитрость».

За то совсѣмъ иною жизнью жили на Сѣверѣ, въ устьяхъ Шельды и Мааса, на фландрскомъ побережьи и въ Фрисляндіи, гдѣ жилъ сильный, свободный народъ независимыхъ крестьянъ. Во Фландріи они назывались «vrije»—свободные. Иною была жизнь и въ новыхъ городахъ, а также среди фризовъ, которые за своими болотами уже въ X вѣкѣ уничтожили рабство. Фризы никогда не дѣлались «подзащитными». Мелкіе собственники и общинники, они цѣпко держались за свою землю и волю.

Когда не хватало земель, они шли заселять болота сѣверной Германіи, гдѣ остались слѣды ихъ культурной дѣятель-

[1]) «Jus primae noctis» вовсе не былъ юридическимъ правомъ, а лишь обычаемъ, основаннымъ на насиліи одичавшаго общества.

ности. въ нидерландскихъ названіяхъ германскихъ деревень. напр., Алькмаръ и друг. Между тѣмъ. во всей средневѣковой Европѣ. тогда свирѣпствовали жесточайшіе феодальные порядки и крѣпостничество [1]). Становится понятнымъ. почему на сѣверѣ Фландріи свободные крестьяне (vrije) такъ дорожили своими «національными» графами. какъ графъ Балдуинъ Желѣзная рука. Эти графы были защитниками народа отъ произвола остальныхъ феодаловъ, мелкихъ и крупныхъ. Свою военную силу графы употребляли не противъ. а въ защиту фламандскаго населенія, и въ сооруженныхъ ими укрѣпленіяхъ всѣ находили пріютъ, особенно во время набѣговъ корсаровъ—норманскихъ викинговъ, наводившихъ такой ужасъ. что населеніе, завидя норманскія ладьи. бросало все, укрываясь за графскими укрѣпленіями.

Наикою графы пользовались для расширенія своихъ владѣній. и однажды фландрскій графъ захватилъ громадныя владѣнія своего соперника. епископа, въ страхѣ бѣжавшаго во Францію при первой вѣсти о приближеніи викинговъ. Всѣмъ издавна было извѣстно живодерство норманновъ, прозывавшееся «норманскимъ вырѣзываніемъ орла» въ спинахъ духовныхъ феодаловъ, подчеркивая этимъ ихъ приверженность королямъ. Вырѣзываніе орла заключалось въ томъ, что съ каждой стороны спинного хребта вырѣзывалась кожа. заворачивались ребра наружу, въ видѣ крыльевъ, и вытягивались легкія [2]). За защиту отъ норманновъ и покровительство торговлѣ фламандцы называли своихъ графовъ: охранителями земскаго мира—«Ruh ward».

---

[1]) Во Франціи окончательное освобожденіе отъ крѣпостничества и отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей совершилось лишь въ концѣ XVIII вѣка, во время большой французской революціи.

[2]) Какъ ни странно это, но норманы были двигателями торговаго оборота. Обогащаясь своими грабежами (а богатство всегда вело къ торговлѣ), норманы дѣятельно вели торговыя сдѣлки. Напримѣръ, въ IX вѣкѣ, по заключеніи съ ними одного изъ столь непрочныхъ договоровъ мира, они отправили послами въ Фрисляндію своихъ купцовъ съ товарами. Ладьи Канута (вождя норманновъ), причалывая къ берегамъ Англіи, слѣпили глаза блескомъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній. Корма однихъ судовъ украшалась золотыми медвѣдями, на другихъ носъ и корма изображали дельфиновъ изъ янтаря, драконовъ и другія скульптурныя изображенія изъ золота, звѣрей, даже человѣческихъ фигуръ.

Окруженный стѣнами и защищаемый графами, поселокъ Брюгге въ IX вѣкѣ (тогда еще находившійся у морского залива) представлялъ убѣжище для всѣхъ спасавшихся отъ норманновъ, какъ и для всѣхъ бѣглыхъ крѣпостныхъ. Бѣглые съ радостью пользовались гостепріимнымъ укрывательствомъ, гдѣ они, прожив годъ съ двумя днями, получали полныя права гражданства и земельный надѣлъ. Въ другомъ поселкѣ (Куртре) требовалось для этого только 10 дней пребыванія. Фландрскіе графы получали небольшую дань съ поселенцевъ съ воинскою повинностью.

Графы усиливались заключеніемъ браковъ съ принцессами королевской крови, съ приданымъ въ видѣ цѣлыхъ территорій. При поддержкѣ такого родства графы такъ подшлись, что въ XI вѣкѣ званіе графъ утрачиваетъ значеніе чина французскаго короля, превращаясь въ титулъ независимаго территоріальнаго владѣтеля.

Не особенно тяжела была подать, налагаемая съ поселенцевъ фландрскими графами. Среди нихъ были земледѣльцы, огородники, всевозможные ремесленники, работавшіе на городскую общину, а также на сосѣдей, крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Поселенцы, охраняя завѣты первобытнаго общиннаго строя, вводили его и въ городское устройство [1]). Тутъ деревенскій старшина превращается въ городского бургомистра, какъ только поселокъ преобразуется въ городъ, который затѣмъ откупаетъ у графа свою самостоятельность, съ правомъ общины на выборный судъ и совѣтъ. Населеніе сначала группируется въ цеховыя корпораціи, позже возникли купеческія гильдіи, такъ какъ ремесленники сами торговали своими издѣліями, не нуждаясь въ посредникахъ, и прежде всего они поставляли ихъ на свою городскую общину. Все больше появляется такихъ поселковъ, на перекресткахъ большихъ путей, на берегахъ судоходныхъ рѣкъ, подъ защитою стѣнъ замковъ и монастырей, куда стекались богомольцы покупатели. Ярмарки поощрялись феодалами, которые за право торговли на своей землѣ брали хорошую цѣну.

---

[1]) Мауреръ говоритъ въ своей «Geschichte der Stadtverfassung», что городскія общины были продолженіемъ деревенской общины варваровъ.

Долгое время купцы были странствующими. Они всюду были желанными гостями, какъ и всѣ странники. приносившіе вѣсти изъ дальнихъ странъ, замѣняя собою несуществовавшія тогда газеты. Феодалы имъ покровительствовали. Купцы вѣдь уплачивали имъ всевозможныя пошлины за проѣздъ черезъ ихъ владѣнія, мосты, переправы. Уже рыцари ощущали потребность въ роскоши, въ товарахъ изъ дальнихъ странъ, послѣ первыхъ походовъ въ Палестину, гдѣ они впервые увидѣли чудеса востока. Купца перестали допытывать: «Кто онъ? откуда родомъ?» Купецъ — вольный человѣкъ, хотя безъ шлема и безъ меча. Онъ плылъ Богъ вѣсть откуда на своей лодкѣ по рѣкѣ, и все больше появлялось такихъ вольныхъ людей среди запустѣнія феодализма. но передвиженіе составляло главнѣйшую изъ заботъ купцовъ. всюду на пути поджидали ихъ рыцари-грабители. такъ что купцы. предпринимая дальнія путешествія, соединялись въ караваны. Позже они образовывали осѣдлыя товарищества — гильдіи (по старо-фламандски «Gheldings» значитъ сотоварищи).

Въ Нидерландахъ и Бельгіи новые города рано пріобрѣтаютъ торговый характеръ и по старо-фламандски. и постарогольландски называются «poort», т. е. складъ товаровъ (emporia — рыночное мѣсто). Они вполнѣ обособляются, такъ что черезъ три, четыре столѣтія дѣлаются совершенно свободными, могучими торгово-промышленными центрами. создаютъ своеобразную жизнь. самозащиту. самоуправленіе и сокрушаютъ весь феодальный строй средневѣковой Европы. Какъ уже было сказано. цехи средневѣковыхъ городовъ сами торговали своими ремесленными произведеніями и не были еще въ зависимости отъ посредниковъ купцовъ. Одни суконодѣлы начали нуждаться въ англійской шерсти высшаго качества и попали впослѣдствіи въ положеніе зависимыхъ отъ купеческой гильдіи. называвшейся гильдіей «большихъ суконщиковъ». которая заполонила цехи суконодѣловъ, монополизируя доставку имъ какъ шерсти, такъ и заказовъ для ткацкихъ станковъ, позже это, какъ увидимъ. приводитъ къ многовѣковой кровавой борьбѣ во фландрскихъ городахъ.

Въ началѣ, при основаніи городовъ, членомъ общины считался всякій. кто владѣлъ участкомъ городской земли. Позже

для того, чтобъ пріобрѣсти права гражданства, достаточно было принятія въ одну изъ городскихъ корпорацій, и рядъ поколѣній этихъ поселенцевъ продолжалъ дѣло освобожденія городовъ отъ феодальной зависимости, откупая свое право не платить податей, не нести графу военной службы и т. д., однимъ словомъ, считать городъ своимъ. Свое освобожденіе горожане подтверждали пергаментными свертками хартій, увѣшанныхъ большимъ числомъ феодальныхъ печатей на тесьмахъ. Эти хартіи ревниво охранялись въ городскихъ вѣчевыхъ башняхъ.

Въ XI вѣкѣ, въ Бельгіи, впервые официально признана была полная независимость городской общины Сентъ Омеръ (тогда еще приморскій городъ). Община построила каменный рынокъ, поддерживала стѣны городскихъ укрѣпленій, мосты и дороги. Такъ начинаютъ свое существованіе всѣ бельгійскіе и нидерландскіе города, за немногими исключеніями: Турнэ—древній Торникъ и Аррасъ, созданіе римлянъ, разрушенный еще франками, новый Аррасъ выстроенъ былъ по близости. Всѣ остальные старые города превратились здѣсь въ деревни.

Въ новые, свободные города массами бѣжали крѣпостные отъ своихъ мучителей. Замученному рабу говорилось: «бѣги въ городъ, на вольный воздухъ!»

Въ смыслѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости это было вѣрно, въ прямомъ же значеніи воздухъ средневѣковыхъ городовъ не былъ особенно «вольнымъ», среди сильно застроенныхъ, узкихъ и кривыхъ улицъ и закоулковъ, съ нависающими надъ ними ширившимися верхними этажами и надстройками. Улицы были иногда такъ узки, что дома сообщались между собою, т. е. можно было перешагнуть изъ дома въ домъ. Не знали ни освѣщенія, ни сточныхъ трубъ, ни сносныхъ мостовыхъ. Обувь, въ видѣ лодокъ, т. е. съ длинными носками и высокими подошвами, одно время бывшая въ модѣ, очевидно имѣла практическую цѣль,—мѣшала увязать въ грязи. Впрочемъ, въ странахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, благоустройство городовъ начинается довольно рано. Еще будучи въ графской зависимости, фландрскіе города, въ X вѣкѣ, вели оживленныя торговыя отношенія съ Даніею, Пруссіею, Прибалтійскими странами, гдѣ въ раскопкахъ найдено очень много старыхъ фландрскихъ монетъ. Къ XI вѣку уже завязываются торговыя сношенія съ Сициліею и Португаліею.

Всюду высоко цѣнились серебряные высокопробные динарiи чеканки фландрскихъ графовъ, не портившихъ своей монеты примѣсью дешевыхъ металловъ, какъ это дѣлали другiе феодалы, да и короли того времени.

Не только города, а цѣлыя деревенскiя общества получали всевозможныя льготы и права передъ первымъ крестовымъ походомъ на востокъ (1096 г.) во время усиленныхъ сборовъ феодаловъ съ сопровождавшими ихъ людьми. Рыцари, нуждаясь въ наличныхъ деньгахъ, не только закладывали свои земли, угодья и замки епископамъ и монастырямъ, но самые благочестивые изъ нихъ не только закладывали, а и жертвовали всѣ свои владѣнiя: «на поминъ души», въ случаѣ погибели среди невѣрныхъ. Вызывавшая горячiй энтузiазмъ идея освобожденiя св. гроба энергично поддерживалась католическимъ духовенствомъ, и вся феодальная Европа пришла въ движенiе. Горожане пользовались случаемъ и не раскрывали кошельковъ передъ нуждающимися феодалами иначе, какъ въ обмѣнъ на свертки хартiй, увѣшанныхъ гербовыми печатями, которыми обезпечивалось освобожденiе отъ тѣхъ или другихъ феодальныхъ тисковъ. Крѣпостнымъ, съ землею или безъ земли, рыцари обѣщали вольныя, иногда даромъ, но подъ условiемъ сопровождать ихъ въ походъ, а по возвращенiи давалась отпускная. Только не часто возвращались они изъ дальняго пути; у нихъ не было такой великолѣпной брони, какъ у ихъ владѣльцевъ, и имъ приходилось испытывать всевозможныя лишенiя и болѣзни. За рыцарями по пятамъ слѣдовали купцы, наживавшiеся доставкою всего необходимаго въ походѣ. Нерѣдко воинскiй станъ превращался въ ярмарку.

Повторявшiеся въ теченiе двухъ столѣтiй походы крестоносцевъ познакомили глубоко невѣжественный феодальный мiръ съ наукою и искусствомъ арабовъ, культура которыхъ стояла несравненно выше тогдашней одичалой Европы. Цѣлый новый мiръ понятiй открылся передъ совершенно первобытными феодалами. Было вѣдь чему поучиться на востокѣ [1]), гдѣ при-

[1]) Какъ извѣстно, благодаря арабамъ европейскiе народы вновь ознакомились съ забытыми знанiями, съ классическою и древнею литературою. Греческiя рукописи поэтовъ, писателей, ученыхъ сохранялись въ арабскихъ библiотекахъ въ оригиналахъ и переводахъ, а также мiоы и преданiя востока

нлось пріютиться совершенно изгнанным изъ Европы наукѣ и искусству. Забытая наука и искусство древняго и классическаго міра, загнанныя и уничтоженныя средневѣковымъ католическимъ духовенствомъ, вновь были открыты среди арабовъ, въ арабскихъ библіотекахъ и среди арабскихъ ученыхъ, вновь познакомившихъ съ ними европейцевъ. Они дали европейской индустріи свои уцѣлѣвшія сокровища. Наука и искусство не подвергались здѣсь уничтоженію — огню и мечу, какъ это совершалось въ Европѣ, гдѣ сжигались драгоцѣннѣйшія древнія рукописи и геніальныя произведенія древнихъ писателей, ломались художественныя произведенія за ихъ языческое происхожденіе, гдѣ разрушались мраморныя народныя ванны и бани язычниковъ, потому что грѣхомъ считалось мыть свое грѣшное тѣло и выказывать заботу о немъ. Послѣ похода на востокъ завязываются правильныя торговыя сношенія, и Европа не могла болѣе отречься отъ выгодъ знанія и индустріи.

Только возвратившіеся рыцари не всегда могли выкупать свои заложенные замки и земли. За то монастырскія и епископскія владѣнія все ширились [1]), и росла зависть и вражда къ нимъ свѣтскихъ феодаловъ. Множество рыцарей осталось тогда безъ земель и замковъ, и бывшіе еще недавно независимыми сеньорами вынуждены были поступать на службу въ войска болѣе крупныхъ феодаловъ или войска королей.

Въ то время, какъ рыцари начали бѣднѣть, города, т. е. вновь обособившіяся городскія общины, все богатѣли. Городская жизнь привлекла къ себѣ даже военное и духовное сословіе. Привлекала къ городамъ ихъ оживленность, разно-

---

(напр., буддизмъ), также переводы съ множества языковъ. Средневѣковая Европа обязана арабамъ въ основахъ математики, а въ ариѳметикѣ цифрамъ. Алгебра—арабская наука (Аль-джебра). Арабы дали переводъ греческихъ геометровъ и трудовъ Архимеда, Аристотеля и др. Арабами разработана тригонометрія. Химія—арабское слово—аль-химія, и въ ней множество арабскихъ словъ: алькали, аль-коголь и т. д. Арабы строили астрономическія обсерваторіи, занимались статистикою, а врачебное искусство у нихъ стояло столь высоко, что христіанскимъ королямъ приходилось иногда ѣздить ради исцѣленія въ Багдадъ, гдѣ жило 860 врачей. Красота и прочность арабской архитектуры указываютъ на глубокія познанія арабовъ въ механикѣ. Даже потребность чистоты, омовеній, паровыхъ бань—занесена въ Европу съ востока.

[1]) Въ средніе вѣка въ Европѣ $^1/_3$ земли принадлежала духовнымъ владѣніямъ, $^1/_2$ всѣхъ доходовъ и $^2/_3$ богатства всей Европы.

образіе интересовъ, а главное—выгодность торговыхъ сдѣлокъ. Рыцари даже записывались въ купеческія гильдіи, чтобъ получить права на торговлю, но тогда бурграфы напоминали имъ о неприличіи для воинаго сословія вступать или добиваться вступленія въ городское членство, т. е. входить въ сообщество бывшихъ крѣпостныхъ.

Городскія общины во владѣніяхъ свѣтскихъ феодаловъ легче пріобрѣтали независимость, чѣмъ города въ епископскихъ областяхъ. Характерна исторія обособленія общины г. Камбре, которая послѣ первой неудачи вторично, въ 1076 г., попыталась освободиться отъ своего феодала епископа и, пользуясь временною отлучкою его за границу, захватила городскія укрѣпленія, объявивъ о своей независимости. Тутъ вернулся епископъ съ своимъ рыцарскимъ войскомъ, только запертыя городскія ворота не открывались передъ нимъ, и епископу пришлось хитростью вновь овладѣть городомъ. Онъ объявилъ горожанамъ о желаніи вести лишь мирные переговоры, поэтому просилъ впустить его съ рыцарями. Но едва рыцари были впущены, какъ перекололи всѣхъ главарей общины, а городъ предали грабежу. Такъ была задушена въ крови своихъ горожанъ, въ 1077 г., городская община Камбре, но черезъ шесть лѣтъ она опять возродилась, и епископу пришлось выдать городу освободительную хартію, а горожане поторопились организовать городское ополченіе. Община г. Камбре вела очень удачныя оборонительныя войны съ сосѣдями и даже отбила войско сильнаго сосѣда, графа фландрскаго, нападшаго было на Камбре. Подати городъ собиралъ исключительно на свои нужды, и это продолжалось до 1107 г., когда императоръ Генрихъ V явился съ войскомъ, возстановилъ епископа и разорвалъ освободительную хартію, объявивъ, что епископъ выдалъ ее горожанамъ не по своей охотѣ. Въ 1127 г. камбрійцы опять возстановили коммуну, воспользовавшись войною сосѣдей. Затѣмъ вновь независимость была уничтожена и вновь востановлена въ 1180 г. Эта неутомимая борьба длилась до XIV вѣка, пока власть епископа не была ограничена присущею его сану духовною дѣятельностью. Епископскій судъ былъ уничтоженъ и введенъ городской общинный судъ.

Во всѣхъ городахъ до появленія городского суда населеніе судилось въ разныхъ судахъ. Свободные люди въ земскихъ судахъ, крѣпостные въ вотчинныхъ судахъ. но всѣхъ потомъ уравнялъ городской судъ. даже рыцарей и графскихъ чиновниковъ. Поселенцы не включенные въ городскія корпораціи не могли пользоваться городскими привилегіями [1]). Въ то же время пріемъ новыхъ членовъ еще не былъ ограниченъ. какъ было позже. и членскій взносъ еще не былъ такъ повышенъ, какъ позднѣе, когда съ приростомъ населенія все сильнѣе стала чувствоваться конкурренція. При вступленіи въ цехъ принималась присяга. съ клятвой и возложеніемъ рукъ на евангеліе. не нарушать устава и оберегать честь даннаго цеха. Каждая корпорація занимала свою часть города. имѣла свой домъ для пирушекъ и собраній. общую и больничную кассу изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, свои алтари и свѣчи въ церквахъ. а на цеховыхъ знаменахъ изображались святые-покровители мастерства. У плотниковъ Св. Іосифъ. у врачей Св. Дамьянъ и т. д. Иногда изображался только предметъ обработки цеха.

Число учениковъ у каждаго мастера было ограничено, чтобъ не нарушать равенства, т. е. чтобъ не было очень богатыхъ и бѣдныхъ мастеровъ. Въ томъ же духѣ существовало много узаконеній. напримѣръ. запрещалась перепродажа предметовъ по болѣе дорогой цѣнѣ и т. д. По окончаніи курса ученія, мастеръ обязывался безъ промедленія представить пробную работу ученика на разсмотрѣніе выборныхъ цеховыхъ старшинъ. Послѣ этого ученикъ превращался въ подмастерья, получалъ плату, могъ мѣнять мастера. но связывался опредѣленнымъ контрактомъ. хотя бывали контракты на одинъ день.

Подмастерья зависѣли отъ цеховыхъ старшинъ. Для полученія званія мастера подмастерье сдавалъ экзаменъ, представляя образцовую работу. и дѣлался мастеромъ. если она была удовле-

[1]) Въ нѣкоторыхъ городахъ, въ которыхъ группировались совершенно независимые уже ремесленные цехи, эти цехи не хотѣли принимать въ членство городской общины придворныхъ ремесленниковъ феодала, жившихъ въ городѣ, но работавшихъ на феодала. Поэтому эти ремесленники не могли даже судиться городскимъ судомъ, а были подсудны сеньеріальному суду.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

творительна. Каждый цехъ вырабатывалъ опредѣленные предметы: кузнечный цехъ не могъ дѣлать замковъ и ключей, принадлежности слесарнаго цеха. Оружейники дѣлились на нѣсколько цеховъ: дѣлающихъ шлемы, другіе панцыри, третьи щиты. Прядка шерсти была въ рукахъ одного цеха, другіе цехи занимались остальной обработкой: ткачи, валяльщики, красильщики. Мясники не могли торговать курами, пирожники хлѣбомъ и т. д. Выдѣлка, пріемы мастерства строго опредѣлялись уставомъ, а ревизіи, экзамены цеховыми старшинами доводили работу до безукоризненности, и вопросомъ чести были: «справедливая цѣна и работа». Каждая корпорація оптомъ закупала матерьялы для работы, а городъ закупалъ столько мяса и хлѣба, сколько было членовъ въ общинѣ; только излишки оставались для перепродажи. Неисполненіе общественнаго устава наказывалось штрафами и изгнаніемъ изъ корпораціи. Въ одной средневѣковой фламандской поэмѣ подъ заглавіемъ: «Мнѣніе Яна» изображена бесѣда двухъ членовъ цеховыхъ корпорацій. Одинъ изъ нихъ высказываетъ мнѣніе: «Нравственность и общественный порядокъ поддерживаются лишь горожанами да поселянами, а рыцари только и знаютъ грабить, да убивать».

Каждый цехъ былъ свободной автономной корпораціею съ выборными цеховыми старшинами. Они созывали собранія, руководили ими, завѣдывали цеховымъ имуществомъ и предводительствовали, когда цехи превращались въ боевые отряды. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ цеховыхъ грамотъ доказываютъ, что производство на продажу явилось вмѣстѣ съ цехами, и даже у производителей суконъ въ то время не имѣлось посредниковъ купцовъ.

Пока цеховыхъ ремесленниковъ было не такъ много, а цеховой уставъ не превратился еще въ мертвую букву, жилось имъ хорошо. Цеховые мастера всегда работали вмѣстѣ со своими подмастерьями и учениками, вмѣстѣ жили, ѣли и пили, и, будучи на одномъ уровнѣ развитія, почти одинаково мыслили. Основанная на равенствѣ, крѣпко сплоченная средневѣковая городская община опоясывалась валомъ, часто крѣпостными стѣнами, съ башнями, съ крѣпкими воротами, подъемными мостами, управлявшимися въ ворота, рвы съ водою окружали го-

родъ. Узкія городскія улицы на ночь замыкались цѣпями, если грозила только опасность городу. Каждая улица защищалась живущими въ ней вооруженными горожанами. Колоколъ собиралъ утромъ на работы, а передъ закатомъ возвѣщалъ окончаніе всѣхъ работъ. Колокольный звонъ служилъ тутъ сигналомъ уводить дѣтей съ узкихъ улицъ, мгновенно переполнявшихся густыми толпами ремесленниковъ, одновременно выходившихъ изъ всѣхъ мастерскихъ. Особеннымъ перезвономъ вѣчевого колокола горожане собирались для дѣлъ и увеселеній, а набатъ требовалъ ихъ помощи въ случаяхъ пожара, набѣговъ чужеземцевъ, дальнихъ и близкихъ феодаловъ. Колокольнымъ звономъ опредѣлялось и открытіе торговли на рынкѣ и т. д. Вооруженная защита, заслышавъ набатъ, быстро собиралась на площади, у вѣчевой башни, и горожане, обученные стрѣльбѣ и фехтованію, захватывали свои стрѣлы, луки, арбалеты, мечи, пики, щиты и знамена, готовые постоять за свой городъ.

При существованіи выборнаго корпоративнаго суда еще довольно долго фигурировалъ графскій судья «бальи», наблюдавшій графскіе интересы. Городской судъ, уравнивавшій всѣхъ горожанъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессѣ, круто порвалъ съ стѣснявшими жизнь феодальными обычаями и выработалъ установленія, необходимыя для развитія промышленности и торговли. Уголовный судъ мало-по-малу упразднилъ дикіе обычаи феодализма—ордаліи и судебный поединокъ—и сталъ основываться лишь на свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Сохранившіяся въ архивахъ Бельгіи и Нидерландъ, многочисленнѣйшія хартіи подтверждаютъ общинное управленіе средневѣковыхъ городовъ. Хартіи эти были приговорены къ уничтоженію лишь въ 18 вѣкѣ, закономъ Маріи Терезіи [1]), но тогда еще не смогли уничтожить ихъ. До сихъ поръ сохрани-

[1]) Громадное число хартій доказываетъ общинность владѣній въ старой Бельгіи. Императрица Марія Терезія въ 1772 г. объявила уничтоженіе общинной собственности корпорацій, коммунъ со всѣми ихъ вольностями и привилегіями, но законъ ея не далъ тогда желаемыхъ результатовъ. Еще до сихъ поръ общинные лѣса даютъ поводъ къ безконечнымъ препирательствамъ и судебнымъ процессамъ. То же въ Голландіи, напримѣръ безконечно тянулся процессъ изъ за общинныхъ земель Гоевъ (Goilander), окончившійся не такъ давно въ ихъ пользу.

лись слѣды общины въ Гентѣ. Иперѣ. Антверпенѣ. Лувенѣ. Мехельнѣ въ видѣ общинныхъ городскихъ земель-пастбищъ. Въ средніе вѣка всякое предпріятіе городовъ основано было на общинномъ началѣ.

Ключомъ била жизнь среди дѣятельнаго населенія городовъ, какъ Брюгге, Иперъ, Гентъ, Валенсьенъ, Камбре, Динанъ, Люттихъ, Маастрихтъ. Въ приморскомъ (въ XI вѣкѣ) Брюгге существовалъ почти міровой рынокъ, а текстильное производство его даже воспѣвалось за границею латинскими стихами, при чемъ брюжскія ткани уподоблялись «цвѣту небесныхъ переливовъ, считаясь достойными королевскихъ одеждъ». Валяльная мельница была фламандскимъ изобрѣтеніемъ.

Съ XII вѣка поднимается значеніе Брабантскихъ городовъ, начинающихъ громыхать своими тяжело нагруженными фурами, катившимися отъ Брюсселя, Лувена и Алоста; по своему горю, т. е. недостатку водныхъ сообщеній, брюссельцы смогли помочь, превративъ свою сухопутную торговлю въ приморскую. Для этого они откупили у своего феодала брабантскаго герцога окружающія Брюссель земли, прорѣзали каналами холмы и равнины и соединили Брюссель съ далеко отъ него отстоящимъ моремъ. При посредствѣ каналовъ, Брюссель получалъ шерсть для своихъ ткачей прямо съ кораблей изъ Англіи, а затѣмъ эти брабантскія суда перегружались другими товарами, отправляясь въ дальнѣйшій путь.

Южнѣе, въ демократической люттихской или льежской области р. Мааса обработка металловъ играла огромную роль въ жизни городовъ. (См. Льежъ).

Понадобилось нѣсколько столѣтій для того, чтобъ эти торгово-промышленныя осѣлости—города—смогли окончательно обособиться и, выработавъ своеобразнѣйшія учрежденія, заставить феодальный міръ принять ихъ какъ основу ихъ жизни въ то время, какъ въ остальной Европѣ еще петронуто кипѣлъ цѣлый муравейникъ сеньорій.

Въ XII вѣкѣ началась борьба фламандцевъ съ своими графами иноземнаго происхожденія, когда вымерла династія національныхъ графовъ, защитниковъ горожанъ и крестьянъ. Горожане Брюгге закололи новаго графа (1127 г.), датскаго принца, не долго продержался слѣдующій за нимъ графъ,

французъ Гильомъ Клитонъ, мѣрившій жизнь феодальною мѣркою француза того времени, привычнаго къ приниженности французскихъ горожанъ передъ дворянствомъ. Необычная для того времени независимость фландрскихъ горожанъ и фландрскаго прибрежнаго крестьянства казалась графу такою нелѣпостью, не стоящею вниманія, что съ самаго вступленія онъ совершилъ непоправимую ошибку, отнесясь, словно къ пустой формѣ, къ своей присягѣ на евангеліи: свято охранять старыя городскія и крестьянскія права фламандцевъ. Послѣ цѣлаго ряда нарушеній этой присяги, противъ графа поднялся весь Брюгге, какъ одинъ человѣкъ, выставивъ своимъ вождемъ горожанина Бартольфа, бывшаго крѣпостного, получившаго гражданство въ Брюгге. Фландрская милиція уничтожила рыцарское войско графа, и самъ графъ былъ убитъ въ одной изъ стычекъ. Приверженцамъ графа какъ-то удалось затѣмъ захватить въ плѣнъ Бартольфа и жестоко казнить его, но это уже не помѣшало фламандцамъ удержать свою независимость. Вся Фландрія единогласно избрала тогда графомъ родственника прежнихъ національныхъ графовъ, и этотъ новый фландрскій графъ Дидрихъ Эльзасскій и его наслѣдники никогда не забывали, что имъ посчастливилось только потому, что фламандцы глубоко вѣрили въ ихъ преданность Фландріи. Они никогда не отдѣляли своихъ интересовъ отъ интересовъ энергическаго населенія Фландріи.

Во Фландріи и въ другихъ владѣніяхъ свѣтскихъ феодаловъ съ развитіемъ торговли и рынковъ рано начинаетъ исчезать мѣновой торгъ товара на товаръ первобытнаго хозяйства. Торговля ведется на чистыя деньги. Старыя условія быта долѣе удерживаются въ епископскихъ и монастырскихъ владѣніяхъ, но постепенно и тутъ громадные излишки земледѣльческихъ продуктовъ, скармливавшіеся безчисленной дворнѣ, стражѣ и въ видѣ благотворительности раздававшіеся бѣднякамъ разореннымъ крестьянамъ, находятъ иное употребленіе, т. е. находятъ рынки для сбыта и ищутъ обмѣна на звонкую монету. Даровое скармливаніе съ теченіемъ вѣковъ должно было все сокращаться, хотя число бѣдняковъ и разоренныхъ только все возрастало. Сосѣдство рынковъ заставляетъ феодаловъ вотчинниковъ познать и выгодность свободнаго труда противъ

крѣпостного-барщиннаго, и они начинаютъ переводить крѣпостныхъ на оброки, такъ что крѣпостные уравниваются въ правахъ съ свободными поселенцами. Такимъ образомъ города со своими рынками способствуютъ уничтоженію крѣпостной барщины, какъ и разложенію крѣпостничества вообще. Да и города отнимали тысячи крѣпостныхъ у помѣщиковъ, давая бѣглымъ пріютъ и гражданство. Однако распространеніе гражданской свободы не долго было миссіею большихъ городовъ. Зазнавшееся и выродившееся мѣщанство большихъ городовъ подавляетъ крестьянъ своихъ округовъ привилегіями, монополіями и этимъ вынуждаетъ этихъ крестьянъ вмѣстѣ съ маленькими городами стать на сторону дворянства противъ большихъ городовъ. Въ результатѣ эта розпь и приводитъ всѣ города и крестьянъ къ утратѣ старой коммунальной независимости, къ установленію центральнаго режима бургундскихъ герцоговъ. Все это совершается гораздо позже, въ XV вѣкѣ при спорѣ всѣхъ интересовъ внутри и внѣ городовъ. Въ XIII вѣкѣ, которымъ начинается слѣдующая глава, еще продолжается обостренная борьба феодаловъ изъ ихъ замковъ съ горожанами укрѣпленныхъ городовъ въ союзѣ съ крестьянами.

ГЛАВА III.

Разложеніе первоначальнаго строя средневѣковыхъ городовъ. Междоусобныя и національныя войны во Фландріи усиливаютъ большіе города. Городскія монополіи въ крестьянскихъ округахъ. Торговое соперничество между городами. крестьяне становятся на сторону графа противъ большихъ городовъ и разложеніе феодальнаго строя какъ причины побѣдъ бургундскихъ герцоговъ.

Съ увеличеніемъ пришлаго населенія въ городахъ начинается внутренняя борьба. Пришлое населеніе все съ большимъ трудомъ получало права гражданства, а рость конкурренціи обостряетъ отношенія между гильдіями. цехами, патриціями и безправнымъ населеніемъ городовъ. Цеховой уставъ превращаясь въ мертвую букву, только стѣсняетъ жизнь и изобрѣтенія въ мастерствѣ.

Потомкамъ первыхъ основателей городской независимости принадлежала вся городская земля, а потому они сосредоточивали въ своихъ рукахъ громадную силу. Свои унаслѣдованные отъ прадѣдовъ участки городской земли они сдавали въ наймы остальному пришлому люду, а сами жили процентами съ капитала. Составляя городской совѣтъ, они сами замѣщали выбывшихъ членовъ совѣта (эшевеновъ [1]) и завѣдывали администраціею, судомъ, коммунальными финансами, полиціею, на нихъ лежалъ надзоръ за рынками, забота о милиціи, укрѣпленіяхъ, городскихъ зданіяхъ, улицахъ. И эти потомки великихъ предковъ, патриціи городовъ, чрезвычайно гордились своими доблестными родами, имѣя полнѣйшее основаніе называть своихъ прадѣдовъ «творцами городовъ».

Дѣйствительно, прадѣды ихъ неустанно работали, создавая независимость городской общины, шагъ за шагомъ настойчиво отвоевывая ея освобожденіе. Этими бывшими рабами — крѣпостными создано рѣшительно все въ новыхъ городахъ: финансы, администрація, судъ, военная организація защиты, школы, больницы, всѣ городскія зданія и т. д., и они постоянно находились на стражѣ откупленнаго у феодала или отвоеваннаго города. Проливали кровь за него, грудью защищая, жертвуя не только все состояніе, но и жизнь за его независимость. Сколько ухищреній, терпѣнія и настойчивости требовалось отъ нихъ въ теченіе вѣковъ, чтобъ обуздать, перехитрить или своими увѣсистыми кошельками остановить хищническіе дикіе набѣги феодаловъ. За то у потомковъ этихъ стойкихъ борцовъ дома горделиво красовались своими каменными башенками надъ скученными небольшими домиками пришлаго люда. И въ высокихъ сѣдлахъ сидѣли патриціи въ войскахъ городскихъ милицій.

Но чѣмъ дольше шло время, тѣмъ больше слышалось жалобъ на городское управленіе патриціевъ. Они совершенно вырождаются, когда это управленіе во Фландріи въ XIII вѣкѣ превратилось въ привилегію лишь нѣсколькихъ десятковъ семействъ. Наконецъ, въ судѣ и совѣтѣ магистрата засѣдали такіе «старцы», даже «больные и прокаженные», которые со-

[1]) Эшевены, шеффены отъ слова «Schaffen», создавать, распоряжаться.

вершенно не были способны вести какія-либо общественныя дѣла. Обвинялись они въ произволѣ, грубости и даже въ хищеніи общественныхъ суммъ, поступившихъ отъ податныхъ сборщиковъ въ городскую казну. Рядомъ съ этими старыми патриціями стояла гордая купеческая гильдія. во Фландріи составлявшая совершенно обособленное сословіе, никого не допускавшее въ свое членство. Она пополняла ряды вымирающихъ патриціевъ.

Цеховые мастера ткацкаго цеха особенно недовольны были купеческою гильдіею и патриціями во Фландріи. недозволявшими имъ торговать сукнами. Ткацкіе цехи для полученія высокихъ сортовъ англійской шерсти не могли обойтись безъ посредничества англо-фламандскаго союза купеческихъ гильдій. и даже позже. когда они освободились отъ патриціевъ, продолжалось то же самое. Цехи сукондѣловъ. самые многочисленные изъ всѣхъ цеховъ, только одни между всѣми были зависимы отъ посредниковъ—купцовъ. доставлявшихъ имъ шерсть и заказы. Международное соглашеніе купцовъ, «англійская ганза», крѣпко держало въ своихъ рукахъ эту монополію.

Во многихъ городахъ совѣтъ патриціевъ вліялъ на заработную плату подмастерьевъ и утверждалъ цеховыхъ старшинъ. Тутъ столкновенія были неизбѣжны. Въ то же время низшій слой населенія. не записанный въ цехи. безправный, изъ-за поднявшагося цехового взноса былъ лишенъ возможности вступать въ цеховое членство. Цехи тѣснили его, а патриціи притѣснялн цехи. Купеческая гильдія «большихъ суконщиковъ» превратилась въ совершенно замкнутую касту во Фландріи, но въ Брабантѣ она не была такимъ обособленнымъ сословіемъ и принимала въ свое членство разбогатѣвшихъ цеховыхъ мастеровъ. если они только бросали занятія ремесломъ.

Нечего и говорить. что въ городахъ исчезла былая простота отношеній и совмѣстная работа мастеровъ. подмастерьевъ и учениковъ. Давно мастера не жили и не работали съ ними. старались похуже ихъ кормить. Они всячески затрудняли подмастерьямъ достиженіе степени мастера. Вводится даже обязательность путешествій для подмастерьевъ подъ предлогомъ усовершенствованія въ мастерствѣ, а въ сущности. чтобъ только сплавить ихъ и хоть временно отдалить конкурренцію по-

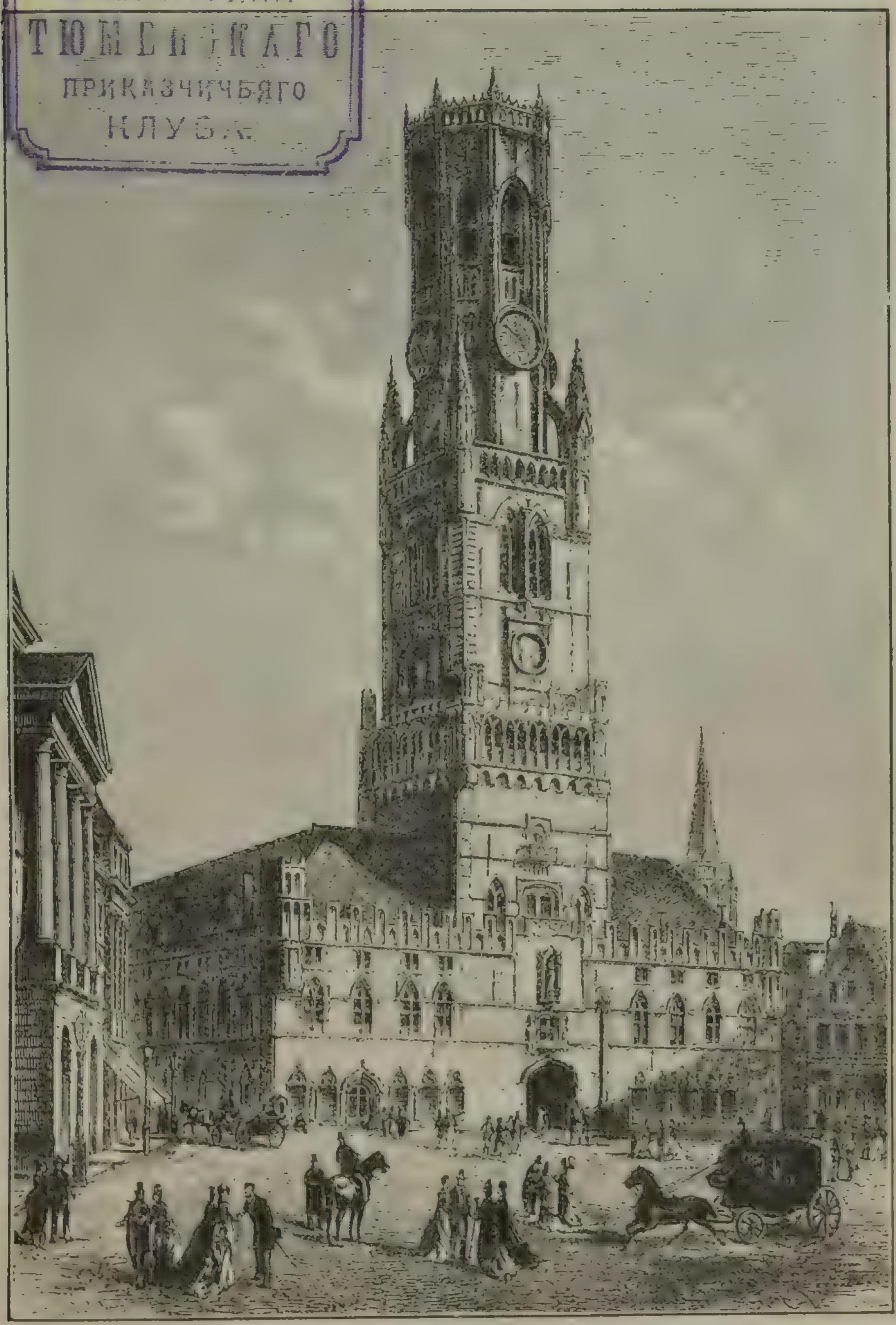
выхъ мастеровъ. Расчетъ былъ и на то, что въ путешествіи мало ли что могло случиться, въ дружой странѣ, при бездежьи.

Въ то время еще не существовало презрительнаго отношенія къ цеху красильщиковъ, прозываемыхъ: «люди съ посинѣлыми ногтями». Еще до введенія обязательности странствованій подмастерьевъ, они сами, недовольные мастерами, толпами уходили изъ того или другого города. Это вызывало запрещенія странствованій. Затѣмъ конкурренція, т. е. наплывъ все новыхъ мастеровъ, заставляетъ издать постановленіе объ уходѣ подмастерьевъ дучиваться, т. е. странствовать.

Уже въ концѣ XII вѣка, между подмастерьями возникаютъ братства взаимопомощи для доставленія странствующимъ товарищамъ пріюта, пищи, одежды. Члены братствъ дѣлились работою, если только новоприбывшій еще не нашелъ себѣ работы. Они заботились и о сиротахъ умершихъ товарищей.

Во Фландріи и въ Брабантѣ сильно распространяется, выдѣлясь своею дѣятельностью, братство «бегардовъ». Бегарды сообща нанимали дома для удешевленія жизни братчиковъ. (Такія-же женскія товарищества «бегины» съ общежитіями одинокихъ женщинъ основываются съ уходомъ крестоносцевъ на востокъ). Братства бегардовъ держали общую кассу, общій столъ, носили одинаковую коричневую одежду. Впрочемъ, каждый цехъ, каждая гильдія отличались отъ другихъ покроемъ платья, цвѣтомъ, значками. Бегарды строили собственныя больницы, а въ свое членство допускали только холостыхъ. Ткачи и каменьщики преобладали въ этомъ братствѣ. Больше столѣтія прошло, когда начались сильнѣйшія преслѣдованія бегардовъ, какъ еретиковъ, и папа обвинялъ ихъ въ отклоненіяхъ отъ догматовъ католической церкви. Чтобъ избѣжать преслѣдованій, они присоединились къ монашескому ордену францискацевъ и назвались «братствомъ ткачей»; такимъ образомъ они смогли продолжить свое существованіе. Во Фландріи существовало братство, задавшееся цѣлью распространить просвѣщеніе среди неимущихъ, и занималось перепискою книгъ, такъ какъ до изобрѣтенія книгопечатанія рукописныя книги были недоступной цѣны. Это же самое братство, называвшееся «братствомъ свободнаго духа», по изобрѣтеніи книгопечатанія, основало первую типо-

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.



Брюгге. Рынокъ и вѣчевая башня. *Къ стр. 59-й.*

графію. Впослѣдствіи популяризаціею книгъ, типографіями и общею просвѣтительною дѣятельностью, особенно устройствомъ школъ и семинарій въ Брюгге, Гентѣ, Брюсселѣ, Лувенѣ, Девентерѣ и др. городахъ отличалось знаменитое братство «Общей жизни» (о которомъ въ главѣ V). Все группировалось въ братства, товарищества, цеховыя и гильдейскія корпораціи, и не только купцы, ремесленники, охотники, крестьяне (даже крѣпостные), но и священники, учителя низшихъ школъ и университетовъ, музыканты, пѣвцы, врачи, палачи, могильщики, публичныя женщины и нищіе. Самою популярною была гильдія стрѣлковъ, въ нее всѣ записывались, и простые смертные и знатные сеньоры, даже епископы. Всѣ любили это состязаніе. Мѣткій стрѣлокъ чрезвычайно высоко цѣнился. Такъ, напримѣръ, одинъ стрѣлокъ, бравшій часто первый призъ, навсегда былъ освобожденъ отъ податей. Веселье стрѣлковыхъ праздниковъ, съ ихъ пирушками, привлекало все населеніе. Всѣ любили носить оружіе, и каждый цехъ и гильдія образовывали свою отдѣльную боевую дружину, готовую выступить на защиту города или своей улицы. Въ праздничныхъ процессіяхъ вооруженные цехи и гильдіи несли передъ собою свои разнообразныя, пестрыя знамена.

Во множествѣ городовъ Бельгіи и Нидерландахъ до сихъ поръ сохранились роскошныя средневѣковыя ратуши и дома гильдій и цеховъ, гдѣ они устраивали свои пирушки и собранія. Они просто поражаютъ красотою очертаній и мягкостью красокъ великолѣпной архитектуры.

Въ XIII вѣкѣ на грандіозной вѣчевой и дозорной башнѣ города Ипера красовались пять второстепенныхъ башенокъ, а на высокомъ ея шпилѣ былъ водруженъ громадный позолоченный драконъ, символъ независимости Ипера [1]).

Въ иперской вѣчевой башнѣ былъ большой залъ для собраній, арсеналъ и казнохранилище, гдѣ ревниво сберегались пергаменты городскихъ привилегій, уложенные въ металлическомъ сундукѣ, со множествомъ хитрѣйшихъ замковъ. Эти замки соединялись внутреннимъ механизмомъ, а ключи отъ

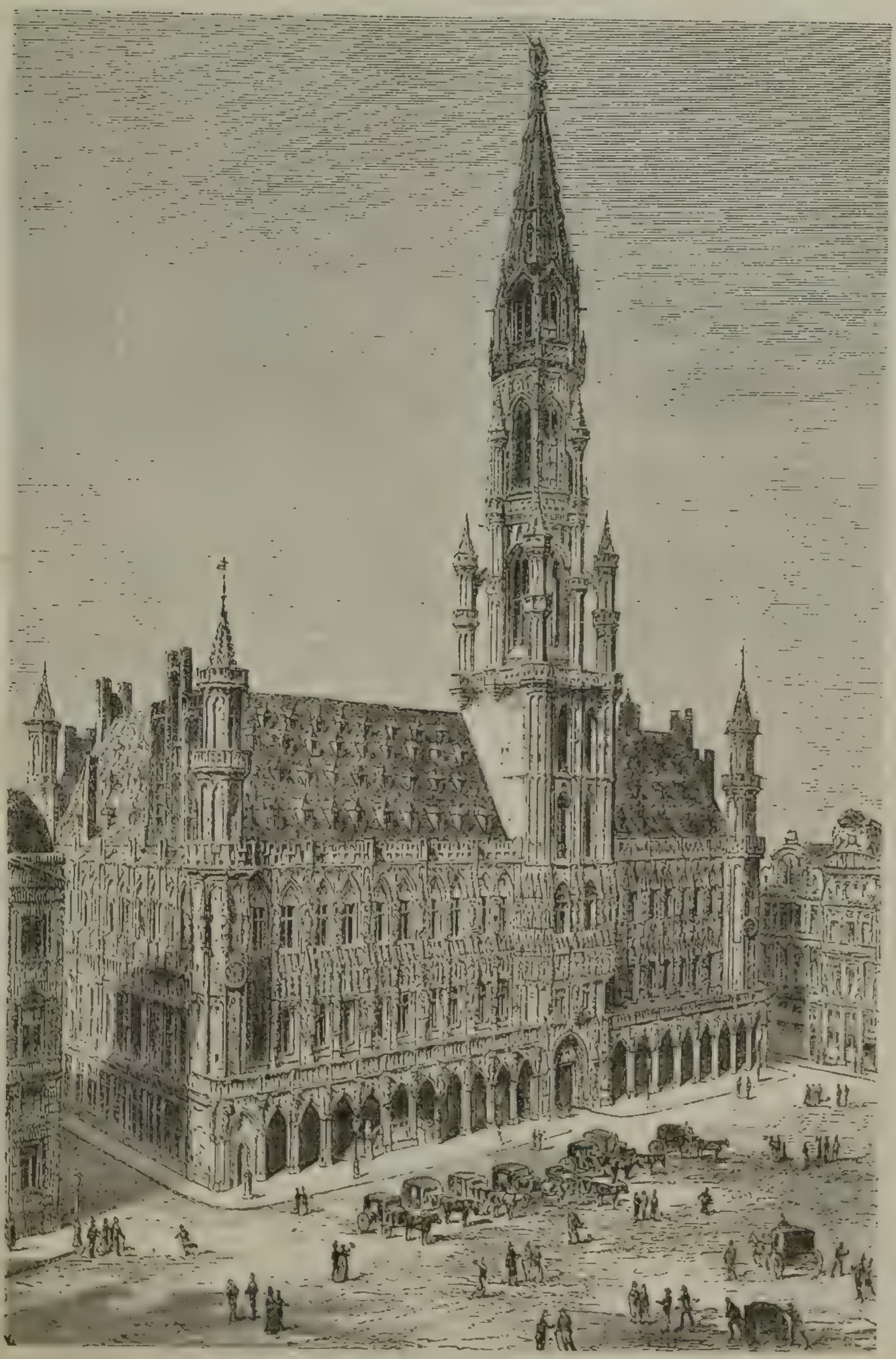
[1]) Этотъ символическій драконъ былъ позже отобранъ у Ипера соперничавшимъ Гентомъ, водрузившимъ его на своей вѣчевой башнѣ.

всѣхъ замковъ раздавались въ разныя руки. Открыть сундукъ могло лишь цѣлое общество, вооружась различными ключами.

Поразительное впечатлѣніе производитъ громадиѣйшій пакгаузъ «большихъ суконщиковъ», въ центрѣ его красивая башня, а во всемъ зданіи 18 готическихъ дверей, во второмъ этажѣ такія же окна. Черезъ весь пакгаузъ проведена обширнѣйшая галлерея въ оба крыла. Крутая, высокая крыша прежде была сплошь позолочена и украшена гербами. Одинъ французскій писатель такъ выразился объ этомъ зданіи: «Размѣрами оно равно большимъ соборамъ, красотою архитектуры напоминаетъ венеціанскіе дворцы, а украшеніями—мавританскія постройки». Въ гг. Брюгге и Гентѣ сохранились красивыя башни и ратуши. Массою позолоты просто горятъ всѣ цеховые дома и цеховая биржа, окружающіе большую брюссельскую площадь. Ратуша словно кружевная отъ скульптурныхъ украшеній. Крыша цеха корабельщиковъ изображаетъ большое судно съ пушками, а на сосѣдней крышѣ дома ткачей громадная позолоченная статуя Св. Николая (патрона ткацкаго цеха). Домъ цеха пекарей большой, изящный, съ куполомъ, колоннами, барельфами и гербами. На другихъ—то позолоченная птица, размахнувшая крылья, то статуи, барельефы, колонны, эмблемы. Цеховые дома въ Брюсселѣ этажа въ четыре, но очень узки, какъ всѣ почти дома въ Бельгіи, окна въ три, въ четыре шириною. Большинство домовъ относятся къ позднѣйшему времени, къ 15 и 16 вѣкамъ. Они постоянно реставрируются въ прежнемъ видѣ, считаясь однимъ изъ лучшихъ украшеній Брюсселя [1]).

Чрезвычайно просты и скромны средневѣковые цеховые дома во Фландріи съ остроконечною крышею, башенкою на углу. Тутъ, въ XIII вѣкѣ разгорается вновь упорная междоусобная и національная война. Отголоски этой борьбы звучатъ и въ народной литературѣ того времени. Необычайный подъемъ фламандцевъ даже приписывался писателю Мерлану, настраивавшему ихъ противъ французовъ. Но скорѣе произведенія Мерлана были отзвукомъ давно назрѣвшаго настроенія гражданскаго и національнаго сознанія. Безспорно, что талантли-

[1]) Нѣсколько цеховыхъ домовъ см. на обложкѣ книги.



Брюссель. Ратуша. *Къ стр. 60-й.*

выя сатиры Мерлана подливали масла въ огонь, выставляя въ смѣшномъ видѣ нелѣпую подражательность французамъ фландрскихъ рыцарей и многихъ патриціевъ, которымъ французскіе интересы были несравненно дороже, чѣмъ интересы фламандскаго населенія. Мерланъ осмѣивалъ напыщенность французской рыцарской поэзіи, ея ходульность, воспѣваніе битвъ, турнировъ, любовныхъ похожденій, праздной жизни. Какъ истый фландрскій горожанинъ, не принадлежавшій къ высшему сословію, Мерланъ цѣнилъ мирную производительную общественную жизнь, считая высшими качествами: любовь къ труду, простоту и чистоту нравовъ.

Во Фландріи, гдѣ уже съ XII вѣка заводятся свѣтскія школы, въ литературѣ XIII (т. е. за два столѣтія до реформаціи) не разъ заявлялись сомнѣнія въ спасительности папскихъ индульгенцій, которыми можно было, уплативъ хорошую сумму, совершенно очиститься отъ самыхъ ужасныхъ преступленій, напримѣръ, за 9 золотыхъ дукатовъ откупить себѣ грѣхъ отравленія ядомъ, за 36 ливровъ [1]) откупалось прелюбодѣяніе, за 7 ливровъ—клятвопреступленіе, за 1 дукать 4 ливра—отцеубійство (такъ, что убійство безъ яда цѣнилось дешевле). Грубѣйшія средневѣковыя суевѣрія подвергались во Фландріи уже очень суровой критикѣ.

Чуждые интересамъ своего народа, фландрскіе рыцари и многіе патриціи такъ офранцузились, что ихъ прозывали «лиліертами», или приверженцами французскаго знамени съ лиліями. Между тѣмъ, фландрскіе графы, хотя и французы, держались то за французскихъ королей, то противъ нихъ, смотря по тому, какъ этого требовала ихъ политика. Стремясь только къ захвату власти, графы отстаивали то интересы крестьянъ и цеховыхъ противъ рыцарей и патриціевъ, то, наоборотъ, держали руку послѣднихъ.

Національная и междоусобная война начинается при неладахъ графа съ могущественнымъ тогда французскимъ королемъ. Франція, сдѣлавшись громаднѣйшею силою въ Европѣ, повелѣвала даже папами, а ужъ графу приходилось только

[1]) 1 ливръ въ переводѣ на современныя французскія деньги превышаетъ 100 франковъ, т. е., около 37 рублей.

хлопотать о добрыхъ отношеніяхъ съ ея королемъ, чтобъ онъ не вздумалъ помогать графскимъ врагамъ изъ сосѣднихъ областей, когда они начинали войны съ графомъ. Между тѣмъ, вести свои войны часто не хватало средствъ у графовъ, такъ что поневолѣ приходилось выпрашивать (beden) денегъ у богатыхъ фландрскихъ городовъ. А тогда они были очень богаты и были уже въ союзѣ съ членами могучей торговой европейской ганзы. Одинъ Иперъ производилъ въ годъ болѣе 80.000 кусковъ сукна; англійской шерсти ему не хватало, подливалась еще шерсть изъ Испаніи и Наварры. Съ 1252 г., въ Брюгге и Иперѣ, основаны были конторы ганзейскаго союза, властно назначавшаго и отмѣнявшаго права торговли и монополій тѣхъ или другихъ городовъ. Въ просьбахъ о деньгахъ патриціи не отказывали графу, но воспользовались и заставили его допустить ихъ въ его высшій государственный совѣтъ, куда до той поры допускалось лишь самое высшее духовенство и дворянство. Подобная зависимость отъ мѣщанъ, прежнихъ холоповъ, изъ-за ихъ мѣшковъ съ золотомъ, конечно, не могла не претить графу, и онъ выжидалъ только удобнаго случая для вмѣшательства во внутреннія дѣла городовъ, чтобъ опять обратить ихъ въ покорнѣйшихъ слугъ, вынужденныхъ давать деньги безъ условій и разговоровъ. Подобный случай вмѣшательства скоро представился фландрскому графу Гвидо Дампіерру, во время внутреннихъ смутъ въ городахъ, когда цехи и низшій слой городского населенія требовали отмѣны злоупотребленій городской администраціи, выборнаго городского суда и совѣта и торговыхъ правъ для цеховъ. Подобное броженіе происходило не только въ городахъ фландрскаго графства, но и брабантскаго герцогства, люттихской епископской области и въ другихъ областяхъ. Въ Брабантѣ, въ г. Лео, въ 1248 году, происходили настоящія битвы вооруженныхъ горожанъ, также въ Люттихѣ въ 1255 г., въ г. Гюи, г. Лувенѣ въ 1267 г. Послѣ событій въ г. Лео, гдѣ одержали побѣду патриціи, послѣдніе взаимно обязались: «не впускать въ свои города людей недовольныхъ ими». Это отчасти соблюдалось въ гг. Гентѣ, Антверпенѣ, Брюсселѣ, Гюи, Диста, Льеррѣ, Лувенѣ, Мехельнѣ, Тирлемонѣ, но когда въ г. Динанѣ городское управленіе оказалось въ рукахъ цеховыхъ корпорацій и цехи

тамъ окончательно торжествовали побѣду. патриціи множества городовъ еще строже относились къ недовольнымъ Во фландрскомъ Иперѣ купеческая гильдія «большихъ суконщиковъ» установила строжайшія правила для ткачей; что касается Брюгге, тамъ подъ угрозой казни цеховымъ ремесленникамъ запрещалось не только носить на улицѣ оружіе, но выносить инструменты своего ремесла. За ослушаніе слѣдовала ссылка. иногда казнь. Въ Гентѣ послѣднею каплею, переполнившею чашу недовольства патриціями. было возмутительное насиліе надъ дочерьми двухъ горожанъ, средняго достатка. «moyennes gens», и это насиліе осталось безнаказаннымъ, потому что насильники оказались родственниками «39 патриціевъ городского совѣта». Весь городъ зашумѣлъ, особенно же всѣ выведенные давно изъ терпѣнія неправильностью поборовъ и грубостями патриціевъ. Купцы, не попадавшіе въ гильдіи. ремесленники, не получавшіе цехового членства, и т. д. и т. д. Зазнавшіеся патриціи словно не замѣчали надвигавшейся на нихъ грозы. Въ Иперѣ цехи отворили городскія ворота толпѣ горожанъ сосѣднихъ городовъ и роздали имъ оружіе. Начались грабежи и убійства, продолжавшіяся цѣлыя сутки.

Тутъ графъ вмѣшался въ городскія дѣла. Это былъ тотъ удобный случай. котораго давно ждалъ графъ Гвидо Дампіерръ. Ему давно хотѣлось какъ нибудь принизить гордыхъ патриціевъ, обращавшихся съ нимъ съ высока и даже заставившихъ его принять избраннаго ими судью въ число судей графскаго суда (bailli). Желаніе графа ограничить патриціевъ вызвало конечно восторженное сочувствіе цеховъ. и въ томъ же 1280 г. они просили графа Гвидо Дампіерра вступиться за нихъ, обуздать городской совѣтъ патриціевъ. уничтожить наслѣдственность городскихъ судей. ввести представительство цеховъ въ городскомъ совѣтѣ. а также усилить значеніе графскаго суды «бальи», и чтобъ городской судья не избирался изъ среды однихъ патриціевъ. Они просили еще графа уничтожить привилегію купеческой гильдіи, т. е. утвердить право для всякаго на свободный ввозъ шерсти изъ Англіи.

Требованія. направленныя къ уничиженію патриціевъ. совпадали съ личными интересами графа. Цехи знали. что графъ съ ними заодно и ни въ чемъ имъ не откажетъ. Графъ дѣй-

ствительно поставилъ дѣло такъ, что патриціи оказались виновными въ неумѣньи предупредить побоище, а цехи онъ осуждалъ лишь за то, что они съ самаго начала не призвали его на расправу, а сами распорядились съ патриціями. Графъ назначилъ наказаніе городу Иперну въ видѣ уплаты штрафа въ четвертую часть состоянія каждаго горожанина, но при этомъ онъ исполнилъ все, чего домогались цехи. Они были такъ довольны, что сначала сквозь пальцы смотрѣли, какъ графъ сокращалъ городское самоуправленіе. Напримѣръ, городу Брюгге онъ отказалъ выдать копіи со сгорѣвшихъ хартій (въ башнѣ во время пожара). Въ Гентѣ онъ оставилъ совѣтъ 39 патриціевъ, установивъ надъ ними контроль, но при этомъ онъ отобралъ городскую печать и ключи отъ городского казнохранилища и не замедлилъ усилить настолько значеніе графскаго судьи, что постоянное вмѣшательство графа въ городскія дѣла довело до удивительнѣйшаго событія. Бывшіе ярые враги и смертельные соперники—цехи и патриціи—вдругъ дружески протянули другъ другу руки, превратясь временно въ самыхъ горячихъ союзниковъ ради спасенія городского самоуправленія. Между тѣмъ патриціи, не упуская своихъ интересовъ, обратились съ петиціей къ французскому королю Филиппу IV Прекрасному, прося защиты отъ графа Гвидо Дампіерра. У патриціевъ «лиліертовъ» было не мало связей во Франціи, да и французскій король только и ждалъ этого обращенія къ нему фландрскихъ городовъ.

Дѣло въ томъ, что ему хотѣлось проучить своего вассала графа Гвидо Дампіерра за начавшуюся дружбу этого графа съ англійскимъ королемъ Эдуардомъ I, съ которымъ у Филиппа Прекраснаго испортились отношенія.

Французскій король, въ 1287 г., принялъ оффиціальное посредничество между фландрскими городами и фландрскимъ графомъ. Фландрское рыцарство тоже негодовало на графа за ограниченіе нѣкоторыхъ вѣковыхъ рыцарскихъ правъ. Многіе изъ фландрскихъ феодаловъ находились въ родствѣ и свойствѣ съ французскою знатью, и не удивительно, что они также обратились съ жалобою на графа къ французскому королю.

Въ виду всеобщихъ жалобъ король откомандировалъ французскихъ «чиновниковъ-сержантовъ» во Фландрію и потребо-

валъ, чтобъ въ графскомъ судилищѣ говорили по-французски, для того, чтобъ королевскіе чиновники могли слѣдить, какъ ведется графскій судъ. Одного изъ почетныхъ сержантовъ король послалъ въ Гентъ, какъ представителя королевской защиты горожанъ отъ графа.

Вскорѣ король еще сильнѣе разгнѣвался на своего ленника, графа Гвидо Дамміерра, узнавъ, что тотъ просваталъ свою дочь за сына англійскаго короля. Подъ предлогомъ важныхъ переговоровъ о фландрскихъ дѣлахъ, король пригласилъ графа въ Парижъ, а по прибытіи распорядился арестомъ его съ сопровождавшими его сыновьями. Графъ долго просидѣлъ въ заключеніи и выпущенъ былъ только подъ условіемъ немедленной присылки въ Парижъ своей дочери-невѣсты, причемъ графъ клятвенно обязался не вступать ни въ какія отношенія съ англичанами. Дочь его оставалась плѣнницею или заложницею въ Версалѣ до самой смерти. Ходили слухи, что во время возобновившейся борьбы графа съ королемъ молодую графиню отравили въ Версалѣ.

Протекторатъ Франціи имѣлъ печальныя послѣдствія для Фландріи. Введенная Филиппомъ Прекраснымъ прескверная золотая монета, низкопробная, малоцѣнная за границею, приводила въ полнѣйшее отчаяніе фландрскій коммерческій міръ. Кромѣ того Филиппъ запретилъ торговыя сношенія съ Англіею, что грозило разореніемъ Фландріи, не имѣвшей достаточнаго количества собственной овечьей шерсти для своей главной индустріи. И дурную монету и всѣ запрещенія долженъ былъ вводить графъ, а не сержанты короля, словно все это исходило отъ графа. Одновременно отмѣнялись графскіе налоги, и французскій король помогалъ злѣйшимъ врагамъ графа, которые въ это время нападали на графскія владѣнія. Графъ Гвидо Дамміерръ былъ очень терпѣливъ, но въ качествѣ давно признаннаго, независимаго и наслѣдственнаго властителя Фландріи онъ испытывалъ ужасное униженіе. Не будучи въ состояніи выполнить всего на него возложеннаго, онъ былъ вызванъ въ Парижъ на рыцарскій судъ, т. е. графъ полагалъ, отправляясь туда, что его вызываютъ на судъ пэровъ Франціи. Вмѣсто того, его судили не какъ одного изъ пэровъ и перваго рыцаря Франціи, а принизили до обыкновеннаго суда юристовъ. Эти док-

тора права присудили его къ лишенію графства. Конечно король тотчасъ же поспѣшилъ вернуть ему графство, но такого ужасающаго публичнаго посрамленія своего рыцарскаго и графскаго достоинства не вынесъ старый графъ Гвидо Дампіерръ. Ему казалось, что послѣ всего надъ нимъ совершеннаго ему ничего болѣе не остается, какъ союзъ—съ англійскимъ королемъ Эдуардомъ противъ французскаго короля.

Эдуардъ давно старался втянуть графа въ войну съ Филиппомъ Прекраснымъ. Эта война началась.—но не долго продолжалась. Короли примирились, послѣ чего французскій король тотчасъ напалъ на войско графа Дампіерра, къ которому изъ Англіи конечно уже не явилась помощь. Когда войско графа было разбито, онъ по рыцарскому обычаю лично явился къ королю съ сыновьями, но король, не допустивъ ихъ къ себѣ, велѣлъ разсадить ихъ по разнымъ тюрьмамъ, а во Фландрію снарядилъ новаго графа.

Самъ король съ королевою посѣтилъ Гентъ, снялъ тамъ съ низшихъ классовъ тяжелую подать и удалилъ магистратъ 39 патриціевъ, замѣнивъ его выборнымъ совѣтомъ. Французская королева, пораженная богатствомъ городовъ Фландріи и роскошью одежды горожанокъ, сказала: «Прежде я думала, что я одна королева, а теперь я вижу кругомъ много королевъ».

Водворившійся во Фландріи новый графъ Шатильонъ крайне презрительно относился къ фламандцамъ, скоро онъ всѣхъ возстановилъ противъ себя. Дружилъ и кумился онъ только съ патриціями лиліертами, которымъ тогда солоно приходилось расплачиваться за приглашеніе французовъ. Весь этотъ парадъ стоилъ городамъ громадныхъ денегъ, но патриціи города Брюгге благодаря новому графу захватили власть и, установивъ тяжелый налогъ, свалили всю тяжесть поборовъ на остальные классы населенія.

Въ Брюгге жилъ тогда невзрачный съ виду, косоглазый человѣчекъ, чрезвычайно живой, находчивый, ѣдко остроумный старшина ткацкаго цеха. Питеръ де Конингъ, будущій герой освобожденія Фландріи отъ французовъ, которому благодарное отечество поставило мраморный монументъ въ Брюгге [1]). Два-

[1]) Этотъ монументъ на главной площади въ г. Брюггѣ изображаетъ Пи-

дцать четыре старшины различныхъ цеховъ были главными организаторами народнаго ополченья въ Брюгге. и когда патриціи попытались засадить старшинъ въ тюрьму, дверь ея была выломлена народомъ, и старшинъ освободили.

Патриціи-лиліерты въ Брюгге (не всѣ патриціи здѣсь были лиліертами. приверженцами французскаго знамени) собрали отряды изъ своихъ людей и наемниковъ, призвавъ изъ-за города на помощь графа съ войскомъ, думая съ двухъ сторонъ напасть и уничтожить народное ополченье. Но оно не дремало, а встрѣтило ихъ своими длинными тяжеловѣсными копьями и загнало патриціевъ въ башню. Со многими тутъ же расправились, а остальныхъ засадили въ тюрьму. Съ той поры городъ Брюгге находился во власти цеховъ.

Графу Шатильонскому пришлось призвать на помощь изъ Франціи своего брата, графа Сентъ-Поля съ войскомъ. Они грозно подступили къ стѣнамъ Брюгге. Городъ согласился впустить парламентеровъ, только требованія графа оказались неимовѣрными. Онъ требовалъ полнѣйшаго подчиненія. разрушенія вѣковыхъ укрѣпленій Брюгге. высылки множества горожанъ и сооруженія въ городѣ крѣпости для его гарнизона. Въ этотъ критическій моментъ, когда городу Брюгге угрожало полное уничтоженіе самоуправленія, горожане забыли свои внутреніе раздоры, и даже только что выпущенные патриціи-лиліерты присоединились къ цехамъ, отстаивая независимость своего города. Спѣшно отправили посла къ французскому королю, моля защиты отъ графа, но французскій король не имѣлъ расчета и вовсе не желалъ тогда ссориться съ своимъ новымъ графомъ: онъ только подтвердилъ графскія требованія.

Обо всемъ этомъ узналъ отъ народнаго вождя Питера де Конинга младшій сынъ прежняго графа Гвидо Дампіерра. этотъ молодой графъ только что убѣжалъ въ Намюръ изъ французской тюрьмы и задумалъ воспользоваться смутами во Фландріи, для возстановленія власти своего наслѣдственнаго графскаго рода. Изъ Намюра онъ отправилъ посломъ Питера де Конинга въ Брюгге, обѣщая горожанамъ поддержку въ общей борьбѣ съ

тера де Конинга и Брейделя (старшину мясничнаго цеха) съ фландрскимъ знаменемъ въ рукахъ.

французами, а ткацкому цеху—особенное и прочное покровительство.

Вся Фландрія, охваченная патріотическимъ движеніемъ, собирала ополченья, вездѣ развѣвались пестрыя цеховыя знамена, а рядомъ съ ними братски колебались золототканные флаги патриціевъ и купеческихъ гильдій. Видѣлись даже дворянскіе гербовые штандарты, впервые примкнувшіе къ народному ополченью. Часть фландрскихъ дворянъ присоединилась къ молодому графу Дампіерру, и только совершенно офранцузившіеся лиліерты покинули городъ вмѣстѣ съ графскимъ судьею.

Взволновавшейся Фландріи нуженъ былъ только вождь, который внушалъ бы всѣмъ одинаковое почтеніе. Выборъ палъ на графа Юлиха, внука графа Гвидо Дампіерра. Пока во всей Фландріи организовалась національная оборона, горожане Брюгге отстрѣливались сколько могли отъ окружающихъ городъ французовъ, мѣшая имъ разрушать стѣны укрѣпленій Брюгге. Графу Шатильонскому, однако, удалось сильными метательными орудіями проломить брешь въ городской стѣнѣ [1]). Черезъ брешь, подъ вечеръ, въ городъ вступила французская латная конница, и, овладѣвъ городомъ, французскій графъ немедленно распорядился, чтобъ горожане изгнали всѣхъ принимавшихъ участіе въ сопротивленіи.

Это пришлось исполнить, но съ наступленіемъ ночи горожане отправили гонца за своими изгнанниками, не далеко отошедшими, призывая ихъ помочь перебить французовъ. Подъ покровомъ очень темной ночи, они подползли къ городскимъ рвамъ, пролѣзли къ разрушенной части городской стѣны, гдѣ стоялъ французскій карауль, и такъ быстро перекололи эту стражу, что она не успѣла подать сигналъ къ тревогѣ. Крѣпко спавшихъ въ городѣ французовъ немилосердно рѣзали. Помогали въ рѣзнѣ не только женщины, но даже подростки закалывали

[1]) При осадѣ городовъ пользовались: «тараномъ», «кошкой» и «осадной башнею» на колесахъ. Кошкой называли длинное строеніе, или навѣсъ на колесахъ, которое подкатывали ко рву осаждаемой стѣны укрѣпленій и въ опредѣленномъ мѣстѣ засыпали ровъ землею. Затѣмъ приближали «тарань», ударами котораго проламывалась стѣна; съ «осадной башни», тоже на колесахъ, перекидывался мостикъ на стѣну. Метательныя машины выкидывали ядра и камни.

кинжалами сіящихъ французовъ. Успѣвшихъ выскочить на улицу фламандцы и въ темнотѣ ночи распознавали, задавая вопросъ: «Schield en Vriend» (щитъ и другъ?). Ломаный выговоръ отвѣта выдавалъ французовъ, и ихъ тутъ же убивали. Самъ графъ Шатильонскій какимъ-то чудомъ спасся, переодѣвшись во фламандское платье.

Съ горячими овапіями встрѣчали въ г. Брюгге въѣзжавшихъ съ Питеромъ де Конингомъ молодыхъ графовъ Дамніерровъ. Графы, для усиленія своей популярности, издали хартію о свободѣ продажи суконъ, свободѣ всѣхъ занятій для каждаго, упрочили городское самоуправленіе. Во главѣ управленія стояли цехи суконщѣковъ. Цехи тотчасъ возстановили древнегерманскій законъ, замѣнявшій смертную казнь и ссылку штрафами.

Цехи г. Ипера принудили своихъ патриціевъ, т. е. патриціанскій магистратъ, отворить городскія ворота для восторженнаго пріема побѣдителей изъ Брюгге. Знамя съ чернымъ фландрскимъ львомъ высоко парило надъ всею страною, о фламандцахъ говорилось: «animosi ut leoni». «отважны какъ львы», что и подтвердила знаменитая битва при г. Куртре, 11 іюля 1302 г., считающаяся одною изъ удивительнѣйшихъ битвъ въ исторіи.

При Куртре совершенно было уничтожено громадное, считавшееся непобѣдимымъ, французское рыцарское войско: а разбили этихъ закованныхъ латныхъ всадниковъ крестьянскія и городскія пѣшія ополченія. Среди фламандской пѣхоты на коняхъ были только графы Дамніерры, да съ дюжину фландрскихъ рыцарей, примкнувшихъ къ ополченію со своими людьми.

Непоколебимою, неподвижною стѣною копій выдержало народное фламандское ополченіе натискъ французской латной конницы, закованной съ ногъ до головы и вооруженной копьями и мечами. Этотъ натискъ желѣзныхъ, дисциплинированныхъ рыцарей не заставилъ дрогнуть и не попятилъ фламандскую милицію, быстро смыкавшую свои ряды, когда падали среди нихъ сотоварищи. Своими длинными копьями они ловко зацѣпляли и сажали съ коней желѣзныхъ рыцарей, устилая ими поле битвы. Рыцари, по обычаю, предлагали большой выкупъ за свою жизнь, но фламандцы, проявляя свою мрач-

ную энергію, никого не щадили. Паническій ужасъ пронесся по рядамъ рыцарей, внося смятеніе въ остальномъ войскѣ. Оно было совершенно уничтожено.

Тысячи золотыхъ рыцарскихъ шпоръ, снятыхъ съ павшихъ рыцарей, въ видѣ побѣдныхъ трофеевъ помѣстили въ соборѣ г. Куртре, а битва увѣковѣчена прозваніемъ: «Шпорной битвы».

Послѣ неудачи при Куртре Филиппъ Прекрасный долго не рѣшался выступать противъ фламандцевъ, хотя побѣда «мужичья», это неслыханное дотолѣ посрамленіе рыцарской чести, заставляла лихорадочно готовиться къ возмездію. Фландрія въ это время тоже готова была выставлять все новыхъ борцовъ, при чемъ громадныя богатства патриціевъ щедро сыпались на организацію обороны. Въ сформировавшемся новомъ французскомъ войскѣ французское дворянство горѣло нетерпѣніемъ отомстить фламандцамъ, но при встрѣчѣ съ ними оно остановилось, и оба войска долго стояли другъ противъ друга. Французы, не рѣшаясь начать наступленіе, вообразили, что смогутъ голодомъ изморить противника, а вышло какъ-разъ наоборотъ. Подвозъ припасовъ для фламандцевъ по ихъ каналамъ, рѣкамъ, по близости городовъ былъ удобнѣе, чѣмъ для чужестранцевъ-французовъ. Французскіе рыцарскіе кони падали отъ недостатка фуража, у нихъ не было даже сѣна. Французское войско снялось съ лагеря, и было объявлено перемиріе, но король во время перемирія не переставалъ готовиться къ новому походу во Фландрію. Филиппъ Прекрасный былъ тонкимъ политикомъ и хорошо понималъ, какъ важно для Франціи присоединеніе богатѣйшей Фландріи.—настоящаго золотого дна. Ту же политику продолжали его преемники, и на Фландрію за ея сопротивленіе насылались интердикты папъ, переселенныхъ властью могущественной Франціи изъ Рима въ Авиньонъ.

Не удивительно было стремленіе французовъ овладѣть Фландріею. Города ея все богатѣли и росли, а послѣ побѣды при Куртре (съ 1302 г.) значеніе г. Брюгге чрезвычайно усилилось. Безпошлинная торговля притягивала сюда чуть не весь европейскій міръ. Всѣ страны наперерывъ заводили тутъ склады товаровъ, купеческія подворья, и вся Европа сообразалась съ морскими постановленіями въ Даммѣ (приморская гавань Брюг-

ге). Вообще, чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ все шире и могучѣе было торговое движеніе Фландріи. Тутъ венеціанскіе галеры встрѣчались съ данцигскими, любекскими. гамбургскими «коггами», каталонскими «каравеллами» и съ англійскими. гасконскими и португальскими судами. Почти всѣ суда, сдавъ свой товаръ, набирали фландрскія сукна.

Брюгге былъ подъ управленіемъ цеховъ. Тутъ даже рыцари исполнены были почтеніемъ къ цехамъ, особенно послѣ того, какъ на рыночной площади отрубили головы рыцарю съ оруженосцемъ за попытку похищенія хорошенькой дѣвушки. дочери цехового ремесленника. Къ выборамъ въ городской магистратъ цехи никого не допускали, т. е. исключали все остальное населеніе Брюгге. Во внѣшней политикѣ этому городу приходилось лавировать между французскимъ королемъ и фландрскимъ графомъ, въ вѣчномъ ожиданіи нападенія то того, то другого, или обоихъ вмѣстѣ.

На границѣ Фландріи и Франціи происходили безпрестанныя стычки. Королевскій капелланъ угодливо проповѣдывалъ: «о великой заслугѣ избіенія фламандцевъ, столь же угодной Богу, какъ избіеніе сарацинъ», а французскіе феодалы. закончивъ крестовые походы на востокъ, не находили, очевидно, другого, болѣе почетнаго поля дѣятельности. какъ нападеніе на мирные христіанскіе города. подтачивая ихъ производительныя силы.

Въ битвѣ при Атисѣ (1304 г.) французы одержали верхъ, такъ что лиліерты-патриціи и дворяне могли возвратиться во Фландрію, и поэтому переговоры объ условіяхъ мира съ Франціею велъ графъ и дворяне. Они тянули ихъ цѣлый годъ, но окончательное рѣшеніе оказалось смертнымъ приговоромъ для фландрскихъ городовъ. Ихъ обязали уплатить неслыханную тогда контрибуцію 1.500.000 ливровъ. поставлять ратниковъ французскому королю. срыть «сравнявъ съ землею» городскія укрѣпленія. Кромѣ того. болѣе трехъ тысячъ горожанъ обрекались на изгнаніе, остальные должны были присягать французскому королю. Горожане, рѣшивъ, что все это дѣло подстроено патриціями-лиліерами и графомъ, объявили. что они не признаютъ такого договора. Дѣло затянулось. Король не разсчитывалъ теперь на графа, даже опасался измѣны, хотя

новый графъ Людовикъ Неверскій и не думалъ измѣнять своему королю, онъ только не рѣшался утруждать города, стараясь ихъ задобрить въ виду притязаній на его графскую корону родственника (Роберта Кассельскаго). Задабривая города, графъ страшно расширилъ ихъ право надъ крестьянскими округами, особенно гентскія привилегіи, и гентцы широко воспользовались своею новою монополіею, совершенно запрещавшею ткачество крестьянамъ и маленькимъ городкамъ. Гентскіе ткачи тираннически врывались въ деревенскіе дома и ломали въ нихъ ткацкіе станки. Также и горожане Брюгге производили такія же насилія въ округахъ подвластныхъ ихъ новому праву. Съ той поры большіе города становятся глубоко ненавистны всему населенію округовъ. Городскія монополіи были главною причиною изолированности и послѣдующей гибели независимости большихъ городовъ. Но графъ не смогъ поддержать своего престижа, несмотря на всѣ свои уступки. Онъ вызвалъ глубокое негодованіе, сдавъ изъ личныхъ видовъ городокъ Слюзъ своему родственнику. Слюзъ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, поэтому фламанцы захватили графа въ плѣнъ и сожгли Слюзъ. Графа, впрочемъ, выпустили, взявъ клятву на Евангеліи, что онъ не станетъ нарушать городскихъ правъ.

Можно себѣ представить, какъ взбѣшенъ былъ графъ за дерзость брюггскихъ горожанъ. Французскій король могъ теперь довѣрчиво опереться на графа, когда потребовалъ уплаты громадной контрибуціи, все еще не уплаченной. Тутъ патриціи по обыкновенію пытались свалить всю тяжесть на чужія плечи, большіе города на маленькіе и на деревни. Кромѣ сбора французской контрибуціи, собиралась еще тяжелая десятинная подать монастырямъ, что вызывало ужасающія репрессаліи и взаимныя живодерства (1324 г.). Загорѣлись замки фландрскихъ феодаловъ, проживавшихъ, кутя, въ Парижѣ. Они только наѣзжали въ свои фландрскія владѣнія для сбора оброковъ черезъ своихъ кастеляновъ, большихъ хищниковъ.

Во Фландріи (также въ Брабантѣ и Геннегау) уже съ XII вѣка началась замѣна барщины оброкомъ, что не прекращало, конечно, прежнихъ произвольныхъ вотчинныхъ поборовъ и вытягиванія всѣхъ соковъ. Государственный фискъ, въ свою очередь, былъ крайне тяжелъ, а новый приказъ о раскладкѣ фран-

пузской контрибуціи вызвалъ страшную бурю противъ двойныхъ обложеній. По словамъ лѣтописца: «громадныя толпища бунтовали противъ феодаловъ, кастелянов (управляющихъ замками) и эшевеновъ. Эти толпища ставили своихъ выборныхъ представителей въ каждомъ кастелянствѣ и захватывали всѣхъ, кто участвовалъ въ раскладкѣ контрибуціи. Нѣкоторые не были захвачены и успѣли бѣжать, за то дома ихъ разрушались». Графъ Неверскій примчался изъ Парижа, но, получивъ обѣщанную ему сумму, не велѣлъ бунтовать, пообѣщалъ амнистію и возвратился въ Парижъ. Лѣтописецъ сильно порицаетъ такое послабленіе, при чемъ зачинщики бунта не были даже наказаны. Лояльный лѣтописецъ приписываетъ этой безнаказанности возникновеніе новыхъ безпорядковъ. Гнетъ феодаловъ въ вотчинахъ и патрпціевъ въ городахъ и городскихъ округахъ вызвалъ новыя возмущенія. Крестьяне (vrije округа Брюгге) и горожане взялись за свои копья, луки и стрѣлы. Только Гентъ держался совершенно въ сторонѣ. Въ немъ даже происходили съѣзды рыцарей-помѣщиковъ: это объяснялось очень просто—Гентъ готовился къ борьбѣ съ Брюгге изъ торговаго соперничества. Рыцари толпами выѣзжали изъ Гента, грабя и рубя головы мятежниковъ.

Подъ продводительствомъ двухъ вожаковъ, крестьянъ Сигерія и Ламберта вспыхнулъ заговоръ, имѣвшій цѣлью положить конецъ существованію рыцарей въ укрѣпленныхъ замкахъ. Толпы вламывались въ замки, расхищали ихъ имущество, производили насилія надъ ихъ обитателями и поджигали замки. Графъ былъ вынужденъ опять покинуть милый ему Парижъ. Страшно взбѣшенный, онъ устроилъ походъ на городокъ Куртре. Только это окончилось очень плачевно для него. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ горожанами и съ рукъ на руки переданъ горожанамъ Брюгге, которые и заперли его въ башнѣ, въ складѣ пряныхъ кореньевъ, заставивъ отречься отъ графства въ пользу родственника Роберта, давно добивавшагося фландрскаго графства. Гентъ не признавалъ, конечно, этого избранія. Между тѣмъ мятежъ все разростался, охватывая не только восточную, но и западную Фландрію, гдѣ дѣйствовалъ вожакъ, крестьянинъ Занекинъ, который сильно вліялъ и на городское населеніе, когда переселился въ Брюгге, гдѣ получилъ право

гражданства. Повсюду въ управленіе избирались народные представители.

Между тѣмъ графъ Робертъ во главѣ брюггской милиціи осадилъ Гентъ и Уденордъ, а патриціи этихъ городовъ передъ осадою изгнали изъ городовъ весь черный народъ и ткачей, потому что «goeden—лучшіе люди» опасались сочувствія «захудалыхъ людишекъ» брюггскимъ мятежникамъ. Гентъ выдержалъ осаду, благодаря быстро наступившей зимѣ и своимъ сильнымъ укрѣпленіямъ.

Съ наступленіемъ весны (1326 г.) и съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій гентцамъ удалось разбить осаждающихъ, это произвело панику въ Брюгге, усилившуюся наложеніемъ папскаго интердикта на всю западную Фландрію. Папскій приказъ прекратить церковную службу тяжело отзывался среди крайне набожныхъ фламандскихъ крестьянъ. Къ обнародованію интердикта папу вынудилъ всесильный французскій король, пожелавшій наказать фламандцевъ за неуплату французской контрибуціи. Послѣ обнародованія интердикта мятежъ еще болѣе усилился, и чуть не убили дюнкирхенскаго священника, объявлявшаго эту папскую буллу. Вліятельный вожакъ мятежниковъ Яковъ Нейтъ убѣдилъ народъ не уплачивать больше сбора въ пользу духовенства.

Французскій король посылалъ протесты и требованія выпустить графа Неверскаго изъ брюггской башни и всенародно называлъ новаго графа «измѣнникомъ и союзникомъ мятежниковъ». Король велѣлъ захватить всѣ имѣнія и вотчины графа Роберта, что всего больше испугало новоизбраннаго графа, заставивъ отвергнуться отъ своихъ избирателей и думать только о томъ, какъ бы вернуть себѣ милость короля.

Во Фландріи наступилъ голодъ, потому что интердиктъ прерывалъ всѣ сношенія съ другими странами и всю торговлю. Возбужденныя, вооруженныя толпы народа насильно заставляли священниковъ служить обѣдни, вопреки интердикту [1]). Въ Брюгге начался разладъ, образовалась партія, требовавшая

---

[1]) Народъ или отдѣльныя лица, на которыхъ налагался интердиктъ, дѣлались какъ бы временно изъятыми изъ жизни. Съ ними запрещались всѣ сношенія. Съ лицомъ, подвергнувшимся интердикту, запрещалась не только бесѣда, но и подача ему куска хлѣба.

освобожденія графа Неверскаго. Французскому королю тоже хотѣлось скорѣе умиротворить Фландрію; въ виду войны съ Англіею онъ опасался ея возмущенной сосѣдки Фландріи. Поэтому интердиктъ былъ снятъ, и заключенъ миръ съ фламандцами, но только подъ условіемъ уплаты контрибуціи, разрушенія всѣхъ новыхъ укрѣпленій, сооруженныхъ за послѣднее бурное время, съ уничтоженіемъ всѣхъ новшествъ въ городскихъ судахъ. Но ничего не могли добиться. Населеніе не отставляло своихъ вожаковъ, прогнало графскаго судью, а тѣхъ, кто иначе относился, заключали въ тюрьмы, разрушая ихъ дома, камни которыхъ служили на сооруженіе еще новыхъ укрѣпленій. Латинская хроника сообщаетъ, что для смертнаго приговора достаточно было слѣдующаго обвиненія: «Ты видимо любишь болѣе господъ, чѣмъ общину, хотя и живешь на ея счетъ!» Вмѣсто уплаты монастырской десятины, мятежники потребовали еще отъ монастырей даровой раздачи ржи и овса всѣмъ голодающимъ. Тогда проповѣдывали всевозможные сектанскіе проповѣдники, нѣкоторые изъ нихъ придерживались самыхъ крайнихъ ученій, и среди нихъ не мало было бѣглыхъ монаховъ. Брюггскіе богачи выѣзжали со своею казною изъ городовъ, народъ не трогалъ ихъ, но насмѣшливо прозывалъ «перелетными птицами».

Чрезвычайно характерна единственная сохранившаяся отъ того времени рыцарская героическая пѣсня (Heldenlied), называвшаяся: «Пѣсней о мужикахъ» «Kerlslied» съ припѣвомъ: «Мы ужъ заставимъ выть мужиковъ, какъ потомъ кошями ихъ жатвы, поволочемъ подъ кнутъ и на висѣлицу. Они не уйдутъ отъ насъ и войдутъ въ ярмо!». Однако, рыцарямъ приходилось только припѣвать за чашами съ виномъ, а сила была еще не на ихъ сторонѣ. Пришлось даже самому графу Неверскому бѣжать въ Парижъ. Но тамъ скончался король Карлъ IV. французскій тронъ занялъ графъ Валуа, а во время коронаціи графъ Неверскій жаловался новому королю, что лишенъ графства, что города Брюгге и Ипоръ изгнали его.

Король горячо принялъ жалобу графа, тѣмъ болѣе, что Брюгге и Ипоръ имѣли дерзость приглашать англійскаго короля Эдуарда принять графскую корону Фландріи, вовсе не признавая правъ новаго короля на тронъ Франціи. Они опи-

рались на права англійскаго короля (роднаго внука покойнаго французскаго короля). Новому французскому королю грозило распространеніе этой смуты изъ Фландріи во Францію. Все это заставило короля Филиппа Валуа поддержать графа Неверскаго, и король даже поклялся французскимъ елеемъ, которымъ былъ только что помазанъ, что вернетъ ему фландрское графство. Король явился съ большимъ войскомъ во Фландрію (1328 году), а папа возобновилъ интердиктъ на Фландрію, чѣмъ опять прекратились всѣ торговыя сношенія съ другими странами Европы. Графъ Людовикъ Неверскій, а также графъ Робертъ Кассельскій съ войсками и съ ними заодно гентская милиція наступали на Брюгге. Несмотря на значительность этихъ силъ, походъ противъ Брюгге считался опаснымъ, и король Филиппъ IV Валуа, собирая своихъ рыцарей, сказалъ: «По наущенію діавола, эти фламандцы направили на насъ рога неповиновенія и мятежа».

Ополченіе мятежниковъ заняло очень выгодное положеніе на возвышенности, подъ крѣпостью Кассель: только невыносимая жара и жажда заставили ихъ совершить громадную ошибку—ринуться внизъ, чтобъ прорваться, при чемъ неровность почвы затруднила движеніе нѣшаго ополченія, а со всѣхъ сторонъ ихъ окружали войска короля, графовъ, гентская милиція, да еще голландскій графъ со своими отрядами явился на помощь французамъ и выручилъ ихъ. Окруженные и тѣснимые со всѣхъ сторонъ, фламандцы расположились въ кругъ, долго удерживая свои позиціи, никто не попросилъ пощады; всѣ дружно пали на мѣстѣ. Рыцари просили короля предать огню всю западную Фландрію, но король не рѣшился на это, такъ какъ существовала еще армія фламандскихъ мятежниковъ. Онъ объявилъ, что готовъ дать амнистію тѣмъ, кто подчинится ему. Черезъ три дня послѣ битвы ворота Брюгге и Ипрна распахнулись на милость и немилость Франціи. Патриціи согласились выдать 500 заложниковъ, изгнать остальныхъ заговорщиковъ. Вѣчевой колоколъ былъ снятъ, городскія укрѣпленія разрушены. Французы припомнили неотомщенное еще свое пораженіе при Куртре, «шпорную битву», а графъ злобно мстилъ за свое сидѣнье въ складѣ пряныхъ кореньевъ, хотя король, уѣзжая во Францію, наставлялъ графа: «не совершать болѣе несправедливостей и

не заставлять тѣмъ возвращаться короля!», но графъ снялъ 500 фламандскихъ головъ и, по словамъ лѣтописца: «проявилъ безумнѣйшую жестокость». Горожанъ вѣшали, колесовали и т. п. Патриціи, захвативъ власть въ Брюгге, тоже удовлетворили накопившуюся жажду мести цехамъ, при помощи графскаго балли. Изъ всѣхъ вожаковъ уцѣлѣлъ бѣжавшій въ Зеландію Сигерій. Затѣмъ онъ вернулся во Фландрію и съ жителями городковъ, цѣловавшими ему крестъ, пошелъ было къ Брюгге, но при первомъ столкновеніи съ латными всадниками часть набраннаго имъ ополченія разбѣжалась — другіе уплыли въ Зеландію, а Сигерія съ остальными графъ велѣлъ жестоко казнить. Ему сломали сперва всѣ кости, подвѣсивъ на висѣлицѣ, затѣмъ отрубили голову, колесовали и съ колесомъ выставили на стѣнѣ. То же постигло его сообщниковъ. Такимъ образомъ, заканчиваетъ лѣтописецъ: «положенъ былъ, наконецъ, предѣлъ гибели дворянъ отъ вонючей сволочи» (merdaille).

Страшная гроза разразилась надъ Фландріею съ началомъ «столѣтней» (англо-французской) войны изъ-за притязаній англійскаго короля Эдуарда на французскій тронъ. Графъ Неверскій тотчасъ распорядился арестомъ всѣхъ англійскихъ купцовъ, проживавшихъ во Фландріи. На это въ отвѣтъ послѣдовалъ приказъ изъ Англіи о пріостановкѣ вывоза англійской шерсти для фландрскихъ станковъ. Затѣмъ Эдуардъ сталъ переманивать фламандскихъ ткачей въ Англію, одаривая ихъ крупными привилегіями, а фландрскихъ ткачей гналъ голодъ съ родины. Съ той поры начинается промышленная конкурренція Фландріи и Англіи. Эдуардъ старался изолировать Фландрію, отводя отъ нея нѣмецкія и каталонскія суда. Начался ужасающій голодъ и отчаяніе въ городахъ Фландріи. Толпы совершенно нищихъ ткачей, валяльщиковъ и красильщиковъ бродили повсюду, вымаливая у крестьянъ кусокъ хлѣба, а иногда съ ожесточеніемъ ломали крестьянскіе ткацкіе станки. Эти толпы голодающихъ доходили до самыхъ границъ Франціи. Цѣлый годъ всѣ города молили графа не изводить фламандское населеніе и допустить нейтралитетъ Фландріи въ англо-французской войнѣ, но лояльный французскій графъ, конечно, не могъ согласиться на это. Брюгге и Ипернъ, съ проломленными стѣнами, были совер-

шенно безпомощны. Генту французы льстили, осыпая милостями, пока не были еще покорены Брюгге и Ипръ, т. е. пока графъ могъ еще опасаться союзнаго отпора трехъ большихъ городовъ. Теперь Гентъ былъ на другомъ положеніи и уже получилъ изъявленіе графскаго неудовольствія за отказъ принять графскаго балью, или за сопротивленіе ему.

Между тѣмъ въ Гентѣ голодъ вырывалъ цѣлые ряды изъ многолюдныхъ цеховъ суконодѣловъ, и все болѣе негодовали патриціи, и разорялась купеческая гильдія «большихъ суконьщиковъ». Невѣроятный подрывъ торговли и промышленности, невыносимыя условія существованія объединяютъ весь Гентъ, для организаціи въ немъ смѣшаннаго управленія изъ пяти выборныхъ представителей отъ трехъ городскихъ сословій, именно: два представителя отъ патриціевъ съ гильдіями и три представителя отъ цеховъ. Среди послѣднихъ одинъ депутатъ отъ ткацкаго цеха, одинъ отъ валяльщиковъ и одинъ отъ всѣхъ остальныхъ цеховыхъ корпорацій вмѣстѣ.

Однимъ изъ выборныхъ представителей этого управленія былъ Яковъ Артевельдъ [1]). Онъ уже ранѣе занималъ городскую должность по податнымъ сборамъ и былъ довольно богатымъ человѣкомъ, владѣя большими загородными польдерами и выгодно женившись на дочери богатаго гентскаго купца. Артевельдъ впервые рѣзко выступилъ противъ графа послѣ ареста своего тестя, заподозрѣннаго графомъ въ измѣнѣ. Въ 1337 году, на многолюдномъ собраніи въ Гентѣ, Артевельдъ убѣдилъ горожанъ въ необходимости установленія прочнаго мира съ Англіей и организаціи союза фландрскихъ, брабантскихъ, геннегаускихъ и нидерландскихъ городовъ съ цѣлями общей защиты торгово-промышленныхъ интересовъ. Рѣчь Артевельда отвѣчала настроенію большинства, и поэтому скоро организовалась прочная федерація городовъ разныхъ областей, и былъ заключенъ миръ съ англичанами. Съ восторженными овиціями встрѣченъ былъ корабль съ англійскою шерстью.

Сильно встревоженный этими событіями французскій король поручилъ графу внимательно слѣдить за дѣйствіями фла-

[1]) Pirenne (Histoire de la Belgique) отрицаетъ принадлежность Артевельда къ пивоваренному цеху. Другіе считаютъ, что Артевельдъ принадлежалъ къ цеху суконодѣловъ.

мандцевъ и для этого дружески относиться къ населенію, чтобъ вызвать довѣріе и точно разузнать о сношеніяхъ Фландріи съ Англіею. Но въ виду совершившагося, французскій король поспѣшилъ дать свое согласіе на нейтралитетъ фландрскихъ городовъ въ англо-французской войнѣ. Этотъ нейтралитетъ былъ скоро нарушенъ проѣздомъ англійскаго короля черезъ Антверпенъ въ Германію. Да и городу Генту съ его вожакомъ Артевельдомъ нужна была война для преобладанія Гента надъ всею Фландріею. Нарушеніе нейтралитета и попытка Эдуарда англійскаго подкупить графа заставили послѣдняго уѣхать въ Парижъ, хотя самъ графъ не скупился на подкупы и угрозы Якову Артевельду. Только ни посулы, ни угрозы казнью тестя, ни интердиктъ на Фландрію не подѣйствовали на Артевельда, увѣреннаго, что за него стоитъ большинство населенія.

Какъ только уѣхалъ графъ, гентцы поспѣшили выбрать новаго фландрскаго графа — простого гентскаго банкира, служившаго только ширмою, а въ дѣйствительности управлялъ Артевельдъ. Послѣдній по вѣтности ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ представителей гентскаго самоуправленія; развѣ только нѣсколько повышеннымъ жалованьемъ отъ города, которое съ годами все увеличивалось. Вскорѣ союзными силами Фландріи и Англіи уничтоженъ былъ французскій флотъ въ Сѣверномъ морѣ. Въ этой войнѣ одного короля защищали фландрскіе дворяне и графъ, а за другого короля стояли города и крестьяне.

Все растущая власть Артевельда оньяняла его. Онъ перестаетъ замѣчать, что своимъ самовластіемъ становится невыносимъ одному изъ главныхъ союзниковъ Фландріи, герцогу брабантскому, и во время осады г. Турнэ, при отвоевываніи его отъ французовъ, Артевельдъ постоянно подчеркивалъ свое первенство. Онъ приказывалъ приводить къ своей палаткѣ плѣнниковъ французовъ и допрашивая заставлялъ ихъ при себѣ пытать. Неудачи этой осады, когда союзники совершенно покинули его, присоединясь къ французамъ, сильно подорвали престижъ Артевельда во Фландріи. Росла и злоба маленькихъ городовъ и деревень къ гентской монополіи. Напр., городокъ Уденордъ, совершенно порабощенный Гентомъ, взывалъ, вы-

ставляя девизъ: «Мечь и графъ», требуя возвращенія графа Неверскаго, чтобъ обуздать гентское самоуправство. Гентъ за эти годы достигаетъ апогея могущества, и онъ былъ соединенъ съ моремъ очень длиннымъ и глубокимъ каналомъ. Гентскія привилегіи держали въ цѣпяхъ всѣ другіе города Фландріи. Даже въ Иперѣ гентцы производили кровавыя побоища. Артевельдъ былъ поборникомъ гентской монополіи. но въ самомъ Гентѣ онъ встрѣчаетъ соперника въ лицѣ старшины могущественнаго ткацкаго цеха. Этотъ старшина былъ тоже представителемъ гентскаго самоуправленія.

Въ 1345 году произошла одна изъ кровавыхъ стычекъ на рыночной площади между ткачами и партизанами Артевельда, валяльщиками и красильщиками [1]). Первые вырѣзали болѣе 500 человѣкъ другихъ суконодѣловъ. а за строгую кару виновниковъ побоища Яковъ Артевельдъ былъ названъ: «Невыносимымъ тираномъ».

Сопротивленіе вліянію ткачей на гентское управленіе было главною причиною послѣдующей кровавой развязки съ Артевельдомъ. Тутъ никакой роли не играла измѣна и англійская дружба, продолжавшаяся и послѣ того. Англійскій король не нуждался болѣе въ Артевельдѣ. Даже прибывшаго въ Слюзъ короля онъ не могъ уговорить сойти на берегъ, что подорвало кредитъ Артевельда. какъ и неуплата королемъ обѣщанной субсидіи. Все ставилось въ вину Артевельду. Даже его ложно обвиняли въ нечестности.

Едва Артевельдъ успѣлъ вернуться въ Гентъ изъ Слюза (гдѣ тесть его былъ избранъ штадгалтеромъ), какъ въ его домъ ворвалась толпа враговъ и, убивая его съ нѣсколькими друзьями, кричала ему, что онъ: «воръ-измѣнникъ!» Тутъ дѣйствовалъ подкупъ французовъ и лиліертовъ, тотчасъ послѣ убійства возвратившихся во Фландрію съ французскимъ графомъ. Графъ былъ скоро убитъ англичанами въ битвѣ при Кресси (1346 г.).

Его сынъ, графъ де Маль, тонкій дипломатъ, лавировалъ между политикою Франціи и Англіи. возбуждая въ обоихъ ко-

---

[1]) Валяльщики проводили сукно черезъ послѣднія стадіи производства и поэтому иногда могли продавать сукно, чего другіе ремесленники по самой техникѣ дѣла, конечно, не могли дѣлать.

роляхъ этихъ страшъ надежды на содѣйствіе. Въ 1348 г. онъ заключилъ миръ съ Эдуардомъ III, а черезъ два года графъ де Мали заодно съ тремя большими городами Фландріи строго охранялъ этотъ нейтралитетъ, запрещая всякую поддержку которому нибудь изъ двухъ королей. при полнѣйшей свободѣ торговыхъ оборотовъ чужеземныхъ купцовъ.

Такъ было въ 1350 году, но еще въ началѣ 1348 г. изъ за допущенія и не допущенія самого графа во Фландрію шла ожесточенная борьба не только между городами, но и внутри городовъ. Въ Брюгге и Ипернѣ изъ-за этого происходили настоящія битвы. Небольшіе города. какъ. напр.. Удепордъ. Граммонъ, и крестьяне (vrije) цѣликомъ стали за новаго графа де Маля, сулившаго имъ защиту отъ тираннической монополіи Гента. Въ это время гентцы въ отместку захватывали графскія имѣнія. Въ Гентѣ, окруженномъ врагами. начала свирѣпствовать чума, за нею голодъ. Въ это время рыцарямъ съ толпою горожанъ. выселившихся изъ города. удалось ворваться въ чумный Гентъ. Они порерубили и побросали въ рѣку ткачей. ослабѣвшихъ отъ болѣзни и голода. Такимъ образомъ отворены были гентскія ворота графу де Малю. но послѣдній остерегся повторить неистовства своего отца въ Гентѣ. а далъ амнистію. ограничивъ преобладаніе ткацкаго цеха надъ другими цехами, но судъ былъ тогда въ рукахъ графскаго судьи—бальи, а всѣ патриціи и богачи окружали графа. Наступило временное замиреніе, или, лучше сказать, свирѣпствовавшая чума умиротворяла пока всѣхъ.

Чума, называвшаяся «черною смертью», свирѣпствовала почти повсюду (меньше всего въ Брабантѣ), но она косила свои жертвы преимущественно среди небогатаго населенія. Нашни запустѣли, цѣны на хлѣбъ и всѣ продукты страшно вздорожали, такъ что рабочіе совершенно не могли существовать за прежнюю заработную плату и вынуждены были поднять ее. Это произвело панику среди помѣщиковъ и предпринимателей. которые жалобами своими добились у королей и графовъ новаго права—прикрѣплять батраковъ на время уборки полей и запретить уходъ ремесленниковъ отъ мастерства. Почти всюду приняты были строжайшія мѣры и наказанія за уклоненіе отъ работы и за требованіе повышенной платы противъ разъ опредѣлен-

ной графомъ или герцогомъ, что вызвало рядъ крестьянскихъ и городскихъ бунтовъ. Такъ, наприм.. графиня геннегауская Маргарита (она же графиня Голландіи, Зеландіи, покровительница Фрисляндіи) приняла очень крутыя мѣры, чтобъ обезпечить ходъ колесъ государственной машины и заставить всѣхъ трудящихся работать по пониженнымъ цѣнамъ, хотя бы это вовсе не соотвѣтствовало самымъ низкимъ требованіямъ ихъ. Всѣ здоровые трудящіеся люди должны были на зарѣ выходить съ орудіями работъ на рынки для найма, иначе они подвергались штрафамъ, тюрьмѣ, даже «клейменію лба каленымъ желѣзомъ у позорнаго столба» и высылкѣ. Всѣмъ, въ томъ числѣ упоминаются даже кормилицы, запрещалось оставлять работу. Штрафы налагались и на работодателей, которые прибавляли плату. Безнаказанно можно было только сбавлять ее. Рабочіе всѣхъ странъ Европы, посѣщенныхъ черною смертью (чумою), подверглись этой участи, но въ меньшей степени въ городахъ Нидерландъ и Бельгіи. Съ прекращеніемъ чумы (1350 г.) и съ установленіемъ мира и нейтралитета во Фландріи, могущество Гента опять быстро растетъ, и этому способствуетъ присоединіе къ нему Антверпена и Мехельна, сдѣлавшее Шельду фландрскою рѣкою. Гентъ дѣлается главнымъ складомъ англійской шерсти, а Брюгге главнымъ центромъ ганзейскаго союза (съ 1356 г.). Всѣ южныя и сѣверныя страны собираются тутъ, такъ какъ Фландрія была центральнымъ складомъ и банкомъ Европы. Эти могущественные города, существовавшіе и зависѣвшіе отъ торговли, сами не очень много торговали, занимаясь преимущественно торговымъ посредничествомъ—маклерствомъ, напримѣръ, ганза даже запрещала своимъ членамъ принимать горожанъ Брюгге въ свои компаніоны.

Тогда во Фландріи впервые появляются запретительныя ввозныя пошлины на англійскія сукна, чтобъ поднять производство своихъ суконъ. Также повышаются налоги, обогащающіе однихъ только маклеровъ, мясниковъ, рыбаковъ и т. п. Страшно поднялись цѣны на предметы первѣйшей необходимости, безъ повышенія рабочей платы. Всего болѣе страдали отъ этого громадные цехи ткачей и другихъ суконщиковъ. Броженіе среди нихъ все усиливалось. Большіе города были переполнены всевозможными сектантами: бегардами, лоллардами и т. д., даже «бичу-

ющимися». Въ 1359 г. сукнодѣлы опять взяли верхъ въ большихъ городахъ, именно гентскіе, брюггскіе и иперскіе ткачи вновь захватываютъ власть надъ второстепенными городами и деревнями. Но графу де Маль и рыцарямъ съ помощью окружающихъ крестьянъ удалось ворваться въ Гентъ и ослить горожанъ, и онъ расправился съ ними жесточайшими казнями. Суля блага крестьянамъ, графъ говорилъ о созданіи крестьянскаго или четвертаго чина Фландріи изъ деревенскихъ округовъ и объ освобожденіи отъ монополій большихъ городовъ. Но при этомъ графъ самъ началъ пользоваться налогами съ деревенскаго ткачества. Поздѣйшіе мятежи, иперскія волненія 1366 и 1377 гг. остаются чисто городскими, не возбуждая ни малѣйшаго сочувствія во фландрской деревнѣ. Но города далеко еще не были сломлены, и когда графъ де Маль пытался нарушить обычныя правовыя отношенія, то натыкался на гордый и рѣзкій отпоръ. Такъ однажды графу захотѣлось устроить не на свой счетъ очень дорого стоившій турниръ, на который приглашались рыцари изъ дальнихъ странъ. Онъ приказалъ своимъ герольдамъ возвѣстить на улицахъ Гента о сборѣ денегъ на турниръ. Столь «необычный способъ просить (beden) денегъ у горожанъ» вызвалъ отказъ Гента. Разсерженный графъ обратился съ тѣмъ же къ Брюгге и безъ возраженій получилъ согласіе, такъ какъ одновременно онъ разрѣшалъ горожанамъ Брюгге рыть нужный городу каналъ не на городской землѣ, для соединенія Брюгге съ рѣкою и моремъ. Такой каналъ вовсе не улыбался коммерческимъ расчетамъ соперничавшаго Гента, и когда работы по канализаціи приблизились къ гентскимъ владѣніямъ, гентскіе ткачи перерѣзали всѣхъ рабочихъ канала (1379 г.). Это событіе сдѣлалось сигналомъ и для внутренней борьбы въ Гентѣ, за непредѣленную программу «прежней свободы». Графскій судья—бальи былъ убитъ, и сожжена старая крѣпость-замокъ, сооруженная, чтобъ держать Гентъ въ повиновеніи. Ткачи Брюгге и Ипера присоединяются къ гентскимъ ткачамъ, и опять всѣ три города въ ихъ полной власти. Всѣ бальи бѣжали, ихъ дома были разграблены и сожжены, возвращены изгнанники, и открыты тюрьмы. Богачи патриціи, или, какъ они въ то время называли себя: «goeden», «лучшіе люди», если не успѣвали

убѣжать изъ городовъ, то запирались въ своихъ домахъ и не выходили на улицу, потому что «захудалые людишки»—kwaden [1]) захватили власть. Ткачи большихъ городовъ ставили своихъ «коммиссаровъ» въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, принуждая деревни поставлять рекрутовъ въ городскія милиціи. Графъ де Маль бѣжалъ на границу въ Лиль и оттуда 1 декабря того же года прислалъ оффиціальное согласіе ткачамъ на ихъ представительство въ управленіи городовъ. Они установили представительство изъ 25 членовъ ткацкаго цеха въ трехъ большихъ городахъ. Гентъ давалъ девять и по восьми отъ Брюгге и Иперна. Кромѣ того, графъ обязывался произвести строгое разслѣдованіе о всѣхъ злоупотребленіяхъ, учиненныхъ патриціями, и дать возможность къ улучшенію положенія цеховъ. Только слѣдствіе, производившееся графскимъ судьею, вызвало новыя неудовольствія, съ обвиненіями въ лицепріятіи. Тутъ какъ разъ подосиѣло еще избіеніе рыцарями гентскихъ рыбаковъ, вновь поднявшее ткачей, только къ нимъ уже не пристали другіе цехи. Особенно въ Брюгге, гдѣ ткачи не преобладали, какъ въ Гентѣ, остальные цехи держались въ сторонѣ, и ихъ враждебность дошла до того, что брюггскимъ ткачамъ пришлось приглашать гентскихъ ткачей къ себѣ на помощь противъ остальныхъ брюггскихъ цеховъ, но ткачей все-таки побили въ Брюгге.

Изъ-за ненависти къ ткачамъ большихъ городовъ съ ихъ давящею монополіею у графа является все большее число приверженцевъ, и ему опять удается ворваться въ Брюгге и Иперъ и произвести тамъ расправу съ ткачами—высылками и смертною казнью. Въ это время Гентъ крѣпко держался за своими чрезвычайно прочными стѣнами, и хотя графъ въ 1389 году трижды осаждалъ его, вылазки гентской милиціи были такъ энергичны и часты, что Гентъ походилъ скорѣе на осаждающаго, чѣмъ на осажденнаго. Изъ союзнаго съ нимъ Люттиха удалось переслать до 600 фургоновъ припасовъ, въ виду начинавшагося недостатка въ Гентѣ. Голодъ все-таки забрался

[1]) Названія «лиліертъ» и «клаувертъ» давно уже вышли изъ употребленія, замѣнившись прозваніями «goeden», т. е. «лучшіе—богатые» и «kwaden» «худые» или «захудалые людишки».

въ Гентъ, но этотъ энергическій городъ, вмѣсто мысли о сдачѣ, собираетъ всѣ свои силы для рѣшительной битвы. Гентскіе сукнодѣлы припоминаютъ блескъ и величіе при Яковѣ Артевельдѣ. и это имя пробуждаетъ надежду на помощь Англіи. что и заставляетъ гентцевъ обратиться къ сыну убитаго, къ Филиппу Артевельду—крестнику англійской королевы. Онъ жилъ чрезвычайно уединенно. принадлежалъ даже къ сектѣ лоллардовъ и долго колебался принять на себя отвѣтственность вождя; но какъ только онъ взялъ бразды правленія, въ немъ тотчасъ сказались наслѣдственныя организаторскія способности отца въ установленіи образцовой дисциплины (онъ не преминулъ, однако, тотчасъ казнить 12 человѣкъ, виновныхъ въ убійствѣ отца). Руководимая имъ гентская милиція быстро выступила, направляясь прямо на Брюгге. гдѣ тогда находился графъ де Маль. Тамъ какъ разъ былъ большой праздникъ съ процессіею «святой крови», только что привезенной изъ Іерусалима. Весь Брюгге весело пировалъ по случаю праздника, когда гентское ополченіе подошло къ его стѣнамъ. Графъ де Маль хотѣлъ было отложить битву на утро, но рыцари завѣрили его, что: «очень легко справиться съ изголодавшимся гентскимъ воинствомъ», и смѣло выступили за ворота; тутъ ихъ до того оглушили выстрѣлы изъ мушкетовъ (Donnerbüchsen) и взрывчатыя вещества, что рыцари опрометью бросились назадъ, къ воротамъ, а гентцы, гнавшіеся за ними по пятамъ, ворвались въ городъ и заняли рыночную площадь.

Графъ, только благодаря наступившей темнотѣ, въ чужомъ платьѣ, вплавь перебрался черезъ ровъ и убѣжалъ отъ гентцевъ. захватившихъ Брюгге. Гентцы не обижали только брюггскихъ ткачей, за то избивали и грабили маклеровъ и всѣхъ «goeden». И Филиппъ Артевельдъ. покидая Брюгге. вручилъ защиту его брюггскимъ ткачамъ, не позабывъ, однако, разломать брюггскія башни, для того чтобы отнынѣ Брюгге былъ въ зависимости отъ Гента.

За этою побѣдою Гента, всѣ города вновь подчиняются ему. Филиппъ Артевельдъ названъ «хранителемъ земскаго мира». и надпись на монетѣ гентской чеканки гласила: «свободная гентская республика и ея «рувардъ» Филиппъ Артевельдъ». Эта республика отправила пословъ къ англійскому королю Ричар-

ду II съ предложеніемъ: «содѣйствія въ достиженіи французской короны, законно ему принадлежащей».

Графъ де Маль явился въ Парижъ со своею первою просьбою о помощи. Этого строптиваго графа очень тамъ не долюбливали за нейтральность его политики и, конечно, поддержки бы ему не оказали, хотя онъ и былъ женатъ на племянницѣ французскаго короля, съ приданымъ въ видѣ городовъ Лиля и Дуэ. Но онъ получилъ это въ 1370 г., когда французскій король еще питалъ надежду на услужливость графа.

Все-таки расчетъ графа де Маля оказался вѣрнымъ относительно поддержки въ Парижѣ, благодаря тому, что гентцы не признавали французскаго пану въ Авиньонѣ (Климента VII), а признавали римскаго папу (Урбана VI). То было время раскола, схизмы въ католической церкви. На счастье графа, папа Клементъ VII не могъ не благословить крестоваго похода во Фландрію (1382 г.), и тогда же на французскомъ тронѣ находился безхарактерный Карлъ VI, бывшій всецѣло подъ вліяніемъ своего дяди, герцога бургундскаго, Филиппа Смѣлаго, для котораго это было почти вопросомъ жизни (владѣнія Филиппа Смѣлаго узкою полосою лежали между Франціею, Германіею и Нидерландами).

Герцогъ Бургундскій, женатый на дочери фландрскаго графа де Маля, разсчитывалъ получить Фландрію въ наслѣдство за женою, по смерти тестя (у фландрскаго графа де Маля не было сыновей — наслѣдниковъ). Узнавъ, что его тестю, графу де Малю пришлось бѣжать въ чужомъ платьѣ и вплавь перебраться черезъ ровъ изъ Брюгге, спасаясь отъ гентцевъ, онъ страшно встревожился, какъ бы Фландрія—его наслѣдіе — не ушла изъ его рукъ. Все свое вліяніе онъ приложилъ, чтобъ упросить короля выслать войско во Фландрію, и это ему удалось, хотя для Франціи теперь не представлялось никакой выгоды отъ этого похода. Но за то герцогу Филиппу Бургундскому удалось, такъ сказать, чужими руками добыть горячіе каштаны изъ огня, завоевать свое будущее владѣніе, не вызвавъ злобы фламандцевъ—вѣдь не онъ велъ войну, а французскій король. Съ другой стороны, герцогъ встрѣтилъ горячій откликъ во французскомъ рыцарствѣ, приверженномъ французскому папѣ Клименту VII. Большинство, конечно, соблазнялось богатою

добычей во фландрскихъ городахъ, не считая уже удовольствія увидѣть склоненными у своихъ ногъ упрямыя и сѣдыя головы гентскихъ мѣщанъ.

Громадное французское войско вступило во Фландрію, гдѣ вовсе не было того національнаго подъема, какъ въ былыя времена «шпорной битвы». Теперь крестьяне и маленькіе города вовсе не сочувствовали Генту. Этому отсутствію одушевленія приписывается неудача дѣла при Росбекѣ 1382 г. Виновата и тактика Артевельда. Битва длилась всего нѣсколько минутъ, при чемъ часть обойденныхъ съ фланга фламандцевъ бѣжала, а героически билась до фатальнаго конца одна милиція ткачей, вся погибшая, не попросивъ пощады. 30,000 труповъ лежало на полѣ битвы и между ними Филиппъ Артевельдъ. Ихъ не дозволили хоронить, потому что французскій папа Клементъ считалъ ихъ еретиками за приверженность римскому папѣ. Иперъ и Брюгге, тоже признававшіе римскаго папу Урбана VI, вынуждены были принять Климента VII авиньонскаго, выдать свои привилегіи и вольности. Послѣдовали казни и конфискаціи имуществъ. Городокъ Куртре былъ преданъ огню за то, что въ его церкви, въ видѣ побѣдныхъ трофеевъ, найдены тысячи золотыхъ французскихъ шпоръ «шпорной битвы». Только Гентъ упрямо держался за своими сильными укрѣпленіями. Англійскій король поздно выслалъ помощь Генту, и эти запоздалые отряды, постоявъ около Брюгге, ушли какъ разъ передъ прибытіемъ свѣжихъ французскихъ силъ. Не унывавшій Гентъ смогъ еще захватить города Кведенарде и Дамме, послѣ чего Ричардъ англійскій опять выслалъ помощь Генту. Тутъ герцогъ Бургундскій, Филиппъ Смѣлый, подъ предлогомъ похода въ Англію, собралъ отряды, но единственно для того, чтобы ввести во Фландрію своего тестя, графа де Маля. Послѣ чего Филиппъ Смѣлый началъ переговоры съ Гентомъ, «великодушно» изгоняя французскій языкъ, т. е. заставляя французскую военную канцелярію переписываться по-фламандски съ Гентомъ. Около того же времени умиралъ графъ де Маль, смертельно раненый кинжаломъ какою-то таинственною личностью. Создалась легенда, что въ день смерти и агоніи этого послѣдняго французскаго графа во Фландріи разразился сильнѣйшій ураганъ, не сломившій ни одного дерева,

не сокрушившій ни одной церковной колокольни, только трупы на висѣлицахъ, покрывавшихъ тогда всю Фландрію, страшно качались, и горожане говорили, что: «Мертвые какъ-то одобрительно киваютъ головами изъ висѣльныхъ петель».

Въ условіяхъ капитуляціи Гента герцогъ бургундскій допустилъ полную свободу совѣсти, т. е. право признавать римскаго папу Урбана VI, и сохраненіе гентскихъ привилегій. Онъ самъ переписывался съ Гентомъ на фламандскомъ языкѣ, предоставляя ему довольно почетныя условія мира, чтобъ не раздражать этого сильнаго города, который своимъ сопротивленіемъ ставилъ герцогу единственное препятствіе для вступленія въ права наслѣдства послѣ смерти тестя, фландрскаго графа де Маля.

Какъ чудовищный полипъ, бургундскій герцогскій домъ съ теченіемъ времени всасываетъ въ себя всѣ области. Герцоги завладѣваютъ ими то при помощи выгодныхъ браковъ, то покупками, а главнымъ образомъ ловкою политикою захватовъ и объединяютъ все въ одно централистическое государство. Способствовало этому и стремленіе населенія нѣкоторыхъ областей, которыя сплачивались изъ за промышленныхъ и хозяйственныхъ выгодъ, такъ, напр., Лимбургъ съ Брабантомъ, Голландія съ Зеландіею. Къ централизаціи вело также и разложеніе всего феодальнаго строя (см. главу V), соперничество городовъ и растущая ненависть къ нимъ крестьянства.

ГЛАВА IV.

Очеркъ исторіи брабантскаго герцогства, епископства люттихскаго, голландскаго графства, гельдернскаго герцогства, Фрисляндіи, епископства утрехтскаго.—Геннегаускіе парламенты.

Въ сосѣднемъ съ Фландріею брабантскомъ герцогствѣ герцоги были ленниками германскихъ императоровъ и тутъ повторилась та же исторія, т. е. герцоги сдѣлались самостоятельными властителями, а ихъ германскіе сюзерены тщетно пытались дотянуть свои щупальцы до этихъ, по тогдашнему, отдаленныхъ странъ. Властные брабантскіе герцоги считали себя потомками

Карла Великаго, а потому равными германскимъ императорамъ. Цѣлый рядъ наслѣдственныхъ брабантскихъ герцоговъ слѣдовалъ другъ за другомъ, и въ теченіе трехсотъ лѣтъ они превратились въ истыхъ брабантцевъ своими нравами и интересами. Эти герцоги имѣли много земель, и сначала имъ совершенно хватало личныхъ средствъ, но съ развитіемъ власти и территорій приходилось раздавать содержаніе и земли герцогскимъ судьямъ. Всего больше поглощали ихъ достатки войны да новыя привычки къ роскоши, и герцогамъ приходилось обращаться къ займамъ у заграничныхъ заимодавцевъ, а это влекло за собою непріятныя неожиданности для брабантскихъ купцовъ, такъ какъ по закону за долги герцоговъ должны были отвѣчать товары брабантскихъ купцовъ, и ихъ описывали, сажали въ тюрьмы за герцогскіе долги. Понятно, что положеніе купцовъ и патриціевъ становилось такъ невыносимо, что брабантскія торговыя гильдіи предпочли принять на себя суды герцогу и не отказывать въ его «beden», просьбахъ о помощи.

Какъ уже выше было упомянуто, въ брабантскихъ городахъ только патриціи обособлялись въ замкнутую касту. Купеческая же гильдія, въ противоположность фландрскимъ «большимъ суконщикамъ», принимала въ свое членство разбогатѣвшихъ плебеевъ, т. е. цеховыхъ мастеровъ. Тутъ патриціи и купеческая гильдія не заводили ссоръ съ герцогами, какъ фландрскіе патриціи со своими графами, поэтому брабантцы легче справлялись съ мятежными цехами при помощи герцоговъ. Хотя въ 1302 г. въ г. Антверпенѣ цехи добились выбора судьи изъ своей среды, а въ г. Герцогенбушѣ они устранили магистратъ изъ патриціевъ съ образованіемъ цехового магистрата, но только это не долго продолжалось, и въ г. Лувенѣ скоро появились запрещенія цехамъ показываться съ оружіемъ на улицахъ, собираться свыше четырехъ человѣкъ, а по окончаніи работъ, т. е. послѣ звона вечерняго колокола, они должны были возвращаться въ свои пригороды, иначе присуждались къ ссылкѣ и къ смертной казни.

Въ 1306 г. патриціи Брабанта окончательно одолѣли цеховыя корпораціи, при содѣйствіи герцога, которому они не отказывали въ судахъ. При этомъ патриціи требовали участія въ управленіи Брабантомъ. Между герцогомъ и патриціями

бывали рѣдкія ссоры, и за нихъ они лишали его денегъ. Однажды герцогское войско было разбито городскими милиціями, при осадѣ герцогомъ одного брабантскаго города, и за эту осаду герцогъ поплатился. Ему сильно понадобились вскорѣ деньги, а города ему не давали. Тогда ничего не оставалось дѣлать герцогу Іоанну II, въ 1312 г., какъ созвать въ свой замокъ Кортенбергъ совѣтъ, состоявшій изъ 16 представителей отъ рыцарства и 18 отъ городовъ, и онъ подписалъ знаменитую «Кортенбергскую хартію» или «Кортенбергскій законъ», положившій основаніе государственному брабантскому управленію съ участіемъ четырнадцати представителей отъ дворянства и горожанъ, именно: четырехъ отъ рыцарства и десяти отъ городовъ. Эта хартія ограждала не только городское самоуправленіе, но и судъ присяжныхъ по брабантскимъ законамъ съ брабантскими адвокатами. Послѣ смерти герцога его наслѣдникъ герцогъ Іоаннъ III, тоже сильно нуждавшійся въ деньгахъ, обратился къ городамъ за ссудою, но получилъ отъ нихъ предложеніе подписать такъ называемую «Брабантскую и Фламандскую хартію 1314 года», гдѣ кромѣ контроля надъ герцогской казной, содержались требованія уничтоженія продажи должностей, устанавливался надзоръ за употребленіемъ денегъ, назначаемыхъ на улучшеніе путей сообщенія, «чтобъ онѣ не шли на что нибудь иное, ничего общаго съ путями сообщенія не имѣющее». Съ усиленіемъ герцогскихъ войнъ образовался еще новый усиленный совѣтъ контроля за расходами, состоявшій изъ двухъ рыцарей и четырехъ горожанъ (по два изъ г. Брюсселя и г. Лувена). При слѣдующемъ герцогѣ, чужестранцѣ (мужѣ дочери покойнаго Іоанна III), города и рыцари относились къ нему такъ, словно онъ только претендентъ на герцогство. Они поставили ему новыя условія, которымъ онъ вынужденъ былъ присягнуть въ 1356 г. Эта знаменитая хартія прозвана «joyeuse entrée». «Blyde incomst» или «Радостный въѣздъ» герцога-чужеземца, якобы совершившійся съ согласія страны, т. е. трехъ брабантскихъ штатовъ: духовенства, дворянства и горожанъ. Хартіею «Радостный въѣздъ» постановлялось, что веденіе войнъ и чеканка монеты должны совершаться съ согласія совѣта вышесказанныхъ представителей штатовъ. Совѣтниками герцога по брабантскимъ дѣламъ должны быть только урожденные бра-

бантцы, и только съ согласія штатовъ герцогъ могъ возвышать духовенство, болѣе, чѣмъ это было въ обычаѣ въ Брабантѣ. Всякое нарушеніе герцогомъ постановленій хартіи освобождало и штаты Брабанта отъ присяги, «послѣ чего они могли поступать, какъ ничѣмъ болѣе не связанные люди». Съ той поры въѣздъ каждаго новаго наслѣдственнаго герцога сопровождался ликованіями и обставлялся съ невѣроятною роскошью. Горожане не скупились на празднества и украшеніе своихъ улицъ въ эти знаменательные дни герцогской присяги, подтверждавшей широкія права трехъ брабантскихъ штатовъ. Драгоцѣннѣйшіе восточные ковры, брабантскій бархатъ и шелкъ, дорогіе цвѣты служили для украшеній городскихъ стѣнъ, улицъ и тріумфальныхъ арокъ. Непрерывною чередою слѣдовали фееріи, аллегоріи, потѣшные огни, музыка, пиршества, состязанія въ стрѣльбѣ и проч.

При широкихъ правахъ трехъ брабантскихъ штатовъ положеніе крестьянъ было почти такое-же, какъ и вездѣ. Весь Брабантъ почти сплошь былъ покрытъ феодальными вотчинами съ массами крѣпостныхъ, но отбываніе барщины замѣнялось усиливающимся взиманіемъ оброковъ.

Среди городского населенія цехи суконодѣловъ не преобладали, какъ во Фландріи, ихъ было гораздо меньше, а поэтому борьба здѣсь не была такою постоянною и обостренною. Цехи Лувена, недовольные своимъ городскимъ судомъ въ 1360 г., какъ-то добились правъ на выборъ судьи изъ своей среды, что ограждало бы ихъ отъ самоуправства патриціевъ, но послѣднимъ удалось это передѣлать въ тотъ удобный для нихъ моментъ, когда у герцога была война, не было денегъ, а были одни долги. Патриціи не отказали ему въ большой субсидіи, подъ условіемъ оказать имъ содѣйствіе противъ цеховъ.

Не много времени прошло съ той поры, герцога страшно перепугали такъ называемые «гентскіе бѣлошапочники» [1]), распространявшіе свой бунтъ и за предѣлы Фландріи въ Брабантъ и Геннегау. Они жгли замки, и заодно съ ними лувенскіе цехи взялись за свои арбалеты и копья. Смущенный герцогъ погре-

[1]) Гентскіе мятежники, низшіе классы, носившіе бѣлыя неокрашенныя войлочныя шапки.

бовалъ отъ патриціевъ: «скорѣйшаго возстановленія попранныхъ ими правъ лувенскихъ цеховъ». Только дѣло осложнилось неожиданнымъ происшествіемъ. Въ Брюсселѣ, герцогской резиденціи, случайно былъ убитъ депутатъ отъ лувенскихъ цеховъ, отправленный къ герцогу для окончательныхъ переговоровъ о возстановленіи выборнаго судьи цеховыхъ корпорацій. Убитый депутатъ былъ любимцемъ и популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Лувенѣ — цеховой мастеръ Вутеръ ван-дер-Гейнъ, а убилъ его патрицій, изгнанный цехами изъ Лувена. Какъ только вѣсть дошла до Лувена, тамъ всѣхъ патриціевъ засадили въ тюрьму и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія брюссельскаго суда по дѣлу объ убійствѣ лувенскаго уполномоченнаго. Случилось, что въ эту пору герцогъ отсутствовалъ, а герцогиня въ Брюсселѣ не торопила судей. Раздраженные затяжкою разбора этого дѣла и подъ давленіемъ вѣстей о подкупѣ и о задабриваніи герцога родственниками виновнаго патриція, лувенцы вышли изъ себя, бросились въ тюрьму къ патриціямъ и побросали ихъ изъ оконъ на копья и мечи стоявшей подъ окнами толпы. Скоро пришлось имъ горько раскаяться въ своей горячности и просить извиненія у герцога. Онъ не принялъ извиненій и осадилъ Лувенъ, которому пришлось спѣшно запирать ворота. Герцогъ пробилъ брешь въ стѣнѣ метательными орудіями и ввелъ свое войско. Лувенъ тогда утратилъ всѣ свои цеховыя привилегіи.

Лѣтъ черезъ 18 цеховыя корпораціи выручила все усиливающаяся торговая конкурренція другихъ городовъ и Англіи, подорвавшая доходы брабантской купеческой гильдіи, вслѣдствіе чего и субсидіи ея герцогу начали сокращаться, а соотвѣтственно этому падало вліяніе на герцога патриціевъ и купцовъ. Это ярко сказывается въ 1385 г., но уже въ 1378 году брабантскіе цехи добиваются участія въ городскомъ совѣтѣ, съ организаціею десяти цеховыхъ группъ (nations) [1]) и ихъ представительства. При герцогѣ Іоаннѣ IV брабантскіе города совершенно завладѣваютъ управленіемъ Брабанта, но съ наступ-

[1]) Въ Брюссельской ратушѣ имѣются изображенія цеховыхъ группъ (nations) въ оригинальныхъ костюмахъ, не лишенныхъ изящества. На этихъ большихъ картинахъ бодрыя, смѣлыя фигуры представителей цеховыхъ корпорацій въ роскошныхъ костюмахъ торжественныхъ процессій.

леніемъ бургундскаго періода начинается централизація, которую вводили герцоги бургундскаго дома, завладѣвшіе всѣми областями.

На югѣ Бельгіи въ городахъ Люттихской епископской области (или льежской области), гдѣ преобладало валлонское населеніе, не существовало борьбы между цехами, какъ во Фландріи, потому что не было такихъ преобладающихъ цеховъ суконодѣловъ, какъ тамъ.

Драгоцѣнности, которыми живетъ теперь эта часть Бельгіи, были еще скрыты подъ землею, и вмѣсто громадныхъ, черныхъ территорій, окружающихъ теперь угольныя копи и металлическое производство, тогда еще цвѣли и зеленѣли луга и поля, покрывая холмы. Только въ г. Динанѣ нѣсколько позже преобладалъ надъ другими цехъ мѣдниковъ. Цехи не только не воевали между собою, но рыцари и духовенство примыкали къ цехамъ и горожанамъ для борьбы со своимъ феодаломъ епископомъ. Въ 1209 году проповѣдникъ Давидъ изъ Динана вывезъ изъ Парижа ученье секты братьевъ и сестеръ «свободнаго духа», дѣлившихъ имущество между собою. Они учили, что Богъ вездѣсущъ, а «потому и въ человѣкѣ всѣ стремленія безъ исключенія божественны». Тяжелые поборы патриціевъ вызвали не только отпоръ, но и ужасающія неистовства цеховъ. Дѣло дошло до того, что они загнали патриціевъ въ церковь св. Мартина и, заперевъ всѣ выходы, сожгли ихъ съ церковью. Послѣ этого Люттихъ былъ долго во власти однихъ цеховъ, а его городской совѣтъ состоялъ изъ представителей 34 цеховъ по два отъ каждаго цеха, которые передавали постановленія по городскимъ дѣламъ для контроля всѣмъ предѣтельствующимъ цеховыхъ общинъ. Уже въ 1303 году цехи г. Люттиха впервые стали избирать одного изъ двухъ бургомистровъ. Епископская власть была тоже ограничена. Послѣ пятидесятилѣтнихъ попытокъ люттихскихъ епископовъ захватить неограниченную свѣтскую власть, въ 1316 году, былъ установленъ «миръ при Фексе» — передышка послѣ ожесточенной войны городскихъ милицій съ епископскимъ войскомъ. При миролюбивомъ епископѣ Іоаннѣ Арклеѣ горожане дѣлаются совершенными хозяевами въ 1364 г., и тогда въ управленіи находилось 200 представителей перезбиравшихся еже-

годно. Правомъ голосованія обладали даже юные ученики. Звономъ вѣчевого колокола всѣ цехи, даже ихъ жены и дѣти, собирались и переполняли громадный дворъ или площадь епископскаго дворца, гдѣ происходили своеобразнѣйшіе митинги. Лѣтописецъ говоритъ: «Во время дебатовъ каждый изъ 34 цеховъ пользовался совершенно независимымъ мнѣніемъ, но нерѣдко горланы одерживали верхъ. Что касается городскихъ бургомистровъ, то они болѣе всего боялись отвѣтственности и заподазрѣваній въ измѣнѣ, а потому придерживались только мнѣній большинства относительно правового порядка». Въ 1373 г. при епископѣ Энгельбертѣ опять возобновилась борьба съ участіемъ въ ней рыцарей, заключившаяся миромъ, прозваннымъ «миромъ двадцати двухъ». установившимъ выборный порядокъ епископскихъ судей и чиновниковъ и дозволявшій избраніе ихъ только среди мѣстнаго населенія, подъ контролемъ 22 представителей: четырехъ отъ рыцарей, четырехъ отъ духовенства и 14 отъ горожанъ.

Сосѣдніе крупные феодалы, т. е. графы и герцоги, какъ вездѣ, ходатайствовали у папъ о назначеніи епископомъ кого-нибудь изъ ихъ родственниковъ или приближенныхъ приверженцевъ. на случай войны съ сосѣдомъ, такъ какъ люттихская область занимала центральное положеніе. Въ 1390 г. епископомъ назначенъ былъ семнадцати-лѣтній сынъ голландскаго графа, благодаря ходатайству этого графа у папы и германскаго императора. Но Іоаннъ съ самаго пріѣзда въ Люттихъ не хотѣлъ связывать себя посвященіемъ въ епископство, надѣясь скоро наслѣдовать голландскую графскую корону. Несмотря на то, что онъ все откладывалъ свое посвященіе, онъ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ назывался епископомъ. Въ Люттихѣ не сочувствовали воинственности Іоанна, вѣчному затѣванью дракъ съ сосѣдями, а тѣмъ менѣе его стремленіямъ возстановить прежніе, давно уничтоженные порядки. Такимъ образомъ не только горожане. но и большинство духовенства и рыцарей были противъ Іоанна. Выше было уже сказано. почему не въ интересахъ феодальнаго дворянства было бы воевать за епископовъ. Большинство священниковъ придерживалось партіи сильныхъ горожанъ, остальные стали бояться иначе относиться послѣ казней нѣсколькихъ собор-

ныхъ священниковъ. Партія противъ Іоанна все усиливалась. и эту партію союзники Іоанна прозывали «hedrie» или «haydroits», т. е. «ненавистниками епископскаго права».

Въ 1394 г. Іоаннъ спѣшно уѣхалъ изъ города Люттиха въ Маастрихтъ, объявивъ Люттихъ лишеннымъ городскихъ правъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе всѣ города люттихской области образовали союзъ и въ 1403 г. чуть не сняли головъ нѣсколькимъ рыцарямъ. присоединившимся было къ Іоанну, когда они задумали стѣснять передвиженіе народа изъ деревень въ городъ и обратно.

Іоаннъ изъ захваченнаго имъ Маастрихта издалъ хартію, ограничивающую выборный судъ съ введеніемъ новыхъ избирательныхъ правилъ, но въ отвѣтъ на это, въ 1404 году, уполномоченные отъ союзныхъ городовъ люттихской области объявили полную отставку Іоанну. Люттихцы избрали другого епископа Дитриха Горна. въ виду того, что Іоаннъ не былъ еще посвященъ въ епископскій санъ. Избраніе новаго епископа совершилось по всѣмъ каноническимъ правиламъ, т. е. два соборныхъ священника голосовали за новаго епископа, папа Иннокентій VII призналъ его, а слѣдующій папа Бенедиктъ XIII посвятилъ его. Люттихцы призвали на помощь противъ Іоанна двухъ герцоговъ съ войсками (герцога Гельдерскаго Райнальда IV и герцога Орлеанскаго), но у Іоанна имѣлось гораздо болѣе сильныхъ союзниковъ, во-первыхъ за него стояли его родственники въ Голландіи и въ Баваріи, затѣмъ графъ геннегаускій и герцогъ бургундскій. Іоаннъ гордо выслалъ требованіе полной покорности, а люттихцы отвѣтили на это дерзкимъ издѣвательствомъ и вмѣсто пергамента съ городскими печатями выслали ему обрубокъ дерева, къ которому въ видѣ печатей подвѣшены были на тесьмахъ комки засохшаго коровьяго навоза. Въ отвѣтъ на это со стѣнъ Маастрихта ручьемъ полилась кровь плѣнныхъ люттихцевъ, а изъ городскихъ воротъ Маастрихта были вытолкнуты семеро плѣнныхъ люттихцевъ съ выколотыми глазами—седьмой былъ ослѣпленъ на одинъ глазъ, чтобъ довести остальныхъ до Люттиха въ назиданіе своимъ согражданамъ.

Люттихцы избрали вождемъ отца своего новаго епископа, только не послушались его совѣта ограничиться обороною вну-

три города и не предпринимать вылазокъ за городскими стѣнами съ рискованной борьбою въ открытомъ полѣ, но люттихская милиція, понадѣявшись на свою численность и артиллерію, вступила въ открытый бой, разсчитывая на то, что союзники Іоанна еще не успѣютъ подойти къ нему. Они очень ошиблись. Рыцарскія конницы окружили, прорвали флангъ и смяли ихъ пѣхоту, продолжая рѣзню въ теченіе двухъ часовъ. Неслабшееся люттихское ополченіе только напрасно длило ужасающее кровопролитіе битвы при Оте. Оно все полегло, а люттихскій вождь съ новымъ епископомъ — отецъ съ сыномъ, найдены убитыми на полѣ битвы, обнявъ другъ друга въ послѣдній разъ. Когда милиція была перебита, въ лагерь Іоанна, на пятый день, явились горожане, въ знакъ приниженности безъ шлянъ, босикомъ, съ горящими свѣчами въ рукахъ, и, по обычаю, упали на колѣни, моля пощады своему городу. Но Іоаннъ не даромъ носитъ въ исторіи прозваніе Іоанна Безпощаднаго, онъ потопилъ въ Маасѣ не только всѣхъ священниковъ, посвященныхъ новымъ епископомъ, но и множество женщинъ и стариковъ. Послѣ уничтоженія милиціи «ненавистниковъ права», противъ этой партіи въ городахъ вооружились «лучшіе люди — goeden». Іоаннъ сжегъ цеховыя знамена, уничтожилъ всѣ привилегіи и избирательныя права, набиралъ судей только изъ чужеземцевъ, велѣлъ сломать стѣны и укрѣпленія множества городовъ, а въ пользу герцоговъ и графовъ, помогавшихъ ему уничтожить союзъ люттихскихъ городовъ. Іоаннъ приказалъ горожанамъ выплатить 220.000 кронъ.

Черезъ два года Іоанну пришлось признать неисполнимость введеннаго имъ управленія, такъ какъ въ городахъ царствовала полнѣйшая анархія. Іоаннъ долженъ былъ допустить выборы 34 совѣтниковъ отъ 17 цеховъ, которые вмѣстѣ съ соборными священниками и епископскимъ верховнымъ совѣтомъ стали во главѣ управленія. Въ томъ же году Іоаннъ отказался отъ люттихскаго епископства и уѣхалъ въ Голландію для наслѣдованія графствомъ Голландскимъ и Геннегаускимъ. Какъ только онъ выѣхалъ, цехи заказали себѣ новыя знамена, вмѣсто сожженныхъ Іоанномъ, возстановили привилегіи и самоуправленіе. Новый епископъ (въ 1419 г.) не допускалъ участія

юношей въ выборахъ, а только отцамъ семействъ, да и то средняго достатка, разрѣшалъ права голосованія въ избраніи двадцати двухъ пожизненныхъ коммиссаровъ изъ дворянъ и горожанъ. Эти коммиссары въ свой чередъ избирали среди цеховъ 32 уполномоченныхъ, и ужъ послѣдніе выбирали городского бургомистра.

Къ этому времени уже развилась металлургическая и угольная индустрія съ новыми цехами углекоповъ и горныхъ рабочихъ, которыхъ старые городскіе цехи не допускали къ выборамъ, что доводило до кровавыхъ стычекъ.

Несмотря на уступки новаго епископа, въ немъ видѣли только креатуру герцога бургундскаго, и когда люттихцы попытались возстановить свои старые порядки, разсержепный епископъ (Людовикъ бурбонскій) тотчасъ уѣхалъ въ г. Гюи (люттихской области) и, отозвавъ своего судью-балью, лишилъ Люттихъ судопроизводства. Люттихцы тотчасъ написали епископу: «Не думайте, что сможете превратить нашъ громадный городъ въ какую-то неимѣющую своего судопроизводства деревню, — мы сами организуемъ судъ». Епископскіе судьи въ деревняхъ вмѣсто фламандскаго языка употребляли непонятную для народа латынь, сильно затягивали дѣла и отличались невѣроятнымъ лихоимствомъ. Хроника 1461 года сообщаетъ слѣдующее: «бѣдные и молодые въ шапкахъ, на которыхъ значки изображали человѣка съ дубиною, не только изгоняли, но и убивали епископскихъ прокураторовъ». 1461 годъ въ Люттихской области напоминаетъ годы крестьянскихъ войнъ въ Германіи, гдѣ также нѣкоторые рыцари брали на себя роль народныхъ вожаковъ.

Скоро люттихцы узнали, что на нихъ идетъ съ большимъ войскомъ Карлъ, сынъ бургундскаго герцога, чтобъ возстановить своего родственника, епископа. Люттихцы спѣшно снарядили посольство къ французскому королю Людовику XI, прося помощи. Онъ пообѣщалъ помочь, но этотъ всегдашній врагъ и соперникъ бургундскихъ герцоговъ былъ очень остороженъ, и съ появленіемъ громаднаго войска Карла французы вступали въ ряды бургундцевъ, чтобъ избивать люттихцевъ, только что успѣвшихъ прокричать: «Да здравствуетъ Франція!» Бургундцы съ французами сожгли городъ, разбивъ городскую милицію,

уничтожили привилегіи и общины и возстановили епископа въ Люттихѣ.

Въ XV вѣкѣ, во время владычества бургундскихъ герцоговъ, падаетъ значеніе западныхъ и юго-западныхъ городовъ, особенно фландрскихъ, Гента, Брюгге, Ипрна, а перевѣсъ силъ переходитъ къ востоку, а затѣмъ и на сѣверо-востокъ Нидерландъ. Этому способствовали не только подобные погромы, въ родѣ только что упомянутаго въ Люттихѣ, заставлявшіе иностранное купечество бояться за свои склады товаровъ и переносить конторы далѣе на востокъ, въ мѣста болѣе мирныя для торговой дѣятельности, но еще и другія причины подрывали дѣятельность западныхъ городовъ. Напр.. Брюгге разоряли введенные еще графомъ де Маломъ ввозныя пошлины на англійскую шерсть. Ранѣе Брюгге былъ центральнымъ складомъ для вывоза этой шерсти, но графскія пошлины заставляютъ флорентинскихъ. венеціанскихъ и всѣхъ другихъ купцовъ совершенно обходить Фландрію. забирая шерсть не въ Брюгге. а прямо изъ Англіи. Одною изъ причинъ упадка Брюгге считается обмелѣніе Цвинскаго канала и гавани Брюгге, а также новый духъ времени. требовавшій реформъ для устраненія устарѣлыхъ монополій и частныхъ привилегій многихъ городовъ. Они не сумѣли найти выходъ изъ своего тяжкаго торговаго кризиса. На востокъ, въ Антверпенъ, гдѣ дозволялся свободный ввозъ и вывозъ, переносится кипучая торговая дѣятельность, а затѣмъ въ города Голландіи, Зеландіи, Фрисляндіи. въ Дордрехтъ, Амстердамъ, Миддельбургъ. Леварденъ и др., въ устья Шельды, Рейна. Мааса. Исселя, гдѣ прежніе рыбаки, скотоводы и ткачи постепенно превращаются въ заправилъ европейскаго торговаго міра. и, по выраженію профессора политической экономіи. англичанина Роджерса (Holland by Rodgers), «нидерландцы сдѣлались учителями Европы въ ея стремленіи стряхнуть съ себя феодальный строй, ея передовыми борцами въ этой борьбѣ».

Торговое могущество Голландіи начинается съ ея рыбныхъ ловль, изъ которыхъ голландцы создали міровой рынокъ. по изобрѣтеніи соленья рыбы съ укупоркою въ боченки. Богатство Амстердама, развившееся благодаря рыбной промышленности. создало народную поговорку: «великъ, богатъ Амстер-

дамъ, а выстроенъ на костяхъ селедки». Только въ XV вѣкѣ Амстердамъ и Миддельбургъ дѣлаются членами ганзы, а послѣ сокрушенія ганзы голландцы захватываютъ всю ея торговлю. Имъ принадлежалъ величайшій въ мірѣ флотъ, громадная собственная и еще большая транзитная торговля — эти «морскіе извозчики», какъ прозывали голландцевъ, перевозили все и были всюду. Позже нидерландскія колоніи въ Индіи, Африкѣ, на Зондскихъ островахъ, въ Америкѣ скопляли въ рукахъ голландскихъ купцовъ несмѣтныя богатства, и въ XVII вѣкѣ почти вся колоніальная торговля была въ ихъ рукахъ. Только черезъ Амстердамъ можно было получить все, начиная съ драгоцѣнныхъ камней [1]), индійскихъ тканей, даже жемчугъ добывался только на голландской Явѣ, тростниковый сахаръ—съ голландской Гвіаны (свекловичнаго сахара тогда не знали), апельсины получались только съ голландскихъ Антильскихъ острововъ, пряности и пр. Также процвѣтали многія собственныя производства, какъ знаменитыя голландскія полотна, сукна и т. д.

Прежняя Батавія — центръ сѣверныхъ береговыхъ низменностей, стала называться «Holland» (Голландія), что по старо-голландски означало «лѣсистая» или «изрытая страна». Этою областью управляли ленники германскихъ императоровъ—графы, тоже скоро начавшіе себя считать равными королямъ. Одинъ изъ вонственныхъ голландскихъ графовъ даже подѣлилъ всю страну между герцогомъ гельдерискимъ и епископомъ утрехтскимъ, а третью часть взялъ себѣ. Графы ширились на счетъ своихъ сосѣдей, особенно на счетъ фризовъ, и довели ихъ до такого отчаяннаго сопротивленія, что въ 1255 году фризы зарѣзали графа Вильгельма, во время объѣзда присвоенныхъ имъ фризскихъ земель. Графъ, будучи въ тяжеломъ рыцарскомъ вооруженіи, провалился съ конемъ въ проломившемся льду рѣчки, фризы этимъ воспользовались и такъ быстро закололи графа, что свита не успѣла подъѣхать, чтобъ спасти его отъ фризовъ. За то сына убитаго графа, привѣтливаго, краснваго графа Флориса V, даже фризы прозывали «der Kerlen Gott»,

[1]) Амстердамская шлифовка драгоцѣнныхъ камней все еще славится, и въ XIX вѣкѣ алмазъ короны англійской королевы Викторіи «Ко-и-куръ» рѣшились довѣрить только Амстердаму.

«мужицкій богъ», за постоянную защиту ихъ крестьянскаго государства. Также голландскіе крестьяне и горожане очень нѣжили Флориса за защиту отъ остальныхъ феодаловъ. Дѣло въ томъ, что голландскіе графы очень боялись усиленія дворянства, поэтому покровительствовали городамъ и селамъ, всячески урѣзывая дворянскія права. За это дворяне, какъ говорилось: «только со скрежетомъ зубовнымъ признавали Флориса V своимъ леннымъ сеньоромъ».

Особенно негодовали рыцари на смѣшанный судъ Флориса V, состоявшій не изъ однихъ дворянъ, а частью изъ горожанъ. Наконецъ, дворяне, окончательно выведенные изъ терпѣнія, предательски захватили Флориса, во время веселой охоты, и одинъ изъ рыцарей, схвативъ его коня за узду, сказалъ: «ужъ достаточно высоко прыгали вы, графъ!» Дворяне его окружили, схватили и засадили въ тюрьму, въ одномъ изъ своихъ крѣпкихъ замковъ. Имъ хотѣлось передать Флориса въ руки его злѣйшаго врага, англійскаго короля Эдуарда I, да только никакъ не удавалось переплавить черезъ море, потому что голландскій народъ, особенно же фризы, неутомимо сторожили берега. Фрисландскія лодки денно и ночно крейсировали вдоль береговъ: «чтобъ не исчезъ окончательно der Kerlen Gott». Эта неусыпная стража вынудила дворянъ предпринять новый планъ провоза, окольнымъ путемъ, черезъ Фландрію, а оттуда моремъ въ Англію. Но и тутъ фризы поймали ихъ, и, какъ ни таились дворяне, ихъ тайна открылась. Уже громадная толпа фризовъ настигала дворянскій поѣздъ съ плѣннымъ графомъ Флорисомъ, но рыцари издали увидѣли погоню и рѣшили тутъ же покончить съ графомъ. Одинъ изъ нихъ размахнулся мечомъ надъ головою Флориса, но графъ заставилъ своего коня шарахнуться въ сторону, такъ что ударъ пришелся не по головѣ, а по связаннымъ рукамъ графа. Онъ упалъ съ конемъ въ ровъ съ водою. Туда спустились дворяне, зарѣзали Флориса и ускакали въ замокъ Кронебургъ (1296 г.). Народъ осадилъ этотъ замокъ, и дворянамъ пришлось сдаться. Судъ приговорилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ смертной казни, другихъ къ изгнанію. Въ дворянскомъ заговорѣ участвовалъ король Эдуардъ I англійскій, у него тогда проживалъ побочный сынъ Флориса, женатый на дочери короля. Послѣднему

очень хотѣлось сдѣлать зятя голландскимъ графомъ, чтобъ Голландія была въ его распоряженіи, а голландскіе дворяне разсчитывали тоже опекать новаго несовершеннолѣтняго графа и хозяйничать по своему въ странѣ.

Сильно тужили голландскіе горожане объ утратѣ своихъ лучшихъ графовъ, Флориса V и его отца, Вильгельма, при которыхъ городскія общины впервые получили законное право на существованіе. Особенно отъ Флориса добыли города широкія привилегіи, болѣе самостоятельное судопроизводство, улучшенные пути сообщенія и устройство плотинъ. Во всей остальной Европѣ феодальное дворянство было тогда главнымъ факторомъ государственной жизни, только въ Голландіи оно совершенно перестаетъ играть преобладающую роль при графахъ Вильгельмѣ, Флорисѣ и Вильгельмѣ III. Послѣдній даже заставлялъ дворянъ доказывать свое дворянство, въ противномъ случаѣ они обязаны были уплачивать налоги наравнѣ съ непривилегированными сословіями. Многіе дворяне тогда не могли доказать своего дворянства. Голландскіе графы широко пользовались своимъ правомъ отбирать дворянскіе лены, не имѣвшіе прямыхъ наслѣдниковъ. Эти лены графы дробили на мелкія владѣнія, раздавая своимъ приближеннымъ.

Когда главный пульсъ голландской жизни начинаетъ биться въ городахъ: Амстердамѣ, Дордрехтѣ, Гарлемѣ, Дельфтѣ, Гаудѣ, власть голландскаго графа была еще совершенно неограниченною, т. е. графъ былъ всѣмъ въ странѣ: законодателемъ, судьею, исполнительною властью. До XIV вѣка здѣсь не было и помина о самостоятельномъ значеніи городскихъ сословій и городского суда. Судъ назначался графомъ, хотя тутъ долгое время держался древне-германскій обычай участія всей общины при веденіи судебныхъ дѣлъ. Это практиковалось до XIII вѣка. До Флориса V каждый судился только при участіи равныхъ ему, т. е. дворянъ судили только дворяне, крестьянъ—крестьяне, только крѣпостныхъ судили свободные. Деревенскій судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, подъ старыми деревьями, у большихъ камней или на перекресткахъ дорогъ, гдѣ ставились четыре скамьи суда. Въ городахъ онѣ ставились на паперти, на церковномъ дворѣ, или въ ратушѣ. Участіе общины въ судебномъ процессѣ постепенно сводится къ нулю, и судъ

вездѣ, кромѣ Фрисляндіи, дѣлается исключительно графскимъ судомъ. Графская казна пополнялась обложеніями съ зависимыхъ и крѣпостныхъ, такъ какъ свободные землевладѣльцы платили лишь тогда. когда сами давали на то согласіе. Обращеніе къ кошельку горожанъ вызывается усиленными военными расходами и прочими графскими нуждами. Графы все чаще прибѣгаютъ къ «beden», къ просьбамъ о поддержкѣ, сначала онѣ рѣдки, но, повторяясь, онѣ входятъ въ обычай, въ обязательство. Надо припомнить, что голландскіе города никогда не вели такой страшной борьбы со своимъ графомъ, какую выдерживали города Фландріи, потому что всѣ почти голландскіе города построены были на графской землѣ, и имъ поневолѣ приходилось дѣлаться союзниками графской борьбы съ дворянами. На графской землѣ здѣсь точно такъ же, какъ и въ западныхъ городахъ, укрывались бѣглые, получавшіе гражданство черезъ одинъ годъ съ однимъ днемъ. Они также отбывали воинскую повинность и уплачивали дань графу. Крестьяне селились обыкновенно въ пригородахъ, гдѣ населеніе занималось земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Въ XIII вѣкѣ голландскіе города обладали собственною милиціею присяжныхъ фехтовальщиковъ и стрѣлковъ изъ тяжелыхъ луковъ. О нихъ упоминается по поводу битвы съ фризами, когда Дордрехтъ и Гарлемъ выставили 600 человѣкъ гильдейскихъ стрѣлковъ. И здѣсь каждый былъ подготовленъ къ самообороне. Окованная дубинка, какъ и во Фландріи, была принадлежностью гражданина, также ножъ, хотя размѣръ ножа опредѣлялся администраціею, но онъ игралъ не малую роль въ уличныхъ дракахъ. Полиціи въ городахъ почти не было. Курьезно тогдашнее полицейское «объявленіе мира» при уличной дракѣ. Къ дерущимся «поспѣшалъ изо всѣхъ силъ первый понавшійся администраторъ, чтобъ убѣдить ихъ примириться, это значило заставить ихъ протянуть другъ другу ладони и хлопнуть по нимъ, чѣмъ и закрѣплялся миръ. Если же одинъ изъ дравшихся успѣвалъ убѣжать, то миротворецъ долженъ былъ «совершить наложеніе мира» на порогѣ двери, при свидѣтеляхъ сосѣдяхъ; это обязывало подравшихся до тѣхъ поръ сидѣть дома, пока судья не рѣшитъ спора. Нарушившій домашній арестъ уплачивалъ большой штрафъ, а иногда изгонялся изъ города. Со-

сѣди и посторонніе обыкновенно устраивали примиреніе. но если это не удавалось, то спорящихъ судилъ графскій судья. Вновь начавшій ссору и по тому же поводу приговаривался иногда къ смертной казни. Большинство наказаній ограничивалось старозавѣтными штрафами. Въ случаяхъ убійства ближайшій родственникъ убитаго являлся въ судъ съ мечомъ наголо, требуя возмездія. Если убійца успѣвалъ скрыться, то его приговаривали къ 100 днямъ изгнанія. По возвращеніи, если не происходило примиренія, то слѣдовала казнь. Миръ почти всегда возстановлялся. особенно если дѣло касалось богатаго, имѣющаго большую родню и не малое число друзей, всячески старавшихся благопріятно окончить дѣло. Преступнику приходилось много расходоваться. Безъ конца служились имъ панихиды, совершались публичныя колѣнопреклоненія и всякія униженія передъ роднею убитаго. Но иногда убійца самъ требовалъ «божьяго суда», т. е. поединка. Этотъ обычай удержывался среди дворянъ до XIII вѣка. Собственно пытокъ для свободныхъ еще не существовало, онѣ были введены лишь въ XVI вѣкѣ инквизиціоннымъ судилищемъ, впрочемъ, съ введенія христіанства сжигали на кострахъ за колдовство. Въ XIII вѣкѣ суровой карѣ подвергались должники; ихъ держали прикованными въ тюрьмахъ, или же отдавали въ полное распоряженіе кредиторовъ, пока не уплатитъ долга. Позже должниковъ наказывали изгнаніемъ при отобраніи ихъ имущества.

Когда еще существовалъ графскій судъ, то въ лицѣ бургграфовъ совмѣщались судейскія обязанности и командованіе графскими отрядами. Бургграфы всегда возбуждали страшную ненависть населенія. Позже, они продавали судейскія должности или получали взятки отъ судей, которые возмѣщали это на подсудимыхъ. До Бургундскаго періода бургграфы пользовались частью городскихъ налоговъ и пошлинъ. Съ обособленіемъ городскихъ общинъ графскій судъ исчезаетъ, появляется бургомистръ и городской совѣтъ. Графъ не вмѣшивается болѣе въ городскія дѣла, если только не нарушаются его права. Каждый голландскій городъ превращается въ маленькое самостоятельное государство. Амстердамъ, въ XII вѣкѣ бывшій крохотной деревушкой, далекой отъ моря, нищенски ютившейся у стѣны замка своихъ господъ дворянъ Амстелей (деревушка звалась тоже

Амстель), превращается въ отличный портовый складъ «poort» только благодаря наводненію, когда она очутилась у самаго моря. Это случилось, когда озеро Флево слилось съ Сѣвернымъ моремъ, образовавъ заливъ Зюдеръ Зее. Дѣятельному населенію деревушки посчастливилось перейти отъ господъ Амстелей во власть голландскаго графа Флориса V, при чемъ она смогла воспользоваться дарованнымъ ей графомъ правомъ безпошлинной торговли.

Гораздо позже, чѣмъ во фландрскихъ городахъ, городская земля въ Голландіи дѣлается собственностью горожанъ, и города обособляются въ независимыя центры, съ могущественными властными патриціями—хозяевами городовъ. То же было въ городахъ Зеландіи. То же самое тираническое отношеніе къ крестьянскимъ округамъ, какое существовало и во Фландріи, Брабантѣ, существовало и здѣсь. Голландскій г. Дордрехтъ, въ 1299 г., уже добивается отъ графа своей широкой привилегіи, въ видѣ ввозной пошлины на рѣкахъ Рейнѣ и Маасѣ. Онъ подавляетъ и разоряетъ ею сосѣдніе города и села. Захвативъ въ собственность эти рѣки, городъ Дордрехтъ почелъ себя погибшимъ впослѣдствіи, когда у него отняли его монополію. Онъ долго продолжалъ настаивать на возвращеніи ему его «свободы», т. е. монополіи. Ничего другого онъ не сумѣлъ предпринять, погрязая въ своей отсталой торговой политикѣ. Гавань его все пустѣла и пустѣла.

Внутренняя политика голландскихъ графовъ была почти та же, что и Флориса V, т. е. графы поддерживали добрыя отношенія со своими городами и поощряли мелкихъ земледѣльцевъ въ ихъ борьбѣ съ крупными. Мелкой собственности и свободныхъ крестьянъ всегда не мало было въ Сѣверныхъ Нидерландахъ. Дробленіе большихъ владѣній все усиливалось съ крестовыхъ походовъ, когда дворянство не смогло выкупить земель, заложенныхъ имъ городамъ и духовенству. Войны, выкупъ изъ плѣна и страсть къ роскоши поглощали рыцарскіе достатки. Турниры сопряжены были со всевозможными издержками, и на турниръ рыцари наряжали себя и коня въ золото и драгоцѣнные камни, соперничая въ блескѣ другъ передъ другомъ. Не мало рыцарскихъ земель уже было продано городамъ. Со злобою и завистью смотрѣло рыцарство изъ своихъ разрушающихся гнѣздъ на милліоперовъ купцовъ

въ городахъ, относясь съ презрѣніемъ къ тѣмъ изъ дворянъ, которые, уступая новому духу времени, селились въ городахъ, не брезгали купцами, сражались въ рядахъ горожанъ за свою родину. Въ XIV и XV вѣкѣ въ Голландіи шла между феодальнымъ дворянствомъ и городами ожесточеннѣйшая война, длившаяся полтора столѣтія. Дворянская партія прозывалась «гуксы» (Hooks т. е. «крючки», на которые ловилась треска). Партію горожанъ большихъ городовъ звали «треской» (kabeljow). Треска, большая, хищная рыба, была символомъ богатыхъ купцовъ, скупавшихъ остатки земель разоряющагося дворянства. Дворяне называли горожанъ «горланами» «толстыми башками» въ сѣрыхъ шапкахъ. Дворяне носили красныя шапочки, и красный цвѣтъ считался дворянскимъ цвѣтомъ. Къ краснымъ шапкамъ теперь постоянно примыкали крестьяне, даже цеховые ремесленники для борьбы съ патриціями большихъ городовъ, подавлявшихъ своими монополіями крестьянъ и лишавшихъ правъ низшіе классы народа и цехи. Все общество раздѣлилось на двѣ партіи—«крючковъ» и «трески».

«Крючки» и «треска» впервые вспыхли во время разгорѣвшагося спора за наслѣдство между матерью голландской графини и сыномъ ея графомъ (это случилось послѣ убійства голландскаго графа Вильгельма IV, тоже убитаго фризами). Въ ожесточенную борьбу изъ за того, кому управлять—графинѣ ли вдовѣ, или ея сыну (1350 г.), вмѣшались партіи «гуксовъ» и «трески». Большіе города стояли за молодого графа, а за графиню вступились дворяне, разсчитывая, что при ней они будутъ держать бразды правленія. Мать и сынъ то мирились и уступали другъ другу правленіе, то опять начинали формальную войну. Графинѣ Маргаритѣ помогали ея зятья: императоръ германскій и король англійскій, тоже имѣвшіе свои расчеты упрочить за собою такой лакомый кусокъ, какимъ считалась богатая Голландія. Но партія «трески» со своими сильными городскими милиціями отразила дворянское и также нѣмецкое и англійское войско съ флотомъ. Надо замѣтить, что въ теченіе этой войны многіе дворяне были вынуждены примкнуть къ партіи трески, такъ какъ не присоединявшихся горожане изгоняли изъ городовъ. (При оборонѣ городовъ тогда впервые примѣненъ былъ порохъ). Наконецъ графиня Маргарита примирилась съ сыномъ,

уступивъ ему графское наслѣдство; только партіи «трески» и «крючковъ» не могли не продолжать своей старой борьбы, лишь временно ослабѣвшей и вновь разгоравшейся.

Особенно сильно обостряется борьба «крючковъ» и «трески» при нашествіи герцога бургундскаго, пытавшагося уже тогда завладѣть Голландію. Большіе города стали на сторону герцога, воюя ожесточенно противъ дворянъ, соединившихся съ крестьянами и маленькими городами. Только гораздо позже, чуть не черезъ столѣтіе, большіе города одолѣли дворянъ, но выгодами этой побѣды воспользовались одни патриціи городовъ, цехи ничего не пріобрѣли, потому что голландскіе города тогда вполнѣ закончили свою организацію, и патриціи ревниво охраняли управленіе отъ всякихъ попытокъ вліянія цеховъ. Голландскіе цехи, слыша о побѣдахъ своихъ собратій во Фландріи, Брабантѣ, Люттихѣ, пробовали подражать имъ, только патриціи всегда были настороже и твердою рукою ограждали свои интересы. Этому содѣйствовало слабое развитіе голландской индустріи, а также отсутствіе многочисленныхъ и преобладающихъ цеховъ. Легкость пріема въ цеховое членство умѣряла обостреніе отношеній.

Общая простота голландской жизни, гдѣ первѣйшіе богачи жили и одѣвались очень патріархально, не давала повода тянуться и завидовать блеску богачей, какъ во Фландріи и Брабантѣ, гдѣ ремесленники не отступали отъ задачи: «одѣваться прилично, какъ господа». Болѣе сосредоточенною и дѣятельною была ненависть крестьянъ къ большимъ городамъ, давившимъ ихъ своими монополіями. Это опять ярко проявляется во время новыхъ попытокъ герцога бургундскаго завладѣть Голландіей. Крестьяне дружно примыкаютъ къ дворянской партіи «гуксовъ», воюя противъ большихъ городовъ, присоединявшихся къ бургундскому герцогу. Этотъ герцогъ, Филиппъ Добрый, появился въ Голландіи съ войскомъ, какъ бы для защиты правъ голландскаго графа Іоанна противъ дворянской партіи гуксовъ, которая примкнула къ его бѣглой женѣ графинѣ Якубѣ и ея возлюбленному англичанину Гумфри. За графиню Якубу встали съ дворянской партіей всѣ фризы, всѣ свободные голландскіе крестьяне, а также маленькіе города примкнули къ ней. Свободные голландскіе крестьяне заселяли область къ

сѣверу отъ Амстердама и Гарлема и назывались «кеннемеры». Среди нихъ, какъ и среди фризовъ, не прививались ленныя отношенія, и вся земля принадлежала мелкимъ собственникамъ — пахарямъ, боровшимся съ прижимками и монополіями большихъ городовъ.

Въ теченіе этой продолжительной войны бургундскій герцогъ жестоко расправлялся съ захваченными въ плѣнъ крестьянами, но не смогъ совладать съ ними и кончилъ тѣмъ, что сталъ подкупать обѣщаніями широкихъ правъ. Одновременно и противница его графиня Якуба (1426 г.) обѣщала крестьянамъ еще болѣе широкія права, такъ что герцогу оставалось только возвратиться въ Брабантъ, чтобъ запастись новымъ войскомъ и вновь нагрянуть на Голландію. Ему удалось разбить крестьянскія ополченія, уничтожить ихъ вѣковыя учрежденія, обложивъ громадною контрибуціею. Однако они опять сплотились съ фризами, съ ватерландцами и нѣкоторыми небольшими городами, какъ Алькмаръ [1]). Герцогъ Филиппъ Добрый устроилъ третій походъ на Голландію и, разбивъ крестьянскія ополченія, въ припадкѣ охватившаго его бѣшенства, сжегъ городъ Алькмаръ. Герцогъ безъ счета рубилъ крестьянскія головы и приказалъ выдать ему оружіе, допустивъ у фризовъ только хлѣбный ножъ съ тупымъ концомъ. Крестьяне и горожане маленькихъ городовъ лишились права собраній, выбора судей и администраціи, но все-таки борьба ихъ съ герцогомъ продолжалась на морѣ, на быстроходныхъ лодкахъ. Агитація усиливалась, такъ что Филиппу, занявшему лишь ограниченную область Голландіи, пришлось опять уйти за свѣжими войсками, для скорѣйшаго покоренія Голландіи. Онъ началъ упорную осаду Утрехта, но ему пришлось отступить отъ этого города. Война прекратилась за смертью графа Іоанна

[1]) Городокъ Горинъ, примкнувшій было къ партіи Якубы, вдругъ перешелъ въ другой лагерь изъ-за курьезнаго случая. Сынъ богатаго купца изъ Горна, сторонникъ графини, впервые увидѣвъ ее, былъ такъ пораженъ ея удивительною красотою, что горестно воскликнулъ: «Какая жалость, что такой удивительной красавицѣ приходится скитаться какъ странствующей женщинѣ!» (Wie eine fahrende Frau). Въ извращенномъ смыслѣ это было передано графинѣ, и молодой купецъ былъ казненъ. Отецъ его пріѣхалъ заступиться за сына, но ему выкатили отрубленную голову сына. Старикъ вернулся въ Горинъ и разсказомъ поднялъ населеніе городка противъ Якубы.

и добровольнымъ устраненіемъ графини Якубы, упавшей духомъ, надломленной горемъ, покинутой своимъ возлюбленнымъ Гумфри, который женился на другой.

Народная борьба и романическая исторія оканчиваются примиреніемъ графини Якубы съ Филиппомъ, сдѣлавшимся ея опекуномъ, при ея обѣщаніи «не выходить замужъ не спросивъ его согласія». Только такого обѣщанія никакъ не могла сдержать красавица Якуба, она сблизилась во время охоты съ однимъ рыцаремъ. Онъ даже ссужалъ ее деньгами, и они повѣнчались, но повѣнчались тайно, такъ какъ голландская графиня Якуба хорошо знала, что Филиппъ Бургундскій не допуститъ ея брака, чтобъ самому наслѣдовать послѣ нея Голландію. Филиппъ, узнавъ о ея тайномъ бракѣ, захватилъ въ плѣнъ ея рыцаря и не снялъ ему головы только благодаря ея формальному отреченію отъ Голландіи, Зеландіи и Фрисляндіи въ пользу Филиппа Бургундскаго. Такою дорогою цѣною пришлось Якубѣ купить жизнь своего мужа, и такимъ способомъ герцогъ бургундскій завладѣлъ и этими областями.

Къ плутократической Голландіи примыкалъ воинственный Гельдернъ, гдѣ дворянская партія играла первенствующую роль. Только гельдернскіе герцоги не однимъ благороднымъ мечомъ добывали земли. Такъ герцогъ Оттонъ III, по прозванію «Оттонъ—конское копыто» (изъ-за больной ноги), умножалъ свои владѣнія ростовщичествомъ. Онъ постоянно ссужалъ деньгами сосѣднихъ феодаловъ и королей подъ залогъ ихъ земель. Этимъ способомъ Оттонъ не мало пріобрѣлъ. Въ общемъ мирныя пріобрѣтенія не были въ характерѣ гельдерцевъ. Тутъ шла обычная, безконечная, свирѣпая война то между отдѣльными гельдернскими феодалами, то между герцогомъ и дворянами, или же члены герцогской семьи воевали между собою за герцогскую корону, при содѣйствіи своихъ партій. Во время борьбы сына съ отцомъ (герцогомъ Рейнальдомъ I), сынъ засадилъ отца въ тюрьму, гдѣ старикъ и умеръ. Затѣмъ боролись два брата, герцоги Эдуардъ и Рейнальдъ, и до тѣхъ поръ они бились и рубились, жгли взаимно замки и села, пока Эдуарду не удалось захватить въ плѣнъ и засадить своего брата въ тюрьму крѣпкаго замка. Рейнальдъ высидѣлъ въ камерѣ этой тюрьмы болѣе десяти лѣтъ. Его союзникамъ дворя-

намъ удалось подстрѣлить его брата Эдуарда, и друзья поспѣшили въ тюрьму освобождать Рейнальда. Да только онъ за десять лѣтъ до того растолстѣлъ отъ сидѣнья, что не смогъ пролѣзть въ дверь, такъ что пришлось взламывать толстѣйшія стѣны башни, чтобъ выпустить Рейнальда.

Другой герцогъ, Рейнальдъ IV, сыпалъ деньгами направо и налѣво, разоряя страну, и даже началъ закладывать гельдерскія земли чужеземнымъ феодаламъ. Это заставило крѣпко призадуматься рыцарей и горожанъ за свои замки и города, и, не спросивъ разрѣшенія герцога, они собрали совѣтъ сословныхъ представителей, въ 1418 г., для обсужденія ближайшаго будущаго гельдерскаго герцогства. Совѣщанія происходили во многихъ гельдерскихъ городахъ: Аригеймѣ, Нимвегенѣ, Роремондѣ, Утфенѣ и другихъ, а на общемъ собраніи 3 мая, того же года, большинствомъ голосовъ всѣхъ свободныхъ людей установленъ былъ новый порядокъ избранія герцоговъ, при чемъ Рейнальду поставили слѣдующія условія: «Гельдернъ не раздѣлимъ—земли его не могутъ быть заложены, и права дворянъ и горожанъ должны быть свято охраняемы. Всѣ сословія должны до тѣхъ поръ настаивать на возвращеніи имъ поземельныхъ и городскихъ правъ, пока они не будутъ возстановлены». Въ 1419 г. герцогъ обязался никогда болѣе не закладывать гельдерскихъ земель.

Чрезвычайно характерны гельдерскіе рыцари собственнаго знамени «Bannherrn», поднимавшіе не герцогское, а собственное знамя. Они имѣли совершенно независимыя владѣнія, т. е., не были ленниками герцога и поэтому находились то въ союзѣ, то во враждѣ съ нимъ. Необычаны были отношенія этихъ рыцарей къ городамъ. Они не считали униженіемъ рыцарскаго достоинства занимать должности городскихъ штадгальтеровъ или же областное начальствованіе и прикладывать свои дворянскія гербовыя печати къ договорамъ городовъ съ герцогомъ, а герцогскіе документы всегда скрѣплялись печатями рыцарей, составлявшихъ могучую дворянскую лигу. Одинъ изъ послѣдующихъ герцоговъ, Арнольдъ, своимъ мотовствомъ, распущенностью и страстью воевать съ сосѣдями, вынудилъ дворянъ и горожанъ возстановить свой союзъ. Тогда центромъ союза сдѣлался гор. Нимвегенъ. Члены союза обращались съ жалобами въ Нимве-

генъ, если нарушалось герцогомъ чье-либо право, или задѣвалась чья-либо честь. Нимвегенскій съѣздъ обсуждалъ данный случай и возстановлялъ попранныя права. На одномъ изъ собраній съѣзда герцогу Арнольду предъявленъ былъ цѣлый рядъ требованій. и между прочими заявлялось требованіе присяги должностныхъ лицъ не одному только герцогу, но и всѣмъ рыцарямъ-землевладѣльцамъ. Конечно, герцогъ не согласился на это, за то его финансы очутились въ такомъ положеніи, что для содержанія своего двора ему пришлось заложить не только всѣ свои драгоцѣнные камни и золотыя вещи, но даже серебряную и золотую утварь изъ часовни замка. Склонность къ мотовству довела герцога до заклада всего гельдерискаго герцогства сосѣду, бургундскому герцогу, а тотъ послѣ смерти Арнольда явился съ большимъ войскомъ. требуя заложенныя ему гельдерскія земли. иначе говоря. выполненія условій сдѣлки съ герцогомъ Арнольдомъ. Послѣ упорныхъ битвъ, гельдерское дворянское войско и городскія милиціи были совершенно разбиты. Гельдерландъ, какъ и другія области, очутился въ рукахъ герцога бургундскаго.

Бургундскій герцогъ поспѣшилъ уничтожить дворянскую лигу и союзъ гельдерскихъ сословій; надо прибавить, что союзъ гельдерскихъ сословій не былъ проченъ и дѣйствовалъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Въ обычное время преобладала обычная сословная розпь и борьба между дворянствомъ и городами. Только здѣсь, среди общей борьбы и междоусобицы дворянъ, епископовъ. герцоговъ, патриціевъ городовъ, или благодаря этой междоусобицѣ, упрочилось значеніе цеховъ. и оно удержалось здѣсь почти до XVIII вѣка.

Гельдерскихъ дворянъ не легко было усмирить даже ловкому на это дѣло Филиппу Доброму. Они опять скоро возмутились противъ него и подъ предводительствомъ избраннаго ими гельдерскаго герцога, Карла Эгмонта, вели долгую войну съ бургундцами. Правда. выдерживали они ихъ натискъ благодаря помощи французскаго короля—вѣчнаго врага бургундскихъ герцоговъ Карлу Эгмонту удалось даже захватить и посадить въ клѣтку для звѣрей свирѣпаго бургундскаго главнокомандующаго Вассенаара. Деревянную клѣтку подвѣсили въ башнѣ. и чтобъ отнять возможность побѣга, клѣтку то подни-

мали, то опускали въ высокой башнѣ. Только черезъ два года, за громадный выкупъ, Вассенааръ былъ выпущенъ изъ своей клѣтки.

Гельдерская независимость уничтожена была гораздо позже. Карломъ V, императоромъ германскимъ, въ то время, когда гельдерскій герцогъ пытался завоевать Фрисляндію.

Страна фризовъ долго охраняла свою независимость, хотя считалась леномъ германскихъ императоровъ, но среди фризовъ никакъ не устанавливались феодальныя отношенія, и они не дѣлались подзащитными и удерживали мелкую собственность. Фризы опоэтизированы въ легендахъ, но и фактическая дѣйствительность приводитъ характерныя и наивныя черты ихъ первоначальныхъ нравовъ. Не удержались среди фризовъ герцоги, не умѣвшіе организовать защиты фризовъ, какъ язычникъ герцогъ Радбодъ, и какъ защищали фламандцевъ ихъ національные графы. Особенно опустошительны были набѣги норманновъ въ IX вѣкѣ. Они, какъ налеты саранчи, изводили Фрисляндію, которая съ трудомъ оправлялась послѣ нихъ.

Какъ уже было сказано, здѣсь долго удерживалась основа древне-германской общины, выборный судъ и самоуправленіе. Среди фризовъ въ X вѣкѣ не существовало рабства, а къ XI вѣку не было графа. Во главѣ каждой фрисландской общины находился выборный «гритманъ» (grietman отъ слова griete—жалоба), и вся Фрисландія дробилась на такія независимыя общины (grietenyen). Въ крестьянской Фрисландіи долго удерживались традиціи старины, а также родовая или кровная месть. Изъ-за родовой мести происходили настоящія битвы между фризскими племенами, и случалось, что изъ-за нихъ не могъ собраться обще-фрисландскій ландтагъ. Въ ландтагъ посылались выборные представители, но не отъ сословій, а отъ всѣхъ земельныхъ собственниковъ; по одному депутату отъ каждой изъ семи областей или фризскихъ племенъ. Выборныхъ называли «рувордами» (охранителями земскаго мира). Въ старину они съѣзжались въ опредѣленные сроки у «сборнаго дерева» около фрисландскаго тогда города Аурика. Передъ большимъ ландтагомъ собирались маленькіе ландтаги. Въ ихъ вѣдѣніи былъ судъ, мѣстныя дѣла и подготовленіе вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію на большомъ ландтагѣ. Между проч-

ми ставились вопросы о защитѣ торговли отъ грабежей, о сооруженіи путей и плотинъ и т. д.

Съ XII вѣка фрисляндскіе города были членами союза европейской ганзы, защищавшей торгово-промышленные интересы, и большое торговое движеніе было въ фрисляндскихъ портахъ, какъ: Бременъ, Алькмаръ, Ольденбургъ, Лееварденъ, Гронингенъ и Норденъ. Хищничество феодаловъ не миновало, конечно, фрисляндіи, но здѣсь они прибѣгали не только къ грубымъ захватамъ, но и къ западнямъ и ловушкамъ. Въ XIII вѣкѣ неуспѣшность сбора десятины, крайне тяжелой для населенія, наложенной бременскимъ архіепископомъ, наклоняетъ на фризовъ отлученіе отъ католической церкви. Вслѣдъ затѣмъ явились въ Фрисляндію войска бременскаго архіепископа, при поддержкѣ графа Липпскаго, но они были встрѣчены крестьянскими ополченіями съ длинными копьями, которыми фризы ловко зацѣпляли и срывали съ сѣдель закованныхъ въ желѣзо нѣмецкихъ латниковъ. Все нѣмецкое войско было перебито фризами. Это нельзя было оставить безнаказаннымъ, и фризовъ обвинили въ ереси и въ общеніи съ дьяволомъ. Вслѣдствіе доноса на нихъ, папа Григорій IX наложилъ интердиктъ на Фрисляндію и объявилъ крестовый походъ.

Фризы обвинялись въ поклоненіи дьяволу, являющемуся имъ въ видѣ жабы или кота. Но тогда же говорилось, что дѣло вовсе не въ дьяволѣ, а въ томъ, что фрисляндское мужичье смогло одержать побѣду надъ нѣмецкимъ рыцарскимъ войскомъ: дѣло, казавшееся совершенно нестественнымъ. Ближайшимъ поводомъ къ провозглашенію крестоваго похода послужило еще одно мѣстное происшествіе, за которое и ухватились нѣмцы. Какой-то патеръ, недовольный малою платою за исповѣдь, вмѣсто католической облаты причащенія, положилъ въ ротъ фрисляндки самую мелкую мѣдную монетку. Мужъ крестьянки, чрезвычайно благочестивый католикъ, счелъ это не только издѣвательствомъ надъ своею женою, но и величайшимъ святотатствомъ. Не помня себя, въ величайшемъ раздраженіи онъ убилъ этого патера.

И вотъ сорокатысячное войско вступило въ Фрисляндію въ 1234 г. Тутъ находились нѣмецкіе, голландскіе, брабантскіе и другіе феодалы со своими отрядами, но эту тя-

жело вооруженную латную конницу затрудняла вязкая болотистая почва, чѣмъ и воспользовались одиннадцать тысячъ пѣшихъ фризовъ, племени Стединговъ, у которыхъ вождями были такіе же крестьяне, какъ и все войско. Они опять одолѣли въ нѣсколько разъ ихъ сильнѣйшее рыцарское войско, и въ этой битвѣ полегли тысячи нѣмецкихъ и другихъ бароновъ, маркизовъ, князей и т. д. За то слѣдующее столкновеніе, уже произошедшее въ открытой, сухой равнинѣ, удобной для передвиженій конницы, къ которой прибывали все свѣжія силы, окончилось полнымъ пораженіемъ фризскаго ополченія, лишь немногимъ фризамъ восточной Фрисляндіи удалось спастись. Рыцари рѣзали женщинъ, дѣтей, стариковъ, жгли дома, угоняли стада. По распоряженію бременскаго архіепископа, часть восточной Фрисляндіи заселилась нѣмецкими колонистами. Въ западную Фрисляндію вторгались нерѣдко голландскіе графы, и ихъ захваты, въ 1283 году, облегчило ужасающее наводненіе, которое разорвало Фрисляндію на двѣ части съ образованіемъ залива Зюдеръ-Зее.

Несмотря, однако, на эти тяжелыя условія для фризовъ, война съ ними все еще считалась очень опасною, и когда голландскій графъ Вильгельмъ IV (въ 1345 г.) рѣшился напасть на фризовъ, то созвалъ голландскихъ, французскихъ, геннегаускихъ и бургундскихъ феодаловъ. Въ этомъ послѣднемъ походѣ Вильгельмъ IV поплатился жизнью. Фризы убили его. Въ XIV вѣкѣ про фризовъ говорилось: «они дѣлаютъ, что хотятъ, не имѣя феодальнаго сеньора».

Внутреннія междоусобія, вызываемыя родовою местью, долго волновали фризскія племена, какъ и борьба фрисляндскихъ партій, но всѣ междоусобія мгновенно прекращались, если начиналъ грозить внѣшній врагъ. Съ миновапіемъ опасности опять возобновлялись внутреннія распри. Двѣ фрисляндскія партіи—«ширингеры» и «ветеркуперы»—не были сословными партіями. Къ «ширингерамъ» (schringer) принадлежали люди, питавшіеся самою дешевою рыбою, а «ветеркуперы» (veterkoopers) были владѣльцами плодороднѣйшей земли. Позже къ той и другой партіи примыкали знатнѣйшіе дворяне и патриціи, чтобъ набирать себѣ союзниковъ въ борьбѣ съ тѣмъ или другимъ феодаломъ: герцогомъ, графомъ, епископомъ или для

войны съ французскими войсками, помогавшими этимъ феодаламъ.

Постоянно рѣзавшіяся между собою партіи временно соединялись, чтобъ прогнать захозяйничавшихся чужеземцевъ, которые являлись иногда подъ личиною защиты Фрисляндіи, но производили только путаницу и разжигали раздоры. Въ числѣ «ширингеровъ» и «ветеркуперовъ» находились и бѣдняки и богачи, и не только знатные сеньоры-рыцари, а даже монахи безчисленнѣйшихъ монастырей, усѣивавшихъ тогда Фрисляндію. Монахи были очень ярыми членами обоихъ партій, такъ что дѣлились на два враждебныхъ лагеря, которые съ яростью штурмовали монастыри своихъ противниковъ.

Одно время центромъ этихъ двухъ партій явился быстро распвѣтшій городъ Гронингенъ, съ пригородами. Гронингенъ пользовался торговою монополіею, прижимая ею свои пригороды, называвшіеся Омеландами. Десятки лѣтъ боролись и воевали пригородные съ горожанами, пока послѣдніе не заставили ихъ окончательно признать верховенство города.

Опираясь на ту или другую партію или на обѣ разомъ, кто только не покушался на Фрисляндію! Въ 1401 году Альбрехтъ австрійскій захватилъ часть Фрисляндіи, но вынужденъ былъ оставить фризамъ всѣ ихъ старыя учрежденія. Во время нападеній чужеземцевъ фризовъ не разъ выручало изъ бѣды сосѣднее утрехтское епископство.

Утрехтское епископство, какъ всѣ епископства, создалось дарственными землями королей и доброхотными пожертвованіями. Благочестивые люди жертвовали не только деньги, домъ, но выдѣляли свою часть общинной земли, а епископства и аббатства не упускали такихъ случаевъ и требовали отъ общинъ выдѣленія этихъ частей. Такъ постепенно округляло свои владѣнія и утрехтское епископство.

Своему воспитателю, утрехтскому епископу, Генрихъ I, императоръ германскій, даровалъ въ X вѣкѣ не только громадныя земли, поддержку, но даже право на чеканку золотой монеты, съ изображеніемъ на ней утрехтскаго епископа. Утрехтскіе епископы были крайне воинственны и, по словамъ современниковъ, «предпочитали махать рукоятками мечей, чѣмъ кадильницами». Одинъ изъ нихъ даже помогалъ королю Генриху IV

воевать съ главою католической церкви, римскимъ папой. Въ благодарность за такую приверженность, всѣ императоры щедро одаривали утрехтскихъ епископовъ всевозможными привилегіями и правами: на охоту, рыбныя ловли, взиманіе пошлинъ и, наконецъ, на право суда, что поставило въ совершенную зависимость отъ нихъ населеніе западной Фрисляндіи. Къ счастью фрисляндцевъ, то, что даровалъ одинъ императоръ, другой императоръ вынужденъ былъ отбирать отъ епископовъ.

Утрехтское епископство находилось какъ разъ между владѣніями графа голландскаго и герцога гельдерскаго, что заставляло каждаго изъ нихъ хлопотать у папы, чтобъ назначили епископомъ именно его родственника. Это дѣлалось на случай войны, чтобъ имѣть епископа своимъ союзникомъ. Такимъ образомъ епископамъ приходилось то обороняться, то заступаться и вѣчно вовлекаться въ войны сосѣдей. Однажды добрые сосѣди графъ голландскій и герцогъ гельдерскій чуть-чуть не подѣлили между собою громадную епископскую область.

Въ своихъ городахъ епископы придерживались патриціевъ, и когда патриціямъ утрехтскаго епископскаго города Цволле неминуемо грозило верховенство цеховъ, соединившихся въ громадную силу, то патриціи обратились къ помощи епископа, и дѣло обработано было въ полнѣйшемъ секретѣ. Подъ вечеръ большого цехового праздника, подъ шумокъ пирушекъ, тихо входило епископское войско. Солдаты были переодѣты въ гражданское платье и входили незамѣтно, по трое, въ городскія ворота. Наступила ночь, когда всѣ отряды собрались въ городѣ, а цехи ужъ крѣпко спали послѣ веселаго праздника. Ровно въ полночь раздался съ колокольни гулъ набата, сигналъ нападенія на спящихъ, и патриціи оцѣпили ратушу и цеховое зданіе. Много головъ цеховыхъ ремесленниковъ въ ту же ночь скатилось подъ сѣкирою палача на рыночной площади. Съ той поры патриціи цѣпко захватили власть, оберегая ее отъ вліянія цеховъ

Дворяне съ патриціями здѣсь очень долго и упорно воевали (дворянская партія называлась «лихтенбергами», по имени родоначальника партіи), но бургундскому герцогу удалось выхлопотать у папы утрехтское епископство своему побочному сыну, и съ помощью этого епископа герцогу удалось сломить

враждебную ему дворянскую партію. Тогда бургундцы смогли пропѣть свою побѣдную пѣснь не только въ утрехтской области, но и въ сосѣднемъ дворянскомъ Гельдернѣ (хотя въ послѣднемъ лишь временно).

Графство Геннегау лишь съ VII вѣка носитъ это наименованіе. Раньше это была страна Нервіевъ. Во II главѣ сообщалось, что это кельтское племя долго не впускало черезъ свои границы спиртныхъ напитковъ, опасаясь, что разслабляющіе продукты дурно отзовутся на народномъ здоровьи. Геннегауское графство являлось нѣкоторою противоположностью своимъ миролюбіемъ, тутъ города почти не пытались преобладать надъ феодалами и не долго тягались со своими графами. Такія благопріятныя условія создались тѣмъ, что въ 1338 году одному геннегаускому графу, сильно нуждавшемуся въ средствахъ, пришлось созвать ландтагъ изъ представителей отъ трехъ сословій. Эти созывы стали повторяться, и установилось постоянное вмѣшательство геннегаускихъ парламентовъ въ управленіе геннегаускимъ графствомъ, и оно удержалось тутъ до крушенія стараго порядка, «vieux regime», всеобщимъ переворотомъ, въ западной Европѣ сопровождавшимъ французскую революцію XVIII вѣка.

Въ XIV же вѣкѣ, во время бургундскаго владычества въ Нидерландахъ и Бельгіи, графство геннегауское захватывается почти одновременно съ захватомъ голландскаго графства.

ГЛАВА V.

Золотое дно бургундцевъ, австрійцевъ и испанцевъ.

Когда герцогъ бургундскій Филиппъ Смѣлый вступилъ во владѣніе Фландріею, она была совершенно опустошена тою ужасною французскою шестилѣтнею войною, о которой говорилось въ III главѣ. Населеніе Фландріи страшно поредѣло, погибло, бѣжало, дикія свиньи, волки рыскали по окрестностямъ, польдеры были залиты водою, гавань Остенде обмелѣла. Члены ганзы покинули Брюгге, переселясь въ голландскій Дордрехтъ.

Нюрнъ былъ полуразрушенъ, а нѣкоторые маленькіе города представляли собою кучи обгорѣлыхъ развалинъ. Но такъ велика была жизнеспособность этихъ городовъ, что черезъ пятьдесять лѣтъ они вновь расцвѣтаютъ, съ тою чувственною жизнерадостностью, которая такъ характерпзуетъ ихъ.

Бургундскіе герцоги сначала сильно поддерживались папою, французскимъ королемъ и германскимъ императоромъ, но съ усиленіемъ бургундскихъ захватовъ безпокойство начало овладѣвать всѣми. Всѣмъ захотѣлось положить предѣлъ властолюбію герцоговъ. Особенно грозно относился германскій императоръ Сигизмундъ. Только онъ не былъ страшенъ герцогу бургундскому, хорошо знавшему, что за грозными своими грамотами Сигизмундъ не сможетъ выслать такого-же грознаго войска, будучи вѣчно въ безденежьи. Французскій король Карлъ VII, тщетно пробовавшій доставлять помощь всѣмъ герцогскимъ врагамъ, подъ конецъ самъ сталъ заодно съ нимъ интриговать противъ германскаго императора. Но самымъ непримиримымъ, хитрымъ и подстерегающимъ врагомъ герцоговъ сдѣлался французскій король Людовикъ XI, прозывавшійся за это «вездѣсущимъ наукомъ».

Сравнительно легкая побѣда бургундцевъ и самая возможность объединить всѣ области въ одно государство объясняются не только уже существовавшимъ стремленіемъ этихъ областей къ соединенію, ради хозяйственныхъ и промышленныхъ цѣлей, но и болѣе глубокою причиною, заключавшеюся въ разложеніи всего феодальнаго строя. Ряды рыцарскихъ родовъ уже очень поредѣли, и съ изобрѣтеніемъ пороха утратила значеніе борьба конныхъ латниковъ, дѣйствовавшихъ копьемъ и мечомъ; ихъ замѣняютъ наемные солдаты. Рыцари, лишенные добычи и разоряющіеся, все чаще и чаще покидаютъ свои полуразвалившіеся замки и группируются въ городѣ, около герцога, поступая на его службу, въ качествѣ бальи (bailli)—судей герцогскаго суда въ каждомъ городѣ. Нерѣдко рыцари женятся на дочеряхъ патриціевъ, богатыхъ банкировъ. Что касается средневѣковаго католическаго духовенства, то оно утрачиваетъ былую монополію высшаго знанія. Вообще сословный духъ начинаетъ исчезать, какъ и вопросъ о происхожденіи постепенно утрачиваетъ прежнее значеніе.

Цехи вырождаются въ разрозненныя, враждующія между собою группы, и каждый цехъ думаетъ только о своихъ монополіяхъ. Напримѣръ, въ г. Намюрѣ портняжный цехъ запрещалъ даже учить шитью дѣвушекъ городскихъ семей, считая всякое шитье монополіею своего портняжнаго цеха. Каждый городъ имѣлъ свои ревниво оберегаемыя запретительныя пошлины, изъ-за которыхъ шла вѣчная перепалка. Г. Антверпенъ съ г. Мехельномъ сражаются изъ-за права ввоза соли и овса, Гентъ съ Брюгге изъ-за права ввоза зерна, г. Дордрехтъ все за свою монополію плаванія по рѣкамъ, а погибающій гор. Иперинъ былъ прикончепъ Гентомъ, отнявшимъ у него право пользоваться рѣкою Иперле. г. Маастрихтъ помогаетъ разнести Люттихъ (1464 г.). Каждый городъ строитъ свое благополучіе на погибели сосѣда.

Тиранпія большихъ городовъ становится все сильнѣе относительно окружающихъ ихъ деревень и маленькихъ городковъ. Они завѣдываютъ ихъ судопроизводствомъ, запрещаютъ имъ тѣ или другія ремесла, облагаютъ ихъ рекрутскою повинностью и податями. сваливая на нихъ всю тяжесть поборовъ. «Привилегія», «свобода» города теперь однозначащее понятіе съ монополіей.

Цехи суконѣловъ продолжаютъ войну между собою. а цехъ, на который возложена доставка городского провіанта, заботится. главнымъ образомъ. о повышеніи цѣнъ на пищевые продукты. Въ Люттихѣ цехъ пивоваровъ не дозволяетъ кузнецамъ ввозить для себя пиво и вино. Тамъ же торговцы суконъ добиваются отъ епископа запрещенія ярмарокъ. которыми населеніе хоть сколько-нибудь ограждалось отъ произвольнаго поднятія цѣнъ мѣстными суконщиками. Конкурренція иностранныхъ суконъ на ярмаркахъ заставляла мѣстныхъ торговцевъ регулировать свои цѣны сообразуясь съ цѣнами иногородныхъ купцовъ.

Дѣла общины вовсе уже не интересовали разбогатѣвшихъ мастеровъ. и къ XV вѣку цехи. подобно патриціямъ. вырождаются въ обособленныя. узко эгоистическія группы. Среди нихъ появляются «цеховые капитаны», главари. орудовавшіе всѣмъ. и такъ какъ они были уполномоченными лишь отъ своего цеха. то и отвѣтственны только передъ нимъ.

Отсутствіе единства облегчало офранцузившимся бургундскимъ герцогамъ постепенно вводить законы по французскому образцу. Крестьяне, дворяне, духовенство и безправная часть городского населенія отчасти уже стоять за герцоговъ. Уже Филиппъ Смѣлый, по примѣру своего тестя, послѣдняго фландрскаго графа де Маля, принималъ мѣры къ освобожденію крестьянъ отъ городской зависимости. Онъ тоже толковалъ о созданіи изъ нихъ «четвертаго чина Фландріи». Только герцогъ не премину̀лъ вернуть Брюгге большинство отнятыхъ привилегій. Герцогъ дѣйствовалъ всегда на «легальной почвѣ», но черезъ своихъ «коммиссаровъ», успѣшно вліялъ на выборы городскихъ судей—шеффеновъ.

Онъ учреждаетъ центральную «счетную камеру», наблюдающую за порядкомъ сбора податей. Счетная камера была соединена съ Фландрскимъ совѣтомъ, гдѣ почетное предсѣдательское мѣсто занималъ епископъ. Позже его замѣнилъ свѣтскій герцогскій канцлеръ, на котораго и падала вся отвѣтственность, какъ и на герцогскихъ секретарей дворянъ, т. е., все неудовольствіе населенія обрушивалось на нихъ, а не на герцога.

Слѣдующій герцогъ Іоаннъ Безстрашный, большой воякa, мало интересовался внутренними дѣлами. Усердствуя въ военныхъ предпріятіяхъ, онъ вздумалъ вооружить цехи въ городахъ, но особенной помощи они ему не доставили—разучась военному дѣлу; за то разоружить ихъ было чрезвычайно трудно. Брюгге даже воспользовался своими военными досѣхами, чтобъ «разорвать телячью кожу», т. е. герцогскую хартію, написанную на пергаментѣ; на ней былъ указъ объ отмѣнѣ политическихъ правъ цеховыхъ корпорацій. Этимъ Брюгге хотѣлъ доказать недѣйствительность хартіи. Сильная денежная нужда на военныя затѣи заставляла герцога Іоанна Безстрашнаго за большія деньги продавать городамъ ихъ старыя привилегіи. Большіе города, передъ смертью Іоанна, успѣли забрать почти всѣ свои старыя права. Въ Брюсселѣ, въ 1421 году, въ администраціи города принимаютъ участіе плебеи.

Слѣдующій за Іоанномъ герцогъ, Филиппъ Добрый, поддерживалъ торговые интересы только нѣкоторыхъ сильныхъ городовъ, будучи въ денежной зависимости отъ нихъ. Всѣ герцоги боялись порвать съ Гентомъ, и ради гентскихъ инте-

ресовъ жертвовались интересы другихъ городовъ, но такъ какъ интересы всѣхъ городовъ противорѣчили, то и выходилъ нескончаемый конфликтъ. Герцогу приходилось покровительствовать антверпенскимъ ярмаркамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретомъ ввоза англійскихъ суконъ поддерживать погибающее иперское суконодѣліе. При этомъ онъ уничтожаетъ исключительное господство Брюгге надъ гаванью Слюзъ и брюггскія запретительныя пошлины.

Филиппъ Добрый постоянно твердилъ: «объ общемъ благѣ» и «общемъ правѣ», изрѣдка препятствуя большимъ городамъ разорять крестьянъ и маленькіе города; что, конечно, привѣтствовалось не только четвертымъ чиномъ Фландріи, но и дворянами и духовенствомъ, такъ какъ это хоть нѣсколько ослабляло неограниченное владычество большихъ городовъ. Брюгге, конечно, чрезвычайно враждебно отнесся къ сокращенію своихъ монополій и пошлинъ, — вѣдь къ Генту герцогъ иначе относился. Только горожане Брюгге до поры, до времени молчали, выжидая окончанія войны, а послѣ окончанія войны они внезапно отказались разоружаться, пока герцогъ не вернетъ имъ ихъ монополій. Цехи Брюгге даже требовали возвращенія своихъ правъ надъ окрестными крестьянами (vrije). Вооруженныя цеховыя корпораціи собрались подъ своими знаменами на рыночной площади и закололи герцогскаго надсмотрщика (ecoutêt). Въ это время какъ разъ герцогъ проходилъ изъ Голландіи съ войскомъ и подошелъ къ воротамъ Брюгге. Его приверженцы въ городѣ поторопились открыть ему ворота. Уже около тысячи ратниковъ вступило вмѣстѣ съ Филиппомъ въ Брюгге. Тутъ подошла цеховая милиція и такъ грозно встрѣтила ихъ своими длинными копьями, что пришлось остановить дальнѣйшее вступленіе. Два патриція стали принужденно извиняться передъ Филиппомъ, за неожиданность такого событія, произошедшаго не по ихъ винѣ, но извинявшихся, на глазахъ Филиппа, проткнули копьями, и самому Филиппу не уйти бы изъ плѣна. Кругомъ падали его тѣлохранители, но его выручилъ приверженный ему старшина корабельной гильдіи. ловкимъ ударомъ топора прорубивъ затворъ, онъ быстро выдвинулъ Филиппа за ворота. Этому спасителю на другой же день отрубили голову, положивъ ее въ знакъ презрѣнія къ ногамъ трупа.

Фландрія не поднялась, какъ въ былыя времена, заодно съ Брюгге, наоборотъ—сочувствіе ея было на сторонѣ герцога, такъ какъ всѣ одобрительно относились къ закрытію «во имя общаго блага» Цвинской гавани города Брюгге и разрѣшенію крестьянамъ «на разстояніи мили отъ городскихъ стѣнъ Брюгге заниматься всякими ремеслами» [1]).

За послѣдній нелюбезный пріемъ, оказанный ему брюггскими горожанами, герцогъ запретилъ имъ вооруженныя собранія и назначилъ большую контрибуцію. Пришлось опять въ покаянныхъ рубахахъ и босикомъ молить прощенія у герцога и уплачивать контрибуцію. Герцогъ даже пригрозилъ отнятіемъ всѣхъ имуществъ въ случаѣ повторенія. Въ самомъ городѣ герцогъ разрѣшилъ занятія ремеслами всѣмъ свободнымъ, хотя бы и не записавшимся въ цехи. Особенное покровительство оказывалось Генту, пользовавшемуся правомъ на четвертую часть всей провозимой черезъ него пшеницы, ржи и т. д. Это было большимъ подспорьемъ въ голодное время. Подтверждая это гентское право, Филиппъ говорилъ: «Эта пошлина истинное благо для нашего города Гента». Иногда герцогъ раза по два въ годъ милостиво расширялъ гентскія права и въ то же время г. Иперну запрещалъ даже углублять фарватеръ рѣчки Иперле, чтобъ стѣснить ввозъ нѣкоторыхъ товаровъ. Съ своей стороны большіе города не церемонились облагать податью окрестное населеніе, какъ только герцогу нужны были деньги. Что касается Гента, то онъ и съ герцогомъ не стѣснялся. Гентскіе цехи, недовольные введеніемъ новой горцогской монеты, собрались на рыночной площади, открыли тюрьмы, выпустивъ заключенныхъ, закололи ecutêtes и чуть не убили самого герцога.

Въ 1447 году бургундскій герцогъ рѣшилъ ввести соляной налогъ, что освобождало его отъ зависимости и частыхъ обращеній за денежными просьбами. Герцогъ стремился къ равномѣрности обложеній, чтобъ богатые и бѣдные одинаково пла-

[1]) Иначе было, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ Голландіи, гдѣ противъ бургундскаго герцога съ примкнувшими къ нему городами поднялись крестьяне заодно съ дворянами (война «трески и крючковъ»), но голландская провинція тогда не была еще подъ властью герцога, и онъ расчетливо опирался на тѣ силы, которыя могли доставить ему власть въ Голландіи.

тили, но Гентъ, вовсе не сочувствовавшій равномѣрнымъ налогамъ, рѣзко отвергнулъ налогъ на соль, изъ-за котораго еще нѣсколько лѣтъ тянулись препирательства. Раздосадованному герцогу скоро представилась возможность отомстить Генту, при выборахъ городского судьи—шеффена. Тутъ всегда составлялась коммиссія или совѣтъ, въ составъ котораго входили герцогскіе коммиссары вмѣстѣ съ городскими представителями. Послѣдніе избрали судью, котораго вовсе не одобрили герцогскіе коммиссары, герцогъ счелъ себя оскорбленнымъ и отозвалъ изъ Гента своего судью—балли, что равнялось отозванію посла передъ войною. Съ отзывомъ балли прекращалось городское судопроизводство. Волненіе росло въ Гентѣ. Избирались народные вожаки, толпа требовала казней и привѣтствовала, когда падали подъ мечемъ палача головы тѣхъ, кого она заподозривала въ приверженности герцогу. Гентъ снарядилъ посольство къ французскому королю Карлу VII, прося помощи противъ бургундскаго герцога Филиппа.

Остальная Фландрія и не пошевельнулась, а въ битвѣ при Гавернѣ (1453 г.) гентцамъ помогали только совершенно зависимые отъ Гента крестьяне, да англійскіе солдаты. Эта битва доказала, до чего выродилась городская самозащита, когда 36.000 милиція частью разбѣжалась, частью была перебита. Затѣмъ повторилась старая исторія, т. е. 2000 горожанъ въ покаянныхъ рубахахъ, на колѣняхъ, и «на французскомъ языкѣ», умоляли о милости, съ обѣщаніемъ уплатить 350.000 гульденовъ Филиппу. Гентскія привилегіи были отобраны, какъ и право цеховыхъ старшинъ участвовать въ выборахъ городскихъ судей—шеффеновъ, уничтожено и господство Гента надъ окрестнымъ населеніемъ. Герцогъ лишилъ 52 цеха права поднимать свои знамена и закрылъ имъ дверь въ городской магистратъ и городской совѣтъ.

Филиппъ Добрый ввелъ подати съ духовенства. До той поры духовенство, свободное отъ податныхъ обязательствъ, лишь добровольно жертвовало, по желанію. Герцогъ добивается права ставить своихъ аббатовъ въ монастырскомъ управленіи, всюду вліяя и властвуя.

Бургундскіе герцоги продолжали взимать ввозную пошлину на англійскую шерсть, что совершенно погубило Брюгге и

Иперић, бывшіе центральными складами этой шерсти. Разумѣется, всѣ купцы покинули ихъ, забирая англійскую шерсть прямо изъ Англіи, не уплачивая пошлины. Эта ввозная пошлина довела до того, что англійскія готовыя сукна сдѣлались дешевле въ Англіи, чѣмъ шерсть, изъ которой ихъ дѣлали въ Иперић [1]). Когда же голодающіе отъ безработицы ткачи массами побѣжали изъ Фландріи за границу, то купеческая гильдія «большихъ суконщиковъ» и патриціи стали ихъ задерживать высокимъ обложеніемъ выѣздныхъ паспортовъ. Позже, гильдіи «большихъ суконщиковъ» и патриціямъ удается получить отъ слѣдующаго бургундскаго герцога (выдавъ ему громадную сумму денегъ) формальное запрещеніе выѣзда ремесленниковъ за границу [2]).

Но только напрасно хлопотали патриціи, они не смогли вернуть прежняго, несмотря на всѣ запретительныя мѣры. Дома землевладѣльцевъ патриціевъ Ипера и Брюгге все пустѣли. Въ Брюгге 5000 домовъ стояли пустыми.

Съ паденіемъ городского ткачества усиливается сельское ткачество, и уже съ 1428 года въ деревняхъ до того усердно ткуть грубыя, простыя сукна, что для полеводства приходится брать людей со стороны. Тщетно жалуются городскіе ткачи на судей, что они не прекращаютъ деревенскаго ткачества: конкурренція деревни все растетъ, потому что деревня довольствовалась малымъ, и при своемъ небольшомъ ткацкомъ заработкѣ у крестьянина былъ домъ и клочокъ земли.

Такъ погибаетъ главная индустрія Брюгге, въ которомъ вмѣсто прежнихъ тысячъ насчитываютъ ткачей лишь десятками. Блескъ Брюгге и Ипера отходитъ въ область прошедшаго, новая жизнь выдвигаетъ на сцену г. Антверпенъ, умѣвшій приспособиться къ новымъ требованіямъ времени.

Антверпенъ дѣлается центромъ, очагомъ, распространяющимъ свѣтъ и тепло среди феодальнаго мрака и замкнутости

[1]) Чѣмъ рѣже становилась шерсть, тѣмъ больше ее сталъ замѣнять ленъ. Въ Брюсселѣ въ 1429 г., полотняный цехъ пытался отдѣлиться отъ суконодѣловъ, но это ему едва удается только въ 1475 году.

[2]) При слѣдующемъ герцогѣ бургундскомъ Карлѣ Смѣломъ, которому за это патриціи выдали громадную (послѣднюю) субсидію передъ битвою при Грандсонѣ (см. ниже).

монопольныхъ городовъ. По рѣкѣ Шельдѣ и по сѣти глубокихъ рѣкъ проникаютъ въ Антверпенъ новыя жизненныя теченія, а когда наводненія привели Шельду къ самому городу Антверпену, то его горожане собираютъ всѣ свои силы, чтобъ откупить у брабантскаго герцога его герцогскія пошлины съ иностранныхъ купцовъ, и уже въ 1396 г. они до того понизили свои иностранныя пошлины, что всѣ купцы, особенно англійскіе, привлекаются къ Антверпену. Англійскіе корабли, встрѣтивъ запретительныя пошлины во Фландріи, направились въ Антверпенъ, а также въ Миддельбургъ (Зеландскій).

Въ Антверпенѣ, при ростѣ денежной циркуляціи раньше чѣмъ гдѣ-либо исчезаетъ значеніе устарѣлыхъ, выродившихся торговыхъ средневѣковыхъ гильдій, какъ представителей отъ городовъ. Тутъ не замкнутыя гильдіи, а самостоятельные купцы со своими капиталами покупаютъ, сообразно потребности, повышая и понижая цѣны, дѣйствуя въ свободныхъ и болѣе подвижныхъ хозяйственныхъ формахъ. Здѣсь изгнаны нестерпимыя формальности купли и продажи со взвѣшиваніями и придирками старыхъ рынковъ. Антверпенъ превращается въ космополитическій городъ, дозволяющій каждому человѣку сдѣлаться торговымъ посредникомъ-маклеромъ, при широкихъ правахъ гражданства. Созданіемъ биржи мы обязаны Антверпену. Первая въ мірѣ биржа появилась тутъ (въ 1460 г.), гдѣ дѣла обдѣлывались устно, свободно. Первому Антверпену (позже Амстердаму, Бриллю и др. городамъ) выпадаетъ конкурренція съ отчаянно отстаивавшимъ «свою прежнюю свободу» Дордрехтомъ, т. е. за право одному плавать по рѣкамъ и взимать разорительныя пошлины съ остальнаго населенія. Когда, наконецъ, эта монополія плаванія была у него отнята, гавань его безсильно пустуетъ, и Дордрехтъ погрязаетъ окончательно въ своей отсталой торговой политикѣ, между тѣмъ какъ его соперники плаваютъ уже далеко по морямъ.

Изъ-за плаванія въ Балтійское море и «изученія русскаго языка» вышелъ прекурьезный споръ съ ганзейскими городами, сильно соперничавшими съ Амстердамомъ и запрещавшими амстердамцамъ: «учиться и говорить по-русски», чтобъ они не могли сноситься съ русскими купцами (1426 г.). Только патриціи Амстердама и другихъ большихъ нидерландскихъ городовъ

стоялн за герцога Филиппа Добраго въ его войнѣ съ нѣмцами, и герцогъ, конечно, поддержалъ Амстердамъ въ его спорѣ о русскомъ разговорѣ.

Равномѣрность обложенія бургундскихъ герцоговъ способствовала личному освобожденію крестьянъ, которые съ XIII вѣка пользовались правомъ передвиженія, при замѣнѣ барщины оброкомъ, а отдѣльные фермерскіе контракты крестьянъ съ феодалами изрѣдка появляются въ XII вѣкѣ. Въ XV вѣкѣ дворянскія земли начинаютъ сильно раскупаться патриціями городовъ, только крестьянской личной земельной собственности было очень не много, преобладали между ними фермеры-съемщики и батраки [1]).

Новыя формы свободной торговли, оживляющія многіе города XV вѣка, совпадаютъ по времени съ появленіемъ новыхъ усовершенствованныхъ школъ, гдѣ учили не только одному чтенію и письму, а всевозможнымъ знаніямъ того времени. Устройствомъ новыхъ школъ выдавались особенно братства «Общей жизни», съ восьми-классными школами съ подраздѣленіемъ на 8 и 10 группъ. Такія школы появляются въ Девентерѣ, Цволлѣ, Брюсселѣ (1422 г.), въ Гентѣ (1432 г.) и другихъ городахъ. Даже въ Парижъ выписывались ученики, сдавшіе экзамены въ подобныхъ школахъ. Популяризаціею книгъ и богатствомъ типографій знамениты тогда города: Утрехтъ, Алостъ, Брюссель, Брюгге, Девентеръ, Гауда, Лувенъ. Въ то же время въ обществѣ появляются и аскетическія теченія. Напр., кармелитскій проповѣдникъ Ооома Конкетъ, въ 1428 г. (предтеча Савонаролы), своими покаянными проповѣдями заставлялъ игроковъ бросать карты и кости въ пламя костровъ. При чемъ женщины, возпегодовавъ и сочтя дьявольскимъ наущеніемъ свои аршинные головные уборы, въ формѣ сахарныхъ головъ, энергично отправляли ихъ въ пламя тѣхъ же костровъ.

Филиппъ Добрый, чтобъ ускорить полученіе денегъ отъ отдѣльныхъ городовъ и провинцій, или говоря оффиціальнымъ языкомъ, чтобъ облегчить отношенія съ городами и провин-

[1]) Тогда же была покинута устарѣлая трехпольная система въ земледѣліи.

ціями, учредилъ, въ 1428 г. центральное и провинціальное представительство отъ трехъ сословій или штатовъ: духовенства, дворянства и городовъ. Каждый городъ имѣлъ по одному голосу, а также дворянство и духовенство—по одному голосу. Въ собраніяхъ этихъ представителей «генеральныхъ» и «провинціальныхъ штатовъ» предсѣдательствовали адвокаты штатовъ. Адвокатъ штатовъ каждой провинціи долженъ былъ защищать и наблюдать интересы своего города или провинціи отъ нарушеній ихъ правъ, а представители штатовъ должны были придерживаться лишь указаній своихъ избирателей. Такое центральное учрежденіе, какъ генеральные штаты, избавляло герцога отъ необходимости обращаться съ просьбами къ отдѣльнымъ городамъ и провинціямъ, что всегда сопровождалось пререканіями и проволочками.

Бургундскіе герцоги жили очень широко, но вовсе не были такими расточителями, какъ о нихъ обыкновенно говорится, напротивъ того, они очень умѣло накопляли свои богатства, и по обычаю тѣхъ временъ превращали ихъ въ золотыя вещи и другія драгоцѣнности, такъ какъ процентныхъ бумагъ тогда не существовало. Личныя герцогскія владѣнія (domaines), а также судебныя пошлины приносили имъ громадные доходы, такъ что при займахъ у городовъ герцогъ сдавалъ имъ, въ видѣ залога, доходы съ той или другой части этихъ личныхъ владѣній. Что касается «просьбъ о поддержкѣ», то онѣ превратились въ настоящую повинность.

Лично управляя Брабантомъ, герцоги посылали штатгальтеровъ въ остальныя области, а число этихъ областей все увеличивалось послѣ каждаго герцога. Филиппъ Добрый, прозывавшійся «звѣздою рыцарства», резидировалъ въ Брюсселѣ, но иногда проживалъ и въ другихъ городахъ, гдѣ у него имѣлось очень много роскошнѣйшихъ дворцовъ, и тутъ происходили сказочныя пиршества на золотѣ и серебрѣ; тутъ изъ пирожныхъ вылетали живыя птицы, или скрывались большія позолоченныя животныя и т. п. Здѣсь происходилъ вѣчный праздникъ, сопровождаемый феріями на водѣ и землѣ, турнирами, съѣздами рыцарства со всѣхъ концовъ Европы, чтобъ пожить и попировать у гостепріимнаго герцога Филиппа Добраго. И отсюда выступали ихъ полки на войны съ мѣщанами горо-

довъ Фландріи. Люттихской области, съ дворянами и крестьянами Голландіи, а позже и съ «мужичьемъ» Швейцаріи.

Сынъ и наслѣдникъ Филиппа Добраго Карлъ, еще при жизни отца, былъ отправленъ въ Люттихскую епископскую область для возстановленія тамъ родственника епископа Объ этомъ погромѣ уже упоминалось въ очеркѣ исторіи люттихской епископской области (см. предыдущую главу). Еще будучи принцемъ, Карлъ какъ-то въ Брюсселѣ сказалъ окружающимъ: «Вотъ увидите, что я сотворю, когда сдѣлаюсь герцогомъ! Мой отецъ черезчуръ добръ и порождаетъ этимъ духъ неповиновенія!». Во время вышеупомянутаго люттихскаго погрома, солдаты принца Карла свирѣпствовали какъ дикари. Онъ самъ велѣлъ утопить въ Маасѣ 800 горожанъ, связанныхъ попарно спинами.

Послѣ смерти отца, въ 1467 году, Карлъ по обычаю объѣзжалъ города для принятія присяги; въ Гентѣ онъ былъ тѣсно окруженъ горожанами, настаивавшими на возвращеніи имъ старинныхъ гентскихъ привилегій, отобранныхъ Филиппомъ Добрымъ. Карлъ уклончиво отвѣтилъ, что дастъ отвѣтъ черезъ три дня. Гентцы, зная коварство Карла, поняли, что отвѣтъ его будетъ отрицательнымъ, и на слѣдующій день они разрушили зданіе податныхъ сборовъ. Карлъ, почувствовавъ себя въ рукахъ гентцевъ, поспѣшилъ обѣщать выполненіе главныхъ требованій горожанъ. Въ благодарность за это, они выдали ему своихъ главныхъ зачинщиковъ, которые и были казнены, но, выѣхавъ изъ Гента, обѣщаній своихъ Карлъ не выполнилъ.

Въ Люттихѣ Карлу пришлось дважды возстановлять своего дядю епископомъ. Въ послѣдній разъ его артиллерія пробила брешь въ городской стѣнѣ. Карлъ съ войскомъ ворвался и поджегъ городъ. Это случилось въ воскресенье утромъ, когда всѣ люттихцы разсѣяны были по церквамъ. Солдаты Карла врывались въ церкви, убивали священниковъ у алтарей, тутъ же насилуя женщинъ. Скоро на улицахъ, среди горѣвшаго города, лежали цѣлыя груды труповъ. Казалось, что богатый Люттихъ, имѣвшій до 300 церквей, исчезнетъ съ лица земли. Долго продолжалась ловля бѣжавшихъ въ сосѣднія арденскія горы, и семь недѣль Карлъ жегъ городъ Люттихъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ разрѣшилъ вновь отстраивать Льеттихъ подъ условіемъ доставки ему 6000 стрѣлковъ. Относительно депутаціи изъ Гента, которому онъ обѣщалъ возстановленіе правъ, онъ распорядился съ нею по своему, т. е. возсѣдая на герцогскомъ тронѣ въ 1469 г., онъ приказалъ прибывшимъ гентскимъ депутатамъ пасть на колѣни и выдать всѣ гентскія привилегіи. Подлѣ Карла надъ головами депутатовъ грозилъ имъ громадный мечъ въ рукахъ одного изъ тѣлохранителей. И Карлъ доставилъ себѣ удовольствіе онъ рвалъ тутъ на клочки гентскія привилегіи.

Карлъ, прозванный «terrible» и «téméraire» (т. е. «ужасный», «безразсудно смѣлый или дерзкій»), считалъ себя великимъ героемъ, равнымъ Александру Македонскому, и говорилъ: «не даромъ у Александра и у него отцовъ звали Филиппами». Онъ мечталъ о завоеваніи Европы. Не сбылись его надежды на германскую императорскую корону. Курфирсты не избрали его: всѣ его ненавидѣли за его крайнюю грубость. Карлъ не стѣснялся даже съ самымъ высшимъ духовенствомъ, такъ что папа былъ чрезвычайно оскорбленъ невѣроятнымъ обращеніемъ съ его легатомъ.

Всѣ свои средства онъ употреблялъ только на вооруженія и формированіе войска, и самъ рослый и сильный постоянно занимался развитіемъ своей силы. На лучшемъ изъ портретовъ, который я видѣла, у него поразительно дикое и упрямое выраженіе. Безобразно длинный выдвинутый подбородокъ, стиснутыя губы, сердито нахмуренный лобъ и свирѣпый взглядъ. Это лицо психически больного человѣка, какимъ и былъ Карлъ.

Въ немъ соединялись наслѣдственныя черты болѣзненной и мрачной подозрительности и упорства матери португалки съ безумными припадками бѣшенства отца. Карлъ всегда находился въ возбужденіи и не могъ перенести капли вина; говорилось: «Герцогъ всегда вынужденъ прохлаждать крайне разгоряченную кровь прохладительными напитками». Неповѣрно суетливый, онъ хотѣлъ вездѣ быть самъ, постоянно забывая о снѣ и пищѣ, не давая и окружающимъ покоя. Онъ замучивалъ всѣхъ. Его рыцари просто не выходили изъ сѣдла.

Обращенія Карла за денежною помощью къ штатамъ все

учащались, въ 1471 году онъ уже требовалъ 120,000 шильдеровъ, взимавшихся въ теченіе трехлѣтняго срока, и сумѣлъ добыть еще, въ 1473 г., 500,000 шил., шестилѣтнимъ сборомъ, а въ 1476 г. (послѣ битвы при Грандсонѣ) онъ опять просилъ, но ему тогда отказали.

Начавъ свои внѣшнія войны, Карлъ быстро началъ терять сознаніе возможнаго и невозможнаго, какъ и сопоставленіе условій и средствъ. Онъ порываетъ только что заключенные союзы и дѣйствуетъ совершенно безъ плана и цѣли. Послѣдній его походъ былъ просто бредомъ безумія. Цѣлый годъ онъ упрямо осаждалъ не сдавшійся ему г. Нанси. Карлъ не обращалъ никакого вниманія на то, что французскій король уже успѣлъ заключить союзъ противъ него съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ III, какъ и на то, что англичане, его собственные союзники, молили его покинуть ненужную осаду Нанси для соединенія силъ противъ французовъ. Карлъ упорно не покидалъ Нанси. Тогда англичане покинули его и въ свою очередь заключили союзъ съ французами. Лишь тогда Карлъ оставляетъ Нанси, но занимается осадой замка Грандсонъ, на берегу Неншательскаго озера. Швейцарцы окружаютъ и захватываютъ большую часть его аммуниціи и багажа.

Подавленный и вмѣстѣ раздраженный этимъ, Карлъ дѣлается не только грубъ со своими солдатами, но даже рыцарей преслѣдуетъ подозрѣніями въ измѣнѣ. Съ нарастающими препятствіями онъ дѣлается только упрямѣе въ желаніи побить швейцарцевъ и теряетъ сознаніе того, что окруженъ врагами, лишенъ союзниковъ, и что Нидерланды готовы подняться противъ него.

Наконецъ, при Муртенѣ (1476 г.) онъ не только разбитъ швейцарцами, но у него захвачены аммуниція и всѣ фамильныя сокровища, которыя онъ всегда возилъ съ собою. Французы поджидали его въ Гренобле, а онъ, вмѣсто спѣшнаго отступленія въ ближайшее и принадлежащее ему люксембургское укрѣпленіе, гдѣ хранились деньги и оружіе, охваченъ преслѣдующею идеей отомстить тотчасъ и во что бы ни стало швейцарцамъ. Карлъ былъ до того возбужденъ и вмѣстѣ страшно распатанъ, что, никогда не пившій вина, онъ подкрѣплялъ себя крѣпкими напитками, а тогдашніе оскулапы ставили

ему банки и пускали жильную кровь въ видѣ успокоитель наго средства. Тогда Карлъ начинаетъ опасаться измѣны единственной своей союзницы герцогини Савойской и распоряжается очень грубымъ похищеніемъ ея изъ ея владѣній. Карлъ боялся, что она тоже перейдетъ на сторону французовъ. Онъ велитъ отливать пушки, заказываетъ новыя ружья, взамѣнъ отнятыхъ у него швейцарцами, и упускаетъ время къ отступленію. Когда герцогъ люксембургскій внезапно захватываетъ Нанси, Карлъ опять бросается осаждать не сдающійся ему Нанси и упрямо держится тутъ, не слушая извѣщеній, что швейцарцы идутъ на него.

Злобность его уже такова, что окружающіе просто пугаются, и начинается бѣгство отъ него цѣлыхъ отрядовъ со знаменами. Даже итальянскіе и венеціанскіе кондотьери вслѣдъ за рыцарями покидаютъ Карла. У Карла остается только нѣсколько сотенъ приверженныхъ ему, съ которыми онъ бѣшено ринулся на громадныя, одушевленныя ополченья горцевъ.

Покрытое до неузнаваемости ранами и изгрызенное волками тѣло герцога нашли въ замерзшей лужѣ, во рву. Такъ окончилась война съ швейцарцами, начавшаяся изъ за довольно ничтожнаго повода, ограбленія швейцарскихъ купцовъ бургундскимъ фогтомъ въ Эльзасѣ. Швейцарцы убили фогта и начали небольшіе набѣги на бургундскую территорію. Но дѣло было не въ фогтѣ и не въ набѣгахъ, а въ томъ, что швейцарскіе Альпы были на пути Карла, мечтавшаго о походѣ въ Италію и завоеваніи Европы.

Долго поддерживался суевѣрный страхъ, что Карлъ еще не умеръ, что онъ опять пожалуй вернется. Современники видѣли въ Карлѣ что-то демоническое, его называли даже антихристомъ. Послѣ его смерти, духовенство, дворянство, города и крестьяне всѣхъ областей съ облегченіемъ вздохнули, какъ послѣ тяжкаго гнета, а во Фландріи говорилось: «наконецъ-то спроважень въ адъ человѣкъ, никому рѣшительно не дававшій покоя. Оттуда его уже не выпустятъ!»

Какъ только разнеслась вѣсть о смерти Карла, фландрскій совѣтъ его бѣжалъ во Францію, нѣсколькихъ членовъ успѣли арестовать, а отъ дочери Карла, его единственной наслѣдницы, города потребовали возвращенія всѣхъ привилегій и уничто-

женія центральнаго судилища въ Мехельнѣ. Марія согласилась и присягнула штатамъ, обѣщавшимъ ей поддержку, такъ какъ она была въ большомъ затрудненіи. Послѣ ея отца ровно ничего не осталось, кромѣ долговъ, даже накопленная дѣдами сокровищница и та досталась швейцарцамъ. Кромѣ того, французскій король Людовикъ XI отрицалъ права Маріи на фландрскую графскую корону, такъ какъ по салическому закону женщины не могли наслѣдовать послѣ мужчинъ. Людовикъ считалъ Фландрію леномъ французскихъ королей и опирался на свое право отбирать ленъ.

Думая все таки уладить дѣло, онъ предложилъ Маріи въ мужья своего семилѣтняго сына, чтобы не лишать ее Фландріи. Маріи въ то же время посватали сына германскаго императора, принца Максимиліана австрійскаго, и она не знала на что рѣшиться.

Интересно поведеніе Маріи: это—типъ выродившейся семьи. Подъ вліяніемъ двухъ приближенныхъ, полуфранцузовъ Гюгоне и Гамбрикура, она забываетъ о своей присягѣ Штатамъ и отправляетъ Гамбрикура и Гюгоне послами къ французскому королю для передачи ея письма съ выраженіями величайшей покорности и согласіемъ на бракъ съ дофиномъ.

Возвратившіеся изъ Парижа послы нашли Марію въ другомъ настроеніи: за это время на нее уже успѣли повліять другіе совѣтники. Она забыла про письмо и посольство къ французскому королю и дала согласіе на бракъ съ принцемъ Максимиліаномъ австрійскимъ; затѣмъ ея французскимъ послам опять удается ее уговорить насчетъ полезности брака съ французскимъ дофиномъ. Она даже порѣшила бѣжать съ ними къ французскому королю. Объ этомъ безволіи узналъ одинъ изъ ея приближенныхъ Равенштейнъ и отговорилъ отъ бѣгства, что легко было сдѣлать, такъ какъ Марія уже начала сомнѣваться: нужно ли ей бѣжать во Францію?

Ея посланниковъ Штаты арестовали, а Марія торжественно отрекалась отъ своего письма къ Людовику XI и отъ посольства. Да только самъ Людовикъ XI прислалъ Штатамъ это письмо, надѣясь этимъ поссорить Марію со Штатами. Продолжавшей отпѣкиваться отъ письма Маріи показали ея письмо къ королю, «чѣмъ она была очень сконфужена». Она ходила на

засѣданіе Штатовъ просить о помилованіи своихъ пословъ. Но Штаты казнили ихъ въ Гентѣ, какъ козловъ отпущенія, а Марія вновь подтвердила свою присягу Штатамъ, послѣ чего они подтвердили присягу защищать ея наслѣдственныя графскія права. «Фламандцы, цѣлуя свою землю, клялись скорѣе умереть, чѣмъ допустить французовъ занять Фландрію».

Марія вручила Штатамъ такъ называемую «Большую привилегію», заключавшую не только возстановленіе старинныхъ привилегій, но и политическія права цеховъ, и новыя обязательства со стороны герцогини относительно ея вступленія въ бракъ и веденія войнъ, недопускаемыхъ безъ согласія Штатовъ. Штаты получили право на созывъ своихъ собраній въ опредѣленные ими сроки. Отдѣльные города не могли выдавать герцогинѣ денежныхъ суммъ безъ одобренія генеральныхъ Штатовъ, и гарантировалась полная личная свобода горожанъ, а Брюгге не преминулъ тогда потребовать, чтобъ иностранные купцы продавали только товары изъ Брюгге, а не привезенные ими съ антверпенской ярмарки.

Марія на все соглашалась, зато во время нападенія французскаго короля многочисленныя народныя ополченія быстро отразили французское рыцарское войско. Фландрскія милиціи прибывали со всѣхъ сторонъ, и пораженный этимъ Людовикъ XI только воскликнулъ: «Il pleut des flamands!» («Дождемъ посыпались фламандцы!») и ретировался вспять.

Съ согласія штатовъ, Марія бургундская вышла замужъ за принца Максиміліана австрійскаго (габсбургскаго), а французскій король, раздосадованный неудачами, захватывалъ пограничные фламандскіе города, но былъ опять побитъ (при Артуа) Максиміліаномъ, лично командовавшимъ войскомъ. Побѣда не дала, однако, прочнаго мира, какъ и всѣ походы Максиміліана, оканчивавшіеся одною шумихою.

Не было на свѣтѣ принца болѣе неугомоннаго, какъ принцъ Максиміліанъ. Южанинъ по матери португалкѣ, Максиміліанъ вѣчно суетился, спѣшилъ, никуда не поспѣвалъ, вмѣшиваясь во всѣ европейскія дѣла, до него не касавшіяся. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, прозываясь даже «безденежнымъ принцемъ», онъ имѣлъ претензію считаться покровителемъ наукъ и искусствъ и постоянно заказывалъ великимъ художникамъ всевозможныя

произведенія, только не всегда имѣлись у него свободныя суммы для уплаты, или онъ забывалъ о ней. Не мало сохранилось превосходныхъ портретовъ Максиміліана съ его характерною отвислою губою и выдающеюся челюстью прежнихъ Габсбурговъ.

Жилъ, одѣвался и пировалъ Максиміліанъ съ ослѣпительною роскошью. Даже на иляпахъ у него были драгоцѣнные камни. Когда Марія умерла, послѣ паденія съ лошади во время охоты, Максиміліанъ разсчитывалъ сдѣлаться регентомъ за своего малолѣтняго сына, но Штаты этому противились, истомленные его колоссальными расходами и негодуя на то, что Максиміліанъ только пируетъ да безтолково воюетъ, не умѣя упрочить даже мира съ Франціею, при постоянномъ нарушеніи всѣхъ торговыхъ трактатовъ съ сосѣдними странами.

Чтобъ добиться регентства, Максиміліанъ игралъ въ руку то дворянской, то городской партіи, пытаясь ослабить или уничтожить одну при помощи другой.

Закончивъ вторую войну съ Франціею, Максиміліанъ не выводилъ изъ Фландріи своихъ австрійскихъ солдатъ, разбойничавшихъ въ городахъ и селахъ. Въ Брюгге и въ Гентѣ изъ за этого происходили сильнѣйшія волненія. Максиміліанъ, въ 1488 г., лично явился въ г. Брюгге: «успокаивать умы», имѣя въ виду внезапный захватъ Брюгге, гдѣ проживалъ тогда его малолѣтній сынъ. Едва только Максиміліанъ успѣлъ въѣхать въ городскія ворота, какъ былъ внезапно отдѣленъ отъ сопровождавшихъ его брабантскихъ рыцарей, а ворота за нимъ быстро захлопнулись. Максиміліана схватили и помѣстили въ одномъ изъ домовъ на рыночной площади, гдѣ продержали шесть недѣль въ плѣну. Вся Фландрія выражала сочувствіе Брюгге.

Максиміліана освободили, когда онъ согласился предоставить регентство и опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ Штатамъ при обѣщаніи очистить Фландрію отъ австрійскаго войска и не начинать войнъ безъ согласія Штатовъ. Въ удостовѣреніе нерушимости этого договора Максиміліанъ оставилъ вмѣсто себя въ плѣну, въ Брюгге, заложниками крупнѣйшихъ дворянъ. Между ними предложилъ себя заложникомъ и графъ Клеве. Штаты выдали Максиміліану 50 тысячъ гульденовъ отступного.

Но Максимиліанъ и не подумалъ держать свое слово, онъ тотчасъ воспользовался двадцатитысячнымъ войскомъ своего отца, германскаго императора, и началъ осаду фландрскихъ городовъ. Максимиліановъ заложникъ, графъ Клеве, возмущенный нарушеніемъ рыцарскаго слова, сталъ во главѣ гентской милиціи, къ которой присоединились милиціи брабантскихъ городовъ, однако преимущество оказалось на сторонѣ Максимиліана—за него стоялъ и англійскій король. Вслѣдствіе чего фландрскіе города, осажденные съ двухъ сторонъ съ моря и съ суши, вынуждены были признать регентство Максимиліана и выплатить ему громадную контрибуцію.

Не унимался только графъ Клеве съ примкнувшею къ нему въ Голландіи дворянскою партіею гуксовъ, къ нимъ же примкнули свободные крестьяне и фризы. Ихъ быстроходныя суда крейсировали вдоль голландскихъ и зеландскихъ береговъ, задавая большія морскія сраженія Максимиліану. Изъ Роттердама они дѣлали энергическія вылазки; но и съ ними удалось Максимиліану покончить. Онъ казнилъ множество дворянъ.

Вслѣдъ за этимъ поднялась противъ Максимиліана новая война: «хлѣба и сыра». На знамени бордовъ изображались хлѣбъ и сыръ. Ее вызвали нестерпимые налоги и военные постои, хотя голландскій штадгальтеръ графъ Эгмонтъ временно успокоилъ населеніе, обѣщаніемъ отмѣны одного изъ самыхъ ненавистныхъ налоговъ, но его обѣщаніе не могло быть исполнено.

Война «хлѣба и сыра» готова была снова вспыхнуть. Крупныя несогласія и соперничество между городами ослабляли возможность общаго отпора Максимиліану, котораго тогда выручило войско Іоанна Саксонскаго, своими звѣрствами наводившаго всеобщій ужасъ. И все стихло.

Представителямъ селъ и городовъ было тогда приказано явиться съ веревками на шеяхъ въ знакъ величайшаго ихъ униженія, и наложена была такая большая контрибуція, что самымъ большимъ богачамъ въ городахъ пришлось продавать свои родовыя драгоцѣнности, чтобъ набрать денегъ для уплаты. Нѣкоторые города, какъ, напр., Алькмаръ, принимавшій участіе въ предпріятіяхъ гуксовъ, должны были сломать свои стѣны и башни, лишась городскихъ правъ.

Вскорѣ скончался германскій императоръ, и Максиміанъ. избранный императоромъ, уѣхалъ въ Германію, оставивъ въ Брюсселѣ пятнадцатилѣтняго сына Филиппа Краснваго, тотчасъ по вступленіи на герцогскій тронъ объявившаго городамъ о недѣйствительности ихъ привилегій. якобы насильственно вынужденныхъ у его матери Маріи бургундской. Впрочемъ, Филиппъ Красивый. въ теченіе своей короткой жизни былъ очень миролюбивъ и не только не порывалъ торговыхъ отношеній съ другими странами, напримѣръ, съ Англіею. но заключилъ съ нею очень выгодный для городовъ торговый союзъ. Женясь на испанской принцессѣ. онъ скоро умеръ въ Испаніи, оставивъ малолѣтняго сына (будущаго Карла V), при чемъ регентомъ за него сдѣлался дѣдъ, т. е. Максиміанъ, снова не дававшій передышки провинціямъ своими требованіями денегъ и денегъ на войны, во всей Европѣ. Но особенно его война съ городами европейской ганзы подрѣзала силы провинцій. подорвавъ всю торговлю и введя населеніе въ неоплатныѣ долги.

Вѣчно занятый войнами. Максиміанъ поспѣшилъ сдать управленіе провинціями 16-лѣтнему внуку Карлу. въ которомъ рано сказалась чрезвычайно деспотическая натура. Когда Карлъ отобралъ у своей матери испанское королевство. испанцы очень тревожились, хорошо зная. что Карлъ душою вовсе не испанецъ, а фламандецъ, родившись и проживъ всю жизнь во Фландріи. Когда-жъ онъ былъ избранъ германскимъ императоромъ. то они были увѣрены. что онъ нашлетъ въ Испанію правителями не только фламандскихъ дворянъ, но и нѣмцевъ. всякихъ авантюристовъ. Дѣйствительно, фламандское дворянство при Карлѣ получало теплыя мѣста, а купечество пользовалось равными правами съ испанцами въ испанской колоніальной торговлѣ, такъ что Карлу пришлось скоро усмирять возстаніе противъ него въ Испаніи.

Карлъ. вступивъ во владѣніе провинціями и присягая Штатамъ [1]), подтвердилъ всѣ ихъ старыя права и привилегіи.

[1]) При вступленіи во владѣніе у Карла считалось четыре герцогства: Брабантъ, Гельдернъ, Лимбургъ, Люксембургъ, семь графствъ: Фландрія, Голландія, Зеландія, Артуа, Геннегау, Нимвегенъ, Цутфенъ, одно маркграфство: Антверпенъ, пять епископствъ: Утрехтъ, Фрисляндія, Мехельнъ, Овериссель, Гронинги-

Вѣдь онъ всегда считалъ провинціи своимъ неисчерпаемымъ золотымъ дномъ. Деньги на веденіе безконечныхъ войнъ можно было добыть только тамъ. Нѣмцы были бѣдны, у испанцевъ индустрія сильно пошатнулась вслѣдъ за изгнаніемъ и усмиреніемъ испанскихъ мавровъ. Во всей Европѣ былъ торговый кризисъ послѣ завоеванія Константинополя турками (1512—1520 г.) и блокированія мусульманами прежнихъ торговыхъ путей. Почти вся торговля съ востокомъ прекратилась, даже торговля сахаромъ черезъ Александрію и Каиръ и т. д. Поиски кругосвѣтныхъ путей Колумба и Васко де Гамо были вызваны именно потерею всѣхъ старыхъ торговыхъ путей. Въ теченіе этого торговаго кризиса, нѣмецкіе дворяне, какъ пайщики многихъ торговыхъ предпріятій—понесли очень большіе убытки и еще сильнѣе налегли на своихъ крестьянъ, чѣмъ отчасти и были вызваны крестьянскія войны.

Во Фландріи, Брабантѣ и Нидерландахъ кризисъ не такъ ужасно отозвался, такъ какъ ихъ выручали рыбныя ловли, ткачество, особенно суконодѣлье и торговыя сношенія съ Англіею. Сдѣлавшись германскимъ императоромъ, Карлъ V покинулъ провинціи. Онъ издали наблюдалъ за всѣмъ совершающимся тамъ, передавъ управленіе провинціями своей вдовствующей сестрѣ, бывшей венгерской королевѣ Маріи. Эта штатгальтерша или регентша провинцій резидировала въ Брюсселѣ и вскорѣ объявила Штатамъ, что Карлу очень нужны деньги на войну съ Франціею, Сициліей и Миланомъ. Штаты всѣхъ провинцій согласились ассигновать требуемыя деньги. Только одинъ Гентъ отказался отъ уплаты своей доли въ 100.000 флориновъ.

Гентскіе горожане подраздѣлялись въ то время на три категоріи: патриціевъ, купеческую гильдію, цехи, а между послѣдними имѣлось 17 группъ одного цеха—суконодѣловъ и 52 меньшихъ цеховъ. Въ засѣданіи городского совѣта первыя двѣ категоріи, т. е. патриціи и купеческая гильдія, рѣшительно отказались уплатить требуемую сумму, что касается третьей категоріи, цеховъ, они хотя тоже отказались отъ сбора денегъ, опираясь на

генъ. Всего 17 провинцій, гдѣ онъ назывался Карломъ II. Въ Испаніи онъ былъ извѣстенъ, какъ король Карлъ I; но онъ болѣе извѣстенъ въ Исторіи какъ германскій императоръ Карлъ V. У него были еще титулы: короля Неаполя, Рима, Сициліи, властителя Индіи, Африки и Америки.

свои права, ясно выраженныя въ «Большой привилегіи Маріи Бургундской»[1]), но за то они предложили свои милиціи въ помощь войску штатгальтерши, принимая на себя и содержаніе своихъ милиціонеровъ. Такимъ образомъ городское засѣданіе почти единогласно рѣшило противъ сбора денегъ, и Гентъ даже пригрозилъ селамъ и городкамъ своего округа, начавшимъ было сборъ денегъ, требуемыхъ штадгальтершею. Тогда она объявила Генту, что готова удовлетвориться лишь половиною требуемой суммы, но Гентъ и въ этомъ ей отказалъ. Это такъ взорвало штатгальтершу, что она, опираясь на брабантское право захвата купцовъ за городскіе долги, распорядилась арестомъ всѣхъ гентцевъ, проживавшихъ въ ея резиденціи Брюсселѣ, назвавъ ихъ своими должниками. Штаты Гента настойчиво требовали освобожденія гентскихъ горожанъ, но Марія отвѣтила требованіемъ уплаты денегъ, и для рѣшенія вопроса предложила его фландрскому верховному суду въ г. Мехельнѣ.

Напрасно гентцы приводили въ свою защиту параграфы «Большой привилегіи», судъ въ Мехельнѣ оказался на сторонѣ штатгельтерши. Карлъ написалъ изъ Испаніи очень миролюбивое письмо гентскимъ Штатамъ, прося ихъ уплатить хоть половину требуемой суммы, но одновременно онъ отправилъ приказъ генералъ-прокурору, не стѣсняясь ничѣмъ, выжать эти деньги у Гента. Послѣ этого Марія перестала настаивать, словно забывъ про Гентъ, а между тѣмъ ея сборщики въ отдаленныхъ областяхъ, принадлежащихъ Генту, необычайно сурово вымогали деньги. Населеніе толпами бѣжало въ Гентъ и разсказами усиливало волненіе въ городѣ.

Тутъ подошло время выборовъ новыхъ судей и утвержденіе новыхъ цеховыхъ мастеровъ, при чемъ всплылъ и жгучій вопросъ о новыхъ обложеніяхъ. Выборы судей прошли спокойно, но утвержденіе новыхъ мастеровъ дало поводъ къ обвиненію стараго магистрата «въ измѣнѣ Генту», и цехи требовали ареста всего стараго магистрата. Члены его въ страхѣ скрылись изъ города, остались лишь шесть старцевъ, которыхъ схватили для пытокъ и казни, и начали съ пытокъ 75-лѣтняго старика, чтобъ дознаться: «кто выкралъ изъ вѣчевой башни старую

[1]) Карлъ V, присягая городамъ, призналъ и права «Большой привилегіи».

привилегію?» Дѣло въ томъ, что по городу ходила какая-то сказка о похищеніи важной хартіи, документа, якобы обезпечивавшаго Генту право отказываться отъ налоговъ и всякихъ платежей своимъ графамъ.

Громадный, великолѣпный, обыкновенно всегда трудовой городъ вдругъ сталъ жить словно въ бреду въ мірѣ фантазіи. Въ поискахъ не существовавшей хартіи горожане воображали, что Карлъ очень далеко и такъ занятъ войнами съ нѣмецкими протестантами и съ мусульманами, что ему вовсе не до Гента. Они даже начали завязывать отношенія съ французскимъ королемъ Франциском I, а онъ, чтобъ досадить Карлу, пересылалъ ему письма, получаемыя имъ изъ Гента. Вооруженные цехи сторожили городскія ворота, и началась конфискація имуществъ предполагаемыхъ предателей или похитителей хартіи изъ башни.

Предполагалось даже всеобщее дѣленіе имуществъ, такъ какъ въ Гентъ проникали всевозможныя сектантскія ученія, не только лютеранство и кальвинизмъ, а и ученія вальденцевъ, лолардовъ и другихъ коммунистическихъ сектъ. Изъ Гента волненіе распространялось и на сосѣдніе города Куртре и Уденардъ. Въ Гентѣ уже обсуждался вопросъ о совершенной ненужности для фландрскаго города Гента опеки германскаго императора Карла V, который еще въ пятнадцати-лѣтнемъ возрастѣ покушался отобрать у города Гента его древнія привилегіи.

За тѣмъ въ Гентѣ совершилось нѣчто окончательно погубившее его. Гентцы изорвали въ клочья хартію, изданную самимъ Карломъ V, въ просторѣчіи прозывавшуюся «телячья кожа». Клочьями этого пергамента гентцы съ тріумфомъ украсили свои шляпы, словно побѣдными трофеями. Этою хартіею, изданною еще въ 1515 г., Карлъ V прекращалъ верховенство Гента надъ другими областями.

Совершивъ расправу надъ «телячьей кожей», гентцы отправили депутацію къ штатгальтерицѣ, прося ее утвердить новый составъ гентскаго суда, въ который они ввели нѣсколькихъ членовъ цеховыхъ корпорацій. Марія въ крайнемъ смущеніи утвердила новый судебный составъ; она очень боялась за жизнь только что отправленнаго въ Гентъ президента верхов-

наго Совѣта, съ письмомъ Карла, извѣщавшаго о своемъ скоромъ прибытіи въ Гентъ.

Карлъ дѣйствительно спѣшилъ въ Гентъ изъ Испаніи, да только не зналъ, какимъ путемъ ему пробраться. Моремъ плыть долго, и надо выжидать попутнаго вѣтра, да и буря могла бы задержать, а еще чего добраго, прибить къ берегамъ врага—французскаго короля. Сухимъ путемъ, черезъ Германію, было бы для Карла еще опаснѣе, такъ какъ онъ не могъ миновать владѣній протестантскихъ государей, а ихъ чувства къ нему были ему извѣстны.

До чего ему приходилось остерегаться протестантскихъ курфюрстовъ, доказывало впослѣдствіи его бѣгство въ глухую ночь черезъ непроходимыя почти горныя тропы изъ Инсбрука, чтобы только не попасться въ плѣнъ къ подстерегавшему его на дорогахъ курфюрсту Морицу Саксонскому. Остальные не лучше къ нему относились. Карлъ рискнулъ начать переговоры съ французами, рѣшившись на проѣздъ черезъ Францію, черезъ владѣнія своего зятя Франциска I—непримиримаго врага. Долгими переговорами французы выторговали себѣ не мало уступокъ, а у Карла, какъ тогда говорилось, «подошвы горѣли», пока онъ не перешагнулъ французской границы, несмотря на всю французскую любезность.

Только черезъ пять мѣсяцевъ, послѣ уничтоженія въ Гентѣ хартіи «толчья кожа», Карлъ подъѣхалъ къ этому городу. Городской магистратъ вручилъ ему ключи. Впереди Карла вступали отряды нѣмецкихъ рыцарей, архіепископы и епископы со своими войсками, Марія штатгальтерша со своею свитою, и т. д. Кортежъ былъ такой внушительный и громадный, что въѣздъ продолжался болѣе шести часовъ. Затѣмъ войска были такъ размѣщены, чтобъ можно было сразу подавить мятежъ. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца Карлъ скрывалъ свои намѣренія, только шумный передъ этимъ Гентъ вдругъ словно замеръ, и въ этой зловѣщей тишинѣ денно и ночно лихорадочно работалъ графскій судъ надъ разслѣдованіемъ безпорядковъ. Затѣмъ Карлъ торжественно объявилъ, что: «разъ навсегда покажетъ примѣръ на Гентѣ», и велѣлъ снять гентскій вѣчевой колоколъ [1]), отнялъ всѣ права, конфисковалъ имущество гиль-

[1]) Гентскій вѣчевой колоколъ считался голосомъ самого города. На немъ

дій и цеховъ, удвоилъ прежде просимую имъ сумму, назначивъ еще ежегодную контрибуцію въ собственную пользу. Подъ мечомъ палача пали головы вожаковъ. Затѣмъ Карлъ собственноручно заложилъ первый камень при постройкѣ въ Гентѣ австрійской цитадели. Городское управленіе въ корнѣ измѣнялось.

На третій мѣсяцъ пребыванія Карла въ Гентѣ послѣдовало окончательное приниженіе горожанъ, выразившееся въ длинной процессіи цеховыхъ мастеровъ въ черныхъ одеждахъ безъ шляпъ, за ними слѣдовали, въ покаянныхъ рубахахъ, завѣдомые бунтари. Процессія двигалась къ дворцу Карла, ожидавшаго ее на крыльцѣ съ сестрою среди блестящей свиты. Горожане пали на колѣни моля о пощадѣ Генту. Карлъ долго молчалъ, словно раздумывая, наконецъ, Марія схватила его руку и стала просить: «помиловать населеніе чуднаго города Гента, въ память рожденія въ немъ Карла». Карлъ V пощадилъ Гентъ, жизнь и имущество горожанъ, но строго проводилъ разъ выраженныя мѣропріятія.

Карлъ не совершилъ бы подобной расправы съ горожанами изъ за одного ихъ отказа уплатить ему деньги. Бывали случаи такихъ отказовъ, а онъ не производилъ такого разгрома. Напримѣръ, въ 1541 году, когда амстердамцы отказались уплачивать налогъ на рожь. Карлъ разомъ успокоилъ волненіе отмѣною этого налога. Но гентцы его лично задѣли, разорвавъ изданную имъ хартію, и ему необходимо было парализовать, хоть временно, безпокойный, возмущенный Гентъ, въ виду скорой войны съ Франціею и новой борьбы съ нѣмецкими протестантами.

Ужасъ охватилъ всѣ остальныя провинціи, когда распространилась вѣсть о томъ, какъ раздавленъ Гентъ. Карлъ даже вынужденъ былъ нѣсколько разъ успоконвать ихъ и ради этого ѣздилъ въ Голландію, въ Утрехтъ, лично удостовѣряя, что онъ отнюдь не намѣренъ покушаться на ихъ самоуправленіе. Затѣмъ Карлъ отправился на общегерманскій рейхстагъ въ Регенсбургъ и на войну съ турками.

была надпись: «зовусь Роландъ—звономъ собираю горожанъ, раскатами звона сообщаю имъ о бѣдѣ».

Генту онъ вскорѣ возвратилъ вѣчевой колоколъ и городское самоуправленіе по случаю празднованія освобожденія Фландріи отъ французской вассальной зависимости.

Безсиліе Карла прежде всего сказалось въ его борьбѣ съ германскими протестантами. Почти вся Германія уже была охвачена стремленіемъ къ реформѣ, въ которой главною задачею было прекращеніе чисто свѣтскихъ интересовъ католической іерархіи. Ученіе Лютера, одобрявшее изъятіе изъ рукъ католическаго духовенства его крупнѣйшихъ земельныхъ владѣній, давало лютеранскому дворянству поводъ для захвата этихъ земель. Усилившіеся лютеране вскорѣ начали фанатическое преслѣдованіе другихъ сектъ, особенно кальвинизма, основывавшагося на болѣе демократическихъ началахъ.

Что касается Карла V, то онъ, опасаясь усиленія дворянства въ провинціяхъ, безъ разбора сталъ преслѣдовать все, что отзывалось еретичествомъ. Тогда всѣхъ сектантовъ испанцы по недоразумѣнію называли «лютеранами».

Стремленіе къ реформамъ въ католической церкви и «гуманизмъ» усиливались по мѣрѣ ознакомленія Европы съ древнеклассическимъ міромъ, и съ возрожденіемъ науки и искусства древней Греціи и Рима росло критическое отношеніе къ средневѣковому міросозерцанію съ его схоластическою наукою. Это теченіе охватываетъ всѣ слои общества.

Въ литературѣ громадное вліяніе на современниковъ производили бичующія сатиры голландца Эразма роттердамскаго [1]). Его знаменитая сатира «Похвала глупости» (1512 г.) высмѣивала тогдашніе способы преподаванія схоластической науки и ея ученыхъ монаховъ, также невѣжественныхъ монаховъ, дво-

[1]) Эразмъ учился въ девентерской школѣ братства «Общей Жизни», а затѣмъ въ семинаріи того-же братства въ Герцогенбушѣ, гдѣ изучалъ классическую литературу. Соблазненный однимъ товарищемъ возможностью занятій наукою въ монастырѣ, онъ протомился цѣлыя пять лѣтъ въ августинскомъ монастырѣ, гдѣ настоящимъ монахамъ не дозволяли занятія наукою. Лишь счастливая случайность дала ему возможность опять увидѣть свѣтъ божій, когда архіепископъ кембрійскій сдѣлалъ его своимъ секретаремъ въ виду путешествія въ Римъ. Своими сатирами Эразмъ нажилъ много враговъ среди ученыхъ богослововъ и совсѣмъ неученыхъ монаховъ, но папы и короли съ удовольствіемъ читали ихъ, тѣмъ болѣе, что Эразмъ былъ далекъ отъ лютеранства и отъ кальвинизма.

рянъ и королей. Она шла даже дальше, называя «глупыми овцами» большинство людей—добрыхъ христіанъ. Эта сатира выдержала множество изданій и была сильно распространена, хотя и написана по-латыни. Но латинская грамота была знакома очень многимъ, даже «ремесленники въ Амерсфордѣ говорили хорошею латынью».

Штатгальтерша Марія разсылала циркуляры о надзорѣ за школьными учителями, не проникаетъ ли въ школы зараза лженій Лютера, Кальвина и другихъ еретиковъ. Ея циркуляры уже потому не достигали цѣли, что среди населенія, благодаря полнѣйшей свободѣ печати, циркулировали всевозможныя книги, брошюры, сатирическіе листки, подчасъ очень ядовитые и жестокіе. Распространялись также и добродушныя сказки. Напримѣръ, сказка о томъ, какъ одинъ доминиканскій монахъ, по ошибкѣ чорта, попалъ въ адъ и явился къ другому монаху съ жалобою на то, что попалъ въ адъ, несмотря на индульгенцію, купленную при жизни. «Но какъ же это могло случиться, развѣ она была не настоящая?»—«Нѣтъ, не то, но я несчастный попалъ въ руки чорту, не знавшему по латыни, а только по нашему, и онъ эту латинскую грамотку никакъ не смогъ прочесть, ну, и потащилъ меня прямо въ адъ!»

Ветхій Завѣтъ, напечатанный на народномъ языкѣ уже въ 1477 году, вызвалъ такое неудовольствіе католическаго духовенства, что переводъ Новаго Завѣта съ латинскаго не могъ быть напечатанъ ранѣе 1523 года и то лишь въ Голландіи.

Протестантство главнымъ образомъ распространялось самимъ духовенствомъ, такъ какъ множество монаховъ и священниковъ, принявъ новое ученіе, очень успѣшно проповѣдывали его въ католическихъ церквахъ. Въ Голландіи, въ Фрисляндіи, въ Утрехтѣ, Гронингенѣ, а также и въ западныхъ провинціяхъ, священники въ церквахъ постоянно говорили о заблужденіяхъ и необходимости реформъ въ католичествѣ.

Карлъ V въ началѣ своего правленія не обращалъ вниманія на распространеніе ереси, не будучи вовсе фанатикомъ католичества. Вѣдь извѣстно, что онъ самъ допустилъ однажды грабежъ Рима и самого папу взялъ въ плѣнъ. Только политическія требованія вызвали крупныя мѣры. Его первый эдиктъ въ провинціяхъ былъ для Антверпена въ 1521 году, а за нимъ

послѣдовалъ въ 1522 г. эдиктъ и для Голландіи. Затѣмъ впервые появляется цензура на всѣ выходящія изъ печати книги и брошюры и запрещеніе читать евангеліе въ 1524 году, т. е. черезъ годъ послѣ перевода евангелія на голландскій языкъ.

Кальвинизмъ легко распространялся въ массахъ, такъ какъ кальвинисты отрицали священство, признавая полную свободу проповѣди для каждаго. Не сладивъ съ протестантами въ Германіи. Карлъ V направилъ гоненія на Нидерланды. гдѣ судъ надъ еретиками былъ все еще свѣтскимъ и духовенство допускалось только къ разсматриванію вредныхъ книгъ и ихъ сожженію.

Въ теченіе жизни Карла V сожжено, задушено, обезглавлено болѣе ста тысячъ еретиковъ. Но дѣло не шло достаточно быстро. по мнѣнію штадгальтерши Маріи, и чтобъ скорѣе очистить міръ отъ еретичества. она собирала черезъ приверженныхъ патеровъ имена всѣхъ заподозрѣнныхъ въ ереси и требовала ихъ выдачи. Многіе города отказывались выдавать своихъ протестантовъ, но голландскіе города сначала ихъ выдавали. и тюрьмы Гаги были тогда переполнены ими. Часто городскіе судьи сами были тайными кальвинистами, или же сочувствовали и укрывали ихъ отъ инквизитора Вандергульста. и отъ тѣхъ же нескромныхъ глазъ укрывалась библія и евангеліе, такъ какъ обвиненные въ томъ. что «тотчасъ же не превратили библіи въ пепелъ». лишались не только всего достоянія, но и головъ съ плечъ. Даже уличенныхъ въ храненіи, хотя бы въ продолженіе короткаго времени. Новаго Завѣта приговаривали къ лишенію трети имущества.

Укрывательству содѣйствовали и заправскіе католическіе священники. раздраженные отдачею суда надъ еретиками въ свѣтскія руки и тѣмъ. что имущество и всѣ штрафы съ виновныхъ поступали не имъ. а прямо въ руки Карлу. Многіе кальвинистскіе магистраты городовъ не только укрывали своихъ протестантовъ. но заботились даже о послѣдующей ихъ безопасности. что доказываетъ случай въ г. Дельфтѣ. гдѣ весь магистратъ состоялъ изъ приверженцевъ, если только не изъ настоящихъ тайныхъ протестантовъ. Когда въ этомъ городѣ появилась на стѣнахъ карикатура на инквизитора Вандергульста. съ воззваніемъ противъ его произвола и насилій. то маги-

страть, не будучи въ состояніи скрыть личность, наклеившую воззваніе, вынужденъ былъ наказать виновника, только оно ограничилось тѣмъ, что его боскомъ, въ покаянной рубахѣ, заставили пронести церковную свѣчу позади процессіи и высидѣть не выходя изъ дома шесть недѣль, а затѣмъ его цѣлый годъ для его же пользы не выпускали изъ Дельфта, чтобъ спасти отъ преслѣдованій инквизиціоннаго суда за стѣнами города Дельфта.

Перекрещенцы (анабаптисты) сначала были чрезвычайно мирною коммунистическою сектою, считавшею непротивленіе злу одною изъ основъ своего ученія, но подъ давленіемъ все увеличивающихся гоненій эта секта принимаетъ боевой характеръ. Въ Голландіи, Зеландіи, Фрисляндіи изъ нея выдѣляются «мельхіориты» отъ имени вождя Мельхіора Гофмана. Ихъ не пугаетъ даже ужасная расправа Карла въ Гагѣ въ 1531 году надъ ихъ сотоварищами, когда головы восьми казненныхъ мельхіоритовъ были присланы въ Амстердамъ, наткнуты здѣсь на высокихъ шестахъ и выставлены вокругъ головы одного изъ ихъ проповѣдниковъ, на берегу залива, такъ, чтобъ ихъ видно было со всѣхъ кораблей. Смѣлость мельхіоритовъ поддерживалась пророчествомъ, что «въ 1533 году будетъ конецъ существовавшему общественному злу, и наступитъ второе явленіе Христова царства, съ наказаніемъ злыхъ». Мельхіориты заявляли свои идеи физическою борьбою и рѣшили мечомъ показать свою готовность къ завоеванію новаго царства.

Среди членовъ этой секты не было представителей высшихъ классовъ въ Нидерландахъ. Общность имуществъ, свобода и равенство были основами ихъ секты. Новѣйшія историческія данныя указываютъ на фанатичность ихъ идеализма.

Мельхіориты захватили и укрѣпились въ г. Мюнстерѣ, въ Германіи, который долго осаждался войсками курфюрстовъ, наконецъ голодъ заставилъ часть этихъ сектантовъ прорваться и бѣжать въ Амстердамъ, гдѣ они захватили ратушу. Нѣсколько сотъ вооруженныхъ анабаптистовъ-мельхіоритовъ стрѣляли изъ оконъ ратуши въ осадившихъ ихъ амстердамцевъ застрѣлили бургомистра и сорокъ человѣкъ городской милиціи, стремившихся отобрать ратушу. Амстердамская ратуша была отвоевана, и сектанты обезоружены. Ожидаемая помощь единовѣрцевъ не

явилась только потому, что мельхіориты не смогли подать условленнаго сигнала призыва колокольнымъ звономъ съ вѣчевой башни ратуши, хотя она и находилась въ ихъ рукахъ. Веревку отъ колокола полуньяный слуга-звонарь, испуганный шумомъ съ просонья, утащилъ на колокольню, да и приставную лѣстницу туда же забралъ за собою.

Всѣ горожане Амстердама, католики и протестанты, были возмущены и называли предательствомъ захватъ ратуши. Вѣдь амстердамскій магистратъ съ бургомистромъ всегда укрывали анабаптистовъ отъ инквизиціоннаго суда, такъ же, какъ и другихъ протестантовъ. За то амстердамцы не поскупились на свирѣпыя казни. Вожаку, мюнстерскому епископу мельхіоритовъ вырвали языкъ и бросили его собакамъ, отрубили руку и, надѣвъ, въ посмѣяніе, на голову жестяную митру, поставили къ позорному столбу и послѣ долгаго стоянія отрубили голову. У другихъ захваченныхъ мельхіоритовъ живьемъ вырывали сердца и бросали имъ въ лицо.

Въ годъ этой трагической развязки, въ другихъ мѣстностяхъ Нидерландъ, въ Фрисляндіи, въ г. Маннкендамѣ, двѣ трети населенія исповѣдывали анабаптизмъ, также въ Зеландіи, въ Ватерландѣ. Большимъ могуществомъ пользовалась эта секта въ Оберисселѣ, въ г. Девентерѣ, гдѣ даже бургомистръ сдѣлался ея членомъ. (Среди перекрещенцевъ не мельхіоритовъ было очень много богатаго купечества).

3,000 человѣкъ вооруженныхъ мельхіоритовъ отправились было въ Германію выручать осажденныхъ въ Мюнстерѣ единовѣрцевъ, но власти перехватили ихъ суда и избивали сектантовъ. Избіеніе мельхіоритовъ въ Амстердамѣ и Мюнстерѣ было сильнымъ ударомъ этой сектѣ, но всего болѣе подорвало ихъ вѣрованіе неисполнившееся обѣщаніе, что если всѣхъ ихъ и перебьютъ, то они возродятся, а оставленное ими имущество во сто кратъ увеличится съ наступленіемъ второго тысячелѣтія царства Христова. Уже истекъ и годъ, опредѣленный пророчествомъ для наступленія второго царствія.

Въ теченіе одного десятилѣтія въ одной Голландіи и Фрисляндіи Карлъ сжегъ до 30 тысячъ всевозможныхъ сектантовъ.

Во Фландріи и Брабантѣ къ концу XV вѣка было много вальденцевъ, прозывавшихся «Turlupins», «Pilles» и Tisse-

rands». Tisserands—значитъ ткачи. Про ткачей говорилось: «Эти безпокойные люди, сидя за основою своей ткани у ткацкаго станка, вѣчно что-то основываютъ». Вальденцы отличались: «строгостью нравовъ, щедростью въ раздачѣ имущества и не признавали чувства мести».

Не только свободною проповѣдью при отсутствіи священства среди сектантовъ такъ быстро распространялось сектантство, но и благодаря свѣтскимъ школамъ. Въ Гентѣ уже съ XII вѣка завелась свѣтская школа. Въ городахъ были безплатныя школы. Дѣвочки и мальчики учились вмѣстѣ, чего въ остальной Европѣ еще нигдѣ не встрѣчалось. Эразмъ Роттердамскій говорилъ: «нигдѣ нѣтъ такого громаднаго числа людей съ среднимъ образованіемъ и такъ мало съ высшимъ». Онъ же воскликнулъ, услышавъ о первомъ сожженіи монаха-еретика на кострѣ въ Брюсселѣ: «теперь весь Брюссель послѣдуетъ за нимъ на костеръ!» Дѣйствительно, пламя костровъ словно разжигало новую вѣру, да и трудно было избѣжать костровъ при массѣ доносчиковъ и инквизиціонныхъ судовъ. Бывали случаи желанія пострадать за вѣру, и вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдованія вызвали описанную выше боевую секту мельхіоритовъ. Лишь гораздо позже, при Филиппѣ, протестанты изъ низшихъ классовъ населенія, соединясь съ дворянами и патриціями, поднимаютъ религіозную и національную войну.

Богатѣйшія и по тогдашнему чрезвычайно просвѣщенныя области, насчитывавшія тысячи городовъ съ большими селами, считались Карломъ образцовою дойною коровою, и. дѣйствительно, изумительна была выносливость и производительная способность этихъ провинцій. Правда, Карлъ поощрялъ ихъ матеріальныя блага:—дворянъ одаривалъ выгодными должностями, даже въ Испаніи, въ ущербъ испанскому дворянству, и сильно покровительствовалъ фламандской, голландской и другой провинціальной торговлѣ, особенно транзитной и колоніальной въ испанскихъ колоніяхъ. Несмотря на все это, его вѣчное требованіе средствъ на безконечныя европейскія войны, вовсе не касавшіяся провинцій, подрывали и эти богатѣйшія области. Разрушительно подѣйствовали на самого Карла эти войны, какъ и невоздержное пользованіе всѣми цвѣтами удовольствій. Во всѣ концы Европы толкался онъ, гдѣ, наконецъ,

и потерялъ всякій престижъ. Самъ Карлъ V сообщалъ въ своей послѣдней рѣчи въ собраніи генеральныхъ штатовъ, что съѣздилъ верхомъ девять разъ въ Германію, по семи разъ въ Италію и Испанію, десять разъ въ Нидерланды и по нѣсколько разъ во Францію и Африку.

Карлъ въ дѣтствѣ страдалъ эпилепсіею, былъ хилъ подросткомъ, а къ пятидесяти-яти годамъ смотрѣлъ дряхлымъ старикомъ, съ больными руками, дрожащими колѣнами и страшно трясущеюся головою. Этотъ человѣкъ, владѣвшій собою настолько, что во время сильнѣйшихъ приступовъ подагры могъ заставить себя сѣсть въ сѣдло и командовать войскомъ, не владѣлъ собою, когда дѣло касалось женщинъ и удовольствій стола. О феноменальномъ обжорствѣ его не мало тогда говорилось. Съ утра онъ съѣдалъ жирную пулярдку, отваренную съ пряностями, въ молокѣ и сахарѣ, а за раннимъ обѣдомъ, въ полдень, не отказывался ни отъ одного изъ 20 блюдъ, сопровождая ихъ обильными возліяніями пива и вина. Ужиналъ онъ дважды—послѣ вечерни и въ полночь, и полночный столъ былъ самымъ существеннымъ, гдѣ за рядами рыбъ, мясовъ, дичи, пироговъ, послѣ которыхъ Карлъ, любитель сладкаго, поѣдалъ еще массу пирожнаго, не забывая совершать возліянія Бахусу.

Въ 1555 году онъ вынужденъ былъ отречься отъ управленія, преслѣдуемый неудачами. Противъ источеннаго болѣзнями, обезсиленнаго, часто побитаго въ войнахъ Карла вооружилась вся Европа,—папа, турки и протестанты всѣхъ странъ. Карлъ поспѣшилъ передать испанскую королевскую корону своему сыну Филиппу, вмѣстѣ съ графскими и герцогскими коронами провинцій. О своемъ отреченіи онъ объявилъ въ Брюсселѣ рыцарямъ ордена «Золотого руна», на собраніи генеральныхъ штатовъ, куда по обычаю Карлъ вошелъ, опираясь на руку своего главнокомандующаго, любимца и воспитанника принца Вильгельма Оранскаго [1]).

[1]) Карлъ огорчался тѣмъ, что не могъ передать императорскую германскую корону своему сыну, такъ какъ курфюрсты избрали императоромъ Фердинанда (брата Карла, дядю Филиппа).

ГЛАВА VI.

Золотое дно измѣняетъ.

Филиппъ II испанскій, кромѣ короны Испаніи, носилъ титулы: графа фландрскаго, графа голландскаго, герцога брабантскаго, герцога гельдерискаго и т. д. Истый испанецъ того времени, по духу и воспитанію, онъ вовсе не походилъ на своего отца, веселаго фламандца, умѣвшаго и повелѣвать и ладить съ людьми. Ужъ одною своею доступностью, разговорчивостью Карлъ достигалъ очень многаго, когда запросто забавлялся съ горожанами стрѣльбою изъ лука въ цѣль, въ традиціонаго попугая на шестѣ, или ломалъ копья съ фландрскими дворянами на турнирахъ. Сынъ, наоборотъ, страшно угрюмый, надуто-чопорный испанецъ, не зналъ не только по-фламандски, но даже по-французски, чтобъ хоть отвѣтить на привѣтствіе. Окруживъ себя испанцами, онъ считалъ хорошимъ лишь то, что сказано, сдѣлано, задумано и подписано по-испански. Безъ отцовской энергіи, подвижности и ума, онъ только лицомъ нѣсколько напоминалъ его. Та-же наслѣдственная габсбургская, выдающаяся челюсть съ отвисающею губою, только у него это было дотого сильно, что верхніе зубы не попадали на нижніе, затрудняя пережевываніе пищи. Болѣзненнаго сложенія, маленькаго роста, съ узкою грудью, блѣдный, слабый на ногахъ, онъ вовсе не оправдывалъ своею внѣшностью того «демона съ юга», какъ его съ ненавистью потомъ называло населеніе провинцій. Въ первый пріѣздъ, скучая по Испаніи, онъ держался дотого сухо и высокомѣрно, что оскорбилъ всѣхъ. Только просьбы отца и тетки, штатгальтерши Маріи, заставили его во второй пріѣздъ измѣнить свое обхожденіе, но всѣ чувствовали, какъ онъ насилуетъ себя, чтобы быть полюбезнѣе. У него была очень странная манера—разговаривая смотрѣть всегда въ полъ, или въ сторону, а не въ лицо собесѣдника. Одни это приписывали чрезмѣрной испанской спѣси, другіе объясняли страданіями желудка отъ наслѣдственнаго пристрастія къ сладкому.

Скрытность и необщительность его доходили до того, что самые близкіе люди не знали, сдѣлаетъ ли онъ такъ, какъ ска-

залъ, и не готовитъ ли кому нибудь изъ нихъ западни. Болѣзненно-подозрительному, съ привычками испанской знати къ притворству и лживости, ему невыносима была шумная здоровая веселость и смѣлость незнавшихъ подобострастія фламандцевъ, голландцевъ, брабантцевъ и жителей остальныхъ провинцій. Предпріимчивость этихъ мореходовъ казалась ему какою-то дерзостью, а отсутствіе нуждъ въ его покровительствѣ—посягательствомъ на его верховныя права. Съ враждебностью относился онъ къ богачамъ, патриціямъ-банкирамъ и купцамъ, ссужавшимъ его безвозвратно крупнѣйшими суммами. Жизнерадостность, способность къ упорному труду, все это было такъ чуждо испанскимъ грандамъ, что могло вызывать одно раздраженіе.

Отцовскій совѣтъ самому приглядываться, ни на кого особенно не полагаясь, онъ понялъ въ самомъ узкомъ значеніи, вникая во всѣ мелочи и затягивая важныя дѣла. Онъ изводилъ массу времени и бумаги на всякаго рода замѣтки и рапорты. Вмѣсто отцовскаго широкаго размаха въ управленіи, предоставлявшаго всѣ мелочи подчиненнымъ, Филиппъ писалъ разрѣшенія даже самому себѣ. Такъ въ архивѣ найдена бумага слѣдующаго содержанія: «я, король испанскій».—затѣмъ слѣдовали всѣ многочисленные титулы, выписываемые имъ собственноручно.—«взять такую-то лошадь, для своего выѣзда такого-то числа, дня и часа». Въ то же время важнѣйшія экстренныя дѣла, чуть не по году лежали безъ движенія, а когда его отвѣтъ, наконецъ, получался, то обстоятельства иногда уже требовали другого распоряженія.

Ненавидя провинціи, Филиппъ не хотѣлъ тутъ заживаться и поэтому назначилъ регентшею побочную дочь Карла V, Маргариту, герцогиню Пармскую.

Маргарита знала только итальянскій языкъ, зато отличалась большимъ католическимъ рвеніемъ и чертами мужского характера, т. е. она считалась великолѣпною наѣздницею, обладала усами и подагрою, въ тѣ времена считавшеюся мужскою болѣзнью.

Молоденькою дѣвочкою, двѣнадцати лѣтъ, Карлъ выдалъ свою побочную дочь Маргариту замужъ за старика, а черезъ годъ она овдовѣла—ея старика проткнули шпагою. Потомъ уже

взрослою женщиною Карлъ вновь выдалъ ее замужъ за тринадцатилѣтняго мальчика герцога Фарнезе пармскаго, племянника папы. Ея мужъ чрезвычайно обрадовался, узнавъ, что она уѣзжаетъ изъ Италіи въ Брюссель, такъ какъ онъ совершенно не выносилъ ея деспотическаго характера.

Чрезъ Маргариту, ревностную папистку, Филиппъ предпринялъ искорененіе еретичества въ провинціяхъ и передъ самымъ выѣздомъ передалъ ей для обнародованія эдиктъ противъ еретиковъ. Этотъ эдиктъ былъ изданъ еще Карломъ въ 1550 г., да только еще не объявленъ. Новостью въ немъ была лишь передача дѣлъ о еретикахъ въ руки главнаго совѣтника Маргариты, энергическаго іезуита, епископа аррасскаго Гранвеллы, и восьмнадцати епископамъ инквизиторамъ чужестранцамъ. Каждому изъ нихъ назначалось еще по два помощника для инквизиціи. Такимъ образомъ дѣла о еретикахъ всецѣло поступали въ веденіе римской куріи.

Филиппъ былъ такъ поглощенъ идеею искорененія еретичества, что ради нея не захотѣлъ даже воспользоваться побѣдою надъ Франціею, когда его главнокомандующій, гельдерскій графъ Ламорель Эгмонтъ, цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ привелъ Францію почти къ ногамъ Филиппа. Но Филиппъ испанскій подарилъ весь результатъ побѣдъ французскому королю подъ условіемъ, чтобы король всюду помогалъ ему рѣзать протестантовъ, въ Англіи и въ провинціяхъ.

Новый эдиктъ о еретикахъ, разосланный Филиппомъ по провинціямъ, не вездѣ былъ принятъ штатами, въ Антверпенѣ и Брабантѣ провинціальные штаты очень рѣзко отказались опубликовать эдиктъ. Какъ ни досадно это было Филиппу, а пришлось временно затаить злобу, потому что въ эту минуту онъ не хотѣлъ раздражать штаты провинцій—имъ дорого обошлась безсмысленная французская война, а между тѣмъ Филиппу опять крайне нужны были деньги для подавленія возмущенія испанскихъ мавровъ. Филиппъ былъ увѣренъ, что, вернувшись въ Испанію, ему легче будетъ насылать громы и молніи на провинціи и держать ихъ въ уздѣ.

На прощанье онъ созвалъ собраніе генеральныхъ штатовъ, для того, чтобъ выпросить у нихъ побольше денегъ.

По обычаю входя на собраніе штатовъ, Филиппъ опирался на руку своего главнокомандующаго графа Ламореля Эгмонта, а слово за себя поручилъ сказать Гранвеллѣ, тогда бывшему уже въ санѣ архіепископа Мехельнскаго. Гранвелла, какъ всегда, чрезвычайно краснорѣчиво распространился о необходимости борьбы съ ересью, но ни единымъ словомъ не обмолвился о томъ, что всего болѣе волновало населеніе и собраніе штатовъ, а именно о неотложной необходимости освободить провинціи отъ постоя испанскаго войска, еще не выведеннаго изъ Фландріи со времени французской войны.

Испанскіе солдаты, не получавшіе ни жалованья, ни содержанія, вынуждены были существовать грабежомъ, и они разбойничали словно въ завоеванной непріятельской странѣ. Филиппъ, услышавъ въ собраніи штатовъ, что осмѣливаются требовать удаленія испанскаго войска, такъ разгнѣвался, что съ исказившимся лицомъ чуть не упалъ въ кресло. Когда же его главнокомандующій, графъ Ламорель Эгмонтъ, а также принцъ Вильгельмъ Оранскій и другіе дворяне начали перечислять ужасающія насилія испанскихъ солдатъ надъ мирнымъ населеніемъ провинцій, Филиппъ не выдержалъ и въ сильнѣйшемъ бѣшенствѣ, кинувъ слова: «не потребуютъ ли и моего удаленія—въ качествѣ испанца!»—выбѣжалъ изъ залы.

Однако, черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ генеральнымъ штатамъ очень спокойный отвѣтъ съ обѣщаніемъ высылки денегъ изъ Испаніи для уплаты жалованья солдатамъ и эвакуаціи испанскаго войска ровно черезъ четыре мѣсяца изъ провинцій; онъ охотно взялъ бы солдатъ съ собою, да скоро намѣренъ прислать въ провинціи своего сына Донъ Карлоса, такъ что солдаты понадобятся для эскорта принца.

На четырехмѣсячный срокъ назначены были главнокомандующими испанскаго войска въ провинціяхъ самые видные мѣстные дворяне, какъ графъ Ламорель Эгмонтъ и принцъ Вильгельмъ Оранскій. Штаты покорно приняли на себя новую тяжелую жертву, въ видѣ громаднаго налога, чтобъ Филиппъ II испанскій могъ усмирить своихъ мавровъ въ Испаніи. Затѣмъ Филиппъ дружественно распрощался со штатами, но передъ самымъ выѣздомъ приказалъ испанскому суду въ Мехельнѣ вырвать съ корнемъ ересь. Конфискованное

имущество еретиковъ должно было поступать частью въ казну короля, большая доля назначалась судьямъ и очень значительная часть доносчикамъ, если только обвиненные дѣйствительно будутъ осуждены инквизиціоннымъ судилищемъ.

Также энергически дѣйствовала и жена Филиппа испанскаго, англійская королева Марія Тюдоръ, даже прозывавшаяся: «кровавою Маріею». Филиппъ навѣщалъ ее въ Англіи, когда нуждался въ деньгахъ или въ вооруженной помощи. Некрасивая, больная истерическимъ помѣшательствомъ, она умерла, а Филиппъ просваталъ Изабеллу французскую.

Передъ отплытіемъ въ Испанію, Филиппъ на берегу рѣзко укорялъ принца Вильгельма Оранскаго, что это онъ подстроилъ ему опозицію въ собраніи штатовъ, а на отвѣтъ Оранскаго, что штаты дѣйствуютъ по собственному побужденію, Филиппъ, злобно дернувъ Оранскаго за лацканъ жилета, крикнулъ по-испански: «Не штаты,—а ты, ты!», употребивъ самое презрительное испанское мѣстоименіе.

Флотилія въ нѣсколько сотъ кораблей, увозившая Филиппа, была переполнена драгоцѣнными произведеніями искусства провинцій. Испанцы выказали запасливость, однихъ каплуновъ было забрано на суда до 15,000 штукъ. Во время плаванія поднялась буря, пришлось выкидывать часть груза въ море, за бортъ полетѣли драгоцѣнныя картины, вазы, куски рѣдкихъ шелковыхъ тканей, ковры, мебель, чѣмъ такъ славились провинціи. Современники говорили: «Карлъ и Филиппъ обирали страну, чтобъ обогатить море!»

Блестящая свадьба Филиппа съ Изабеллою французскою по пріѣздѣ въ Испанію чествовалась сожженіями еретиковъ на кострахъ, торжественными испанскими ауто-да-фе.

Въ Испаніи въ теченіе 18 лѣтъ уничтожено было около одного милліона восьми сотъ тысячъ еретиковъ, считая въ этомъ числѣ и заключенныхъ пожизненно въ тюрьмахъ. Инквизиціоннымъ судилищемъ въ Испаніи завѣдывали католическіе монахи, учредившіе шпіонство въ каждой семьѣ; на исповѣди жены доносили на мужей, дѣти на родителей, господствовалъ всеобщій сыскъ, и достаточно было подозрѣнія для ареста и пытки, продолжавшихся до сознанія или поклепа на себя, чтобъ только избавиться отъ ужасныхъ пытокъ. При допросѣ очень искусно

велось запутываніе допрашиваемаго. Но чаще достаточно было двухъ свидѣтелей, даже по разнымъ дѣламъ, и приговоръ былъ готовъ.

Испанскія тюрьмы были темными подземными ямами, переполненными не убиравшимся экскрементами заключенныхъ, всевозможными насѣкомыми, змѣями и крысами. Сначала заключеннаго долго томили голодомъ, не позволяя издавать ни единаго звука, затѣмъ обезсиленнаго человѣка начинали допрашивать и пытать. Сознавшійся или выдумавшій на себя небылицу отдѣлывался лишеніемъ всего имущества, но если онъ упорствовалъ въ своей невинности, то послѣ ряда пытокъ отправлялся на костеръ. Инквизиторамъ не только дозволялось о каждомъ сомнительномъ словѣ, даже докладывалось о «взглядѣ искоса» на изображеніе какого-нибудь католическаго святого, а не только о разговорѣ, что протестантское вѣроученіе не признаетъ идолопоклонническаго поклоненія статуямъ.

Судьями были пытки, адвокатами—выносливость. Пытать начинали обыкновенно въ полночь, въ тюрьмѣ, освѣщенной факелами. Жертву, будь-то женщина или мужчина, раздѣвали до нага и клали на скамью. Вода, огонь, гири, блоки, винты, тиски, всевозможные аппараты для вытягиванія мускуловъ, не давая имъ лопнуть, битье по костямъ, не раздробляя ихъ, всякаго рода утонченнѣйшія, безконечныя терзанія нервовъ всего тѣла пускались въ ходъ. Палачъ-инквизиторъ былъ въ темной одеждѣ, которая закрывала и его голову. Онъ глядѣлъ на жертву черезъ двѣ дырки, продѣланныя въ покровѣ, спускавшемся съ капюшона. Встрѣчались инквизиторы, наслаждавшіеся процедурою пытокъ, проявляя этимъ психическое разстройство, извѣстнаго рода мозговое заболѣваніе. Бывали примѣры многолѣтнихъ пытокъ съ промежутками для выздоровленія жертвы.

Аута-да-фе всегда откладывалось въ Испаніи до большого праздника, чтобъ прикопить побольше жертвъ къ сожженію и обставить дѣло торжественнѣе въ присутствіи короля, высшаго духовенства, рыцарей и народа. На приговореннаго надѣвалось желтое платье и бумажный колпакъ съ изображеніями дьяволовъ и человѣка въ пламени. Передъ шествіемъ къ костру приговоренному иногда забивался ротъ деревяннымъ клиномъ, чтобъ онъ не могъ закрыть рта, и ставили передъ

голодным кушанье, издѣваясь, приглашали отвѣдать. Ротъ забивался клиномъ во избѣжаніе рѣчей къ окружающему народу, на пути къ костру. Впереди процессіи шли воспитанники школъ, вѣроятно, для назиданія ихъ, за ними двигались приговоренные еретики, войско, дворяне и духовенство. Инквизиторы ѣхали верхами подъ краснымъ знаменемъ съ надписью: «Sancta inquisitia». Затѣмъ раздавалось пѣніе гимна «Miserere» (помилуй мя Боже), и инквизиторъ возводилъ жертвъ на костеръ. Упорствующихъ сжигали живьемъ, отрекающихся удавливали передъ сожженіемъ. Такъ было въ Испаніи.

Въ провинціяхъ, чтобъ не выписывать изъ Рима или изъ Испаніи инквизиторовъ для устройства ауто-да-фе, Филиппъ завелъ провинціальный штатъ епископовъ-инквизиторовъ. Это возбудило сильное неудовольствіе мѣстнаго духовенства, которое вынуждено было выдѣлить новымъ восемнадцати епископамъ иностранцамъ часть изъ своихъ владѣній. Сильно негодовали и дворяне католики, вѣдь до тѣхъ поръ младшіе члены ихъ семействъ занимали мѣста архіепископовъ, епископовъ и прелатовъ, а тутъ вдругъ появились на засѣданіяхъ штатовъ и въ государственномъ совѣтѣ, рядомъ съ именитымъ феодальнымъ дворянствомъ, какіе-то богословы, неизвѣстно откуда явившіеся, и которыхъ родовитые дворяне прозывали: «испанскими прихвостнями». Горожане и крестьяне не безъ основанія боялись рьяности новыхъ епископовъ, напрактиковавшихся въ Испаніи.

Они и начали дѣйствовать чрезвычайно усердно, особенно во Фландріи и въ г. Дорникѣ, гдѣ инквизиторъ Тительманъ, прозванный «кровожаднымъ дьяволомъ», «днемъ и ночью разъѣзжалъ верхомъ и билъ по головамъ дубиною дрожавшихъ отъ ужаса людей». Подозрительныхъ онъ тащилъ въ тюрьмы и пыталъ. Напримѣръ, онъ сжегъ ткача только за переписку гимновъ, которые тотъ пѣлъ у себя дома.

До чего терпѣливъ сдѣлался народъ въ мѣстностяхъ, гдѣ въ былыя времена жило такое гордое, независимое населеніе, доказываетъ слѣдующій фактъ. Однажды, въ лѣсу, собралась для молитвы толпа протестантовъ болѣе чѣмъ въ 400 человѣкъ, но, выслѣженная шестью областными стражниками, эта толпа разбѣжалась, при чемъ еще пятерыхъ изъ толпы стражники арестовали. Во Фландріи инквизиторы сожгли на кострѣ по-

сильника, вышедшаго изъ дома съ ношею, за то, что онъ не палъ мгновенно на колѣна, когда по улицѣ проносились монахами Св. Дары.

Нѣкоторымъ городамъ удавалось по нѣскольку лѣтъ не впускать къ себѣ инквизицію, но и они должны были сдаться послѣ долгаго сопротивленія. Напримѣръ Антверпенъ ссылался на то, что страхъ инквизиціи заставитъ иностранныхъ купцовъ покинуть городъ, и торговля сильно пострадаетъ, но это лишь временно было принято во вниманіе.

Среди дворянства новое ученіе хотя и производило иногда расколъ въ семьяхъ, но большинство дворянъ относилось къ вопросамъ вѣры со стороны политической выгодности или невыгодности. Высшее дворянство въ провинціяхъ пока еще не боялось костровъ инквизиціи. Они еще рѣдко зажигались для дворянства, потому что дворяне-кальвинисты не покушались на владѣнія католическаго духовенства, какъ лютеране въ Германіи, но феодальное дворянство не могло не завидовать германскимъ курфюрстамъ, подѣлившимъ между собою, благодаря реформѣ, громадныя владѣнія духовныхъ феодаловъ.

Уже Гранвелла писалъ Филиппу въ Испанію: «Дворяне мутятъ народъ, и если бъ не дворяне, то давно бы ересь была уничтожена». Послѣднее не вѣрно, потому что ересь продолжалась и тогда, когда дворяне давно отъ нея отступились.

Властный Гранвелла, считавшійся только совѣтникомъ регентши Маргариты, въ дѣйствительности былъ первымъ лицомъ въ управленіи. Онъ первый прочитывалъ всѣ государственныя донесенія и только, по его мнѣнію, «нужное» передавалъ штатгальтершѣ, и онъ такъ завладѣлъ Филиппомъ, что послѣдній переписывалъ для отсылки получаемыя отъ Гранвелла письма, воображая, что это его собственныя идеи, только хорошо изложенныя Гранвеллою. Гранвелла старался конечно вооружить Филиппа противъ глубоко ненавистнаго ему родового дворянства. Онъ презиралъ и народъ, выражаясь о немъ: «это подлое, зловредное животное, именуемое народомъ».

Этотъ подлый народъ страшно страдалъ отъ продолжающагося разбойничества испанскихъ солдатъ. Давно, давно истекъ четырехъ-мѣсячный срокъ, послѣ котораго Филиппъ пообѣщалъ вывести испанское войско, а солдаты все еще не по-

лучали ни жалованья, ни содержанія, ни возможности возвратиться въ Испанію.

По истеченіи четырехъ-мѣсячнаго срока ихъ главнокомандующіе, графъ Ламорель Эгмонтъ и принцъ Вильгельмъ Оранскій, сочли за лучшее сложить съ себя командованіе солдатами-грабителями. Только черезъ пять лѣтъ Филиппъ велѣлъ перевести солдатъ въ другую провинцію въ Нидерланды, на острова Зеландіи, гдѣ населеніе тоже доведено было до такого отчаянія разбойничествомъ испанской солдатчины, что зеландцы порѣшили не чинить плотинъ и погибнуть отъ наводненія. Депутація отъ зеландцевъ объявила штатамъ: «зеландское населеніе предпочитаетъ погибнуть въ морѣ, заодно съ испанцами, такъ какъ жизнь сдѣлалась хуже смерти». Какъ ни ухищрялся Гранвелла, но не могъ продлить пребыванія испанскаго войска въ провинціяхъ, и пришлось, скрѣпя сердце, вывести испанскихъ солдатъ. Это выступленіе испанскаго войска считалось первою національною побѣдою надъ Испаніею. Послѣ этого дворяне начинаютъ поднимать голову.

Филиппъ, отстраняя дворянъ, не могъ отнять у нихъ штатгальтерства въ различныхъ провинціяхъ и городахъ, гдѣ они издавна пользовались громаднымъ значеніемъ. Въ Голландіи, Утрехтской области, въ Зеландіи штатгальтеромъ былъ принцъ Вильгельмъ Оранскій, во Фландріи и Артуа графъ Ламорель Эгмонтъ, въ Турнэ графъ Горнъ, въ Валенсьеннѣ маркграфъ Бергенъ и т. д. Маргарита не могла помѣшать дворянамъ держаться совершенно независимо въ управляемыхъ ими областяхъ. Только дворянскія средства были не блестящи. Уже въ концѣ управленія Карла и при Филиппѣ дворянамъ приходилось не только даромъ служить, но даже на свой счетъ нести нѣкоторые казенные расходы по службѣ. Такъ Оранскій, то въ качествѣ посла, то главнокомандующаго, затрачивалъ свои личныя средства. Большинству служилаго дворянства это было не по силамъ, у многихъ давно заложено было не мало дворянскихъ имѣній. Между тѣмъ жизнь велась по прежнему широко и роскошно въ Брюсселѣ, гдѣ, со временъ пышнаго бургундскаго двора герцога Филиппа Добраго, укоренились привычки къ мотовству и кутежамъ.

Дворяне, патриціи и богатые купцы взапуски тянулись

превзойти другъ друга пирами, гостепріимствомъ, постройками дворцовъ, численностью прислуги. Дворяне кичились своими пажами и лучшими поварами. Велась крупная игра, а кутежи были таковы, что въ одномъ письмѣ принца Оранскаго сообщается о праздникѣ на св. Мартина. «который провели такъ весело, что графъ Бредероде чуть, чуть не умеръ!..» У принца Вильгельма Оранскаго денежныя дѣла тоже шли по наклонной плоскости, хотя онъ получалъ хорошіе доходы съ большихъ владѣній. Еще при Карлѣ онъ сдѣлался штатгальтеромъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта и былъ членомъ государственнаго совѣта регентши Маріи.

Принцъ Оранскій владѣлъ независимымъ княжествомъ во Франціи (Orange) и, происходя изъ вліятельнѣйшаго рода германскихъ князей Нассаускихъ, могущественный голосъ которыхъ предоставилъ Карлу V германскую императорскую корону, онъ считалъ въ числѣ своихъ предковъ даже одного германскаго государя. По рожденію лютеранинъ. Оранскій воспитывался по католически, при дворѣ Карла V, очень его любившаго и довѣрявшаго ему.

Высокаго роста, цвѣтомъ лица напоминая скорѣе итальянца или испанца, чѣмъ сѣверянина, съ изящными манерами, съ мягкою рѣчью, этотъ замѣчательный дипломатъ былъ краснорѣчивъ и остеръ, и не разъ рѣчи его приводили въ смущеніе Филиппа, на собраніяхъ генеральныхъ штатовъ. Вильгельма Оранскаго прозвали «le taiseux», т. е. «умѣющій скрывать свою политику», но это прозваніе какъ-то перекалѣчилось въ «taciturne» т. е. «молчаливый», хотя Оранскій былъ менѣе чѣмъ кто либо молчаливъ. Образованный по своему времени, владѣя шестью языками, онъ интересовался исторіею и политикою, а въ его великолѣпномъ брюссельскомъ дворцѣ, гдѣ не разъ останавливался покойный Карлъ V, гостили иностранные ученые, и не однихъ дворянъ ожидали вѣчно накрытые столы. Онъ пользовался большою популярностью, благодаря простотѣ обращенія, веселости, щедрости.

Въ 1561 г. Оранскій женился на лютеранкѣ, саксонской принцессѣ, вынужденной «жить по католически» въ Брюсселѣ. При маленькомъ княжескомъ дворѣ принца Оранскаго состоялъ штатъ изъ двадцати четырехъ дворянъ и восьмнадцати пажей

изъ знатныхъ фамилій. Пиры и увеселенія смѣнялись выѣздами на блестящую охоту, а какъ широко велось тутъ гостепріимство, видно изъ сокращенія расходовъ, когда уволено было сразу 28 поваровъ. Оранскій еще не былъ наканунѣ банкротства, начавъ сокращать расходы.

Прошло немного лѣтъ со дня отреченія Карла V. а у принца Оранскаго пропала вся прежняя веселость безпечнаго нидерландскаго вельможи, и въ тридцать лѣтъ лобъ покрылся морщинами. На Оранскомъ прежде всѣхъ отзывалось небывалое приниженіе дворянства передъ испанскою знатью при Филиппѣ II. Запрещеніе собраній генеральныхъ штатовъ страшно оскорбляло дворянъ. Не могли не раздражать и мелкіе уколы Маргариты, старавшейся показать второстепенное значеніе для испанцевъ даже такихъ принцовъ, какъ Оранскій. Она заставляла ожидать себя по цѣлому часу въ пріемной, пока вела безконечныя бесѣды со своимъ секретаремъ—испанцемъ, которому потворствовала въ продажѣ должностей. (Они вмѣстѣ сильно нажились во время ея регентства).

Между тѣмъ костры инквизиціи становились въ тягость даже католикамъ. Процессіи къ кострамъ затрудняли циркуляцію, прерывая торговлю, а въ пеплѣ ихъ исчезали люди съ прекрасною дѣловою репутаціею и большими капиталами. Всѣ кляли Гранвеллу. Даже Маргарита была въ обидѣ на него. Она успѣшнымъ ходатайствомъ у папы добыла ему кардинальскую шляпу и санъ «великаго инквизитора», но хитрый Гранвелла, знавшій о ея хлопотахъ, до времени, ничего не говорилъ, когда же ея ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, онъ отказался принять отъ нея этотъ даръ, словно не рѣшаясь, безъ согласія короля, а въ сущности боясь обязываться Маргаритѣ. Но онъ не замедлилъ написать королю благодарственное письмо, какъ будто этотъ даръ исходилъ отъ папы черезъ короля.

Гранвелла уже владѣлъ громадивйшимъ имуществомъ, а свои деньги онъ на всякій случай переводилъ на испанскій банкъ. Жадность его была такова, что еще Карлъ V не разъ его за нее попрекалъ. Теперь Гранвелла пользовался рѣшительно всякимъ случаемъ, чтобъ выпрашивать у Филиппа доходы то съ одного, то съ другого аббатства. Свой красивы

дворецъ, цѣнія искусство, онъ наполнялъ художественными произведеніями, въ которыхъ былъ большимъ знатокомъ, и, не будучи въ душѣ такимъ фанатикомъ католичества, онъ считалъ фанатизмъ лишь полезнымъ средствомъ для обузданія невѣжественной толпы. Его роскошная обстановка, разнообразіе экипажей и ливрей безчисленныхъ слугъ давали поводъ къ зубоскальству дворянъ. Веселой жизни Гранвелла тоже удѣлялъ не мало времени, хотя онъ и отдавалъ его массѣ письменной работы, и въ этомъ Филиппъ нашелъ себѣ соперника. Гранвелла съ такою же страстью отдавался писательству, какъ и Филиппъ, съ тою разницею, что Гранвелла писалъ оригиналы, а Филиппъ копіи съ нихъ. Къ тому же Гранвелла способенъ былъ диктовать одновременно шести секретарямъ, на разныхъ языкахъ и объ разныхъ предметахъ.

Въ началѣ отношенія Гранвеллы къ принцу В. Оранскому были такъ хороши, и Гранвелла настолько былъ приближенъ, что входилъ прямо въ спальню Оранскаго, когда тотъ лежалъ въ постелѣ, имѣя привычку поздно вставать. Но все внезапно измѣнилось въ 1561 году, когда Гранвелла, получивъ кардинальскую шляпу, сталъ сидѣть выше Оранскаго въ государственномъ совѣтѣ (до тѣхъ поръ онъ былъ чиномъ ниже Оранскаго и Эгмонта), онъ принялъ тонъ соотвѣтствующій сану, что возмутило родовую знать.

Среди горожанъ начинается сопротивленіе инквизиціи, уже громко заявляется сочувствіе жертвамъ, во время ихъ шествія къ костру и въ присутствіи инквизиторовъ вызывающе пѣлись протестантскіе гимны. Въ Валенсьеннѣ, двухъ любимыхъ проповѣдниковъ, приговоренныхъ къ сожженію, толпа освободила, разломавъ натискомъ ограду около зажженнаго костра, въ то время, какъ палачъ привязывалъ ихъ къ столбу на кострѣ. Тогда испанскимъ стражникамъ едва удалось вырвать приговоренныхъ и втолкнуть въ тюрьму. Инквизиторы хотѣли тотчасъ же отрубить жертвамъ головы и выкинуть головы изъ оконъ тюрьмы въ толпу. Только городской совѣтъ не допустилъ, указывая на то, что всѣ улицы переполнены громадными толпами, распѣвавшими протестантскіе гимны. Затѣмъ приговоренные были тайно увезены изъ города и освобождены.

За такое потворство еретикамъ въ городъ Валенсьеннъ

двинулся отрядъ испанскихъ наемниковъ, подъ командою герцога Аершота (фламандца, преданнаго испанцамъ). Когда испанцы захватили городъ, инквизиторы цѣлые дни жгли не переставая, и кого попало. По словамъ одного очевидца, это было возмездіе за первое сопротивленіе протестантовъ. Ко той поры, по выраженію самого Тительмана, «они шли, какъ кроткія овцы на заклапіе». Гранвелла доложилъ Филиппу въ Мадридъ: «о послабленіяхъ, дѣлаемыхъ большинствомъ дворянъ». Маргарита тоже доносила на дворянъ, а дворяне послѣ ряда совѣщаній отправили Филиппу письмо, подписанное принцемъ Оранскимъ и графами Эгмонтомъ и Горномъ. Въ этомъ посланіи «дворяне, заявляя свои вѣрноподаннические чувства. и приверженность къ католичеству, жаловались только на самоуправство Гранвеллы». Дворяне прибавляли къ этому: «Неужели одного своего слугу можно предпочитать многимъ преданнымъ слугамъ?!.»

Филиппъ, вмѣсто того, чтобъ пріѣхать въ Брюссель и личнымъ присутствіемъ поднять свой престижъ среди дворянства, отвѣтилъ имъ письмомъ, полнымъ похвалъ Гранвеллѣ, что, конечно, только подлило масла на огонь. Могущественные штатгальтеры провинцій. графы, герцоги. князья и бароны послѣ этого приняли всѣ мѣры, чтобъ сдѣлать жизнь Гранвеллы совершенно невозможною въ Брюсселѣ. Маргарита то же имѣла свои причины смотрѣть сквозь пальцы. какъ Гранвеллу превращали въ посмѣшище улицы. Карикатуры. сатиры, расклеивались на стѣнахъ, а виновники этихъ произведеній оказывались неуловимыми. На площадяхъ давались высмѣивающія представленія съ не тонкими намеками. По иниціативѣ графа Горна образовалась дворянская лига, запрещающая всѣ отношенія съ Гранвеллою, съ отказомъ засѣдать съ нимъ въ государственномъ совѣтѣ. Лишь немногіе дворяне. въ томъ числѣ герцогъ Аершотъ отказались вступать въ эту лигу.

Маргарита охладѣла къ Гранвеллѣ, узнавъ, что онъ внушилъ Филиппу не возвращать ея мужу захваченный замокъ въ ихъ пармскихъ владѣніяхъ. Дворяне уговаривали Маргариту перейти на ихъ сторону, суля ей выгоды.

Между тѣмъ испанскія дѣла все болѣе запутывались въ провинціяхъ,—испанская казна была пуста. Многіе дворяне

отказывались отъ своихъ должностей. и требовали созыва собранія генеральныхъ штатовъ. Филиппъ не разрѣшалъ ихъ. но въ Испаніи собралъ у себя военный совѣтъ. Тутъ испанецъ Альба. соперникъ Эгмонта на военномъ поприщѣ. преподалъ мудрый совѣтъ: «До времени любезничать съ дворянами въ провинціяхъ. но стараться поссорить ихъ и. ослабивъ ихъ союзъ. снять головы запѣваламъ».

Однако отставка Гранвеллы была неминуема. Положеніе Гранвеллы становилось невозможнымъ. и въ 1564 г. ему данъ былъ «отпускъ». какъ будто для поѣздки къ матери въ Бургундію. Къ неописуемой радости всего населенія. Гранвелла выѣхалъ сопровождаемый многочисленной свитой. Даже правовѣрные католики порадовались его отъѣзду. Онъ разстроилъ всѣ торговыя дѣла. и изъ за политики Гранвеллы прервались сношенія съ Англіею. Онъ считалъ вредными всѣ сношенія съ протестантскимъ государствомъ и съ протестантскою королевою Елизаветой, а она въ это время поднимала англійскую индустрію. давая пріютъ гонимымъ еретикамъ—ремесленникамъ изъ Фландріи. Брабанта. Голландіи и т. д. Особенное покровительство оказывалось ткачамъ. переносившимъ въ Англію тайны фламандскаго ткацкаго искусства. до той поры ревниво скрывавшіяся отъ чужеземцевъ.

Положеніе цеховъ и безъ гоненій инквизиціи было достаточно тяжелымъ. Форменная уничтожающая война. веденная противъ цеховъ Карломъ V объ руку съ патриціями. шагъ за шагомъ отрывала послѣднія крохи ихъ свободы.

При Филиппѣ или. лучше сказать. вслѣдствіе внутренней и внѣшней политики Гранвеллы, поднимается всеобщее недовольство. крестьяне. цехи, купеческія гильдіи и патриціи всѣ страдали отъ прекращенія торговли не только съ Англіею. но и съ Даніею. Гранвелла уничтожилъ датскую торговлю зерномъ съ провинціями, а также и рыбныя ловли у датскихъ береговъ. Отъѣздъ Гранвеллы. въ 1564 г., считался второю національною побѣдою, послѣ выступленія испанскаго войска изъ провинцій. Но инквизиція все продолжалась. Тителльманъ по прежнему свирѣпствовалъ. Въ Антверпенѣ передъ сожженіемъ проповѣдника толпа рынулась было освобождать его.

но палачъ быстро всадилъ ему кинжалъ въ сердце, а черезъ размозжилъ молоткомъ.

Дворяне отправили графа Эгмонта въ Испанію ходатайствовать о разрѣшеніи собраній генеральныхъ штатовъ и прекращеніи инквизиціи. Явившагося въ Мадридъ Эгмонта Филиппъ такъ горячо обнялъ при входѣ, что графъ не успѣлъ даже совершить обычнаго рыцарскаго склоненія колѣна для цѣлованія руки короля. Филиппъ приглашалъ его къ королевскому столу, осыпалъ любезностями и похвалами, даже предложилъ похлопотать о блестящей партіи для его дочери. Эгмонтъ совершенно растаялъ. Всѣмъ придворнымъ приказано было ухаживать за Эгмонтомъ, и они ему безсовѣстно льстили. Легкомысленный графъ все принималъ за чистую монету, за признаніе своихъ доблестей и былъ очарованъ собою и окружающими. Когда же Эгмонтъ напоминалъ королю о своей миссіи, то Филиппъ заговаривалъ о другомъ, хотя относительно инквизиціи онъ выразился очень опредѣленно, сказавъ, что: «измѣнить этого невозможно, и Эгмонтъ, какъ католикъ, долженъ это понимать». Относительно созыва генеральныхъ штатовъ онъ обѣщалъ написать распоряженіе Маргаритѣ.

Щедро одаренный, отправился Эгмонтъ въ обратный путь, а между тѣмъ его обгонялъ королевскій курьеръ къ Маргаритѣ, съ приказомъ отнюдь не разрѣшать собраній генеральныхъ штатовъ и поусердѣе истреблять еретиковъ, ибо это зло ростетъ только отъ недостатка энергіи въ его искорененіи.

Общественное настроеніе въ провинціяхъ было такъ возбуждено, что Маргарита и инквизиторы не рѣшались слишкомъ часто зажигать костровъ, они даже придумали способъ приканчивать еретиковъ келейно, въ тюрьмахъ, чтобъ лишать ихъ ореола мученичества, возбуждавшаго къ подражанію. Новый способъ инквизиторовъ былъ крайне простъ. Послѣ пытокъ въ тюрьмахъ, еретиковъ топили въ большихъ чанахъ съ водою, привязавъ голову между колѣнами.

Оранскій воскликнулъ: «Начнется прекрасная трагедія!» узнавъ отъ Маргариты, что Филиппъ все-таки не разрѣшаетъ созыва генеральныхъ штатовъ.

Маргарита въ угоду дворянамъ просила инквизиторовъ: «не такъ рѣзко вести дѣло», но тутъ получился приказъ Филиппа:

«придерживаться послѣднихъ рѣшеній Тридентскаго собора 1565 г., не ослабляющихъ инквизиціи». Нѣкоторые штатгальтеры, и между ними графъ Монтиньи, отказались обнародовать этотъ эдиктъ, заявивъ о полнѣйшей невозможности сжечь 60.000 протестантовъ. Послѣ чего графъ Монтиньи сложилъ съ себя званіе штатгальтера.

Изъ Антверпена, отъ страха преслѣдованій, бѣжали богатые купцы и цеховые мастера. На стѣнахъ появлялись угрожающія инквизиторамъ воззванія. На улицахъ расклѣивались сатирическіе куплеты, а Брюссель, Лувенъ, Герногенбушъ предъявили Маргаритѣ протестъ противъ нарушенія ихъ основныхъ правъ введеніемъ инквизиціи. Маргарита велѣла разсмотрѣть старинныя хартіи этихъ городовъ и, узнавъ, что въ нихъ ничего не сказано объ инквизиціи, объявила весь Брабантъ свободнымъ отъ нея. Этотъ фактъ доказываетъ, до чего растерялась Маргарита, искавшая инквизицію въ брабантскихъ хартіяхъ прошлыхъ вѣковъ.

Въ 1566 г. вырѣшился знаменитый «компромиссъ дворянъ» въ Бредѣ. Этотъ дворянскій союзъ, или соглашеніе для борьбы съ инквизиціею, окончательно организовался послѣ горячей кальвинистской проповѣди молодого швейцарца, который былъ очень смѣлъ, разыскиваемый инквизиціею [1]), дѣятельно пропагандировалъ въ Антверпенѣ и въ Брюсселѣ, въ г. Бредѣ онъ говорилъ въ дворянскомъ домѣ, окнами выходившемъ на площадь, гдѣ пылали тогда костры и горѣли протестанты. Даже зарево костровъ свѣтилось на лицѣ проповѣдника и слушателей.

Документъ дворянскаго «компромисса» циркулировалъ въ копіяхъ по провинціямъ и собралъ болѣе двухъ тысячъ дворянскихъ подписей. Этимъ манифестомъ дворяне заявляли, что соглашеніе ихъ вынуждено: «лишь желаніемъ охранить католическую церковь и престижъ власти испанскаго короля, которымъ угрожаетъ опасность отъ дѣйствій инквизиціи. Соглашеніе имѣетъ въ виду также защиту ихъ собственныхъ личностей и имуществъ отъ покушеній людей, служащихъ только своимъ эгоистическимъ цѣлямъ подъ предлогомъ исполненія

[1]) Онъ былъ схваченъ инквизиціею, но сумѣлъ убѣжать изъ тюрьмы.

религіознаго долга». Дворяне при этомъ завѣряли, что: «Они будутъ сопротивляться всякому народному мятежу и возстанію, такъ какъ ихъ цѣль только упраздненіе инквизиціи. ведущей страну къ разоренію и гибели и обрекающей всѣхъ на постыдное рабство. Отнынѣ они.—дворяне, какъ вѣрные союзники и братья, рѣшили не допускать. чтобъ кто либо изъ членовъ ихъ «компромисса» подвергался обыскамъ и преслѣдованіямъ инквизиціи. и что подписавшіеся подъ манифестомъ будутъ оказывать поддержку тому злополучному изъ ихъ среды, котораго будетъ преслѣдовать инквизиція. Для достиженія своей цѣли дворяне ни передъ чѣмъ не остановятся». Текстъ компромисса составленъ былъ графомъ Марникомъ Альдегондомъ (другомъ Оранскаго) и графомъ Людовикомъ Нассаускимъ (братомъ Оранскаго). Лично Вильгельмъ Оранскій не принималъ участія въ компромиссѣ, хотя и поощрялъ его.

Графъ Ламорель Эгмонтъ не принималъ никакого участія и не подписывалъ дворянской манифестаціи. Испанскій любезный пріемъ такъ пріятно еще кружилъ голову Эгмонту, который всегда находился во власти тѣхъ, кто щекоталъ его самолюбіе, но бѣда грозила задѣвшему его гонору. Всѣ помнили случай, какъ однажды Эгмонтъ. задѣтый словами Гранвеллы, кинулся съ кинжаломъ на кардинала, и друзьямъ едва удалось обезоружить расходившагося графа. Гранвелла никогда не могъ простить этого Эгмонту и постоянно настраивалъ противъ него Филиппа.

Оранскій, не участвуя въ подписи соглашенія, убѣждалъ дворянъ выкинуть изъ него всѣ рѣзкости, но голландскій графъ Бредероде настоялъ на сохраненіи первой редакціи, что и было принято, какъ только Оранскій покинулъ залъ, гдѣ происходило собраніе.

Процессія всадниковъ, 300 депутатовъ дворянскаго соглашенія, появилась въ Брюсселѣ для подачи заявленія Маргаритѣ. Тогда городскія улицы были переполнены толпами. давно поджидавшими дворянскій поѣздъ, встрѣченный шумными овиціями. На слѣдующій день, 8 апрѣля, дворянская депутація въ парадныхъ одеждахъ процессію направилась по улицамъ Брюсселя къ зданію государственнаго совѣта, и опять ее сопровождали рукоплесканія и одобрительные возгласы брюссельцевъ.

Маргарита приняла депутацію въ засѣданіи государственнаго совѣта, гдѣ въ числѣ членовъ присутствовали: принцъ В. Оранскій, графъ Эгмонтъ, графъ Горнъ и креатуры Гранвеллы—Барлемонтъ и Вигиліусъ. Дворянское заявленіе вручено было Маргаритѣ графомъ Бредероде, при чемъ дворяне настаивали на немедленной пріостановкѣ преслѣдованій инквизиціи, чтобъ Маргарита, не дожидаясь отвѣта отъ Филиппа, сдала всѣ дѣла о еретикахъ генеральнымъ штатамъ. Маргарита смущенно отвѣтила, что должна же она извѣстить Филиппа. Когда дворянская депутація покинула залъ, Барлемонтъ замѣтилъ Маргаритѣ: «Неужели эти обшпцалые (ces geux) могутъ тревожить Ваше Высочество?!»

Вечеромъ, того же дня, во дворцѣ графа Бредероде происходила пирушка 300 дворянъ-депутатовъ, среди которыхъ возникъ вопросъ, какъ же окрестить ихъ новый союзъ? Бредероде съ негодованіемъ сообщилъ о выраженіи Барлемонта, назвавшаго ихъ обшпцалыми-нищими «les geux». Дворяне отдали приказъ слугѣ принести деревянныя чаши, употребляемыя нищими, и нищенскую суму. Бредероде перекинулъ суму черезъ плечо и предложилъ выпить изъ деревянной чаши: «за благополучіе обшпцалыхъ!» Чаша переходила изъ рукъ въ руки, и лозунгъ «нищіе» (geux-гёзы) встрѣченъ аплодисментами. Въ разгарѣ пирушки въ залу вошли принцъ Оранскій, графы Эгмонтъ и Горнъ. Они то же выпили за «нищихъ», но вскорѣ удалились, тѣмъ не менѣе это минутное пребываніе стоило жизни двумъ графамъ.

Дворяне-гёзы желали показать народу, что у него имѣются вожди. Иногда они одѣвались даже въ сѣрое дешевое платье, а графъ Бредероде явился въ Антверпенъ и, перекинувъ черезъ плечо нищенскую суму, говорилъ изъ окна тысячной толпѣ, собравшейся на площади и пилъ изъ деревянной чаши «за здоровье народа!» Изъ Антверпена Бредероде перебрался въ Голландію и писалъ Людовику Нассаускому, что: «въ Голландіи гёзовъ, какъ песку морского много».

Патриціи и купеческія гильдіи организовали «компромиссъ торговцевъ», вступившій въ сношенія съ дворянскимъ компромиссомъ. Этотъ могущественный союзъ горожанъ щедро слалъ деньги на организацію обороны и сопротивленіе инквизи-

зиціи. Перепуганная Маргарита поторопилась назначить комиссію для изслѣдованія вопроса объ ослабленіи инквизиціи, и рѣшено было карать только совратителей. Но совратителями оказывались рѣшительно всѣ.

Дворяне вновь снарядили посольство къ Филиппу въ Испанію, повторяя просьбу отмѣнить инквизицію и разрѣшить собранія генеральныхъ штатовъ. Одновременно Маргарита отправила экстреннаго курьера съ извѣщеніемъ, что эти дворянскіе послы—одни изъ главныхъ зачинщиковъ компромисса. Одинъ изъ пословъ графъ Бергенъ случайно умеръ въ дорогѣ, а другой никогда не вернулся на родину. Никто не зналъ, что этотъ посолъ, графъ Монтиньи, не только заключенъ въ тюрьму, но удавленъ испанскою машинкою, медленно зажимающею горло. Лишь впослѣдствіи найдена въ архивѣ тайная переписка Филиппа съ тюремщикомъ, обнаруживная самыя мелочныя распоряженія Филиппа, чтобъ скрыть слѣды удавленія посла. Найденъ и приказъ Филиппа надѣть на трупъ монашеское платье съ капюшономъ, которымъ тщательно закрыть шею испорченную машинкой, прежде чѣмъ выставить тѣло въ церковь.

Филиппъ былъ страшно взбѣшенъ, узнавъ о компромиссѣ, но съ обычною двуличностью обнадеживалъ дворянъ письменными завѣреніями о скоромъ прекращеніи крутыхъ мѣръ и созваніи собраній генеральныхъ штатовъ. Особенно выказывалъ онъ милость дворянамъ въ августѣ, когда произошли, безъ участія дворянъ, иконоборческіе безпорядки протестантовъ. Тогда дворяне обѣщали Маргаритѣ свое содѣйствіе въ прекращеніи иконоборческаго мятежа, и за это отъ Филиппа они получили письма любезныя до лести. Оранскій не довѣрялъ имъ и держался на сторожѣ. Онъ заручился въ Мадридѣ тайнымъ агентомъ, доносившимъ ему обо всемъ, и этимъ шпіономъ былъ личный секретарь Филиппа, совмѣщавшій такимъ образомъ двѣ должности. Оранскій уже предостерегалъ своего легкомысленнаго зятя графа Эгмонта, но тотъ не видѣлъ за собою никакихъ прегрѣшеній. „Да развѣ не подтверждали ему этого любезныя письма изъ Испаніи!

Иконоборческое движеніе кальвинистовъ заставило Маргариту разрѣшить имъ молитвенныя собранія за городскою чертою. Тутъ кальвинисты могли проповѣдывать, молиться и пѣть

гимны. Въ Голландіи, Брабантѣ. Гельдернѣ и Оберисселѣ съ разрѣшенія и безъ разрѣшенія протестанты собирались въ поляхъ. и каждый холмикъ. каждая скала или древесный пень превращались въ каѳедру кальвинистскихъ и другихъ проповѣдниковъ.

На молитвенныя собранія сходилось 10, 15 до 30 тысячъ человѣкъ, распѣвавшихъ гимны. Они окружались, на всякій случай, баррикадами изъ телѣгъ и лѣсныхъ срубовъ. Любимыхъ проповѣдниковъ окружали вооруженные всадники. а женщинъ и дѣтей ставили въ центръ круга. Такая многолюдность загородныхъ молитвенныхъ сборищъ еще болѣе стала пугать Маргариту, и она отправляла приказъ за приказомъ и просьбы магистратамъ городовъ. чтобъ они высылали городскія милиціи разгонять эти толпища. Но магистраты приводили ей ея же собственныя разрѣшенія молитвенныхъ собраній за чертою городовъ и прибавляли, что милицію имъ не двинуть, такъ какъ почти всѣ городскія милиціи состоятъ уже изъ протестантовъ.

Магистраты городовъ не рѣшались даже раскленвать ея противорѣчивыхъ распоряженій. Особенною смѣлостью отличались протестанты въ городахъ, гдѣ образовались отряды дворянскихъ и купеческихъ компромиссовъ. Маргарита потребовала, чтобы члены компромиссовъ покинули Антверпенъ, а въ городъ для водворенія порядка долженъ былъ вступить бургграфъ съ отрядомъ. Онъ явился со своими всадниками, но наслѣдственнымъ антверпенскимъ бургграфомъ былъ никто иной, какъ принцъ Вильгельмъ Оранскій. встрѣченный шумными овиціями толпы. впервые такъ его привѣтствовавшей. Онъ сумѣлъ уговорить антверпенцевъ. и ради него они согласились прекратить въ самомъ городѣ кальвинистское богослуженіе.

Маргарита обратилась еще къ посредничеству Оранскаго. чтобъ умѣрить притязанія дворянъ. и на дворянскомъ собраніи въ Сентъ Труа Оранскій напоминалъ дворянамъ ихъ обѣщаніе не нарушать общественной тишины. но на это ему отвѣтили. что Маргарита сама не держитъ обѣщанія прекратить инквизицію, уже вновь начавшую свои дѣйствія. Оранскій убѣждалъ ихъ не тратить заразъ всего пороха.

Новая петиція дворянъ, переданная Маргаритѣ черезъ Людовика Нассаускаго. сильно ее обозлила настойчивостью требова-

ній созыва собраній генеральныхъ штатовъ. Переговоры съ Маргаритою дворяне поручили Оранскому. Эгмонту и Горну. а на ея колкій отвѣтъ пригрозили ей готовою организаціею дворянской самообороны съ обращеніемъ за помощью къ германскимъ курфюрстамъ. Наконецъ, послѣ множества тревожныхъ денешъ въ Мадридъ, и послѣ сильныхъ иконоборческихъ вспышекъ, Маргарита получила разрѣшеніе отъ Филиппа пріостановить инквизицію, но съ тѣмъ, чтобы дворяне оказали содѣйствіе въ подавленіи иконоборства.

Въ то же время изъ Франціи, отъ адмирала Колиньи, главы партіи французскихъ кальвинистовъ (гугенотовъ). прибылъ посланецъ. энергично убѣждавшій дворянъ не довѣрять Маргаритѣ, а общими силами прогнать испанцевъ, съ помощью войска гугенотовъ. Но дворяне на это не согласились, хотя они легко могли бы одержать верхъ надъ испанцами, при помощи французовъ и народа. Дворяне, наоборотъ, начали съ нимъ борьбу. разстрѣливая, вѣшая и наказывая розгами иконоборовъ, а Филиппъ тайно и спѣшно набралъ испанское войско чтобъ отправить въ провинціи.

Иконоборчество вспыхнуло и въ Антверпенѣ во время отсутствія Оранскаго. вызваннаго Маргаритою въ Брюссель, гдѣ дворяне. рыцари ордена «Золотого Руна» (къ которому принадлежали Филиппъ, Оранскій, Эгмонтъ и множество дворянъ-католиковъ) протестовали противъ «компромисса», какъ вреднаго и несвоевременнаго. Дворянскій компромиссъ былъ скоро упраздненъ.

Разразившееся въ Антверпенѣ иконоборчество обратило въ прахъ вѣковыя католическія сокровища. статуи. картины, органы. золотыя издѣлія антверпенскаго собора. Въ немъ остались лишь голыя стѣны, какъ того требовало кальвинистское богослуженіе.

Въ г. Дорникѣ останки графа гельдерскаго, предавшаго страну бургундцамъ. протестанты выкинули изъ гробницы. Надо сказать. что дѣйствія иконоборовъ поддерживались и необычайнымъ равнодушіемъ католиковъ. Кучка иконоборовъ въ 60 человѣкъ безпрепятственно сокрушала украшенія антверпенскаго собора, и болѣе десяти тысячъ католиковъ не проявляли никакого протеста. То же въ Мехельнѣ, въ присутствіи шести-ты-

сячной толпы католиковъ, небольшая кучка иконоборовъ-кальвинистовъ, опустошивъ церкви, безпрепятственно разошлась по домамъ, а церкви также безпрепятственно были взяты кальвинистами для своего богослуженія.

Во время иконоборческихъ погромовъ кальвинисты говорили, что «они борются съ идолопоклонствомъ»—никогда не было случаевъ расхищенія, а всѣ золотыя вещи, церковные сосуды и драгоцѣнные камни валялись на полу церквей, собранные потомъ католиками.

Почти одновременно съ совершавшимися иконоборческими безпорядками, въ Брюссель прибыли 1400 депутатовъ отъ разныхъ протестантскихъ консисторій, которые явились хлопотать о разрѣшеніи строить собственные храмы. Можно себѣ представить, въ какой ужасъ пришла Маргарита отъ этой дерзости протестантовъ. Она окончательно растерялась и пыталась дважды бѣжать изъ Брюсселя въ Монсъ, на границу, но ее отговорили члены государственнаго совѣта, въ томъ числѣ Оранскій, а также Эгмонтъ, ручаясь за охрану. Дворяне прекратили свое «соглашеніе», подъ условіемъ, что Маргарита предоставитъ свободу вѣроисповѣданій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она уже ранѣе была установлена. Дворяне ручались Маргаритѣ за соблюденіе полнаго порядка. Только крупные дворяне, провинціальные штатгальтеры дѣйствовали совершенно различно въ управляемыхъ ими областяхъ. Напримѣръ, штатгальтеръ графъ Горнъ, хотя самъ католикъ, но, узнавъ, что пять-шестыхъ населенія г. Турнэ (Геннегау) обратилось въ протестантство, разрѣшилъ постройку протестантскихъ церквей и не преслѣдовалъ ихъ проповѣдниковъ.

Въ то же время графъ Ламорель Эгмонтъ, подъ вліяніемъ своего секретаря іезуита, превратился въ яростнѣйшаго гонителя ереси, соперничая въ этомъ съ инквизиторами. Онъ разстрѣлялъ цѣлую толпу безоружныхъ кальвинистовъ.

Принцъ Оранскій придерживался золотой середины. И хотя повѣсилъ трехъ иконоборовъ, но вслѣдъ затѣмъ отдалъ три католическія церкви кальвинистамъ, въ виду наступающей зимы и невозможности продолженія проповѣдей въ поляхъ. Оранскій пытался примирить всѣ партіи, только невозможно было примирить непримиримое.

Маргарита, посылая доносы въ Мадридъ, торопила Филиппа высылкой войска и денегъ для найма солдатъ. Филиппъ отвѣтилъ, что скоро вышлетъ испанское войско и выслалъ ей денегъ, и она начала набирать солдатъ и размѣщать ихъ по городамъ, а города не пожелавшіе принять ея солдатъ были осаждены и взяты. Послѣ этого обращеніе Маргариты съ дворянами мгновенно измѣнилось, и разомъ прекратились ея медоточивыя рѣчи.

Положеніе Оранскаго было труднымъ. Кое-какъ умиротворяя католиковъ съ протестантами въ Антверпенѣ и Голландіи, онъ получалъ отъ Маргариты запрещенія на все то, что она сама еще недавно разрѣшала. Ея обращеніе съ крупнѣйшими дворянами сдѣлалось крайне безцеремоннымъ. Напримѣръ, графу Бредероде, просившему у нея аудіенціи, она приказала передать, чтобъ онъ «немедленно съ товарищами отправлялся въ свои владѣнія, не заботясь болѣе объ общественныхъ дѣлахъ, иначе она поступитъ съ ними по своему благоусмотрѣнію». Смертельно оскорбленный, графъ Бредероде дѣятельно сталъ набирать отряды для борьбы съ испанцами. Бредероде считалъ своихъ предковъ болѣе высокаго происхожденія, чѣмъ предки Филиппа, котораго онъ называлъ: «чужеземнымъ графомъ въ Голландіи». Со своей стороны Оранскій препятствовалъ Бредероде въ наборѣ милиціонеровъ въ Антверпенѣ.

Узнавъ отъ своего мадридскаго агента о приготовленіяхъ испанцевъ къ походу въ провинціи, Оранскій поручилъ своему брату Людовику сказать Эгмонту слѣдующее: «Если бъ Оранскій могъ вполнѣ разсчитывать на содѣйствіе графовъ Эгмонта и Горна, то, съ согласія генеральныхъ штатовъ, необходимо было бы принять мѣры противъ грозящаго вторженія испанскаго войска въ провинціи, и что только теперь наступило горячее время дѣйствовать дворянамъ». Но ослѣпленный ласкою въ Мадридѣ и всегда завидовавшій своему популярному шурину, Эгмонтъ рѣзко отказался отъ всякаго содѣйствія. Онъ явился на собраніе крупныхъ дворянъ, гдѣ Оранскій показывалъ перехваченное письмо изъ Испаніи къ Маргаритѣ, изъ котораго совершенно очевидна была грозившая имъ всѣмъ бѣда.

Наивный Эгмонтъ допрашивалъ Маргариту о письмѣ, и такъ какъ она завѣрила его въ подложности письма, то Эгмонтъ

рѣзко сказалъ Оранскому: «Про Филиппа распространяютъ клевету, между тѣмъ какъ прямая обязанность дворянъ помочь Филиппу возстановить порядокъ».

Безъ Эгмонта, слывшаго кумиромъ солдатъ и опытнымъ полководцемъ, Оранскій не счелъ возможнымъ начать борьбу съ испанцами, да и всѣ правовѣрные католики вышли изъ дворянскаго союза.

Борьбу гёзовъ возобновило купечество и народъ съ кальвинистскими консисторіями, располагавшими громадными средствами. Золото и серебро потекли бы къ Оранскому, если бы онъ согласился стать во главѣ «компромисса торговыхъ гильдій», но онъ отказался, и они обратились къ графу Бредероде.

Оранскій не разсчитывалъ тогда на поддержку лютеранскихъ курфюрстовъ, въ виду обостренія отношеній лютеранъ къ кальвинистамъ. Враждебное отношеніе Эгмонта дѣлало неосуществимымъ геніальный планъ гёзовъ вооружить острова Зеландіи и оттуда и съ устьевъ Шельды и Антверпена господствовать надъ страною, а съ помощью французовъ-гугенотовъ освободить Валансьенъ. Легко было бы встрѣтить и разбить подвигающееся лишь по частямъ испанское войско, затрудненное перевалами черезъ кряжи Монсени и Савойю. Другая часть испанскаго войска была отправлена моремъ, и съ нею навѣрное справились бы голландскія и фламандскія морскія силы, всегда одерживавшія верхъ надъ испанцами.

Но уже Эгмонтъ былъ на сторонѣ испанцевъ и съ графомъ Нуаркармомъ предводительствовалъ войскомъ Маргариты, сражаясь съ гёзами подъ стѣнами Антверпена. Изнутри Оранскій запоръ ворота и не выпускалъ горожанъ на помощь къ гёзамъ-единовѣрцамъ. Онъ могъ это сдѣлать въ качествѣ бургграфа. Оранскій понималъ, что давно лишенные организаціи самозащиты горожане послужили бы только мишенью для Эгмонта и Нуаркарма, а между тѣмъ волнующіеся антверпенцы, съ городскихъ стѣнъ, съ башенъ увидавъ избіеніе своихъ собратій—гёзовъ, требовали открытія воротъ, чтобъ ринуться въ стычку, помочь ополченію гёзовъ.

Оранскій появился среди двадцати-тысячной толпы, то угрожающей, то осмѣивающей его, кричащей ему, что онъ

«антихристъ». «предатель, изъ за котораго льется братская кровь гёзовъ!» Какой-то ремесленникъ приставилъ дуло ружья къ груди Оранскаго, но не успѣлъ спустить курка. какъ чья-то рука быстро отвела ружье. Уже почти вырѣшена была рѣзня и грабежъ католиковъ.

Великому дипломату удалось успокоить толпу, и вмѣсто криковъ и угрозъ она стала его слушать и приняла его предложеніе организаціи внутренней обороны города и укрѣпленій отъ вторженія чужеземнаго войска, для защиты старыхъ городскихъ вольностей. Горожанъ легче стало убѣдить послѣ небольшой вылазки изъ Антверпена. когда какому-то отряду антверпенской милиціи удалось вырваться изъ города, но антверпенцы были такъ энергично встрѣчены отрядами графа Эгмонта. что съ большими потерями спасались въ обратномъ бѣгствѣ.

Валенсьеннъ, гдѣ укрѣпились гёзы. былъ взятъ. а подъ стѣнами Антверпена легли лучшіе вожди гёзовъ.

Окончательно пріободрившаяся Маргарита усилила гарнизоны въ городахъ и во время новыхъ выборовъ магистрата ввела обязательность повторенія присяги Филиппу. Оранскій отказался присягать, ссылаясь на свою прежнюю присягу, и. сложивъ съ себя свои должности, онъ уѣзжалъ за границу, вполнѣ увѣренный, что Филиппъ не пощадитъ дворянства: «отрубить у тѣла голову, чтобъ тѣло не могло двигаться». Оранскій считалъ дворянъ головою народа.

Передъ выѣздомъ онъ еще разъ предостерегъ дворянъ, а Эгмонту. на его возраженіе, пророчески сказалъ: «Желалъ бы я ошибиться Эгмонтъ, но я предвижу, что вы будете тѣмъ мостомъ. который испанцы сломаютъ. какъ только перейдутъ для окончательнаго порабощенія нашей родины».

Какъ только выѣхалъ Оранскій, Маргарита начала казни и конфискаціи въ Антверпенѣ, а чтобъ остановить бѣгство протестантовъ за границу. чтобъ города окончательно не опустѣли. она запретила выѣзды. Тогда многіе протестанты. ради спасенія своей жизни и имущества, объявили себя католиками.

Едва успѣлъ Оранскій прибыть въ Германію. въ концѣ апрѣля 1567 года, какъ получилъ сообщеніе отъ своего агента, Филиппова секретаря, объ отданномъ приказѣ арестовать и су-

дить въ 21 часа принца Вильгельма Оранскаго. Но онъ былъ уже далеко, и хищные испанскіе когти не могли его защѣпить.

Вслѣдствіе жалобъ и доносовъ Маргариты, изъ Испаніи выступило, въ маѣ 1567 г., большое испанское и итальянское войско, но когда оно вступило въ провинціи, Маргаритѣ пришлось горько раскаяться. Въ совершенно усмиренную ею и дворянами страну въ половинѣ августа вступилъ Альба, новый испанскій правитель съ громадными полномочіями и большимъ войскомъ.

Герцогъ Альба всю жизнь воевалъ съ шестнадцати лѣтъ до шестидесяти, въ Испаніи съ маврами, въ Африкѣ, Германіи, Италіи и Франціи. Высокій, сухой, желтоватый какъ пергаментъ, съ лукавымъ взглядомъ темныхъ глазъ, этотъ страшный хищникъ совмѣщалъ, какъ-то, въ себѣ величайшую испанскую чопорность съ игривостью кошки, подходящей къ своимъ жертвамъ [1]). Въ искусствѣ притворства онъ превосходилъ самого Филиппа. Далеко за Брюссель, на встрѣчу ему, выѣхало до сорока нидерландскихъ дворянъ, въ томъ числѣ графъ Ламорель Эгмонтъ, который привелъ въ подарокъ Альбѣ пару чудныхъ скакуновъ громаднѣйшей цѣны. При встрѣчѣ, Альба съ ласкою обнялъ могучую шею Эгмонта, а между тѣмъ въ карманѣ у него уже лежала бумага, за подписью испанскаго короля, разрѣшающая ему сложить подъ мечъ палача эту шею первѣйшаго изъ дворянъ Фландріи, преданнѣйшаго слуги Филиппа.

Они вмѣстѣ въѣхали въ Брюссель, и Альба поселился рядомъ съ дворцомъ Эгмонта. Альба немедленно отправился къ Маргаритѣ, заявляя всюду о своихъ широкихъ полномочіяхъ. Маргарита встрѣтила его съ ледяной холодностью, оскорбленная какъ его полномочіями, такъ и властнымъ тономъ въ ея присутствіи. Она вскорѣ выѣхала изъ провинціи. Но Филиппъ залѣчилъ ея рану присылкою подарка, въ видѣ дохода въ нѣсколько десятковъ тысячъ дукатовъ.

Альбѣ предстояла задача не изъ легкихъ: пополнить испанскую и собственную казну конфискаціями богатыхъ владѣній при помощи инквизиціи. Испанское войско должно было служить главнымъ оплотомъ въ достиженіи цѣли.

---

[1]) Характеренъ портретъ герцога Альбы въ Брюсселѣ работы А. Мора.

Расквартированіе испанскихъ и итальянскихъ солдатъ въ городахъ и селахъ не обошлось безъ побоищъ. Только все приведено было въ надлежащій порядокъ, благодаря усердію вліятельныхъ дворянъ, совершенно слѣпо устремлявшихся въ разставленную имъ ловушку. Нѣсколько разъ открыто и тайно предостерегали Эгмонта, но у него былъ свой успокоительный талисманъ, только что полученное письмо отъ Филиппа съ восхваленіемъ его добродѣтели. Труднѣе было выманить графа (адмирала) Горна, угрюмо удалившагося въ свои владѣнія и наполовину разореннаго пожертвованіемъ половины своего состоянія на государственныя нужды—еще при Карлѣ.

У графа Ламореля Эгмонта завязались даже пріятельскія отношенія съ донъ Фадриго, сыномъ Альбы. Онъ сталъ запросто у нихъ бывать. Наконецъ, 9 сентября, во время большой пирушки у донъ Фадриго, Альба прислалъ свою лейбгвардейскую музыку и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе графамъ Эгмонту и Горну: «послѣ стола, пожаловать къ нему, на военный совѣтъ». Сидѣвшій рядомъ съ Эгмонтомъ донъ Фадриго, услыхавъ это, шепнулъ ему: «Графъ! Безъ промедленія выходите, берите самаго лучшаго скакуна! Скачите... спасайтесь!..» Поблѣднѣвшій Эгмонтъ всталъ, но его разстроенное лицо замѣтилъ Нуаркармъ и вышелъ за нимъ въ сосѣднюю комнату. Этому пріятелю-предателю удалось насмѣшкою успокоить тщеславнаго Эгмонта.

По окончаніи засѣданія военнаго совѣта, передъ выходомъ, къ Эгмонту подошелъ гвардейскій офицеръ съ просьбою: «одну минуту обождать, герцогъ Альба желалъ бы съ нимъ наединѣ переговорить». Когда всѣ остальные вышли, офицеръ потребовалъ шпагу Эгмонта. Въ страшномъ замѣшательствѣ у Эгмонта вырвалось восклицаніе: «Какъ! Мою шпагу!? Столько послужившую въ честь короля!?»

Но ему пришлось разстаться со своею шпагою. Онъ былъ арестованъ и помѣщенъ въ томъ же зданіи, въ комнатѣ съ задѣланными окнами, освѣщавшейся лампою. Тутъ онъ высидѣлъ девять мѣсяцевъ, т. е. до самой казни. Ему служилъ испанскій лакей, не дерзавшій вымолвить слова. Графъ Горнъ и восемнадцать выдающихся дворянъ были также арестованы въ разное время.

Альба учредилъ «совѣтъ о мятежахъ», прозванный народомъ «кровавымъ совѣтомъ». Кромѣ Альбы, въ совѣтѣ состояли два испанца и нѣсколько испанскихъ прихвостней изъ провинцій Въ каждой провинціи кровавый совѣтъ имѣлъ своихъ делегатовъ, и обычная судебная процедура поставлена была въ связь съ искорененіемъ ереси.

Бѣгство за границу все усиливалось. Послѣ отъѣзда Оранскаго выѣхало болѣе 100,000 человѣкъ, а послѣ арестовъ Эгмонта и Горна эмиграція до того сдѣлалась всеобщею, что Альба возстановилъ приказъ Маргариты, воспрещавшій выѣзды. Менѣе чѣмъ въ три мѣсяца кровавымъ совѣтомъ было обезглавлено 1,800 человѣкъ. Составленные именные списки служили къ осужденію всѣхъ, хотя бы косвенно принимавшихъ участіе въ компромиссахъ. Собственно величайшимъ преступленіемъ было слыть богачомъ, такъ какъ Альба обѣщалъ Филиппу ежемѣсячно доставлять 500,000 золотыхъ дукатовъ и, уѣзжая изъ Испаніи, объявилъ королю, что: «заставитъ въ провинціяхъ потечь золотую рѣку, глубиною въ ярдъ». Что для этого придется пустить и рѣки крови—не говорилось, но само собою подразумѣвалось. Кровавый совѣтъ отправлялъ на казнь иногда по сту человѣкъ разомъ, и въ числѣ осужденныхъ находились даже подростки. При торопливости судебной процедуры бывали случаи назначенія суда, но оказывалось, что данный субъектъ уже казненъ: «Ну, ничего! Зато на томъ свѣтѣ легче будетъ—не засудятъ!» замѣчалъ одинъ изъ судей.

Вся страна обратилась въ живодерню, и похоронный звонъ поминутно раздавался въ каждой деревнѣ. Альбѣ стало мало висѣлицъ и костровъ, сооруженныхъ на протяженіи 17 провинцій, онъ обратилъ въ висѣлицы придорожные столбы, колонны домовъ, дверные косяки, изгороди, вездѣ валялись обезглавленные, а въ фруктовыхъ садахъ на деревьяхъ висѣли гніющіе трупы, заражая воздухъ. Скрыться уже не было возможности, всѣ ямщики и лодочники отвѣчали за побѣгъ находящихся въ спискахъ. Альба придумалъ новый способъ прекращать рѣчи, приговоренныхъ во время шествія по улицамъ къ эшафоту или костру. Языкъ втискивался въ раскаленное желѣзное кольцо, послѣ чего онъ распухалъ, и рѣчь дѣлалась невозможною.

Около Антверпена уже строилась цитадель, съ пушками, обращенными на городъ, на Шельду и окрестности. Большая часть расходовъ по постройкѣ возложена была на горожанъ. Эмигрантамъ-дворянамъ Альба отправилъ повелѣніе явиться къ нему на судъ, угрожая конфискаціями всѣхъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. На это принцъ Вильгельмъ Оранскій объявилъ ко всеобщему свѣдѣнію, что имѣющійся у него рыцарскій орденъ «золотого руна» обезпечиваетъ ему судъ, состоящій изъ коронованныхъ лицъ, а какъ членъ германской имперіи, какъ французскій владѣтельный принцъ и какъ гражданинъ нидерландскихъ штатовъ, онъ не подсудонъ суду исполнителя Альбы. Онъ признаетъ надъ собою судъ, состоящій изъ пэровъ Европы. «Кровавый совѣтъ» захватилъ четырнадцатилѣтняго сына Оранскаго, учившагося въ одной изъ провинцій. Его увезли въ Испанію и сдѣлали правовѣрнымъ католикомъ, въ то время какъ Оранскій уже призналъ себя лютеранином. Позже Оранскій принялъ кальвинизмъ. Это приписывалось то равнодушію къ религіознымъ вопросамъ, то политическимъ расчетамъ, сначала на помощь лютеранскихъ государей, а позже на содѣйствіе гугенотовъ, когда кальвинистскіе Нидерланды могли разсчитывать только на содѣйствіе кальвинистовъ изъ Франціи и Англіи. Широкая вѣротерпимость Оранскаго удивляла его современниковъ: тогда всюду въ Европѣ происходила рѣзня между безконечно дробившимися сектами.

Въ 1568 г. 16 февраля былъ объявленъ въ провинціяхъ удивительный испанскій приговоръ, обрекающій на казнь населеніе всѣхъ 17 провинцій, исключены были лишь немногія перименованныя лица. Испанцы совсѣмъ обезумѣли, купаясь въ крови населенія провинцій.

Преслѣдованія и общее разореніе вызвали появленіе разбойничьихъ шаекъ, прозывавшихся: «дикими гёзами» или «лѣсными» и «морскими гёзами». Шайки составлялись изъ крестьянъ, горожанъ и дворянъ, которыхъ преслѣдованія Альбы довели до отчаянія, до одичанія. Дикіе гёзы появлялись на большихъ дорогахъ, иногда лица у нихъ покрыты была масками. Они нападали преимущественно на католическое духовенство, и, захвативъ патеровъ, они, подражая дѣйствіямъ инквизиціи и «кроваваго совѣта» Альбы,—волокли ихъ привязанными къ

хвостамъ лошадей. Иногда отрѣзывали носы и уши или зарывали по шею въ землю и стрѣляли въ головы. Къ лошадинымъ хвостамъ Альба привязывалъ не только еретиковъ, но и обладателей, хотя бы, ста флоринами.

Когда открылось покушеніе на жизнь Альбы въ лѣсу, то заговорщиковъ до смерти запытали на брюссельской площади.

Ненависть нѣкоторыхъ нѣмецкихъ курфюрстовъ къ испанцамъ доставила Оранскому помощь въ его первомъ предпріятіи въ провинціяхъ: курфюрсты гессенскій и саксонскій содѣйствовали ему при наборѣ войска. Денежная помощь присылалась также изъ Амстердама, Антверпена, Гарлема, Миддельбурга, Лейдена и отъ богатыхъ купцовъ эмигрантовъ въ Англіи. Оранскій уже отдалъ все, что имѣлъ, а его братья графы Нассаускіе для вооруженія и найма солдатъ закладывали свои германскія имѣнія. Наборъ войска былъ порученъ Людовику Нассускому. Оранскій опасаясь, что германскій императоръ помѣшаетъ войнѣ съ испанцами въ провинціяхъ, передъ самымъ походомъ обнародовалъ посланіе, объясняющее цѣль похода. Посланіе гласило, что имѣется въ виду благо самого Филиппа испанскаго, такъ какъ необходимо помѣшать его полководцу Альбѣ окончательно разорить провинціи. Оранскій упоминаетъ и о защитѣ городскихъ привилегій, которыя его величество король испанскій присягалъ охранять

Братья Нассаускіе въ 1568 г. предполагали одновременнымъ нападеніемъ съ трехъ сторонъ на испанцевъ разъединить ихъ силы, но это не удалось, да и населеніе городовъ не открывало имъ городскихъ воротъ, не довѣряя болѣе дворянамъ. Въ Фрисляндіи, въ Гронингенѣ хотя и былъ короткій успѣхъ, но вскорѣ Альба оттѣснилъ гёзовъ въ восточную Фрисляндію и разбилъ отряды братьевъ Нассаускихъ.

Какъ Оранскій предусмотрительно обнародовалъ посланіе передъ походомъ, такъ и Альба предусмотрительно распорядился казнью дворянъ передъ походомъ. Онъ опасался, что горожане, пользуясь его отсутствіемъ изъ Брюсселя, освободятъ графовъ Эгмонта и Горна.

Казнь дворянъ совершилась на площади брюссельской ратуши, гдѣ сооруженъ былъ эшафотъ, обтянутый чернымъ сук-

номъ. На этой же самой площади, при Карлѣ V, на праздничныхъ состязаніяхъ и на турнирахъ неизмѣнно всегда отличался смѣлостью и ловкостью графъ Ламорель Эгмонтъ, любимецъ толпы, покрытый военными лаврами герой. Уже при жизни о немъ создавались сказанія, слагались пѣсни, романсы, въ которыхъ онъ назывался «цвѣтомъ рыцарства». Какъ сказочный герой онъ былъ красивъ, богатъ, наряденъ, и на казнь онъ явился со своею смѣлою, величественною осанкою въ изящномъ парчевомъ красномъ [1]) костюмѣ, въ бархатной епанчѣ накинутой на плечи, въ беретѣ съ перьями, и съ орденомъ «Золотого Руна» на большой цѣпи.

Эгмонтъ все не хотѣлъ вѣрить въ возможность казни, до того чувствовалъ себя вѣрнымъ слугою испанскаго короля, и за нѣсколько минутъ до казни онъ спросилъ: «Неужели не пришло слово отъ короля?!» Помолясь со священникомъ и принявъ отпущеніе, онъ снялъ съ шеи орденъ «Золотого Руна», разстегнулъ воротъ камзола и положилъ голову на плаху подъ мечъ палача. Театральность обстановки казни, жажда жизни изящнаго графа и самая наивность Эгмонта всколыхнули толпу,—она громко рыдала. Прослезились даже испанскіе солдаты при казни ихъ кумира, большого католическаго полководца, заставлявшаго бывало всѣхъ дрожать.

Послѣ казни Эгмонта введенъ былъ графъ Горнъ. Онъ пришелъ въ старомъ платьѣ, даже безъ шляпы на лысой головѣ, оставивъ въ тюрьмѣ и орденъ «Золотого Руна». Онъ помолился, но прежде чѣмъ сложить свою старую голову на плаху, онъ обратился къ народу и съ обычнымъ добродушіемъ пожелалъ ему: «счастья и свободы». Обѣ отрубленныя головы наткнули на копья, выставивъ часа на два на площади, затѣмъ головы были отправлены въ Мадридъ, къ Филиппу, пожелавшему непремѣнно увидѣть ихъ. Обезглавленныя тѣла были выданы семьямъ казненныхъ графовъ и въ гробахъ выставлены въ церквахъ. Множество народа приходило поклониться останкамъ Эгмонта, но кажется никто не явился въ другую церковь, отдать послѣднюю честь графу Горну. Между тѣмъ послѣдній никогда не превращался въ палача управляе-

---

[1]) Красный цвѣтъ былъ испанскимъ цвѣтомъ.

мой имъ области, какъ Эгмонтъ, очевидно населенію Брюсселя не было дѣла до того, что происходило во Фландріи и въ Геннегау. Толпу возмущала лишь несправедливость Филиппа, и эта казнь Эгмонта была величайшею ошибкою Филиппа, уничтожившаго самаго могущественнаго своего сподвижника и слугу. Благодаря казни, Эгмонтъ выросъ въ глазахъ толпы, окружился ореоломъ мученичества и запечатлѣлся въ народной памяти, какъ свѣтлый герой, удесятеряя ненависть къ испанской тираніи [1]).

Въ 1569 г., послѣ неудачнаго похода, гдѣ Оранскій напрасно вызывалъ на бой Альбу, прятавшагося въ укрѣпленіяхъ, разсчитывая этимъ изморить лишеннаго средствъ Оранскаго. послѣднему пришлось отступить и съ остатками войска идти на помощь французамъ-гугенотамъ, но и тутъ была неудача. Оранскій вернулся въ Нассау. Германскій императоръ настойчиво требовалъ: «прекращенія злоумышленій противъ его племянника Филиппа испанскаго», на это Оранскій отвѣтилъ, что онъ воюетъ не съ Филиппомъ, а съ Альбой, и продолжалъ подготовленіе къ новому походу.

Альба послѣ своей побѣды надъ Оранскимъ соорудилъ самому себѣ монументъ—колоссальную статую собственной особы, попирающей змѣя съ головой Оранскаго. Монументъ, отлитый изъ вражескихъ пушекъ, онъ помѣстилъ на вершинѣ новой антверпенской цитадели. Это не нравилось Филиппу, считавшему, что тутъ умѣстнѣе было бы изображеніе короля.

Значеніе Филиппа сильно поднимается въ Германіи послѣ женитьбы на Аннѣ, дочери германскаго императора, и еще внушительнѣе повторено было Оранскому: «не выступать противъ Филиппа».

Испанскіе финансы въ провинціяхъ были не блестящи. Альба, посулившій королю горы золота, самъ то и дѣло вымаливалъ поддержку изъ Испаніи, а тутъ еще Елизавета англійская захватила испанскіе корабли съ деньгами, отправленными изъ Испаніи для уплаты жалованья испанскому войску. Альба никакъ не могъ добиться денегъ отъ штатовъ.

[1]) Памятникъ Эгмонту и Горну, съ ихъ статуями на одномъ пьедесталѣ, находятся въ скверѣ верхняго города Брюсселя. Онъ перенесенъ сюда съ мѣста казни, т. е. съ площади нижняго города.

Онъ самъ подорвалъ источники доходовъ населенія, истребляя инквизиціею купцовъ и ремесленниковъ и обрывая торговыя отношенія съ сосѣдними странами. Только съ Испаніею продолжались торговыя сдѣлки, несмотря на войну. Но случалось, что испанцы сжигали нидерландскія торговыя флотиліи, плывшія по испанскимъ морямъ.

Головоломная задача найти въ провинціяхъ обѣщанную испанскому королю «золотую рѣку въ ярдъ глубиною» для поправленія испанскихъ финансовъ приводитъ Альбу къ попыткѣ установить знаменитый его налогъ, чуть-чуть было не прекратившій всего торговаго движенія, промышленности и жизни въ провинціяхъ. Противъ этого налога возстали даже приверженцы Альбы.

Десятинный или десятипроцентный налогъ Альбы долженъ былъ взиматься при каждой продажѣ. Онъ облагалъ при этомъ не только всѣ предметы, но каждую часть каждаго предмета, и при безконечной повторяемости этихъ обложеній, части предмета становились дороже цѣлаго предмета. Сверхъ того, Альба ввелъ еще пятипроцентный и однопроцентный налогъ на имущества.

Невѣжественность Альбы могла равняться только его тиранніи. Населеніе провинцій, допускавшее сожженія, казни и пытки изъ-за вопросовъ вѣры, возстало, какъ одинъ человѣкъ, противъ десятипроцентнаго налога, такъ какъ по этому вопросу не имѣлось ни индифферентизма, ни различія вѣроисповѣданій. Никогда еще провинціи не знали вмѣшательства въ способы обложеній, всегда бывшіе дѣломъ чисто внутренняго областного хозяйства. Утрехтская область предложила было Альбѣ уплату 200 тысячъ флориновъ взамѣнъ невозможнаго налога, но на это предложеніе Альба отвѣтилъ Утрехту солдатскимъ постоемъ, съ разрѣшеніемъ солдатамъ поступать тамъ «по своему». Ужасы начавшихся насилій заставили утрехтскіе штаты пообѣщать уплату налога, чтобы только поскорѣе избавиться отъ испанской солдатчины, и Альба написалъ Филиппу о своемъ удивительномъ измышленіи и несомнѣнности открытія «Золотой рѣки» въ провинціяхъ. Однако, насмѣшки надъ нелѣпою фантазіей Альбы, которыя Филиппъ слышалъ въ Мадридѣ, заставили его сдѣлать Альбѣ запросъ: «не по-

страдаетъ ли чрезчуръ торговля отъ налога?» На торжествующія завѣренія Альбы. Филиппъ согласился на установленіе десятипроцентнаго налога въ провинціяхъ. Только Альба протрубилъ преждевременно о побѣдѣ: собраніе генеральныхъ штатовъ не дало согласія на налогъ, но Альбѣ обѣщали уплату двухъ милліоновъ флориновъ въ теченіе двухъ лѣтъ, до окончанія переговоровъ о налогѣ. Альба самоувѣренно рапортовалъ въ Испанію, что теперь онъ хозяинъ положенія и можетъ что угодно дѣлать съ провинціями.

Въ слѣдующемъ году ко всѣмъ бѣдамъ присоединились еще ужасающія наводненія, отъ которыхъ погибло болѣе 100.000 человѣкъ въ Фрисляндіи, Голландіи и Зеландіи. Торговля съ Англіею была почти прервана, благодаря Альбѣ, а морское разбойничество только усиливалось. Положеніе было до того плачевно, что даже въ Мадридѣ поговаривали «о напрасно проливаемой крови» въ провинціяхъ, и что Альба этимъ только компрометтируетъ Испанію и короля, пора бы дать «всеобщее прощеніе за давно прошедшія прегрѣшенія». Изъ Мадрида были присланы три проекта амнистіи. Альба выбралъ самую незначительную изъ нихъ, да и ту еще урѣзалъ.

Въ день объявленія этого «всеобщаго прощенія», въ 1569 г., на площади, на высокой эстрадѣ, Альба сидѣлъ на позолоченномъ тронѣ, окруженный блестящею свитою. На Альбѣ были освященныя шляпа и шпага, присланныя ему папою за его католическую ревность. Герольдъ читалъ народу манифестъ, но читалъ такъ тихо и невнятно, что никто, кромѣ рядомъ стоящихъ, ничего не разслышалъ. Это удивительное прощеніе состояло въ томъ, что никто не будетъ прощенъ, если не согласится донести на себя, при покаяніи въ «прежнихъ заблужденіяхъ». Населеніе провинцій не видѣло тутъ «всеобщаго прощенія», наоборотъ, народъ говорилъ; «стоитъ только переставить въ испанскомъ словѣ «пардонъ» букву «р» на конецъ слова, то и выйдетъ «пандоръ», что по-испански значитъ «повѣшеніе»—значитъ «всеобщее повѣшеніе» (pardon—pandor)».

Въ Испаніи арестованный посолъ провинцій, графъ Монтиньи, незадолго до казни удушеніемъ испанскою машинкою, услышалъ фламандскую пѣсню подъ окномъ тюрьмы и изъ нея узналъ о казни графа Эгмонта въ Брюсселѣ. Эту пѣсню

проѣли ему на церковный ладъ, подъ видомъ странниковъ, его друзья изъ провинцій, которые явились спасать его въ Испанію. Они подготовили ему бѣгство, и пѣснями, не понятными для сторожей, они сообщили ему, что его ожидаетъ корабль въ Сенть-Себастьянскомъ заливѣ и будетъ приготовленъ конь недалеко отъ башни тюрьмы. Графу Монтиньи какъ-то удалось перепилить рѣшетку окна, онъ уже спускался по веревкѣ вдоль стѣны, какъ выплыла изъ-за облаковъ луна и выдала его стражникамъ. Его перевели въ другую тюрьму, а вскорѣ послѣдовала казнь задушеніемъ. Въ теченіе двухлѣтняго заключенія ему ни разу не дали повидаться съ молодою женою, съ которою онъ разстался послѣ брака, отправленный посломъ въ Испанію. Жена его прибыла въ Испанію умолять Филиппа о пощадѣ мужа. Въ послѣдній разъ, когда графиня Монтиньи, въ слезахъ, на колѣняхъ стояла передъ Филиппомъ, онъ сказалъ ей, съ двусмысленною улыбкою: «Завтра графу будетъ облегченіе». Это было накануиѣ удавленія. Графу не дозволили написать послѣдняго прости женѣ, такъ и не узнавшей о его казни. Ему разрѣшено было только написать распоряженіе относительно уплаты долговъ, не упоминая о приговорѣ къ казни, а писать о себѣ, какъ о смертельно больномъ, уже чувствующемъ приближеніе послѣдняго часа.

Много дворянъ скиталось за границею. Между ними графъ Бредероде, скитался и Оранскій, безъ средствъ, безъ постояннаго пріюта. Онъ самъ говорилъ, что города и даже республики дважды подумаютъ прежде чѣмъ рѣшиться пріютить его. Всюду ему грозила опасность, какъ только распространялась вѣсть о его прибытіи. Саксонская принцесса, его жена, ушла къ Рубенсу (отцу знаменитаго художника) и, страдая алкоголизмомъ, умерла въ буйномъ помѣшательствѣ, въ тюрьмѣ.

Изъ Франціи судьба улыбнулась его честолюбивымъ планомъ. Вліятельный французскій кальвинистъ адмиралъ Колиньи и братья Оранскаго, находившіеся въ войскѣ Колиньи, предложили французскому королю Карлу IX раздѣлъ провинцій: южныя и пограничныя на долю короля, а Оранскому, какъ нѣмецкому князю, былъ бы переданъ Брабантъ и нѣкоторыя другія германскія ленныя владѣнія. Англійской королевѣ подавалась надежда на полученіе Голландіи и Зеландіи. Ногомъ

возникъ и другой планъ раздѣла между Карломъ IX и Орапскимъ, по которому Оранскому причиталась Голландія, Зеландія и Фрисляндія, а французскому королю всѣ земли отъ Антверпена до Пикардіи. Карлъ IX рѣшилъ отправить войско въ провинціи подъ начальствомъ адмирала Колиньи.

Чрезвычайно дѣятельная агитація велась Оранскимъ и его братьями въ провинціяхъ и эмигрантами, проживавшими въ Англіи, Франціи и Германіи. Въ корреспонденціяхъ они употребляли вымышленныя имена и символы. Альба прозывался: «Мистеромъ Ванъ Альбасомъ». Вильгельмъ Оранскій—«Мартиномъ Виллемсономъ», королева англійская (начавшая дружить съ Филиппомъ) «Филиппсономъ» и т. д. Города обозначались миѳологическими названіями, мѣсяцы, дни, числа имѣли условные знаки, на случай захвата почтовыхъ курьеровъ, развозившихъ деньги и вѣсти о новыхъ ковахъ Филиппа и Альбы.

Принцъ Вильгельмъ Оранскій, какъ членъ германской имперіи, воспользовался своимъ правомъ не только снаряжать сухопутные отряды, но и вооруженныя флотиліи. Онъ выдавалъ многочисленныя свидѣтельства частнымъ лицамъ на право плаванія вдоль береговъ. Такимъ образомъ крейсеры морскихъ гёзовъ захватывали испанскія суда, и половину захваченной добычи они обязывались отдавать Оранскому, а остальное дѣлили между собою. Благодаря морскимъ гёзамъ, водруженъ былъ вскорѣ первый трехцвѣтный флагъ гёзовъ на Голландскомъ побережьи—первый шагъ къ отвоеванію сѣверныхъ Нидерландъ отъ Испаніи.

Быстро плавающія, легкія суда гёзовъ были неуловимы для неуклюжихъ испанскихъ судовъ. Но Альба считалъ флотиліи гёзовъ морскими корсарами и долго не придавалъ имъ политическаго значенія. Да въ ту пору ему было и не до ловли корсаровъ. Морскіе гёзы сбывали свою добычу въ Англіи, въ Ларошеллѣ и въ нѣмецкой восточной Фрисляндіи. Для бѣглыхъ кальвинистовъ и другихъ сектантовъ, приговоренныхъ Альбою къ смертной казни, море сдѣлалось единственнымъ прибѣжищемъ. Мирное, трудовое прежде населеніе доведено было гоненіями до отчаянія, и разоренное Альбою оно заговорило съ испанцами жерлами своихъ корабельныхъ пушекъ.

Случалось, да вѣроятно и не рѣдко, что какой-нибудь купецъ поправлялъ свои дѣла, захватывая не одни только испанскія суда, и обязательства свои относительно Оранскаго гёзы не всегда выполняли. Они часто ничего ему не выплачивали, такъ, что принцу жившему бывало съ пышностью королей, жилось крайне трудно, приходилось выполнять дома даже работы конюховъ и прочихъ низшихъ слугъ.

Между тѣмъ морскіе гёзы все множились; изъ нихъ формировались экипажи для цѣлыхъ эскадръ, постоянно подходившихъ къ германскимъ и англійскимъ берегамъ, пока Елизавета англійская, охраняя миръ съ Филиппомъ, не закрыла имъ доступъ въ англійскія гавани. Послѣ этого Альба счелъ вопросъ о морскихъ пиратахъ-гёзахъ совершенно вырѣшеннымъ и по истеченіи двухъ лѣтняго срока приступилъ къ возобновленію своего требованія уплаты десятипроцентнаго налога.

Населеніе надѣялось, что за эти два года Альба образумится, или что нибудь случится, что помѣшаетъ установленію безсмысленнаго налога. Когда Альба объявилъ о началѣ взиманія своего налога, то все пришло въ ужасное смятеніе. Всѣ дѣла остановились, цехи, купцы, патриціи, дворяне и крестьяне, всѣ прежніе враги—католики и протестанты составили дружный хоръ. Лавки и мастерскія позакрылись. Толпы всякаго рода ремесленниковъ, лишившись заработковъ, переполняли улицы. Нельзя было получить предметовъ первѣйшей необходимости: хлѣба, пива, муки, мяса, овощей и проч. Когда появлялся Альба, то ему не только не кланялись, но плевали въ слѣдъ. Стѣны домовъ заностряли карикатурами на Альбу, въ компаніи съ дьяволомъ, и въ честь его распѣвались сатирическіе куплеты. Соглядатаи Альбы пришли въ затрудненіе,—вокругъ былъ ужъ не ропотъ, а цѣлый ревъ проклятій.

Альба отдалъ распоряженіе повѣсить, на утренней зарѣ, 17 первѣйшихъ негоціантовъ Брюсселя и повѣсить не на висѣлицахъ, а на порогахъ ихъ торговыхъ складовъ въ Брюсселѣ, дабы остальные устрашились, увидѣвъ ихъ болтающимися въ петляхъ. Но Альбѣ не пришлось повѣсить купцовъ, въ устрашеніе остальнымъ, а самъ онъ въ ту ночь съ перепуга чуть не потерялъ головы, ошеломленный вѣстью о взятіи морскими гёзами важнаго стратегическаго пункта, городка Бриля, въ

Голландіи. Преувеличивъ дѣло, онъ уже вообразилъ, что самъ Оранскій съ флотомъ прибылъ туда. Въ душѣ Альба не считалъ еще Оранскаго раздавленнымъ, хотя и старался доказать это публично. Еще недавно онъ устраивалъ шутовское «посрамленіе Оранскаго»—заочную казнь, протащивъ по брюссельскимъ улицамъ его изображеніе и княжескій гербъ, привязанными къ хвостамъ лошадей. Разбивъ ихъ, онъ объявилъ «Оранскаго съ потомствомъ лишенными чести, дворянства и всѣхъ владѣній».

Неожиданный захватъ г. Бриля 1572 г. морскими гезами, высоко поднялъ Оранскаго въ глазахъ Альбы. Онъ готовъ былъ даже усумниться въ искренности дружественныхъ чувствъ англійской королевы къ Филиппу. Въ дѣйствительности захватъ Бриля былъ неожиданностью для самого Оранскаго, и онъ не только не придавалъ этому никакого значенія, но, узнавъ о захватѣ, не одобрялъ его, считая «чѣмъ-то стихійнымъ», иначе говоря, однимъ изъ безцѣльныхъ разбойническихъ похожденій морскихъ гезовъ. Въ сущности причиною всему былъ сильнѣйшій вѣтеръ и добросовѣстное заявленіе дружественныхъ отношеній королевы Елизаветы къ Филиппу II испанскому, заставившихъ ее отогнать отъ англійскихъ береговъ 24 судна флотиліи гезовъ, подъ командою барона Ла Марка, которая и направилась на сѣверо-востокъ къ Энхюзену, гдѣ было много кальвинистовъ. Только сильнѣйшій вѣтеръ погналъ флотилію къ устью Мааса; узкъ гезы опасались, что попадутъ прямо въ руки испанцевъ, но около Бриля ихъ замѣтилъ лодочникъ, тайный кальвинистъ, перевозившій въ это время пассажировъ, и чтобъ отвязаться отъ нихъ, спугнулъ ихъ словами: «Вотъ приближается флотилія, очень похоже на морскихъ гезовъ!» Пассажиры спѣшно выбрались на берегъ, а лодочникъ поплылъ въ море, къ флотиліи и окликнулъ ближайшее судно, подъ командою графа Де Треслона, сына бывшаго брильскаго штатгальтера, казненнаго Альбой. Лодочника призвали на судно, и онъ сообщилъ своимъ единомышленникамъ, чтобъ они не боялись,—испанцевъ нѣтъ ни въ городѣ Бриллѣ, ни на сосѣднемъ островѣ.

Гезы поручили лодочнику передать городскому магистрату требованіе сдачи города Бриля: «во имя принца Вильгельма

Оранскаго штатгальтера голландской провинціи». Для удостовѣренія личностей предъявлявшихъ такое требованіе лодочнику вручили гербовый перстень графа Де Треслона, чтобъ передать его магистрату Брилля. Требованіе сдачи было большою дерзостью, такъ какъ на эскадрѣ было всего 400 человѣкъ вооруженныхъ, а городъ Брилль, хотя и не многолюдный, но былъ обнесенъ солидными стѣнами и хорошо укрѣпленъ. Лодочникъ очень ловко исполнилъ возложенное на него порученіе, передавъ магистрату, что цѣль патріотовъ—сверженіе тиранніи Альбы и ненавистнаго десятипроцентнаго налога, а когда члены магистрата спросили: какъ велики силы флотиліи?» То лодочникъ небрежно отвѣтилъ: «Вѣроятно, наберется хорошо вооруженныхъ тысячъ съ пять». Это произвело эффектъ. Изъ города отправилась депутація къ гезамъ, а богачи бѣжали со своими драгоцѣнностями.

Аттака и сожженіе запертыхъ воротъ г. Брилля совершилась безъ всякаго сопротивленія горожанъ, преспокойно смотрѣвшихъ на это съ городской стѣны. Гезы, захвативъ городъ и дѣйствуя подъ флагомъ Оранскаго, не грабили горожанъ и вели себя, какъ освободители. Только баронъ Ла-Маркъ, не выдержавъ роли примирителя, разграбилъ католическія церкви и монастыри.

Курьеры Альбы быстро доставили въ Амстердамъ штатгальтеру Боссю приказъ Альбы немедленно отобрать отъ гезовъ г. Брилль, и одновременно Альба снарядилъ наскоро собранный отрядъ для отправки его моремъ къ Бриллю. Гезы, конечно, не выступили изъ за городскихъ укрѣпленій, чтобъ сразиться съ испанцами, но городъ былъ бы взятъ изморомъ, если-бъ его не спасъ догадливый цеховой плотникъ, бросившійся съ топоромъ въ море, проплывшій до шлюзовой плотины и прорубившій ее. Море хлынуло въ отверстіе, прямо на лагерь испанцевъ, осаждавшихъ сѣверныя ворота Брилля. Испанцы, затопляемые водою, побѣжали къ южнымъ воротамъ города, но тамъ ихъ встрѣтили со стѣнъ такимъ жаркимъ артиллерійскимъ огнемъ, что они отступили, а въ это время гезы на лодкахъ подплыли къ непріятельскимъ судамъ, подожгли ихъ, у другихъ перерѣзали якорные канаты. Отступающіе испанцы вдругъ увидѣли свои пылающіе корабли и поднимающееся надъ плотиною море

готовое поглотить ихъ. Въ ужасѣ они побѣжали по скользкой, уже затопляемой насыпи. Множество утонуло, а остальные кое-какъ добрались до уцѣлѣвшихъ судовъ.

Побѣда у Брилля имѣла громадное нравственное значеніе и произвела настоящій поворотъ въ отношеніяхъ населенія провинцій къ испанцамъ. Въ городъ Брилль вернулись бѣжавшіе патриціи и богачи, и баронъ Ла-Маркъ, собравъ горожанъ, привелъ ихъ къ присягѣ Оранскому, «какъ голландскому штатгальтеру его Величества короля испанскаго».

Надо отдать справедливость Альбѣ, онъ хорошо понималъ важность защиты береговой линіи и укрѣплялъ всѣ ея важнѣйшіе стратегическіе пункты. Уже многія работы были почти закончены по укрѣпленію острова Вальхерна въ Зеландіи и г. Флиссингена, гдѣ строилась даже большая цитадель. Ошибка была въ томъ, что испанскимъ гарнизонамъ, по обыкновенію, не смогли своевременно уплатить жалованья, и, чтобъ прокормиться, гарнизонъ разсыпался по окрестнымъ деревнямъ, на обычный грабежъ, чѣмъ воспользовались гезы и прогнали изъ г. Флиссингена еще остававшійся тамъ гарнизонъ, повѣсивъ главнаго инженера укрѣпленій.

Гезы въ Бриллѣ и Флиссингенѣ поддерживали другъ друга, обмѣниваясь снарядами и отрядами. Когда на помощь Флиссингену изъ Брилля отправили на лодкахъ отрядъ въ двѣсти человѣкъ, онъ казался какою-то пестрою процессіею ряженыхъ. Нѣкоторые солдаты были одѣты въ монашескіе хитоны и скуфьи, другіе въ рыцарскіе доспѣхи съ частями церковныхъ облаченій, богато затканыхъ шелкомъ и золотомъ. Обносившіеся въ плаваніяхъ гезы, не имѣя средствъ, замѣняли чѣмъ могли не достающее имъ платье. Современники разсказывали, какъ тихія воды лагунъ оглашались тогда то протестантскими гимнами, то грозными кликами мести испанцамъ.

Вскорѣ захваченъ былъ гезами, около острова Вальхерна, большой испанскій транспортъ—цѣлая флотилія съ аммуниціею и деньгами для уплаты жалованья испанскому войску.

Въ теченіе какихъ нибудь четырехъ мѣсяцевъ къ гезамъ-побѣдителямъ примкнуло двадцать пять большихъ голландскихъ, зеландскихъ и другихъ городовъ, не считая маленькихъ въ Оберисселѣ и Фрисляндіи.

Всюду магистраты, состоявшіе изъ испанскихъ приверженцевъ, замѣнялись протестантскими или же смѣшанными изъ католиковъ и протестантовъ, а населеніе городовъ готово было признавать испанскаго короля и принца Оранскаго штатгальтеромъ, подъ условіемъ сохраненія самоуправленія. Объявленная вѣротерпимость лишь однажды была нарушена — избили въ г. Горкумѣ монаховъ.

На югѣ братья Оранскаго съ французскими гугенотами вступили въ Геннегау, чтобъ захватить Монсъ, главный городъ этой провинціи, но этотъ городъ былъ неприступенъ за своими тройными рвами и тройными укрѣпленіями съ цитаделью. Только хитростью удалось взять его, и планъ захвата придумалъ тайный кальвинистъ Оливеръ, рисовальщикъ плановъ для Альбы, сумѣвшій такъ втереться въ довѣріе послѣдняго, что свободно разъѣзжалъ, видѣлся и переписывался съ Людовикомъ Нассаускимъ. Альба даже давалъ ему порученіе выслѣдить во Франціи агитацію гёзовъ и гугенотовъ.

Предпринимая захватъ Монса, Оливеръ съ двѣнадцатью товарищами переодѣлся виноторговцемъ и подъ вечеръ, передъ закрытіемъ городскихъ воротъ, ввезъ большой фургонъ съ винными бочками, наполненными оружіемъ для вооруженія гёзовъ въ Монсѣ. Тѣмъ временемъ Людовикъ Нассаускій со своими отрядами укрывался въ дремучихъ геннегауссскихъ лѣсахъ.

Оливеръ, поужинавъ въ городскомъ трактирѣ, разспросилъ хозяина, «рано ли утромъ открываютъ городскія ворота, ему надо до восхода провезти вино въ городъ». Трактирщикъ посовѣтывалъ дать на выпивку привратнику, тогда онъ охотно откроетъ ворота до четырехъ часовъ утра и впуститъ ихъ обратно въ городъ съ виномъ.

Таинственные виноторговцы на зарѣ дали привратнику на выпивку. Онъ ихъ выпустилъ, но, впуская обратно, едва успѣлъ снять засовъ и пріотворить ворота, какъ былъ заколотъ кинжаломъ, а въ ворота ворвалось полсотни драгунъ съ Людовикомъ Нассаускимъ. Они поскакали по улицамъ Монса, неистово крича: «Свобода! долой Альбу, долой десятипроцентный налогъ! Оранскій идетъ!»

Со своею обычною торопливостью Людовикъ Нассаускій чуть не испортилъ всего дѣла. Онъ такъ понесся изъ лѣса.

что оставилъ далеко позади остальные отряды, заблудившіеся въ незнакомомъ лѣсу. Поздненько замѣтивъ оплошность, Людовикъ отправился обратно разыскивать своихъ солдатъ и, найдя ихъ, велѣлъ каждому кавалеристу посадить за собою на сѣдло по пѣхотинцу.

Такъ и прискакали они къ Монсу, но къ своему ужасу, подъѣзжая, увидѣли, что затѣянное чуть ли не погублено. Въ городъ нельзя было попасть. Уже всѣ мосты были подняты, ворота заперлись, въ городѣ поднялась тревога, вслѣдствіе выкриковъ Людовика. Къ счастью, нашлись одни ворота, гдѣ замѣшкался привратникъ, споря съ французомъ изъ-за ружья, но мостъ у воротъ уже поднимался. Тутъ выручила рѣшимость смѣлаго гугенота-кавалериста, вскочившаго на своемъ легкомъ скакунѣ на поднимающійся мостъ. Своею тяжестью съ конемъ онъ заставилъ мостъ нѣсколько опуститься. Это ихъ выручило. Отряды вступили въ ворота, и скоро загудѣлъ вѣчевой колоколъ, собирая народъ на рыночную площадь, гдѣ Людовикъ Нассаускій объявилъ объ упраздненіи Альбы съ его десятипроцентнымъ налогомъ. Однако монскій магистратъ колебался, считать ли Альбу упраздненнымъ, но тутъ выручило мѣстное католическое духовенство, недовольное Альбою за отстраненіе отъ дѣлъ и суда надъ еретиками. Вліянію духовенства подчинился городской магистратъ.

Въ Монсѣ провозгласили свободу вѣроисповѣданій, и начались энергическія приготовленія къ оборонѣ. Жертвовались на это деньги и драгоцѣнности. Деньги собирались также въ видѣ займовъ у духовенства, дворянства, патриціевъ и гильдій. Шла подписка на золотую и серебряную посуду для переливки ея въ монету. Всюду находились средства, когда дѣло шло объ освобожденіи отъ испанцевъ: Альба, провѣдавъ, что золото откуда-то посыпалось въ Монсѣ, схватясь за голову, объявилъ, что «сойдетъ съ ума!».

Извѣстіе о побѣдѣ на югѣ встрѣтило сочувственный откликъ—въ Гельдеріи, Оберисселѣ, Утрехтѣ, въ Голландіи, Зеландіи и Фрисляндіи. Вездѣ на сѣверѣ населеніе освобождалось отъ испанцевъ. Изъ однихъ городовъ изгоняли ихъ, въ другихъ сражались съ ними быстро сформировавшіяся народныя ополченья. Въ освободившихся городахъ новые магистраты

присягали сопротивляться Альбѣ, десятипроцентному налогу, инквизиціи и защищать выборный судъ и вѣротерпимость. Вскорѣ потянулись обратно толпы эмигрантовъ изъ Англіи, Франціи и Германіи въ Голландію и Зеландію, сдѣлавшіяся главными боевыми пунктами.

Самый важный шагъ въ освободительномъ движеніи, которому лишь слѣдовали остальные города и провинціи, сдѣланъ былъ г. Дордрехтомъ, когда Альба, страшно нуждаясь въ деньгахъ, самъ предложилъ созывъ собранія генеральныхъ штатовъ въ г. Гагѣ. Альба питалъ надежду добиться денегъ отъ штатовъ. Штаты собрались въ іюлѣ 1572 г., да только не въ Гагѣ, какъ назначилъ Альба, а въ освободившемся г. Дордрехтѣ, гдѣ обсуждалась не выдача денегъ Альбѣ, а организація обороны противъ него. На этомъ собраніи отсутствующаго Оранскаго признали голландскимъ штатгальтеромъ. Его замѣщалъ на собраніи его другъ, графъ Альдегондъ, въ горячей рѣчи призывавшій «принять всѣ мѣры, чтобъ избавиться отъ хищныхъ испанскихъ волковъ».

Здѣсь также, какъ на югѣ, на организацію обороны щедро посыпалось золото отъ голландскихъ патриціевъ и купцовъ, и дордрехтское собраніе штатовъ постановило, что отнынѣ ни штатгальтеръ, ни штаты не должны заключать мира съ Филиппомъ II испанскимъ. Этимъ была положена основа будущей независимой республикѣ Семи Сѣверныхъ Соединенныхъ Провинцій.

О десятипроцентномъ налогѣ испанцы болѣе не говорили, но ходилъ слухъ, что Филиппъ его отмѣнилъ, не объявляя, «чтобъ не компрометтировать герцога Альбу». На самомъ дѣлѣ Филиппъ въ это время мало интересовался провинціями, поглощенный новою идеею искорененія еретичества въ Англіи. Планъ заключался въ убійствѣ протестантки Елизаветы, въ освобожденіи изъ ея плѣна шотландской католической Маріи Стюартъ и предоставленіи ей англійскаго трона. Вѣдь доказала Марія Стюартъ уже достаточно въ Шотландіи свою католическую рьяность многочисленными сожженіями еретиковъ.

Онъ отправилъ въ Англію кинжальщика, итальянца Ридольфи, но ему не удалось зарѣзать Елизаветы, которая приняла энергичныя мѣры. Возмущеніе было всеобщее. Англичане

всѣхъ вѣроисповѣданій, пуритане, протестанты англиканской церкви и католики страшно негодовали на Филиппа, и онъ уже не могъ болѣе разсчитывать на какую-либо помощь со стороны Англіи, въ то время, когда Оранскій опять вступилъ въ Нидерланды, съ новымъ двадцатипятитысячнымъ войскомъ. Набирая солдатъ въ Германіи, онъ просилъ штаты поручиться за уплату имъ жалованья. Въ Гельдернѣ онъ взялъ г. Рюремондъ, а затѣмъ появился въ Брабантѣ. Теперь многіе города гостепріимно открывали ему ворота.

Рѣшительно со всѣхъ сторонъ на Альбу надвигалась гроза. Съ юго-востока, изъ Германіи, Оранскій захватывалъ города, на сѣверѣ они сами освобождались и вооружались, на юго-западѣ французскіе отряды гугенотовъ съ Людовикомъ Нассаускимъ взяли Монсъ и Валенсьенъ, и все это совершилось до того быстро, что Альба просто не повѣрилъ первымъ вѣстямъ, но, когда онѣ подтвердились, онъ пришелъ въ такую ярость, что, забывъ торжественную чопорность испанскихъ грандовъ, яростно швырнулъ на полъ шляпу, украшенную перьями. Онъ торопливо снарядилъ своего побочнаго сына Донъ Фадриго Толедскаго, поручивъ ему осаду Монса.

ГЛАВА VII.

Разгаръ борьбы.

Скоро Альбѣ опять повезло, благодаря одному событію, отдавшему въ его руки южныя и часть сѣверныхъ провинцій. «Варооломеева ночь» во Франціи (1573 г.) была для кальвинистовъ страшнымъ громовымъ ударомъ. Карлъ IX французскій, внезапно поддавшійся внушеніямъ фанатички-матери, запуганный руководившими іезуитами, приказалъ уничтожить всѣхъ гугенотовъ въ теченіе ночи на св. Варооломея. Тогда въ Парижъ наѣхало множество гугенотовъ, приглашенныхъ королемъ на свадьбу его сестры. Этихъ вліятельныхъ гугенотовъ и остальныхъ кальвинистовъ во всей Франціи предательски перебили и перестрѣляли въ теченіе нѣсколькихъ дней. И вотъ, вмѣсто прежней покровительницы протестантовъ, союзницы въ борьбѣ съ испанцами за освобожденіе провинцій

Франція стояла за плечами Людовика Нассаускаго предательницею, страшнымъ по неожиданности врагомъ, избивавшимъ своихъ союзниковъ. Провинціямъ не откуда было ждать помощи. Первые успѣхи Оранскаго смѣнились неудачами.

Осаждавшій Монсъ, донъ Фадриго Толедскій предложилъ Людовику Нассаускому почетную капитуляцію, честнымъ словомъ офицера ручаясь, что никто изъ горожанъ Монса не пострадаетъ отъ испанцевъ. Людовикъ, безъ борьбы, сдался на капитуляцію, — больного его вынесли впереди выступающаго французскаго войска, а испанцы отдавали имъ всѣ подобающія военныя почести. Но когда Монсъ опять очутился въ испанскихъ рукахъ, то испанское честное слово оказалось «не имѣющимъ значенія относительно еретиковъ». Вдоль улицъ, рядами были поставлены висѣлицы, а на площадяхъ запылали великаны-костры, куда разомъ кидали по 30 человѣкъ. Всюду шарили испанцы въ поискахъ золота и драгоцѣнностей. То же повторилось въ г. Мехельнѣ — за то, что Мехельнъ гостепріимно отворялъ свои ворота Оранскому, городъ былъ отданъ въ теченіе трехъ дней на разграбленіе солдатамъ, вмѣсто уплаты жалованья (одинъ день въ пользу испанцевъ и два дня въ пользу валлонскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ въ испанскомъ войскѣ). Католики солдаты бросали на полъ въ церквахъ чаши съ причащеніемъ и раки съ мощами, если онѣ не были изъ драгоцѣннаго металла. Въ частныхъ домахъ грабежъ ихъ доходилъ до того, что они сбрасывали тяжко больныхъ съ постелей, разрывая матрацы въ поискахъ золота. Спасшійся изъ Монса племянникъ Гранволлы могъ только сказать: «разсказалъ бы я вамъ, что тамъ было... да вспоминать страшно, чувствую, какъ волосы дыбомъ встаютъ!..» Епископы намюрскій и аррасскій за громадную сумму откупили свою жизнь.

Широкую кровавую полосу оставляли за собою испанцы, отъ Монса, черезъ Мехельнъ, Гельдернъ, въ Голландію, куда Альба затѣмъ направилъ донъ Фадриго, получившаго похвальное письмо отъ Филиппа, а отъ отца благословеніе съ наказомъ: «не единаго человѣка не оставлять тамъ живымъ. Взятые города сжигать до тла, въ примѣръ остальнымъ». Въ г. Цутфенѣ это было буквально исполнено. Тутъ утомившіеся рубить головы палачи топили жителей сотнями въ Ис-

селѣ, связывая ихъ спинами попарно, а городъ былъ подожженъ. Никто изъ сосѣдей не рѣшался приблизиться къ этому несчастному городу: «Издали неслся вопль ужасной агоніи великаго избіенія», послѣдовавшаго послѣ ничтожнаго протеста во время вступленія испанцевъ. Зато городъ Наарденъ поторопился тотчасъ сдать городскіе ключи и оружіе, на честное слово испанцевъ не обижать горожанъ. Сдавая оружіе, какой-то пьяница горожанинъ, ни съ того ни съ сего, выстрѣлилъ. Испанцы воспользовались и объявили «о необходимости всеобщаго обсужденія этого случая». Они созвали горожанъ въ самый большой соборъ и тутъ, въ тѣснотѣ кололи шпагами и кинжалами безоружныхъ горожанъ: подожгли соборъ и городъ со всѣхъ концовъ, выгоняя огнемъ запрятавшихся въ разныхъ тайничкахъ и рубя ихъ при появленіи. Разсказывалось, что испанцы устраивали игру, перебрасывая съ копья на копье маленькихъ дѣтей: вѣдь дѣти еретиковъ считались испанцами хуже щенковъ.

Сопротивлявшихся взрослыхъ живьемъ потрошили, и такъ какъ у испанцевъ существовало старое повѣрье, что сила человѣка передается черезъ его живую кровь, то съ этою цѣлью перерѣзывались артеріи, и буквально пилась живая кровь, а на глазахъ умирающихъ насиловали женъ и дочерей. Бѣжавшихъ въ поля, покрытыя снѣгомъ, раздѣвали и вѣшали на деревьяхъ за ноги, пока не замерзнутъ. Другимъ поджаривали подошвы, вымаливая деньги.

Наконецъ ушли испанскіе солдаты изъ Наардена. Въ опустѣвшемъ городѣ изъ глубокихъ подваловъ начали вылѣзать запрятавшіеся люди. Имъ приходилось ступать по цѣлымъ грудамъ труповъ. Альба хвастался въ письмѣ къ Филиппу: «Въ Наарденѣ мы не оставили живымъ никого рожденнаго женщиною!»

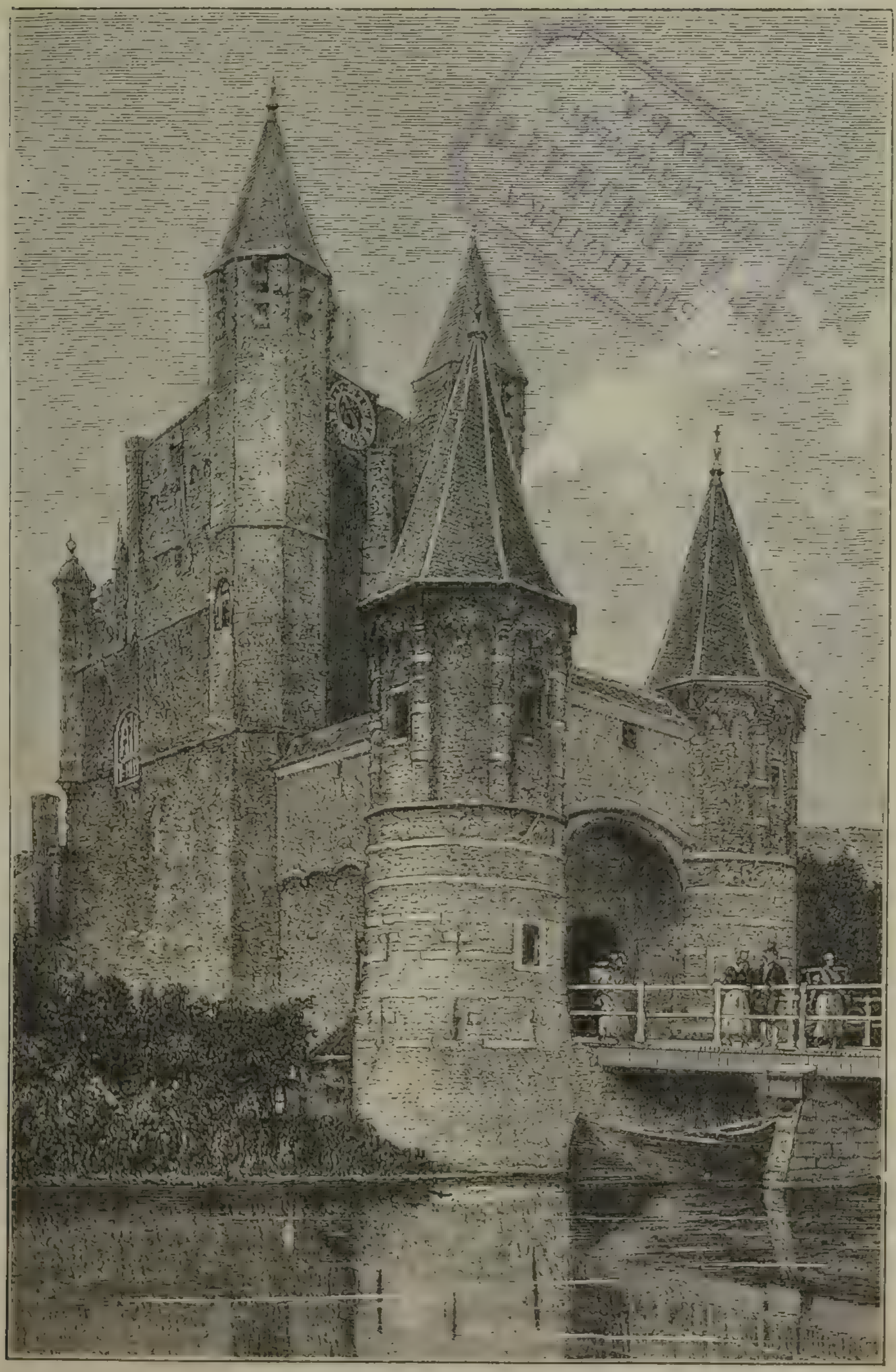
Въ морскихъ стычкахъ голландцы одерживали верхъ, и какую находчивость проявляли моряки и рыбаки—показываетъ случай, когда эйкхюзенскія суда внезапно заморозило въ заливѣ Зюдерь-Зе. Живши въ Амстердамѣ Альба поспѣшилъ этимъ воспользоваться и выслалъ по льду отрядъ для захвата судовъ, обреченныхъ на неподвижность во льду. Но и голландскій экипажъ не дремалъ, а какъ только случилась бѣда, тотчасъ

прорубилъ ледъ вокругъ судовъ, образовавъ траншеи и обезпечивъ недоступность судовъ для испанской пѣхоты. Голландскіе стрѣлки на конькахъ спустились на ледъ для встрѣчи испанцевъ. Они ловко отстрѣливались и увертывались отъ несравненно большаго числа испанцевъ, еле двигавшихся по льду въ обыкновенной обуви. Тутъ любимый голландскій спортъ сослужилъ хорошую службу. Перестрѣлявъ и прогнавъ испанцевъ, голландцы съ наступившею днемъ оттепелью уплыли къ Энкхюзену, а къ вечеру вновь заморозило заливъ, такъ что испанцамъ не удалось погнаться за ними. Да испанцы избѣгали морскихъ битвъ, въ которыхъ голландцы всегда имѣли перевѣсъ. Успѣхъ битвы на конькахъ заставилъ Альбу тотчасъ заказать десять тысячъ паръ коньковъ для своихъ солдатъ, впослѣдствіи очень успѣшно пользовавшихся ими.

Донъ-Фадриго, подготовляя осаду Гарлема, собиралъ подъ его стѣнами 30-тысячное войско, а Гарлемъ располагалъ лишь 4.000 милиціею. И какъ всегда, небрежное управленіе сонныхъ патриціевъ магистрата привело къ недостатку въ провіантѣ для продолжительной осады, да и гарлемскія укрѣпленія оказались въ неисправности. Зато остальное населеніе Гарлема энергично готовилось къ сопротивленію и, спѣша возмѣстить ошибки патриціевъ, поголовно работало въ траншеяхъ и фортификаціяхъ. Только продажные патриціи городского магистрата отправились въ Амстердамъ, торговаться съ испанцами о болѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ сдачи города. Но возвращеніи въ Гарлемъ, они нашли власть уже въ другихъ рукахъ, а ихъ, какъ измѣнниковъ, отправили для суда къ Оранскому въ Дельфтъ. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить.

На счастье гарлемцевъ, озеро было окутано густѣйшимъ туманомъ, такъ что подъ его пеленою сотни конькобѣжцевъ, съ санками и безъ санокъ, безпрепятственно проносились мимо испанскаго караула, доставляя провіантъ, амуницію, почту.

Альба не сомнѣвался въ томъ, что горожане Гарлема не замедлятъ сдать его сыну ключи отъ городскихъ воротъ. Вѣдь испанская расправа съ другими городами была достаточно поучительна для Гарлема. Къ его удивленію, гарлемцы дерзко отказались выдать ключи и оружіе. Испанцамъ пришлось идти на приступъ, и по приставленнымъ лѣстницамъ они лѣзли на



Гарлемъ. Городскія ворота. *Къ стр. 195-й.*

стѣны укрѣпленій, осыпаемые градомъ пуль, камней, потокомъ горючихъ веществъ, горящими углями, смолою, кипяткомъ, кипящимъ масломъ, расплавленнымъ свинцомъ, негашеною известью. Особенно несносны были осмоленные и зажженные обручи, ловко набрасываемые на шеи испанцевъ. Они обжигались, вынутываясь изъ нихъ, въ это время ихъ кололи копьями, рубили мечами, и они, срываясь съ лѣстницъ, падали въ глубокіе рвы съ водою.

Въ Гарлемѣ сформировался даже отрядъ женщинъ (знамя ихъ до сихъ поръ хранится въ гарлемскомъ музеѣ). Этотъ отрядъ женщинъ напоминалъ боевыхъ древнихъ германокъ, фризскаго и батавскаго племени, въ этихъ-же мѣстностяхъ боровшихся съ римскими солдатами. Гарлемскій отрядъ женщинъ въ 300 человѣкъ, подъ предводительствомъ вдовы Кенау Гасселяеръ, вносилъ бодрость въ разстраивающіеся ряды мужчинъ, а при штурмѣ Гарлема всѣ женщины, жены и сестры выхватывали оружіе изъ слабѣющихъ рукъ падающихъ въ битвѣ, продолжая смертный бой. Старики и подростки помогали кто чѣмъ могъ, подвозя мѣшки съ пескомъ, съ шерстью, камни, глину, даже разбитыя статуи изъ католическихъ церквей, которыми заваливались бреши. Среди свиста пуль дѣти безбоязненно разносили патроны своимъ отцамъ и братьямъ. Но испанцы все тѣснѣе и тѣснѣе окружали Гарлемъ. На помощь Гарлему Оранскій выслалъ изъ Лейдена 1000 солдатъ, но они не дошли до Гарлема, ихъ предалъ голландскій крестьянинъ, а другое ополченье изъ Зесенгейма заблудилось въ болотахъ, среди тумана. Испанцамъ удалось перестрѣлять этихъ ополченцевъ, и въ насмѣшку испанцы перекинули въ Гарлемъ черезъ стѣну отрубленную голову голландскаго офицера съ запиской: «голова одного изъ храбрыхъ голландскихъ офицеровъ, поспѣшающая на помощь Гарлему!» Гарлемцы не остались въ долгу и выкинули въ испанскій лагерь бочку съ одиннадцатью головами плѣнныхъ испанцевъ съ надписью: «Десять головъ для Альбы въ уплату десятипроцентнаго налога и еще одна голова, въ видѣ процента на процентъ!» Почтовые голуби приносили обнадеживанья Оранскаго, но его помощь не была велика, хотя къ концу января удалось среди тумана переправить нѣсколько провіанта, да и то въ моментъ, когда испанцы

отвлечены были захватомъ одного изъ гарлемскихъ бастіоновъ и собирались закричать: «Victoria!», овладѣвъ бастіономъ, покинутымъ голландцами, но раздался взрывъ, испанцы взлетѣли на воздухъ, а передъ ними оказалось совершенно новое серповидное гарлемское укрѣпленіе.

Такъ гарлемцы защищались, накатывая пушки ужъ изъ послѣднихъ силъ, въ надеждѣ на помощь отъ Оранскаго, но они очень слабѣли и голодали. Въ испанскомъ лагерѣ было не лучше, тамъ солдаты мерли отъ холода и болѣзней больше, чѣмъ отъ ранъ. Совсѣмъ упавъ духомъ, донъ Фадриго посылалъ гонцовъ къ отцу, моля о разрѣшеніи снять осаду, на это Альба отвѣтилъ, что: «не признаетъ его сыномъ, если онъ не возьметъ Гарлема». Донъ Фадриго былъ побочнымъ сыномъ Альбы.

Настала оттепель, гарлемцы старались удержать за собою сообщеніе съ моремъ, гдѣ крейсировали суда гёзовъ. Измученные гарлемцы еще дѣлали вылазки, то увозя испанскую пушку, то фургонъ. Когда же испанцы перехватили около сотни судовъ съ хлѣбомъ, полнѣйшее отчаяніе овладѣло населеніемъ. Отъ изнуренія и болѣзней люди падали на улицахъ, какъ подкошенные. Трупы валялись не убранными. Въ іюлѣ они рѣшились на переговоры съ испанцами, но донъ Фадриго не пожелалъ слышать о переговорахъ, требуя безусловной сдачи. Тогда гарлемцы отправили почтоваго голубя къ Оранскому. Это письмо написано было кровью, какъ символъ приближающейся кровавой развязки, и въ Гарлемѣ подняли траурный флагъ на самой высокой башнѣ.

Голубь принесъ отвѣтъ Оранскаго: «Продержитесь еще два дня, помощь идетъ, она близка!» и дѣйствительно изъ Роттердама, Дельфта и Гауды выступило ополченье выручать Гарлемъ. Но слѣдующаго голубя, который несъ вѣсть о приближеніи помощи, испанцы подстрѣлили, перехватили посланіе, а сигнальные костры приближавшихся къ Гарлему друзей испанцы сдѣлали невидимыми для гарлемцевъ, напустивъ въ окрестностяхъ тучи торфянаго дыма, застилавшаго пламя сигнальныхъ костровъ. Несчастные гарлемцы не подозрѣвали, что дружеская помощь такъ близка, что прибывшее голландское войско уже дерется съ испанцами подъ стѣнами

Гарлема, что испанцы повернули тылъ къ Гарлему, и что такъ легко было бы горожанамъ напасть на этотъ тылъ и сообща разбить врага. Обо всемъ узнали они, когда было разбито союзное ополченье, узнали изъ пасмѣшекъ испанцевъ. Отчаяніе было такъ безпредѣльно, что даже испанцы испугались, какъ бы горожане съ горя не устроили самосожженія, т. е. не сожгли бы съ собою своихъ драгоцѣнностей. Поэтому донъ Фадриго объявилъ, что онъ, пожалуй, помилуетъ Гарлемъ, если городъ тотчасъ сдастся.

Похоронный звонъ всѣхъ колоколовъ гарлемскихъ церквей въ 1572 году оповѣстилъ объ окончаніи семимѣсячнаго сопротивленія и сдачѣ Гарлема, патриціи особенно о томъ хлопотали.

Прежде всего испанцы потребовали отъ офицеровъ выдачи оружія, но многіе гарлемскіе офицеры, понявъ, что это начало расправы съ ними, закололись сами своими шпагами. Дѣйствительно, расправа съ милиціонерами была такъ основательна, что палачи, выбившись изъ силъ, начали обычное потопленіе связанныхъ попарно. Не мало заключенныхъ было словно забыто испанцами въ тюрьмахъ, гдѣ гарлемскіе милиціонеры умерли съ голоду. Городъ выплатилъ контрибуцію, откупясь отъ грабежа.

При осадѣ Гарлема испанцы лишились 12 тысячъ солдатъ, а между тѣмъ Гарлемъ не былъ однимъ изъ сильныхъ городовъ. Испанское правительство призадумалось, хватитъ-ли войска на осаду другихъ городовъ, если и они начнутъ защищаться, какъ Гарлемъ.

Освобожденію Голландіи помогъ бунтъ испанскихъ солдатъ, не получавшихъ жалованья болѣе года. Мятежные солдаты даже подослали Оранскому депутацію, переодѣтую купцами, съ предложеніемъ передачи Гарлема за нѣсколько сотъ тысячъ флориновъ. Оранскій обѣщалъ имъ принять предложеніе, если онъ соберетъ требуемую сумму. Но Альба поспѣшилъ уплатить жалованье и этимъ успокоилъ солдатъ.

Совершенная несостоятельность испанцевъ въ борьбѣ съ Голландіей сказалась при осадѣ г. Алькмара, хотя они окружили его тѣснымъ желѣзнымъ кольцомъ, «чтобъ и воробей не смогъ влетѣть туда на помощь!» Осаждающихъ испанцевъ было

въ восемь разъ больше, чѣмъ жителей Алькмара. способныхъ носить оружіе. Альба, раздраженный сопротивленіемъ Гарлема, писалъ Филиппу: «Когда возьму Алькмаръ, всажу ножъ въ каждое горло!»

Алькмаръ, всегда отличавшійся боевыми элементами, если припомнить его борьбу съ Максиміліаномъ и позже—съ бургундцами, вооружился весь, отъ мала до велика. И вотъ, начался испанскій штурмъ укрѣпленій и обычная защита ихъ. Только здѣсь поливка и посыпка со стѣнъ производились такъ горячо, а длинныя, осмоленныя и зажженныя метлы алькмарцевъ такъ энергично сбрасывали испанцевъ съ приставленныхъ лѣстницъ, что обожженные, обваренные, заколотые, путаясь въ горящихъ обручахъ на шеяхъ, они сотнями летѣли во рвы. Пять разъ яростно аттаковали испанцы и пять разъ трубили отступленіе, оставивъ тысячу мертвыхъ и раненыхъ въ алькмарскихъ рвахъ. На слѣдующій день испанское начальство напрасно трубило на приступъ — солдаты отказались идти, объявивъ, что они готовы драться съ людьми, но не съ дьяволомъ и его ратью, а тутъ несомнѣнно бѣсовское наважденіе. Суевѣрнымъ испанскимъ солдатамъ казалось сверхъестественнымъ, что горсть какихъ-то алькмарскихъ рыбаковъ смогла бы, безъ соучастія дьявола, опрокидывать такихъ дисциплинированныхъ, всюду непобѣдимыхъ испанцевъ, какими они считались во всей Европѣ. Легче было имъ допустить таинственное общеніе и покровительство алькмарскимъ протестантамъ изъ нѣдръ самого ада. Солдаты говорили: «пусть лучше испанское начальство приколетъ насъ испанскими шпагами—это почетнѣе, чѣмъ отправлять насъ на гибель къ алькмарскому сатанѣ».

Ко всему этому, Оранскій распорядился открытіемъ шлюзовъ, поломкою плотинъ, чтобъ напустить море на испанцевъ. Только окрестные голландскіе крестьяне воспротивились, ихъ неубранная жатва была бы смыта наводненіемъ. Даже пришлось разставлять стражу, чтобъ крестьяне не починяли плотинъ и не закрывали шлюзовъ, когда понадобится спасать Алькмаръ. Конечно, только въ крайности рѣшили прибѣгнуть къ наводненію, и объ этой крайности алькмарцы должны были увѣдомить сигнальными кострами на городской стѣнѣ. Испанцы, перехвативъ вѣсть, узнали, что имъ предстоитъ купанье въ морѣ, и, благо-

разумно разсудивъ, что честь испанскаго оружія вовсе не требуетъ отъ нихъ борьбы съ морской стихіей, отступили.

«Съ Алькмара начинается наша побѣда!» — говорятъ голландцы.

Въ морскихъ битвахъ, на своихъ легкихъ судахъ, голландцы брали на абордажъ и топили неуклюжія испанскія суда. Эти военныя неудачи Альбы и крушеніе финансовыхъ предпріятій, вызвавъ неудовольствіе короля, заставили Альбу повторить прошеніе о дозволеніи возвратиться въ теплые края, но болѣзни. Въ его присутствіи явился въ провинціи новый правитель Н-Кунига Рекезенсъ, рѣшившійся продолжать политику Альбы, но, какъ человѣкъ болѣе хитрый, онъ сталъ дѣйствовать не такъ грубо, даже убѣждалъ Филиппа, что смуты въ провинціяхъ поддерживаются не столько религіозными вопросами, сколько налогами и постоями испанскаго войска. Солдатамъ Альба задолжалъ нѣсколько милліоновъ гульденовъ.

Альба передъ самымъ выѣздомъ назначилъ поставщикамъ день уплаты своихъ и испанскихъ государственныхъ долговъ, но вмѣсто уплаты тайкомъ выѣхалъ наканунѣ со своею свитой, пустивъ по-міру кредиторовъ, а по дорогѣ въ Испанію Альба хвастался ревностнымъ уничтоженіемъ десятковъ тысячъ зловредившихъ еретиковъ, перечисляя защипанныхъ на смерть каленными щипцами и живьемъ содранныя кожи, натянутыя на барабаны, служившіе при казняхъ и т. д.

Вступивши въ управленіе провинціями Рекезенсъ прежде всего снялъ съ вершины антверпенской цитадели колоссальную статую Альбы, и вскорѣ имъ предпринята была знаменитая осада Лейдена, временно снятая, когда испанцамъ пришлось стянуть свои войска на югъ, при появленіи новаго французскаго войска съ братьями Нассаускими, которое и было разбито испанцами у Нимвегена. Тутъ полегли оба брата Вильгельма Оранскаго.

Послѣ этого испанцы опять осадили г. Лейденъ. Безпечные лейденцы вовсе не готовились выдерживать осаду, такъ они были увѣрены, что французы уничтожатъ все испанское войско. Лейденъ далеко отстоялъ отъ моря, и трудно было залить водою испанцевъ, которые теперь очень бдительно сторожили ближайшія плотины. При помощи голубиной почты Оранскій предложилъ горожанамъ проломить отдаленныя плотины на

рѣкахъ Маасѣ, Рейнѣ, Исселѣ, и лейденцы увѣдомили его, что они обезпечиваютъ расходы предпріятія пролома плотинъ всѣмъ своимъ состояніемъ. Плотины проломили въ десяткахъ мѣстъ, но наводненіе было мѣстнымъ и отдаленнымъ.

Вдругъ подулъ сильный морской вѣтеръ, морскіе валы напирая на устье Мааса подняли рѣчную воду, и она выступила изъ береговъ. Голландскій флотъ двинулся, но скоро опять остановился изъ-за мелководья, хотя суда были спеціально приспособленныя—плоскодонныя.

Море не поднимало сильной бури, чтобъ спасти Лейденъ.

Тифъ и голодъ уже свирѣпствовали въ Лейденѣ. Этимъ критическимъ положеніемъ пытались воспользоваться испанскіе приверженцы—патриціи-паписты, подстрекая народъ требовать отъ магистрата сдачи города испанцамъ.

Въ Лейденѣ съѣдены были всѣ крысы и всѣ кошки, оставались листья да трава, а непріятель становился щедръ на помилованіе, если только лейденцы немедленно сдадутъ ключи отъ городскихъ воротъ. Толпа горожанъ окружила бургомистра и грозно требовала передачи ключей испанцамъ. Бургомистру кричали: «вѣдь они все равно всѣ тутъ передохнутъ съ голода и отъ болѣзней, между тѣмъ испанцы сулятъ помиловать!»

Бургомистръ Ванъ-деръ-Верфъ махнулъ широкополой шляпой, чтобъ дали ему вставить слово. «Друзья мои» — сказалъ онъ—«вы хотите нарушить свою клятву не сдаваться испанцамъ! Ну, это ужъ ваше дѣло, но я-то не хочу нарушать свою присягу!.. Умирать когда-нибудь придется—поэтому вотъ вамъ мой мечъ, скорѣе вонзайте его въ мою грудь!.. Если голодны, подѣлите мое мясо и ѣшьте... Пока я живъ, я не выпущу изъ рукъ ключей отъ городскихъ воротъ для передачи ихъ испанцамъ!»

Настроеніе Ванъ-деръ-Верфа передалось толпѣ. Она подялась на городскую стѣну и закричала испанцамъ: «Называемые вами крысоѣды клянутся, что отгрызутъ себѣ лѣвую руку, чтобъ правою не впускать васъ въ Лейденъ!..» Испанцы снизу насмѣшливо имъ отвѣчали: «Вашему принцу Оранскому легче теперь звѣзды сорвать съ неба, чѣмъ привести море къ вашимъ услугамъ!..»

Надо сказать, что лейденскій бургомистръ Ванъ-деръ-Верфъ еще при Альбѣ числился въ спискахъ вреднымъ человѣкомъ и былъ обреченъ на казнь. Все растущія страданія и смертность голодающаго населенія Лейдена заставили его на засѣданіи магистрата 6 сентября склониться къ уступкамъ испанцамъ. Только на эту рѣчь съ благороднѣйшимъ гнѣвомъ отвѣтилъ другой членъ магистрата, Ванъ-Гутъ, напоминая о судьбѣ другихъ городовъ Наардена, Гарлема, Цутфена и Мехельна, какъ живыхъ примѣрахъ, насколько можно довѣрять обѣщаніямъ и честному слову испанцевъ, не считавшихъ честное слово обязательнымъ относительно протестантовъ.

Чтобъ только успокоить толпу и выиграть время, отправили почтовыхъ голубей къ Оранскому и штатамъ съ запросомъ о разрѣшеніи Лейдена отъ присяги. Но отвѣта не послѣдовало, а 15 сентября въ ратушу ворвалась толпа испанскихъ приверженцевъ-папистовъ съ угрозами и требованіями «немедленной сдачи Лейдена, такъ какъ народъ при издыханіи». Но они еще разъ были обезоружены присутствіемъ духа и желѣзною непоколебимостью членовъ магистрата Ванъ-Гута и Ванъ-Деза.

Наконецъ, въ ночь на 29 сентября разыгралась настоящая буря, наводненіе сдѣлалось огромнымъ, а когда вѣтеръ внезапно повернулъ на югъ, то погналъ всю массу выступившей воды прямо на Лейденъ. Тутъ поднялись и вздулись паруса на голландскихъ корабляхъ, и ночью на 2 октября они понеслись къ Лейдену. На Рейнѣ ихъ окликнули съ испанскаго флота, но пушечный залпъ былъ отвѣтомъ съ голландскихъ кораблей. Завязалась битва, окончившаяся потопленіемъ испанскихъ судовъ. Голландская флотилія безпрепятственно поплыла дальше, но впереди былъ еще сильный фортъ въ испанскихъ рукахъ, а около него высилась такая большая плотина, что вода сюда почти не приливала.

Съ голландскаго флота ночью отправили почтоваго голубя въ Лейденъ. Онъ не вернулся, и на корабляхъ подумали, что Лейденъ, видно, не выдержалъ и сдался испанцамъ, но голубь просто заблудился среди наводненія. Въ ужасной тревогѣ проходила эта ночь, всѣ чувствовали себя между жизнью и смертью. Въ полночь раздался какой-то грохотъ, послѣ чего на водѣ

появились видѣнія съ рядами огней. Таинственныя видѣнія были просто испанцы, подъ покровомъ ночи выбиравшіеся изъ форта по узкой полузатопленной дамбѣ, освѣщая себѣ путь фонарями. Они покидали фортъ, вообразивъ, что раздавшійся грохотъ идетъ отъ прорвавшагося черезъ послѣднюю плотину голландскаго флота. Между тѣмъ загрохотала обваливпаяся лейденская стѣна.

Страшная ночь пришла къ концу, а на утренней зарѣ лейденцы увидѣли на верхушкѣ форта машущаго шляпою мальчика, голландскаго пастуха, указывающаго, что фортъ совершенно пустъ. Не понадобилось ломать послѣдней большой плотины, и голландскія суда поплыли по рѣкѣ къ Лейдену, какъ только завидѣли утромъ, 3 октября, все еще вьющіеся голубые флаги Голландіи на лейденскихъ башняхъ.

Измученное населеніе Лейдена, еле держась на ногахъ, встрѣчало въ гавани своихъ избавителей. Исхудалые, дрожащіе отъ голода люди подхватывали хлѣбы, спѣшно выбрасываемые съ кораблей.

На слѣдующій день подулъ противоположный вѣтеръ, и прихлынувшія наканунѣ волны покатились обратно въ свое русло. Сейчасъ же началась починка проломленныхъ плотинъ.

Въ томъ же 1574 году въ память событія основанъ былъ Лейденскій университетъ на доходы съ католическаго аббатства и небольшого налога съ горожанъ. Оранскій увѣковѣчилъ слѣдующую надпись на хартіи открытія: «Университетъ основанъ Филиппомъ, графомъ голландскимъ». А когда Рекезенсъ пытался идти на примиреніе, присылая прощеніе папы и короля, Оранскій уклонился, заявивъ, что «не понимаетъ присылаемаго ему прощенія, не чувствуя за собою никакой вины».

Безконечно тянулъ Рекезенсъ переговоры въ г. Бредѣ съ широковѣщательными обѣщаніями вывести испанское войско и разрѣшить собраніе генеральныхъ штатовъ, но лишь на прежнемъ условіи недопущенія иной религіи, кромѣ католической. Это требовалось въ то время, когда на башняхъ сѣверныхъ городовъ развѣвался оранжево-бѣло-голубой флагъ кальвиниста Оранскаго.

Розни и соперничество провинцій мѣшали энергіи въ веденіи борьбы съ испанцами. Рекезенсу удался захватъ (1575 г.)

важнаго стратегическаго пункта на островѣ Шувенѣ, и тутъ сказалась удивительная дисциплина испанскихъ солдатъ, почти по шею въ водѣ переходившихъ узкій, опасный бродъ въ лагунѣ, пользуясь морскимъ отливомъ. Многіе изъ нихъ сорвались и погибли въ глубинѣ. Они шли ночью и неожиданно были окружены зеландскими судами. Испанцы энергически защищались копьями, падали, но все-таки большинство добралось, и сомкнутыми рядами они захватили островъ Шувенъ, хотя испанскій арьергардъ и былъ сметенъ наступившимъ морскимъ приливомъ.

Большія пререканія вызвалъ вопросъ, къ кому обратиться за покровительствомъ и защитой отъ испанцевъ: штаты однихъ провинцій настаивали на обращеніи къ Англіи, другіе считали болѣе выгоднымъ покровительство французскаго короля, и не мало опасеній возбуждало все ростущее верховенство принца Оранскаго, который съ дордрехтскаго сейма только все усиливался. У Оранскаго было три голоса, а у дворянъ и большихъ городовъ Голландіи—одинъ голосъ. Это распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

1 голосъ у принца Вильгельма Оранскаго.

1 голосъ у Бомельскихъ городовъ и у города Бюрена (городъ Бюренъ былъ столицею графства сына принца Оранскаго).

1 голосъ у маленькихъ городовъ провинціи Голландіи, подвластныхъ принцу В. Оранскому.

1 голосъ у дворянъ и большихъ городовъ.

1 голосъ у зеландскихъ провинціальныхъ штатовъ.

Голландскіе штаты назначали «совѣтъ или комитетъ» подъ предлогомъ помощи Оранскому, т. е. его штатгальтерскому управленію, урѣзывая этимъ его единовластіе, но, когда Оранскій начиналъ протестовать, его полномочія опять расширялись. Не встрѣчало сочувствія его тяготѣніе къ Франціи. Тогда онъ женился на бурбонской принцессѣ (бывшей монахинѣ), и этотъ бракъ возбуждалъ опасенія, что Оранскій еще болѣе усилится съ помощью французовъ. Съ Варѳоломеевой ночи кальвинисты не довѣряли Карлу IX, французскому, предпочитая союзничество съ Елизаветою англійскою, но она боялась открытой вражды съ Филиппомъ испанскимъ.

Рекозенсъ, затягивавшій переговоры, разсчитывая вызвать ссоры между штатами провинцій, къ своему ужасу встрѣтилъ даже въ католическихъ провинціяхъ проявленіе непокорности. отказъ въ уплатѣ денегъ и требованіе сначала избавить населеніе отъ постоя испанскихъ солдатъ. Филиппъ, не признавая совершающагося. повторялъ все прежнія слова. какъ заученный урокъ, но ему возражали очень дерзко о томъ, что не слѣдуетъ оставаться глухимъ къ воззваніямъ изъ провинцій. Въ то же время страхъ отъ испанскаго нашествія преобладалъ надъ страхомъ захвата власти Оранскимъ. и на собраніи штатовъ въ Дельфтѣ Оранскаго просили «продолжать свое благословенное. управленіе», т. е. завѣдывать государственными имуществами. войскомъ и флотомъ. Остальныя дѣла, какъ и установленіе налоговъ, находились въ вѣдѣніи провинціальныхъ штатовъ. Взявъ бразды правленія сухопутными и морскими силами, Оранскій потребовалъ ежемѣсячно 15.000 флориновъ на военные расходы. Тутъ расчетливые патриціи городовъ горячо запротестовали, но Оранскій рѣзко назвалъ это «скаредничествомъ», и имъ пришлось смириться и утвердить требуемую имъ сумму. Они помирились и съ его планомъ наступательной, а не оборонительной войны. Предварительно вопросъ о войнѣ долженъ былъ обсуждаться въ спеціальной коммиссіи изъ 10 членовъ, но всѣ члены этой коммиссіи оказались приверженцами Оранскаго. поэтому партія войны одержала верхъ. Въ то же время у испанцевъ въ провинціяхъ не было никакихъ денежныхъ ресурсовъ, самъ Рекезенсъ признавался, что онъ не знаетъ, что будетъ ѣсть, и въ томъ, что онъ «перелилъ свою серебряную посуду въ монету». Тщетно германскій императоръ пытался убѣдить своего племянника Филиппа установить сколько-нибудь мирныя отношенія къ провинціямъ.

Филиппъ былъ непоколебимъ, а его испанскіе уполномоченные по нидерландскимъ дѣламъ своими запросами штатамъ доказывали полнѣйшее отсутствіе какого-либо пониманія совершающагося. Такъ. напримѣръ. изъ Испаніи является запросъ генеральнымъ штатамъ: «На что жалуются штаты?» Штаты отвѣчаютъ: «Жалуемся на насилія иностраннаго войска и желаемъ его удаленія, а также разрѣшенія созыва собраній генеральныхъ штатовъ». За этимъ слѣдовалъ новый вопросъ:

«Что такое подразумѣваютъ штаты подъ словами иностранное войско». Отвѣтъ: «Иностранцами обыкновенно называются всѣ не мѣстные уроженцы, особенно же испанцы, а генеральными штатами зовется то собраніе сословій, созывать и охранять права котораго присягали Филиппъ II испанскій и отецъ его Карлъ V». Послѣ чего изъ Испаніи, словно въ извѣстной сказкѣ «про бѣлаго бычка», повторялись все одни и тѣ-же требованія: «сдачи городовъ, крѣпостей, флота, войска и немедленнаго выѣзда еретиковъ съ признаніемъ единой католической церкви. На это Оранскій и штаты колко отвѣчали: «Испанское требованіе очень схоже съ требованіемъ волковъ въ баснѣ, тоже желавшихъ, чтобы овцы выдали имъ собакъ. Не такъ же ли безразсудно ожидать, чтобы штаты передали Испаніи защиту своей страны и религіи». Пускаясь на хитрости, испанцы обѣщали вывести свое войско и допустить собранія штатовъ, подъ условіемъ выселенія за границу всѣхъ протестантовъ. На это имъ возразили: «что въ протестантской странѣ некому будетъ засѣдать въ собраніяхъ штатовъ, если выселять ея населеніе». Даже Рекезенсъ рапортовалъ Филиппу, что «придется рѣшительно все разрѣшить, чтобъ только удержать за собою провинціи».

Долго подобное положеніе не могло бы продолжаться, но провинціи выручилъ бунтъ испанскаго войска, въ 1575 г., и внезапная смерть Рекезенса. Филиппъ, вмѣсто энергическихъ мѣръ, медлилъ, размышляя, кого бы отправить правителемъ-главнокомандующимъ войска въ провинціи. и предоставлялъ ихъ самимъ себѣ въ разгарѣ полнаго возмущенія такъ же, какъ и бунтующихъ испанскихъ солдатъ.

Положеніе солдатъ тѣхъ временъ было далеко не легкимъ. На свое жалованье они должны были не только кормиться, обмундировываться, но даже нерѣдко покупать снаряды и фуражъ. Въ провинціяхъ, лишенные всего, даже главнокомандующаго, они сами распорядились выборомъ начальства и, устранивъ второстепенныхъ начальниковъ, избрали командира (Eletto) и военный совѣтъ. Въ теченіе бунта у нихъ соблюдалась своеобразная дисциплина. За ослушаніе выборнаго командира наказывали смертною казнью. Сверженный Eletto подвергался той же участи.

Бунтующіе солдаты, совершенно разграбивъ островъ Шувень въ Зеландіи, двинулись къ Брюсселю. Къ нимъ навстрѣчу вышло испанское начальство. На увѣщанія и напоминанія о величіи, славѣ и чести испанскаго оружія, солдаты насмѣшливо отвѣтили: «вѣдь одною славою не набьешь ни желудка, ни кармана, славы у нихъ такъ много, что пока и не требуется, а вотъ пищи и денегъ совсѣмъ нѣтъ, и если начальство не въ состояніи уплатить имъ давно задерживаемаго жалованья, то пусть же хоть предоставитъ вмѣсто уплаты какой-нибудь городъ на разграбленіе, какъ это дѣлалось прежде». Не получая отвѣта, солдаты опять сами распорядились и, минуя Брабантъ, захватили во Фландріи г. Алостъ, укрѣпились въ немъ, вырѣзавъ всѣхъ сопротивляющихся. Они обложили контрибуціями сто приходовъ г. Алоста съ его округомъ.

Центромъ офиціальнаго испанскаго военнаго управленія была тогда цитадель, построенная около Антверпена, и какія-то тайныя сношенія начались уже тогда между бунтовщиками въ Алостѣ и этимъ центральнымъ военнымъ испанскимъ управленіемъ въ антверпенской цитадели. Послѣдующіе погромы бунтующей солдатчины, очевидно, были совершаемы не только съ одобренія центральнаго военнаго управленія, но и съ согласія самого Филиппа.

Страхъ нашествія одичалой алостской солдатчины заставилъ вооружиться брабантскіе и фландрскіе города, а въ Брюсселѣ, гдѣ со смертью Рекезенса возстановилось городское самоуправленіе, спѣшно организовалось городское ополченье.

Оранскій своими посланіями призывалъ брабантскіе и всѣ юго-западные города провинцій сплотиться и присоединиться къ союзу обороны сѣвера противъ испанцевъ, для возстановленія попранныхъ правъ страны. Брюссельцы, энергично пропагандируя это объединеніе, хотѣли всякою цѣною добиться созыва собранія генеральныхъ штатовъ, съ этою цѣлью были схвачены во время засѣданія члены испанскаго государственнаго совѣта, которыхъ подъ арестомъ заставляли подписать офиціальную бумагу, разрѣшающую созывъ генеральныхъ штатовъ. Безъ этой разрѣшающей бумаги представители штатовъ не получали дозволенія на съѣздъ отъ штатгальтеровъ провинціи и городовъ.

Вооруженные брюссельцы, напавшіе на испанскій совѣтъ во время его засѣданія, устранявшими мѣрами, въ тюрьмѣ, вынудили подпись испанцевъ на созывъ штатовъ: Артуа, Намюръ, Лиль, Дуэ, Валенсьенъ, Мехельнъ, Лимбургъ, Турнэ, Брабантъ, Геннегау, Фландріи, Голландіи и Зеландіи. Депутаты съѣхались, кромѣ фрисляндскихъ, такъ какъ фрисляндскій штатгальтеръ, испанскій приверженецъ, усумнился и не далъ разрѣшенія. Бумага, подписанная сидѣвшими въ тюрьмѣ членами испанскаго совѣта, заключала еще разрѣшеніе сформировать народное ополченье противъ бунтующихъ испанскихъ солдатъ. Брюссель сразу поставилъ 8,000 ополченцевъ. Тогда всѣ побросали обычныя дѣла, и началась всеобщая мобилизація, вытаскивались изъ чулановъ и чердаковъ и точились заброшенные давно мечи и копья, чистились поржавленные шлемы.

Всюду раздавалось: «смерть испанцамъ!» Въ ратушѣ вывѣсили постановленіе: «не давать ни пріюта, ни пищи, а убивать всякаго вооруженнаго испанца». Вельможи, бѣдняки, католическіе патеры и протестантскіе ремесленники—всѣхъ объединилъ страхъ приближающагося испанскаго погрома. Испанцы даже не рѣшались показываться на улицахъ иныхъ городовъ, какъ, напр., Брюсселя. Оранскій, поддерживая настроеніе, прислалъ небольшой отрядъ во Фландрію, но стычки съ испанцами были очень кровопролитны.

Да и гдѣ же было устоять противъ нихъ въ открытомъ полѣ полувооруженной толпѣ, давно утратившей былую энергію самообороны. Давно разучились дѣйствовать мечомъ и мушкетомъ эти купцы, ремесленники, студенты и крестьяне. Испанскіе солдаты были опытными мастерами своего дѣла, закованные въ броню и сами какъ желѣзо стойкіе, они быстро разсѣивали колонны ополченцевъ, и отъ ихъ натиска, быстраго и яростнаго, все поле битвы мгновенно покрывалось трупами. Въ одной стычкѣ на 2,000 убитыхъ фламандцевъ насчитывалось всего два испанца. Алостскіе бунтующіе испанскіе солдаты похвалялись, что скоро они предадутъ Брюссель огню и мечу.

Тогда преждевременно ликовали горожане Маастрихта, переманившіе на свою сторону нѣмецкихъ наемниковъ изъ испанскаго войска: съ ихъ помощью они прогнали было испан-

цевъ въ деревню за мостъ. Но тутъ начальникъ испанскаго отряда приказалъ каждому испанскому солдату схватить по деревенской женщинѣ и, поставивъ женщинъ передъ собою, положить ружья на женскія плечи или изъ подъ ихъ пазухъ выставлять мушкеты. Правильною колонною, со щитами изъ женскихъ тѣлъ, переходили испанцы черезъ мостъ обратно къ г. Маастрихту. Горожане, узнавая родныхъ или близкихъ среди женщинъ, не могли стрѣлять въ эту колонну, защищаемую женскою грудью. Такъ взята была баттарея и городъ Маастрихтъ. О послѣдующихъ событіяхъ въ этомъ городѣ достаточно характерно говорилось: «Счастливъ тотъ, кто успѣлъ умереть раньше!», т. е. во время боя. Въ истязаніяхъ и грабежѣ участвовали и назвавшіеся было союзниками Маастрихта нѣмецкіе наемники испанскаго войска.

Прельщалъ испанцевъ богатѣйшій Антверпенъ, гдѣ патриціи и купцы жили съ королевскою пышностью, а въ ихъ торговыхъ кладовыхъ лежали сокровища Индіи и другихъ странъ. Этотъ католическій городъ зацвѣлъ еще пышнѣе среди окружающихъ бѣдствій. Но скоро изъ сосѣдней съ нимъ испанской цитадели засвистали пули въ саперовъ, работавшихъ на городскихъ укрѣпленіяхъ, и въ отрядъ милиціи, присланный отъ штатовъ для защиты Антверпена. Общеніе испанскихъ бунтовщиковъ изъ Алоста съ центральнымъ испанскимъ военнымъ управленіемъ въ цитадели доказывалось торжественнымъ пріемомъ первыхъ въ цитадели. Бунтующимъ испанскимъ солдатамъ въ цитадели предложили обѣдъ, но они отказались и, выпивъ только вина, сказали: «Объ ужинѣ для насъ ужъ позаботится городъ Антверпенъ!» Прежде чѣмъ отправиться на штурмъ антверпенскихъ укрѣпленій, испанцы склонили благочестиво по католически колѣно, затѣмъ, быстро разбивъ ополченье штатовъ, словно демоны понеслись по улицамъ Антверпена, съ обычными криками: «Sant Iago, Sant Iago; Espana, Espana! á carne, à fuego, à sacco!» (т. е. св. Яковъ! Испанія! бей, жги, грабь!), и вскорѣ мозаическія и мраморныя панели, колоннады и ступени домовъ-дворцовъ роскошнѣйшаго города покрасились отъ потоковъ крови. Въ началѣ борьбы каждый домъ превратился въ укрѣпленіе, изъ каждаго окна стрѣляли въ испанцевъ, но ис-

нацы не потерялись, они быстро подожгли дома имѣвшимися всегда при нихъ горючими матерьялами, и когда запылала улица за улицею, то изъ горящихъ домовъ, изъ оконъ выскочили антверпенцы, и начался рукопашный бой съ испанцами. Тутъ обороняліись графы, князья, сенаторы и купцы рядомъ съ ремесленниками. Но испанцы, какъ всегда, одолѣли ихъ. Они вырѣзали болѣе восьми тысячъ антверпенцевъ и чужеземныхъ купцовъ, потерявъ всего 200 человѣкъ испанцевъ.

Одолѣвъ горожанъ, они во время начавшагося грабежа разбивали въ дребезги все, чего не могли унести съ собою. Это было такое ужасающее разрушеніе, что бунтъ испанскаго войска прозванъ «испанскимъ бѣшенствомъ»—«furie espagnole».

Что касается антверпенскихъ защитниковъ, т. е. войска штатовъ, состоявшаго изъ нѣмецкихъ и валлонскихъ наемниковъ, они тоже, какъ только увидѣли, что дѣло Антверпена проиграно, начали преспокойно грабить заодно съ испанцами. Антверпенскіе дворцы обратились въ обгорѣлыя развалины, и прежній, роскошный Антверпенъ никогда не могъ быть возстановленъ.

Изъ перехваченныхъ писемъ штаты узнали объ отправленномъ изъ цитадели «поздравленіи Филиппа съ успѣшнымъ покореніемъ Антверпена». Несомнѣннымъ сталъ фактъ, что Филиппъ одобряетъ погромы городовъ, и это заставило югъ и сѣверъ протянуть другъ другу руку помощи. Сплотившіяся провинціи образовали союзъ, заключенный въ Гентѣ, въ 1576 году, которымъ католическое и протестантское населеніе обязывалось содѣйствовать изгнанію иноземнаго войска и соблюдать взаимную вѣротерпимость («Гентское замиреніе»). Этотъ договоръ состоялъ изъ двадцати пяти пунктовъ, но главными были: изгнаніе испанскаго войска, возвращеніе конфискованныхъ владѣній, прекращеніе процессовъ противъ еретиковъ и освобожденіе послѣднихъ изъ тюремъ. Генеральные штаты должны были взять на себя рѣшеніе дѣлъ, касающихся вѣроисповѣданій.

Первымъ присоединился къ договору Гельдернъ, а къ концу года всѣ семнадцать провинцій; но только въ Голландіи и Зеландіи признавалась полная свобода вѣроисповѣданій. Успѣху «Гентскаго замиренія» или «гентскаго союза» содѣйствовала

крайняя уступчивость присоединившихся католиковъ, особенно въ Брабантѣ и Фландріи, наиболѣе католическихъ. Духовенство и католическое дворянство разсчитывало этимъ хоть сколько-нибудь охранить свои аббатства и замки отъ погромовъ испанскихъ солдатъ, противъ которыхъ не было никакой защиты, потому что испанское правительство явно было солидарно съ ними.

Въ день знаменитаго «испанскаго бѣшенства», инкогнито переѣзжалъ черезъ французскую границу новый правитель-главнокомандующій испанскимъ войскомъ Донъ-Жуанъ, побочный братъ Филиппа. Этотъ прославленный герой лепантскаго и другихъ славныхъ испанскихъ сраженій былъ окрашенъ и переодѣтъ рабомъ-мулатомъ, сопровождающимъ рыцаря, чтобъ спѣшно перебраться черезъ Францію до Люксембурга, опасаясь захвата французовъ.

Донъ-Жуанъ былъ сыномъ фламандской прачки. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ Филиппомъ и только подросткомъ узналъ отъ Филиппа, кто была его мать.

Всю жизнь Донъ-Жуанъ носился съ планами о королевствѣ для себя, и послѣ своихъ побѣдъ въ Африкѣ онъ хотѣлъ создать африканское королевство (Тунисъ). Только увѣнчаться короною не дозволялъ ему Филиппъ. Потомъ съ благословенія папы онъ сталъ мечтать о завоеваніи Англіи, свержепіи съ престола еретички Елизаветы, и женитьбою на ея плѣнницѣ, католичкѣ Маріи Стюартъ разсчитывалъ добиться англійскаго трона. Получивъ новое назначеніе, онъ торопливо ѣхалъ въ провинціи, надѣясь ихъ быстро умиротворить и перейти къ главной своей цѣли—завоеванію Англіи. Относительно умиротворенія провинцій Филиппъ вручилъ ему широкія полномочія, разрѣшивъ, въ крайности, возстановить старыя городскія привилегіи, соглашался даже на штатгальтерство Оранскаго, но все это на старыхъ условіяхъ охраненія единой католической церкви и верховной власти испанскаго короля.

Обѣщанія льготъ и возвращеніе привилегій городамъ со стороны короля очень тревожило Оранскаго; онъ не на шутку побаивался Донъ-Жуана,—этого рыцаря, искателя приключеній, и всѣми силами противился его переговорамъ со штатами. Прежде чѣмъ впускать его въ провинціи, Оранскій хо-

тѣлъ заставить его подписать условія «Гентскаго мира» или союза всѣхъ провинцій и согласиться на эвакуацію испанскаго войска.

Сначала Донъ-Жуанъ какъ-будто на все соглашался, настаивая только на отправкѣ солдатъ моремъ, все надѣясь на скорую возможность похода въ Англію. Вопреки настояніямъ Оранскаго, образовался такъ называемый «Брюссельскій союзъ», т. е. соглашеніе и съ новымъ правителемъ Донъ-Жуаномъ, и съ Оранскимъ, при чемъ первому обѣщана была охрана католичества. Но Оранскій успѣлъ добиться главнѣйшаго, онъ сумѣлъ дискредитировать своего противника, заставивъ его снять маску. Этого онъ достигъ, раздраживъ Донъ-Жуана всевозможными затяжками переговоровъ и долго не впуская его въ провинціи. Донъ-Жуанъ былъ окончательно выведенъ изъ теріѣнія девятимѣсячными казуистическими придирками.

Вспыльчивый Донъ-Жуанъ чуть не ввырялъ серебрянымъ колокольчикомъ въ головы депутатовъ. Даже бросился съ кинжаломъ на одного изъ нихъ. Послѣ этого депутаты ушли, но возражая болѣе. Ночью ихъ разбудилъ іезуитъ съ двумя приверженцами Донъ-Жуана, поручившаго передать депутатамъ о своемъ согласіи на всѣ условія «Гентскаго замиренія», такъ какъ «епископы и университетскіе богословы поручились ему за безвредность гентскаго замиренія для религіи и особы испанскаго короля». Договоръ, подписанный Донъ-Жуаномъ, названъ «вѣчнымъ эдиктомъ» и обязывалъ его вывести изъ провинцій испанскихъ солдатъ и нѣмецкихъ наемниковъ испанской службы, но подъ условіемъ уплаты имъ жалованья отъ штатовъ и полнаго разоруженія провинцій. Только Голландія и Зеландія не соглашались подписать договора съ Донъ-Жуаномъ, пока не послѣдуетъ удовлетворенія всѣхъ требованій провинцій.

1 мая въ Брюсселѣ совершилась торжественная присяга, послѣ взаимнаго соглашенія съ новымъ правителемъ. По обычаю она сопровождалась празднествами, съ усиленнымъ ликованіемъ въ виду блестящихъ надеждъ на возстановленіе мира и старыхъ правъ. Донъ-Жуанъ держалъ себя въ эти дни такъ непринужденно, весело, просто, что при своей прекрасной наружности буквально всѣхъ очаровалъ. Онъ отличился въ стрѣльбѣ на стрѣлковомъ праздникѣ, даже былъ за это избранъ

«королемъ стрѣлковъ». при потѣшномъ церемоніалѣ этого карнавальнаго коронованія, Донъ-Жуанъ льстилъ народу и подкупалъ дворянъ.

Но скоро чары его прекрасныхъ глазъ исчезли, и отношенія къ нему совершенно измѣнились, когда обнаружилось нарушеніе имъ присяги. Дѣло въ томъ, что Донъ-Жуанъ вывелъ лишь испанскихъ солдатъ, вступивъ въ тайное соглашеніе съ начальникомъ своихъ нѣмецкихъ наемниковъ, и оставилъ ихъ въ провинціяхъ. Такое безцеремонное нарушеніе договора вызвало сильнѣйшее негодованіе, проявлявшееся крайне дерзкимъ отношеніемъ горожанъ къ Донъ-Жуану, даже вынужденному изъ-за этого покинуть Брюссель. Потерявъ надежду на то, что штаты вручатъ ему генералъ-капитанство, что дало бы ему возможность сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ морскія и сухопутныя силы для завоеванія Англіи, раздраженный Донъ-Жуанъ, потерявъ голову, захватилъ обманомъ крѣпость въ Намюрѣ. Онъ явился въ крѣпость подъ предлогомъ «полюбоваться красивымъ видомъ съ бастіона» и прогналъ крѣпостной гарнизонъ. Донъ-Жуанъ рѣзко обнаруживалъ свои настоящія свойства послѣ почти годового копошенья среди бумажныхъ трактатовъ и хитросплетеній, гдѣ его, видимо, старались уловить и послѣ унизительности выжиданья, пока его, наконецъ, впустили въ провинціи. Онъ не выдержалъ до конца своей роли благодѣтеля.

Съ привычкою рѣшать всѣ трудные вопросы однимъ мечомъ, онъ совершилъ рядъ нелѣпостей, начавъ войну послѣ того, какъ самъ же отослалъ свои главныя силы изъ провинцій. Зато Оранскій ликовалъ, узнавъ о злобномъ ослѣпленіи своего соперника, чуть-чуть было не захватившаго довѣрія штатовъ.

Донъ-Жуанъ со своими нѣмецкими наемниками попытался взять Антверпенъ, онъ уже торговался съ антверпенцами, но вдругъ на рѣкѣ показалась зеландская флотилія съ Вильгельмомъ Оранскимъ. Нѣмецкіе солдаты Донъ-Жуана закричали: «Гёзы плывутъ!..» и разбѣжались, охваченные паникою. Оранскій прибылъ по вызову брабантскихъ штатовъ и былъ признанъ тогда штатгальтеромъ Брабанта.

Послѣ такого успѣха Оранскаго въ Антверпенѣ, даже брюссельскіе католическіе дворяне участвовали въ торжественной

встрѣчѣ его въ Брюсселѣ, словно императора въ тріумфѣ. Послѣ десятилѣтняго отсутствія, Оранскій вошелъ въ свой запустѣлый домъ, порядкомъ разграбленный Альбою.

По постановленію генеральныхъ штатовъ, былъ избранъ новый государственный совѣтъ, и отъ Донъ-Жуана потребовали сдачи намюрской крѣпости и отставки его испанской свиты, якобы вредно вліявшей на него. Черезъ Донъ-Жуана затребовано возвращеніе сына Оранскаго изъ Испаніи, похищеннаго испанцами. Кромѣ того, штаты просили королеву Елизавету англійскую подтвердить ихъ договоръ съ Донъ-Жуаномъ. Это было уже верхомъ униженія для сына Карла V. Но къ облегченію его уже двигались испанскія, а также итальянскія войска, подъ командою знаменитаго полководца, тоже героя лепантской битвы, усмирителя испанскихъ мавровъ, Александра Фарнезе, герцога пармскаго, племянника папы и сына бывшей регентши Маргариты пармской.

Пока онъ двигался съ медлительностью, обусловленной тогдашними путями сообщенія, въ провинціяхъ совершилось не мало событій. Въ Брабантѣ, Фландріи и южныхъ провинціяхъ католическіе дворяне, все болѣе опасаясь растущей власти Оранскаго, по почину одного очень вліятельнаго дворянина, герцога Аренота, рѣшили отправить секретное посольство въ Германію, къ племяннику германскаго императора, эрцгерцогу Матвѣю, прося его принять на себя верховную власть и протекторатъ надъ провинціями. Но Оранскій перехитрилъ дворянъ, своевременно извѣщенный своими агентами о ихъ ковахъ противъ него.

Онъ лично, съ большою торжественностью, выѣхалъ на встрѣчу эрцгерцогу Матвѣю, съ двухъ тысячнымъ почетнымъ эскортомъ кавалеріи и громадивѣйшей толпою народа. Этимъ почетнымъ пріемомъ эрцгерцога Матвѣя Оранскій отклонилъ отъ себя нареканія германскаго императора. Однако, повелъ дѣла такъ, что безхарактерный и ничтожный Матвѣй совершенно подчинился ему, даже согласился, чтобъ Оранскій назвался его «замѣстителемъ» (General-lieutenant), а самъ онъ только подписывалъ, безъ разсужденія, бумаги, присылаемыя ему Оранскимъ. Брюссельцы, смѣясь, поговаривали: «Вѣдь, Матвѣй служитъ писцомъ у нашего Оранскаго!»

О своихъ врагахъ дворянахъ-католикахъ Оранскій впослѣдствіи выражался такъ: «Они служили усердно, какъ лакеи, Альбѣ и Рекезенсу, но изо всѣхъ силъ боролись со мною, а потомъ меня же приглашали помогать имъ противъ испанцевъ, но какъ только появился Донъ-Жуанъ, они усердно прислужничали ему, а мнѣ строили козни. Когда Донъ-Жуанъ пытался захватить Антверпенъ, они опять меня позвали помочь имъ противъ Донъ-Жуана, но, едва я пришелъ, они, не увѣдомивъ ни меня, ни штаты, призвали изъ Германіи эрцгерцога Матвѣя. Затѣмъ обратились къ герцогу Анжуйскому, но, когда не смогли принудить его дѣйствовать заодно съ ними, противъ генеральныхъ штатовъ, они кинулись къ Александру Пармскому. Морскія волны менѣе непостоянны, чѣмъ католическіе дворяне!» Оранскій даже сравнивалъ ихъ съ голодными піявками и говорилъ, что они не болѣе послѣднихъ заслуживаютъ довѣрія.

Какъ ни двойственна казалась многимъ роль самого Оранскаго, но какъ представитель борьбы за освобожденіе отъ испанцевъ онъ былъ чрезвычайно популяренъ. Къ тому же онъ постоянно выставлялъ необходимость борьбы за старыя права и привилегіи. Не только въ Голландіи и Зеландіи, его популярность была громадна и въ Брюсселѣ. Случилось какъ-то, что засѣданіе государственнаго совѣта затянулось до глубокой ночи, и брюссельцы вообразили, что дворяне что нибудь недоброе творятъ съ Оранскимъ. Подвижные брюссельцы сейчасъ схватились за оружіе и окружили зданіе совѣта. Оранскій вышелъ на балконъ, благодарилъ и увѣрялъ, что ему ничто не угрожаетъ, но брюссельцы дождались окончанія засѣданія и съ почетомъ эскортировали его домой. Когда Оранскій былъ избранъ штатгальтеромъ въ Брюсселѣ, новый брюссельскій магистратъ составленъ былъ на половину изъ кальвинистовъ.

Во Фландріи, подъ давленіемъ чрезвычайно сильной дворянской католической партіи, избранъ былъ штатгальтеромъ крайній папистъ и партизанъ испанцевъ, герцогъ Аершотъ. Это избраніе угрожало кальвинистамъ и городскому самоуправленію. На одномъ изъ засѣданій гентскихъ штатовъ дворяне-католики злобно заявили, что: «ужъ скоро Донъ-Жуанъ и Александръ Пармскій расправятся со всѣми бунтовщиками.

толкующими все о возвращеніи старыхъ правъ, а для нихъ одно мѣсто на висѣлицѣ». Присутствовавшій на засѣданіи дворянинъ кальвинистъ Риговъ незамѣтно вышелъ изъ зала, вскочилъ на коня и помчался въ Брюссель къ Оранскому.

Немедленно получивъ аудеціію у принца, онъ разсказалъ ему о рѣчахъ дворянъ-католиковъ въ засѣданіи гентскихъ штатовъ. «Что же вы намѣрены дѣлать?» спросилъ его Оранскій. Озадаченный этимъ вопросомъ, вмѣсто ожидаемаго совѣта или инструкціи отъ Оранскаго, Риговъ сказалъ:

«Да придется схватить за горло Аершота со всѣми его приверженцами и выкинуть ихъ изъ города.

«Довольно рискованное предпріятіе, замѣтилъ Оранскій.

«Приходится рѣшаться. — Ужъ лучше гибель въ борьбѣ, чѣмъ жизнь въ подобномъ рабствѣ! Что меня касается—я готовъ на все!

«Смѣло сказано! А на какія-же вы силы и на какія средства разсчитываете?

«Если я не могу разсчитывать на содѣйствіе вашей свѣтлости. то во имя нашей прежней свободы подниму сограждан. Теперь или никогда!»

Оранскій попросилъ дать ему подумать въ теченіе этой ночи. На разсвѣтѣ Риговъ опять явился къ нему, и на вопросъ Оранскаго: «все-ли еще онъ убѣжденъ въ возможности предпринять такое дѣло?» Риговъ завелъ горячую рѣчь о готовности поставить жизнь на карту, побѣдить или умереть и т. п. Оранскій, пожавъ плечами, задумался. Тутъ Риговъ спохватился, что Оранскій какъ будто и не слушаетъ его. Онъ быстро всталъ и ушелъ въ гостиницу, чтобъ взять своего коня и вернуться въ Гентъ. Оранскій послалъ къ нему въ гостиницу своего друга графа Марникса Альдегонда передать Ригову о совершенной невозможности для принца открыто поддерживать эту затѣю. Однако подвижный Альдегондъ высказалъ и больше, обнадеживъ, что поддержка будетъ тайною. Между тѣмъ въ Гентѣ наканунѣ горожане подавали петицію штатгальтеру герцогу Аершоту о возстановленіи городскихъ правъ. существовавшихъ при Карлѣ V. На это герцогъ Аершотъ отвѣтилъ депутаціи, что «скоро всѣмъ бунтовщикамъ затянутъ глотки висѣльными веревками, хотя-бы настраивалъ и подстрекалъ ихъ самъ принцъ

Вильгельмъ Оранскій». Эти слова облетѣли городъ. Горожане заволновались, устраивались сборища, гдѣ раздавались угрозы католическимъ дворянамъ. Били въ призывный барабанъ, но скоро все стихло. Возвратившійся изъ Брюсселя Риговъ, досадовалъ, что упустилъ благопріятный моментъ для агитаціи. Онъ ѣздилъ по городу, сзывая единомышленниковъ и повторяя имъ: «намъ невозможно терять ни минуты времени, не то завтра насъ найдутъ зарѣзанными въ постеляхъ. Попытаемся же сами спровадить испанскую инквизицію въ извергнувшій ее адъ!» Въ слѣдующую ночь большая, вооруженная толпа собралась у воротъ дома герцога Аершота, крича: «открывайте ворота»! Въ этой толпѣ находились партизаны, а также и наемники принца Вильгельма Оранскаго. Дверь дома герцога Аершота не отворялась. «Ну, такъ пусть-же коршуны сгорятъ въ своемъ гнѣздѣ!» Домъ герцога Аершота былъ подожженъ, тогда дверь отворилась, и въ ней появился герцогъ, прямо съ постели, въ одной рубахѣ и босикомъ. На него кинулись съ кинжалами, но Риговъ заслонилъ его, рискуя получить ударъ кинжаломъ.

На утро арестъ Аершота былъ одобренъ новымъ выбраннымъ магистратомъ и новымъ штатгальтеромъ. Оранскій и тутъ дѣйствовалъ двулично — отъ него были получены выраженія порицанія, при чемъ онъ настаивалъ на освобожденіи герцога Аершота и его союзниковъ. Гентцы выпустили одного только Аершота, но остальныхъ его приверженцевъ, а между ними были епископы, держали подъ замкомъ. На Оранскаго хотя и падало нѣкоторое подозрѣніе насчетъ участія въ заговорѣ свержения герцога Аершота, но онъ все время держался на заднемъ планѣ, оставаясь въ тѣни во время борьбы съ однимъ изъ своихъ главныхъ противниковъ.

Оранскій не могъ сочувствовать крайней партіи, во главѣ которой стоялъ Риговъ. Она стремилась къ совершенно независимой гентской республикѣ, не признававшей не только филиппа, но и генеральныхъ штатовъ. Въ Гентѣ было возстановлено прежнее политическое значеніе цеховъ, у католическаго духовенства не только отняты его громадньйшія владѣнія, но католики были лишены права публично исповѣдывать свою вѣру, такъ какъ кальвинисты называли идолопоклонствомъ почитаніе статуй и изображеній въ католическихъ церквахъ.

Даже католическія церкви разрушались, а камни должны были служить для сооруженія новыхъ гентскихъ укрѣпленій. Колокола переливались въ пушки. Гентцы воображали, что смогутъ такъ укрѣпить свой городъ, что онъ всегда удержитъ свою независимость, но уже ближайшее будущее показало имъ всю несостоятельность ихъ мечтаній. Розни между провинціями и партіями, постои испанскаго войска довели до истощенія южныя и западныя провинціи и отдали ихъ въ руки испанцевъ, хотя это случилось гораздо позже.

Теперь же всѣ провинціи объявили Донъ-Жуана «врагомъ отечества» за его предательскія вылазки. Даже католическое духовенство признавало его врагомъ отечества, а генеральные штаты провозгласили эрцгерцога Матвѣя правителемъ провинцій. Нелѣпости Донъ-Жуана дотого разсердили Филиппа, что онъ пересталъ отвѣчать на его письма, оставляя его совершенно безъ денегъ, но Донъ-Жуанъ описалъ ему тріумфальный въѣздъ Оранскаго въ Брюссель и его значеніе въ провинціяхъ, прибавивъ: «Этому еретику, а не королю испанскому принадлежатъ теперь южныя и сѣверныя провинціи!» Тогда разгнѣванный Филиппъ прислалъ ему два милліона талеровъ, обѣщая ежемѣсячно присылать на вербовку солдатъ. Въ то же время подошли итальянскія и испанскія войска Александра Пармскаго и войско французской католической лиги съ графомъ Мансфельдомъ во главѣ.

Александръ Пармскій зоркимъ глазомъ опытнаго полководца тотчасъ разобрался въ положеніи дѣлъ. Онъ собралъ свѣдѣнія не только о плохой дисциплинѣ провинціальныхъ милицій, но даже объ именахъ и качествахъ всѣхъ ихъ начальниковъ. Не затрачивая большихъ силъ, съ небольшимъ отрядомъ отборной кавалеріи онъ разбилъ при Гамблу, 1578 г., народное ополченье, захвативъ болѣе 30 знаменъ, всю артиллерію и багажъ. 8,000 труповъ устилали землю, и около 1,000 плѣнныхъ было утоплено въ Маасѣ, при потерѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ испанцевъ. Многіе города южныхъ провинцій, утомленные разореніемъ и борьбою, покорно открыли свои ворота Александру Пармскому, который за недостаточную поспѣшность въ сдачѣ оружія въ одномъ изъ городовъ повѣсилъ бургомистра и членовъ магистрата на окнахъ ратуши.

На сѣверѣ продолжалось, усиливаясь, противоположное теченіе и массовое обращеніе въ протестантизмъ. Католическое духовенство было дискредитировано въ глазахъ населенія за внезапный поворотъ въ сторону силы. Патеры, объявлявшіе Донъ-Жуана «врагомъ отечества», теперь отказывались такъ его называть. Это дало поводъ къ изгнанію изъ Утрехта всѣхъ католиковъ, а фрисландскаго епископа, какъ приверженца испанцевъ, заключили въ тюрьму.

Гёзы долго не могли справиться съ сильнымъ католическимъ магистратомъ могущественнаго Амстердама. Этотъ магистратъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ испанцами. Наконецъ, удалось овладѣть имъ во время засѣданія въ ратушѣ. Нѣсколько человѣкъ изъ партіи освобожденія отъ испанцевъ вошли въ ратушу, и между ними былъ сынъ верховнаго судьи Бардецъ. Вошли они подъ предлогомъ дѣловой справки и заняли разговоромъ сенаторовъ, а въ это время Бардецъ вышелъ на балконъ и сталъ медленно снимать и надѣвать шляпу—условный сигналъ заговорщиковъ. По сигналу на площадь передъ балкономъ выбѣжалъ рыбакъ съ оранжево-бѣло-голубымъ флагомъ и закричалъ: «Друзья родины и Оранскаго!—Пора,—раскрывайте души!!» Вся площадь мгновенно переполнилась народомъ.

Бардецъ ввелъ отрядъ милиціи въ ратушу для ареста членовъ магистрата. Одновременно арестовали нѣсколькихъ монаховъ, испанскихъ союзниковъ. Когда арестованныхъ помѣстили на суднѣ, готовомъ къ отплытію, толпа на набережной кричала: «Не на корабль ихъ надо, а на тѣ висѣлицы, на которыхъ они перевѣшали нашихъ лучшихъ согражданъ!»

Арестованные вообразили, что ихъ везутъ топить въ морѣ, такъ что одинъ изъ членовъ арестованнаго магистрата отказался отъ чистыхъ рубахъ, присланныхъ ему заботливою супругою: «Нѣтъ, нѣтъ — унесите мои чистыя рубашки домой, на этомъ свѣтѣ я уже не буду нуждаться въ чистыхъ рубашкахъ!» Отказался онъ совершенно напрасно. Почтенныхъ магистраторовъ вовсе и не думали топить въ морѣ, а высадили въ одной изъ деревень, запретивъ временно возвращаться въ Амстердамъ, гдѣ избранъ былъ новый кальвинистскій магистратъ.

Несчастныя южныя области, особенно Артуа и Геннегау, представляли собою большую дорогу для армій и больше всего страдали отъ постоевъ солдатъ всѣхъ націй, такъ какъ въ числѣ наемниковъ были всѣ національности.

Въ числѣ протекторовъ провинцій появился скоро и герцогъ Анжуйскій (Аланconскій), который дорого обошелся провинціямъ, хотя и сыгралъ въ опытныхъ рукахъ Оранскаго роль болванчика, пугала для Филиппа, а иногда и для Елизаветы англійской.

Елизавету англійскую болѣе, чѣмъ Филиппа испанскаго, страшило усиленіе сосѣдней Франціи, заставляя снаряжать отряды на помощь провинціямъ, чтобъ только онѣ не призывали правителя-покровителя изъ Франціи. Только присылаемые Елизаветою главнокомандующіе англійскимъ войскомъ въ провинціяхъ были очень безтолковые люди. Войску не всегда уплачивалось жалованье, такъ что и ея солдаты существовали исключительно грабежомъ.

Въ Люксембургѣ и другихъ мѣстностяхъ на югѣ хозяйничали испанскіе и итальянскіе солдаты Александра Пармскаго, нѣмецкіе наемники Донъ-Жуана, потомъ прибыли французы съ герцогомъ Анжуйскимъ, и Елизавета (напуганная Оранскимъ о сборахъ Донъ-Жуана завоевать Англію и освободить ея плѣнницу Марію Стюартъ) усердно присылала помощь въ Нидерланды. Враги и друзья безъ удержу грабили слабо защищенные небольшіе города и села.

Новый заступникъ провинцій, братъ французскаго короля, герцогъ Анжуйскій, хотя и часто твердилъ о своей «готовности пролить кровь до послѣдней капли за провинціи», думалъ только о захватѣ ихъ, и онъ стоялъ то за католиковъ, участвуя въ разстрѣливаніи гугенотовъ въ Варооломеевскую ночь, то распинался за протестантовъ. Онъ хотѣлъ сдѣлаться королемъ или же присоединить провинціи къ Франціи, лаская себя надеждою, что престарѣлая дѣвственница Елизавета не откажется соединиться съ нимъ брачными узами и поможетъ ему прочно завладѣть провинціями.

Защитники и покровители провинцій приносили имъ не только мало пользы, но дѣйствовали иногда хуже открытыхъ враговъ. Съ другой стороны успѣхи испанцевъ поддержива-

лись нерѣдко продажностью и неспособностью католическихъ дворянъ. главнокомандующихъ многихъ провинцій. Они безъ выстрѣла сдавали крѣпости и города. Донъ-Жуанъ смогъ временно укрѣпиться въ Лувенѣ и потребовалъ даже выдачи заложникомъ принца Оранскаго. Юго-западныя провинціи лишены были своихъ милицій и средствъ къ оборонѣ, и только въ сѣверныхъ провинціяхъ. въ Голландіи. Зеландіи и Фрисляндіи. имѣлись свои войска.

Истомленныя безостановочнымъ хищничествомъ чужеземныхъ войскъ, южныя и западныя провинціи начали отпадать отъ союза съ сѣвромъ. Иконоборчество кальвинистовъ имѣло тутъ второстепенное значеніе. Нельзя себѣ даже представить разбой солдатчины прежнихъ войнъ. Наемники безъ жалованья и содержанія съ лихвою возмѣщали свои убытки на населеніи. свободно хозяйничая. Разсказывалось. какъ они постоянно требовали отъ населенія «самаго изысканнаго стола и вина!»

Главнокомандующій англійскимъ войскомъ въ провинціяхъ. не получая изъ Англіи денегъ для уплаты солдатамъ. горестно восклицалъ: «Лучше имѣть 30 тысячъ чертей на шеѣ, чѣмъ 30 тысячъ нѣмецкихъ наемниковъ, когда нечѣмъ имъ уплатить; отъ чертей отдѣлаешься крестомъ, а отъ солдатъ ни крестомъ. ни пестомъ, а только деньгами».

Этотъ главнокомандующій [1]) наемниками англійской королевы уѣхалъ въ Англію и такимъ образомъ отвязался отъ своихъ голодающихъ солдатъ въ провинціяхъ. Что касается Донъ-Жуана, онъ лишенъ былъ средствъ и инструкціи, будучи въ немилости у Филиппа. Донъ-Жуану не разрѣшалось возвращеніе въ Мадридъ, несмотря на всѣ его просьбы. Онъ давно хворалъ и умеръ. повидимому, отъ чумы, опустошавшей тогда испанскій лагерь. Передъ смертью онъ умолялъ своего родственника и замѣстителя Александра Фарнезе пармскаго упросить Филиппа перевезти хотя останки его на родину, чтобъ положить рядомъ съ отцомъ Карломъ V, въ Эскуріалѣ. Его просьбу уважили, но экономный Филиппъ приказалъ разрубить трупъ Донъ-Жуана на три части, помѣстить ихъ въ трехъ ящикахъ, навьюченныхъ на лошадей, и такъ переправить въ

[1]) Янъ Казиміръ Польскій.

Испанію. Транспортъ останковъ прославленнаго героя испанскихъ войнъ обошелся дешево Филиппу и безъ церемоніала. Части тѣла, сшитыя въ Испаніи, были похоронены въ Эскуріалѣ.

Замѣститель Донъ-Жуана, герцогъ Пармы и Пьяченцы, былъ не только геніальный главнокомандующій, опытный государственный дѣятель, но и замѣчательно безкорыстный человѣкъ, простотою своей жизни и привычекъ отличавшійся отъ остальныхъ дворянъ. Этотъ Геркулесъ, легко разбивавшій подковы и прочищавшій себѣ путь шпагою, одинъ среди толпы вооруженныхъ враговъ, слылъ самымъ образцовымъ испанцемъ при дворѣ Филиппа II. Молодежь ему во всемъ подражала. Перестали даже завиваться, и общею модою сдѣлались короткіе волосы, торчавшіе щеткою, какъ у герцога Александра Пармскаго. Талантливый и энергичный Александръ какъ-то совмѣщалъ въ себѣ дикую отвагу итальянскаго кондотьера съ выжидательнымъ терпѣніемъ тонкаго дипломата. Въ тридцать три года онъ былъ уже такимъ опытнымъ политикомъ, что Оранскій сразу почувствовалъ могущественнаго соперника. Александръ тотчасъ же воспользовался партіею недовольныхъ (malcontenti) южныхъ провинцій и, начавъ со всевозможныхъ уступокъ кальвинистамъ, далъ имъ длинныя разсрочки для устройства дѣлъ. Эти разсрочки передъ выѣздомъ растягивались на цѣлые годы, а подачками и подкупами онъ дѣйствовалъ столь же успѣшно, какъ и мечомъ. Въ то время неудовольствіе католиковъ возбуждалось чрезвычайно высокими налогами, введенными генеральными штатами, и какъ сказано, всеобщее разореніе и утомленіе войною были главными сообщниками Александра, какъ и продажность дворянъ, въ качествѣ штатгальторовъ сдававшихъ города. Такъ Александру сдались валлонскія провинціи Артуа, Геннегау, Лиль и Дуэ, и скоро ключъ къ Нидерландамъ—городъ Маастрихтъ—словно желѣзнымъ кольцомъ былъ сдавленъ испанцами. Тутъ даже подъ землею шла ожесточенная борьба. Испанскія мины, подведенныя подъ городскія укрѣпленія, встрѣчали контръ-мины, заливавшія водой испанскій порохъ. Взорвавъ одно укрѣпленіе, испанцы были изумлены, увидѣвъ за ними новое, только что воздвигнутое укрѣпленіе, но только богатые патриціи шта-

товъ поскупились на необходимыя издержки для организаціи защиты, хотя населеніе боролось изъ послѣднихъ силъ. Въ день взятія Маастрихта, больного лихорадкою Александра внесли въ городъ на носилкахъ, какъ короля на тронѣ, а весь путь его былъ усѣянъ тысячами искалѣченныхъ труповъ горожанъ. Наступленію Александра совершенно не могли противодѣйствовать сонные генеральные штаты, какъ не могли они прекратить кальвинистскаго иконоборчества, послужившаго отчасти предлогомъ для сдачи католиковъ испанцамъ. Въ 1579 году въ г. Аррасѣ сформировалась даже «католическая лига», направившая петицію Филиппу «о присылкѣ одного изъ его наслѣдниковъ, дабы подъ вліяніемъ настоящаго испанскаго правителя утвердилась католическая вѣра».

Въ томъ же году на сѣверо-востокѣ утверждается протестантская лига, «Утрехтская унія», соединявшая провинціи въ одно государство, при внутреннемъ самоуправленіи каждой отдѣльной провинціи. Съ тои поры въ провинціальныхъ актахъ сѣверныхъ провинцій уже болѣе не упоминается имя Филиппа II, а лишь верховенство генеральныхъ штатовъ соединенныхъ провинцій. Къ этой сѣверной уніи присоединяются: Антверпенъ, Гентъ, Брюгге, Бреда, установивъ совмѣстность дѣйствій противъ нашествія испанцевъ.

Тогда же императоръ Рудольфъ въ Кёльнѣ пытался примирить Филиппа съ провинціями, а депутаты генеральныхъ штатовъ заявляли императору, что неуступчивость Филиппа II приведетъ къ окончательному отложенію провинцій отъ Испаніи и признанію протектората Франціи. Но въ томъ же году на югѣ все уже вырѣшилось успѣхами меча и политики Александра Пармскаго. Даже на сѣверѣ начались его захваты и подкупы дворянъ штатгальтеровъ. Въ Фрисляндіи измѣнникъ штатгальтеръ убилъ бургомистра города Гронингена, чтобъ вырвать у него ключи и сдать городъ испанцамъ.

Утрехтская унія признала полномочія Оранскаго, но настоящую силу онъ пріобрѣтаетъ на собраніи въ Гаагѣ, въ 1580 г., послѣ декрета Филиппа на убійство Оранскаго. Уже давно Филиппъ поручилъ Альбѣ, также Рекезенсу и Донъ-Жуану нанять убійцъ, чтобъ покончить съ этимъ мѣшающимъ ему человѣкомъ, но такъ, чтобъ въ этомъ дѣлѣ не упоминалось имя ко-

роля. Они не рѣшались взять это на себя. Послѣ неудачныхъ мирныхъ переговоровъ, появился декретъ Филиппа въ 1580 г., объявляющій Оранскаго «измѣнникомъ, и внѣ защиты закона. Преступнымъ долженъ почитаться всякій вступающій съ нимъ въ какія либо отношенія, дающій ему убѣжище, питье и пищу».

Православному католику, который бы согласился избавить міръ отъ этой чумы, назначалось 25,000 золотыхъ кронъ, прощеніе всѣхъ содѣянныхъ преступленій и возведеніе—не дворянина въ потомственное дворянство. Въ отвѣтъ на этотъ декретъ и обвиненія, Оранскій обратился съ апелляціею ко всему цивилизованному міру противъ возведенныхъ на него обвиненій: напр. онъ обвинялся въ женитьбѣ при живой, хотя умалишенной женѣ. Оранскій, въ свой чередъ, перечислялъ все содѣянное Филиппомъ. его тайные пороки, (предполагавшееся) убійство жены и сына, нарушеніе клятвъ и т. д. Оранскій объявилъ, что готовъ покинуть провинціи, если того потребуетъ спокойствіе страны, и просилъ штаты объявить ему объ этомъ. Штаты напечатали «апологію Оранскаго» на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, разославъ всѣмъ правительствамъ Европы.

Декретъ Филиппа заставилъ партію принца Вильгельма Оранскаго тѣснѣе сплотиться около своего вождя, а его популярность только выросла послѣ декрета. Это сказалось на гаагской конференціи 1581 года, вручившей Оранскому почти неограниченную власть; онъ ее принялъ: «пока длится война».

Утрехтская область вручила ему штатгальтерство и генералъ-капитанство, т. е. управленіе всѣми сухопутными и морскими силами, финансами, судопроизводствомъ, съ обязательствомъ охранять реформатскую церковь, и тогда же Брабантъ, Фландрія, Гельдернъ, Обериссель, Мехельнъ и Утрехтъ официально отложились отъ Филиппа II испанскаго.

Оранскій велъ переговоры съ французскимъ королемъ Генрихомъ III относительно передачи Франціи захваченныхъ испанцами и отложившихся отъ сѣвера южныхъ провинцій. Онъ съ трудомъ добился разрѣшенія генеральныхъ штатовъ на веденіе этихъ переговоровъ и на приглашеніе протекторомъ Нидерландъ брата французскаго короля, герцога анжуйскаго, который въ частномъ письмѣ, переданномъ Оранскому черезъ Альдегонда, «обѣщалъ упрочить за Оранскимъ и его потом-

ствомъ верховную власть надъ Голландіей и Зеландіей». Штаты этихъ двухъ провинцій упорно не хотѣли признавать протекторатъ герцога анжуйскаго. но генеральные штаты допустили его вступленіе съ 12,000 войскомъ пѣхотинцевъ и 5,000 кавалеріей. что заставило Александра Пармскаго снять осаду Камбре. Затѣмъ герцогъ распустилъ свое войско, собранное лишь для почетнаго эскорта, и, найдя провинціи «не достаточно подготовленными для пріема его», онъ уѣхалъ въ Англію. такъ какъ Елизавета помѣнялась съ нимъ обручальными кольцами, но соглашалась на бракъ, если только его братъ подпишетъ нѣкоторыя ея условія. Французскій король не согласился на условія Елизаветы, и она отказалась отъ брака съ Анжу, выставляя предлогомъ и свои опасенія враждебности и войны съ всесильнымъ Филиппомъ, завоевавшимъ въ то время Португалію. Елисавета продолжала любезничать съ герцогомъ Анжу, одолжила ему денегъ и предоставила англійскій флотъ для почетнаго эскорта до Флиссингена; только Оранскому трудно было заставить голландцевъ дать денегъ для отправки торжественнаго посольства и для устройства встрѣчи герцога на берегу голландской провинціи. Наконецъ, нашелся болѣе сильный побудитель въ лицѣ Александра Пармскаго, воспользовавшагося отсутствіемъ французскаго войска и захватившаго Турне. Это вынудило патриціевъ развязать свои кошельки и не пожалѣть денегъ на посольство и встрѣчу Анжу, гостившаго въ Англіи. По старинному обычаю «на разстояніи выстрѣла изъ арбалета отъ границы новый правитель долженъ былъ присягать, съ возложеніемъ руки на евангеліе, нерушимо охранять старые законы страны». Въ Антверпенѣ и Брабантѣ, «на двухъ языкахъ ему давали читать пункты хартіи «Радостный Въѣздъ», предоставлявшей городамъ такое широкое самоуправленіе и контроль надъ дѣйствіями правителя. Несмотря на все это, таившееся недовѣріе къ герцогу анжуйскому ярко обнаружилось въ день его рожденья, въ Антверпенѣ, когда въ Оранскаго стрѣлялъ и опасно ранилъ его подкупленный убійца, пуля влетѣла подъ ухомъ и вылетѣла подъ челюстью. Тогда антверпенцы вообразили, что дѣло это французовъ, и чуть было не сожгли домъ, гдѣ проживалъ герцогъ Анжуйскій, а самого герцога, говорятъ, спасло лишь

успокоительное письмо Оранскаго, читавшееся всюду его сыномъ Морицемъ, догадавшимся обыскать карманы убійцы, въ нихъ найдены были одѣ испанскія бумаги. Большинство недовѣряло французамъ, полагая, что отъ сосѣдней Франціи будетъ пожалуй похуже, чѣмъ отъ испанцевъ, но защитники протектората Франціи успокаивали тѣмъ, что они «позаботятся снабдить герцога Анжуйскаго солиднымъ намордникомъ».

Оранскій долго и трудно поправлялся отъ раны, а выздоровѣвъ сопровождалъ герцога Анжуйскаго въ Антверпенъ, Брюгге и Гентъ для обычной присяги.

Торжество присяги дважды нарушалось, то нападеніемъ испанцевъ на Гентъ, то новымъ испанскимъ покушеніемъ отравить герцога Анжуйскаго и принца Оранскаго. Отравителей захватили, одинъ изъ нихъ повѣсился въ тюрьмѣ отъ страха пытокъ, а другой увезенъ на судъ въ Парижъ, гдѣ онъ былъ четвертованъ.

Анжу съ Орансвимъ не пришлось ѣхать далѣе. Южнѣе имъ угрожалъ своими аттаками и осадами Александръ пармскій.

Безумную удаль проявлялъ нерѣдко Александръ пармскій, какъ-то разъ во время одной осады, онъ работалъ, по своему обыкновенію, мотыгой при установкѣ баттарей; когда подошелъ часъ обѣда, ему не захотѣлось далеко отходить отъ работъ, и онъ распорядился накрыть столъ тутъ же. Съ нимъ обѣдали, кромѣ штабныхъ, еще нѣсколько человѣкъ нидерландскихъ дворянъ-католиковъ. Едва они принялись ѣсть, какъ ядро, пущенное изъ осажденнаго города, оторвало голову дворянину, сидѣвшему рядомъ съ Александромъ, а осколкомъ разлетѣвшагося черепа вышибло глазъ его сосѣду. Второе ядро убило еще двоихъ. Кровью и мозгомъ залита была вся скатерть. Всѣ въ ужасѣ вскочили изъ-за стола, у всѣхъ пропалъ аппетитъ. Одинъ Александръ пармскій, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, хладнокровно приказавъ слугамъ убрать мертвыя тѣла и перемѣнить скатерть. Онъ настаивалъ, чтобъ гости и офицеры опять тутъ же сѣли и продолжали обѣдъ, говоря, что онъ «вовсе не намѣренъ давать еретикамъ ни малѣйшаго повода хвастаться, что они смогли помѣшать обѣду Александра Фарнезе».

Взявъ г. Уденордъ, онъ дозволилъ ему откупиться отъ грабежа, потому что въ этомъ городѣ родилась бабушка такого рыцаря безъ страха и упрека, какимъ себя, не безъ основанія, считалъ Александръ пармскій.

Къ нему уже подходила подмога изъ Италіи и Испаніи, и почти одновременно изъ Франціи и Швейцаріи подошли наемники герцога Анжуйскаго. Планы послѣдняго нѣсколько разстроились отказомъ отъ бракосочетанія Елизаветы, а онъ былъ такъ увѣренъ, что требованія политики, какъ и преклонныя лѣта королевы, заставятъ ее посмотрительнѣе взглянуть на его крайне неприглядную наружность. Къ его удивленію, это дѣло разстроилось.

Общая молва ходила, что за участіе Анжу въ разстрѣливаньи безоружныхъ гугенотовъ въ парижскую «Варооломееву ночь» Елизавета чувствовала къ нему нравственное отвращеніе, какъ и физически все въ немъ ее непреодолимо отталкивало. Почти карликъ, женоподобный, уродливо сложенный, Анжу въ двадцать пять лѣтъ былъ совершенно истощенъ всевозможными излишествами и пороками со своими любимчиками. На изрытомъ прыщами лицѣ его вздувался словно двойной носъ, и его соотечественники, насмѣшники-французы, говорили, «что совершенно естественно такому двуличному человѣку, какъ Анжу, обладать и двойнымъ носомъ!» Въ это время Елизавету окружали красавцы, какъ Лейчестеръ и Сиднейй; контрастъ былъ чересчуръ разителенъ. Да она къ первому изъ нихъ питала большую слабость и чуть не вышла за него замужъ.

Несмотря на свой отказъ, Елизавета продолжала выказывать Анжу большое вниманіе, а покровительство ея пошло гораздо далѣе, чѣмъ могли предполагать въ Нидерландахъ.

Когда наступило веселое фламандское Рождество, ко двору герцога Анжуйскаго наѣхало много французской знати, и нѣкоторые приближенные намекали герцогу на унизительность его второстепенной роли въ провинціяхъ. Пора бы ужъ присоединить ихъ къ Франціи. Да, и герцогу давно была нестерпима гордая независимость «этихъ купцовъ» и ненавистенъ Оранскій, талантливая и энергическая фигура котораго совершенно затѣняла собою ничтожнѣйшую фигуру Анжу.

Онъ долго ломалъ себѣ голову, какъ бы половчѣе захватить власть, и однажды ночью призвалъ своихъ соумышленниковъ и любимчиковъ для сообщенія, что онъ все придумалъ, планъ захвата готовъ. Онъ введетъ французскія войска въ главные города провинцій, подъ предлогомъ успокоенія смутъ, которыя искусственно будутъ разжигаться между населеніемъ и солдатами. Любимчики, окружая кровать, съ восторгомъ внимали и хоромъ вторили уродцу. Имъ давно хотѣлось пожить въ богатыхъ городахъ, выставивъ конечно благовидный предлогъ водворенія католичества. Восхитившись своимъ планомъ, герцогъ вскочилъ съ постели и, совершивъ колѣнопреклоненіе передъ статуей святого, въ одной сорочкѣ сталъ отдавать распоряженія по частямъ войска.

Захватъ удался въ нѣкоторыхъ городахъ Фландріи, только осторожный Брюгге во время успѣлъ захлопнуть свои ворота. А въ Антверпенѣ, подъ видомъ слугъ и свиты, герцогъ ввелъ отрядъ кавалеристовъ, которые и должны были, на утренней зарѣ, отворить изнутри ворота, чтобъ впустить въ городъ остальное французское войско. Это, однако, не удалось. Передвиженіе войска встревожило горожанъ, бывшихъ всегда на сторожѣ. Они тотчасъ же отправили бургомистра за разъясненіями къ герцогу. Бургомистръ, передавая ему о тревогѣ горожанъ, сообщилъ о ихъ рѣшеніи протянуть цѣпи, запирающія улицы и освѣтить ихъ на эту ночь, подвѣсивъ по зажженному фонарю у каждаго дома. На это герцогъ сказалъ, что удивляется, какъ можно бояться его солдатъ, вѣдь они служатъ странѣ, при этомъ онъ повторилъ свою обычную фразу, насчетъ готовности пролить кровь до послѣдней капли въ защиту провинцій. Онъ обѣщалъ и Оранскому, въ виду тревоги горожанъ, не ѣздить утромъ въ лагерь. Но вскорѣ онъ вторично заѣхалъ къ Оранскому и сказалъ о неотложной надобности съѣздить въ лагерь, приглашая принца прокатиться туда. Оранскій отказался отъ прогулки.

Въ 10 часовъ утра Анжу выѣхалъ со своими кавалеристами изъ городскихъ воротъ, но они тотчасъ же возвратились, при чемъ одинъ изъ нихъ притворился поврединвшимъ ногу. Подоспѣвшаго привратника они закололи, перекололи и остальную стражу у воротъ. «Впередъ ребята! Антверпенъ вашъ,—

Берите его!» кричалъ герцогъ, пропуская ихъ черезъ мостъ. Двѣсти человѣкъ авангарда. 17 компаній и 600 копейщиковъ. которымъ онъ повторялъ: «Городъ взятъ!» понеслись, дико крича: «Ville gagnée! Vive la messe, tue, tue, tue!» («Городъ захваченъ, да здравствуетъ католическая обѣдня, бей. убивай!») И они стрѣляли изъ мушкетовъ въ людей, выглядывавшихъ изъ оконъ.

Горожане, ошеломленные криками и выстрѣлами своихъ покровителей французовъ, увидѣли, что французы разсѣялись по магазинамъ, особенно ювелирныхъ издѣлій. Пользуясь этимъ, антверпенцы поспѣшили протянуть цѣпи, запирающія улицы и быстро загородили узкія улицы баррикадами изъ экипажей, мебели, камней. Не переставая гремѣлъ набатъ вѣчевого колокола, тревожно и энергично созывая на помощь горожанъ.

Католики и протестанты, забывъ взаимную вражду, жали другъ другу руки и взаимно клялись: «во что бы то ни стало отдѣлаться отъ разбойниковъ французовъ!» Мечи. ружья, кинжалы и дворянскія шпаги мѣшались въ бою съ топорами и всевозможными орудіями ремесла, и въ чемъ были горожане, такъ и кидались на защиту своего города.

Разсказывалось, что полунагой, по тогдашнему обычаю, хлѣбопекъ, съ хлѣбною лопатою отбѣжалъ отъ печи къ двери, услышавъ крики французовъ. и какъ разъ увидѣлъ проѣзжавшаго французскаго офицера, кричавшаго: «бей!» Хлѣбопекъ не далъ ему проѣхать, и такъ хватилъ лопатою, что тотъ свалился съ лошади. Выдернувъ офицерскую шпагу, онъ вскочилъ на его коня и помчался къ сотоварищамъ.

Всѣ дѣйствовали чрезвычайно дружно, изъ всѣхъ оконъ и отовсюду стрѣляли, а когда не хватало пуль, то антверпенцы сгибали зубами монеты и заряжали ими ружья. Женщины и дѣти, взобравшись на крыши, швыряли черепицы и желѣзныя трубы въ головы французовъ, также изъ оконъ валили на нихъ все тяжелое. что попадало подъ руку, котлы, мебель и т. п. Этотъ дружный натискъ такъ оглушилъ французовъ, что они ринулись обратно къ воротамъ, на тамъ уже выслалась большая груда тѣлъ раненыхъ и убитыхъ французовъ. Сюда же лѣзли не попавшіе еще въ городъ солдаты, сталкиваясь съ

бѣгущими изъ города. Всѣ они падали подъ ударами освирѣпѣлыхъ горожанъ. Офицеры, чтобъ остановить бѣгство солдатъ, грозили разстрѣлять ихъ, но ничто не помогало. Паника только росла, и французы просто рвались изъ Антверпена.

Анжу издали, за городомъ ожидалъ развязки, выслушивая тяжелые укоры отъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ французскихъ дворянъ, ничего не знавшихъ объ этой гнусной затѣѣ. Герцогъ, увидѣвъ бѣжавшихъ изъ Антверпена, по близорукости не разглядѣвъ, кто бѣжитъ, сказалъ: «Ну, вотъ мои солдаты гонятъ горожанъ!» Но увидѣвъ, что антверпенцы стрѣляютъ со стѣнъ, и разглядѣвъ, кто бѣжитъ изъ города, Анжу закричалъ маршировавшимъ къ городу своимъ наемникамъ швейцарцамъ: «Спасайтесь!» (Sauve qui peut!) пришпорилъ коня, и былъ таковъ.

Погибло 12.000 человѣкъ французской пѣхоты, 400 всадниковъ и всего около сотни антверпенцевъ во время этого погрома, прозваннаго: «французскимъ бѣшенствомъ» (Furie française) 1583 года. Французы сдѣлали ошибку, которой испанцы никогда не дѣлали. Послѣдніе никогда не начинали съ грабежа, а всегда умѣли, до времени, сдержать свою хищность, они грабили, лишь одолѣвъ населеніе.

Герцогъ Анжуйскій, собравъ свои силы, отступилъ къ Мехельну, но по дорогѣ ему на встрѣчу хлынула вода изъ открытаго мехельнцами шлюза, чтобъ затормозить дальнѣйшее его шествіе. Наводненіемъ потопило около тысячи французовъ. Опять отступивъ, герцогъ Анжуйскій расположился лагеремъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, послѣ всѣхъ своихъ подвиговъ, онъ написалъ письмо Оранскому и антверпенскому магистрату о высылкѣ оставленной имъ въ Антверпенѣ серебряной посуды, а также о доставкѣ провіанта для него и для его войска. Онъ даже разыгрывалъ потомъ роль обиженнаго, а свои дѣйствія объяснялъ то внезапнымъ возмущеніемъ солдатъ, которыхъ онъ не могъ сдержать, то личною местью за несуществующія оскорбленія. Затѣмъ онъ писалъ Оранскому, прося вынутать изъ неловкаго положенія. Оранскій отвѣтилъ ему длиннымъ посланіемъ, въ которомъ не было ни гнѣва, ни упрека, но онъ признавалъ, что «дѣло трудное, такъ какъ

штаты, пожалуй, даже предпочтутъ имѣть дѣло съ открытымъ врагомъ, чѣмъ съ покровителемъ-предателемъ».

Положеніе осложнилось угрожающими посланіями изъ Франціи. отъ королевы-регентши. Екатерины Медичи. матери герцога, требовавшей иного отношенія штатовъ къ герцогу Анжуйскому. Онъ же въ это время заводилъ переговоры и торговался съ Александромъ пармскимъ, относительно передачи ему пограничныхъ съ Франціею городовъ, въ обмѣнъ на захваченные имъ фландрскіе города и выговаривалъ прикрытіе для своего отступленія изъ провинцій, доведенныхъ имъ до сильнѣйшаго раздраженія. Одновременно онъ писалъ и генеральнымъ штатамъ оправданія тономъ оскорбленной невинности. Испанцы втихомолку подсмѣивались надъ его «фарсами». но щадили его—вѣдь онъ имѣлъ шансы сдѣлаться королемъ во Франціи и опаснымъ противникомъ. Всѣ поэтому заявляли сочувствіе герцогу Анжуйскому.

Елизавета англійская, продолжая съ нимъ любезно кокетничать, настаивала, чтобы штаты примирились съ герцогомъ. Въ Голландіи, на засѣданіи штатовъ, Оранскаго спросили, что онъ думаетъ о способахъ обороны и объ отношеніяхъ къ Франціи. на это онъ отвѣтилъ, что считалъ бы «самооборону» лучшимъ средствомъ, но, къ сожалѣнію, по опыту знаетъ, что, за исключеніемъ провинцій Голландіи и Зеландіи, связь остальныхъ провинцій подобна «веревкѣ свитой изъ песку», и вражда сосѣдней Франціи опаснѣе враждебности болѣе отдаленной Испаніи. Французскіе послы твердили о примиреніи, переговоры съ уѣхавшимъ герцогомъ затягивались, а тѣмъ временемъ Александръ пармскій захватилъ уже Ньюпортъ, Дюнкирхенъ, Иперъ, Брюгге, даже Гентъ былъ взятъ измором, при обѣщаніи Александра оберегать всѣ старинныя городскія привилегіи и права. Александръ пармскій дѣйствовалъ безъ всякихъ устрашеній въ завоеванныхъ городахъ.

Попытки Оранскаго примирить провинціи съ герцогомъ Анжуйскимъ возбуждали сильныя подозрѣнія въ предательствѣ. Да, и его вторичная женитьба на француженкѣ, дочери адмирала Колиньи, объяснялась «особеннымъ тяготѣніемъ къ Франціи». Дошло до того, что антверпенцы объявили Оранскому, что «считаютъ его измѣнникомъ, вводящимъ разбойни-

ковъ французовъ». Его изгнали изъ Антверпена. Онъ переселился въ Зеландію.

Продолжающееся побѣдоносное шествіе Александра заставило генеральные штаты отправить, весною 1584 года, посольство во Францію къ герцогу Анжуйскому, но послы нашли его уже въ предсмертной агоніи, въ полнѣйшемъ истощеніи силъ. По случаю смерти Анжу, одинъ изъ современниковъ сказалъ: «не на благо провинцій родился Анжу, но на счастье ихъ умеръ». Съ его смертью прекратились угрозы двухъ королевъ—французской и англійской.

Про Оранскаго распространялась всевозможная клевета, но ему все служило на пользу. Напримѣръ, слухъ о подготовленіи къ примиренію съ Филиппомъ побудилъ голландскіе штаты предложить ему голландскую графскую корону, для того, чтобы отрѣзать возможность идти на миръ съ испанцами. Впрочемъ, Амстердамъ, хотя и голландскій городъ, оттягивалъ расширеніе правъ Оранскаго, и какъ тогда говорилось: «Амстердамъ хотѣлъ протянуть это дѣло до греческихъ календъ».

Брабантскіе штаты, еще за годъ до смерти герцога Анжуйскаго, въ 1583 г., предлагали Оранскому верховную власть, но съ ограниченіями кортенбергской хартіи, т. е. Оранскій былъ бы въ положеніи эрцгерцога Матвѣя или герцога Анжуйскаго. Оранскій отклонилъ предложеніе Брабанта, отвѣтивъ, что не обладаетъ достаточными личными средствами для защиты Брабанта отъ Испаніи.

За эти годы не мало денегъ переплатилъ Александръ пармскій на покупку пистолетовъ убійцамъ всѣхъ націй, зарившихся на 25,000 золотыхъ кронъ, въ которыя Филиппъ оцѣнилъ голову Оранскаго. Къ дому Оранскаго, даже подъ скамью его мѣста въ церкви, подсыпался порохъ, дважды ему отравляли пищу, но все оканчивалось неудачею.

Удалось убить Оранскаго одному бургундцу Жерару, фанатику-іезуиту, чаявшему наградъ на небесѣ и на землѣ за подвигъ уничтоженія вреднѣйшаго еретика Оранскаго. Жераръ служилъ писцомъ во Франціи и давно носился съ мечтою убить Оранскаго, и эту рѣшимость подогрѣвали въ немъ іезуиты въ разныхъ городахъ. Онъ писалъ Александру пармскому, но когда явился къ нему, то его мизерная фигура не

внушила довѣрія. Александръ не далъ ему даже обычнаго задатка на покупку пистолета. Вскорѣ Жерара отправили курьеромъ въ Дельфтъ, для извѣщенія Оранскаго о скоропостижной смерти герцога Анжуйскаго. Жераръ былъ въ восторгѣ отъ такого порученія. Оранскій лежалъ еще въ постелѣ, когда къ нему явился Жераръ съ письмомъ, и онъ подробно Жерара разспрашивалъ о болѣзни и смерти герцога. Случай былъ такой удобный покончить наединѣ съ Оранскимъ, но у Жерара не было пистолета. Но тогда же ему удалось разжалобить Оранскаго, назвавшись сыномъ казненнаго кальвиниста, разореннымъ бѣднякомъ, Франциской Гюономъ. Оранскій щедро далъ ему денегъ на покупку сапогъ и чулокъ. На эти деньги Жераръ купилъ пистолеты, ядъ, пули и лошадь для побѣга. Затѣмъ онъ вторично явился къ Оранскому, во время его обѣда, съ просьбою о выдачѣ проѣзднаго свидѣтельства. Оранскій распорядился выдачей паспорта, но выраженіе лица Жерара было таково, что напугало жену Оранскаго, послѣдній посмѣялся надъ ея тревогой и продолжалъ прерванную бесѣду съ обѣдавшимъ у нихъ пріятелемъ. Тотчасъ послѣ обѣда Оранскій направился изъ столовой въ свои аппартаменты, и въ то время, какъ онъ медленно спускался по лѣстницѣ, изъ ниши въ стѣнѣ выступилъ Жераръ и выстрѣлилъ въ упоръ тремя отравленными пулями. Отъ паденія Оранскаго удержалъ старый слуга, но черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Убійцѣ не удалось добѣжать до коня за рвомъ, онъ запнулся, упалъ и былъ схваченъ стражею и слугами. Жераръ торжествовалъ, будучи увѣренъ, что наповалъ убилъ Оранскаго отравленными пулями. Онъ громко выражалъ свою радость и среди ужасныхъ пытокъ улыбался. Ему заживо сожгли правую руку, подъ конецъ, разорвавъ внутренности, вырвали сердце и бросили ему въ лицо.

Убійство Оранскаго совершилось наканунѣ признанія его графомъ голландскимъ. Проживи онъ дольше, достигъ ли бы онъ единовластія? Едва ли, потому что олигархическая партія была очень сильна.

Филиппъ убійствомъ Оранскаго ничего не добился. Сѣверныя провинціи не только не подчинились ему, но убійство Оранскаго встряхнуло самыхъ апатичныхъ въ Нидерландахъ,

и на предложеніе Александра пармскаго примкнуть къ остальнымъ провинціямъ, уже подчинившимся Испаніи, «такъ какъ тиранъ уничтоженъ» (подъ словомъ тиранъ онъ разумѣлъ Оранскаго), генеральные штаты вмѣсто отвѣта учредили изъ представителей штатовъ провинцій новый государственный совѣтъ, завѣдывавшій вооруженіемъ, и приступили къ набору войска (1584 г.), чтобы продолжать войну съ испанцами. Генеральные штаты попрежнему сохраняли за собою право на рѣшеніе войны и мира.

Гроза все близилась, уже Александръ захватилъ почти всю Фландрію и приближался къ Брюсселю, повсюду щедро разсыпая обѣщанія мира, амнистіи, льготъ. Голландія и Зеландія рѣзко отказались отъ всякихъ переговоровъ «съ вѣроломными убійцами отца родины» (такъ прозывали Оранскаго). Даже постановлено было предавать повѣшенію каждаго, кто заикнется или явится съ мирными предложеніями отъ испанцевъ. Голландцы твердо рѣшили жить и умереть за начатое освобожденіе отъ Испаніи. Приближаясь къ Брюсселю, Александръ пармскій отрѣзалъ всѣ пути сообщенія. Всюду прекратился подвозъ припасовъ, начались голодъ и смерть въ Брюсселѣ. Депутація брюссельскихъ дворянъ явилась къ Александру, и, въ 1585 г., Брюссель открылъ свои ворота испанцамъ.

Еще до сдачи Брюсселя одинъ небольшой эпизодъ рисуетъ характерную сцену попытки захвата этого города сыномъ казненнаго Альбой графа Ламореля Эгмонта Филиппомъ Эгмонтомъ, который, будучи на службѣ штатовъ, игралъ въ руку испанцевъ. Онъ явился на зарѣ къ воротамъ Брюсселя со своими кавалеристами и, перерѣзавъ караулъ у воротъ, занялъ площадь передъ брюссельскою ратушею. Брюссельцы схватились за оружіе, быстро забаррикадировали узкія улицы, примыкающія къ площади, и Филиппъ Эгмонтъ поздно спохватился, что попался въ свои собственныя сѣти. Цѣлыя сутки продержали ихъ голодомъ, такъ что его кавалеристы, потерявъ терпѣніе, утрачивали къ нему всякую почтительность. Отъ горожанъ онъ выслушивалъ рядъ насмѣшекъ и горькихъ укоровъ. Его спрашивали:

«Ужъ не явился-ли онъ на эту площадь отыскивать отрубленную испанцами голову своего отца графа Ламореля

Эгмонта? Какъ разъ завтра годовщина казни. Но развѣ онъ не знаетъ, что голова графа Ламореля Эгмонта отправлена въ Испанію, по требованію Филиппа!?»

«А сынокъ торопится лизать окровавленныя испанскія руки!»

Граждане Брюсселя кричали ему: «Измѣнникъ сынъ! Подними булыжникъ изъ мостовой этой площади, и завопіетъ изъ нихъ кровь казненнаго героя—твоего отца!» и т. п.

Черезъ сутки его выпустили съ полкомъ. Удаляясь, онъ грабилъ деревни. Потомъ онъ оправдывался, завѣряя штаты, что «его оклеветали, и что у него не было дурныхъ намѣреній», но въ то же время онъ выпрашивалъ у Филиппа губернаторское мѣсто.

Послѣ капитуляціи Брюсселя, дошло дѣло и до Антверпена. Предвидя эту осаду, покойный Оранскій говорилъ о необходимости пролома плотинъ, чтобъ наводненіемъ окрестностей соединить Антверпенъ съ моремъ и не дать возможности взять городъ измором. Оранскій предсказывалъ, что Александръ непремѣнно построитъ мостъ черезъ Шельду къ Антверпену и отрѣжетъ городу всѣ сообщенія. На это не обратили вниманія, главнымъ образомъ потому, что могущественный мясничный цехъ поднялъ гвалтъ, что отъ наводненія у него погибнетъ болѣе 20,000 быковъ на пригородныхъ пастбищахъ, и всѣ иронически улыбались, говоря о какомъ-то фантастическомъ мостѣ, рисовавшемся воображенію покойнаго Вильгельма Молчаливаго.

Но вотъ подошелъ къ Шельдѣ Александръ и началъ строить мостъ черезъ Шельду. Вся неспособность и растерянность управленія выродившихся патриціевъ сказалась во время бѣды, и скоро главныя плотины оказались въ рукахъ Александра, который лишь на мигъ встревожился, когда одной энергической группѣ горожанъ удалось взорвать часть его моста миноносными лодками. Въ ту минуту Александръ подумалъ, что гибель его рѣшена, навѣрное антверпенцы не упустятъ напасть и на его изможденное голодомъ и болѣзнями войско. Филиппъ тогда лишалъ его всякихъ средствъ.

Скоро Александръ совершенно успокоился,—антверпенскіе заправилы не надумали выслать милицію, и ему оставалось немного подождать, когда голодъ заберется въ Антверпенъ.

Это случилось очень скоро, такъ какъ всѣ сообщенія съ Антверпеномъ были отрѣзаны.

Теперь дѣло шло здѣсь ужъ не о 20,000 бычьихъ головъ, а о собственныхъ головахъ антверпенскихъ гражданъ и о милліонныхъ убыткахъ. Антверпенъ капитулировалъ въ 1585 г., на условіи сохраненія городскихъ правъ и самоуправленія, уплативъ громадную контрибуцію.

Положеніе сѣверныхъ провинцій становилось угрожающимъ, между тѣмъ могущество Филиппа испанскаго выросло съ завоеванія Португаліи [1]). Съ отчаянія штаты обратились къ французскому королю, моля о защитѣ, даже предлагая ему нидерландскія провинціи, но французскій король, руководимый іезуитами, отказался, не соглашаясь на допущеніе иной религіи, кромѣ католической. Штаты обратились къ Англіи, и умная Елизавета съ удовольствіемъ приняла роскошный даръ, хотя отъ полнаго владѣнія она отказалась, но за вооруженную помощь взяла въ залогъ лучшія нидерландскія гавани, Флиссингенъ и Брилль, до уплаты долга. Оберегать провинціи отъ Испаніи входило въ расчеты Елизаветы, такъ какъ, захвативъ Нидерланды, испанцы непремѣнно высадились бы въ Англіи. Елизавета поспѣшила отправить въ Нидерланды своего любимца графа Лейчестера, назначивъ его главнокомандующимъ англійскаго войска.

ГЛАВА VIII.

Штатгальтеры и адвокаты.

Этотъ выборъ Елизаветы былъ довольно неудаченъ. Льстивый царедворецъ Лейчестеръ былъ грубымъ, крайне недалекимъ человѣкомъ и плохимъ главнокомандующимъ. Совершенно не

---

[1]) Филиппъ мечталъ даже о всеевропейской монархіи: какъ членъ Габсбургскаго дома онъ надѣялся быть избраннымъ германскимъ императоромъ. Тронъ Англіи казался ему тоже не далекимъ, потому что еретичку Елизавету папа предалъ анаѳемѣ, а Филиппъ II былъ потомкомъ герцога Ланкастерскаго. Французскій тронъ онъ считалъ за своею дочерью, отрицая салическій законъ престолонаслѣдія.

сумѣвъ понять среды, въ которую попалъ, онъ не оцѣнилъ значенія ея представителей и свысока смотрѣлъ на самоуправленіе республики семи сѣверныхъ соединенныхъ провинцій. Лейчестеръ стремился только къ захвату власти и ради этого опирался на толпу невѣжественныхъ кальвинистовъ и ихъ проповѣдниковъ. Утрехтъ былъ тогда очагомъ фанатическаго кальвинизма. Кальвинисты съ прекращеніемъ на нихъ католическихъ гоненій проявляли нетерпимость и изувѣрство, которое доходило до сожженій на кострѣ [1]) а кальвинистское духовенство утрехтской области владѣло уже громадными земельными имуществами, совершенно какъ католическое духовенство.

Прибытіе Лейчестера изъ Англіи съ войскомъ для защиты провинцій отъ испанцевъ вызвало такой радостный пріемъ новаго протектора, что вскружило ему совершенно голову, и Лейчестеръ, позабывъ скромную роль главнокомандующаго англійскимъ войскомъ, взялъ на себя званіе штатгальтера съ неограниченною властью, не испросивъ даже разрѣшенія своей королевы. Елизавета страшно разгнѣвалась, прекратила высылку денегъ, но потомъ опять смѣнила свой гнѣвъ на милость.

Новый штатгальтеръ не выносилъ ни малѣйшаго противорѣчія и очень скоро поднялъ противъ себя голландцевъ. Надо прибавить, что предусмотрительные голландцы, несмотря на пышный и восторженный пріемъ Лейчестера, передъ самымъ его прибытіемъ избрали провинціальнымъ штатгальтеромъ Морица, сына покойнаго Оранскаго.

Морицъ, окончивший образованіе въ Лейденскомъ университетѣ, уже предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ, выдвигаемый другомъ своего отца Ванъ Ольденбарневельдомъ, адвокатомъ-пенсіонаріемъ роттердамскихъ штатовъ. Послѣдній надѣялся, что Морицъ будетъ твердо держать знамя своего отца Вильгельма Оранскаго, т. е. стоять за свободу совѣсти, и онъ видѣлъ въ немъ своего союзника на пути мирныхъ завоеваній

Ванъ Ольденбарневельдъ былъ однимъ изъ основателей республики семи сѣверныхъ соединенныхъ провинцій, и голландскіе провинціальные штаты высоко цѣнили его политическую

[1]) Кальвинъ въ Женевѣ сжегъ на кострѣ Серве.

опытность и громадный дипломатическій тактъ. Штаты высказывались, что безъ Ольденбарневельда имъ бы не обойтись. Особенно это сказалось, когда, благодаря Лейчестеру и его ненависти къ голландцамъ, осложнились всѣ нидерландскія дѣла. Лейчестеръ, въ угоду возвесшимъ его утрехтскимъ кальвинистамъ, соперникамъ голландцевъ въ торговлѣ, прекратилъ всѣ торговыя отношенія голландцевъ съ испанцами (1586 г.). До этого времени голландцы не переставали торговать у испанскихъ береговъ въ теченіе всей войны, а испанцы не могли обходиться безъ голландскихъ товаровъ. Запретительный торговый декретъ Лейчестера понизилъ платежную способность голландской провинціи, чѣмъ сократился притокъ голландскихъ денегъ въ общую кассу обороны всѣхъ провинцій. Голландская провинція всегда больше всѣхъ вносила въ эту кассу, что было тогда особенно важно, потому что даже англійское войско въ провинціяхъ не имѣло ресурсовъ. Елизавета, несмотря на обѣщаніе, очень затруднялась высылать денегъ.

Англія была бѣдна. Англійскіе финансы были въ плачевнѣйшемъ состояніи, благодаря безумному хозяйничанью предшественниковъ Елизаветы, а въ провинціяхъ неуплата жалованья наемникамъ англійскаго войска привела къ отказу защищать провинціи. Въ это время Александру пармскому удались захваты городовъ на рр. Иссолѣ и Маасѣ, при чемъ англійскіе командиры беззастѣнчиво продавали испанцамъ нидерландскія крѣпости и гавани, такъ, напр., проданы были крѣпость Остенде, Бергенъ-онъ-Цомъ и Слюзъ, крѣпость юго-западной Голландіи, откуда испанцамъ очень легко было сдѣлать десантъ въ Англію.

Возмущенная Елизавета потребовала къ себѣ Лейчестера, а его отсутствіемъ воспользовались генеральные штаты, т. е. вліятельнѣйшіе между ними голландскіе представители, поторопившіеся уничтожить постановленіе Лейчестера, прекращающее торговлю съ Испаніею. Они поспѣшили также назначить генералъ-адмираломъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Морица Оранскаго, а Лейчестеру написали въ Англію рѣзкое посланіе, съ упреками за подрывъ торговли, заявляя ему, что сумѣютъ теперь отстоять свое самоуправленіе.

Конечно, Лейчестеру не хотѣлось такъ легко разстаться съ властью, поэтому до возвращенія изъ Англіи въ Нидерланды

онъ постарался упрочить свое положеніе, прислав въ Утрехтъ для напечатанія чрезвычайно хвалебное письмо къ нему королевы и рядомъ дерзкое письмо голландцевъ. Утрехтскіе кальвинисты еще напечатали отъ себя: «Королева Елизавета давно бы прислала новое войско и денегъ для освобожденія Нидерландъ отъ испанцевъ, если бы не была оскорблена за своего любимца Лейчестера, котораго такъ принизили голландскіе штаты».

Елизавета прислала лорда Бокгерста мирить голландскіе штаты съ Лейчестеромъ, а такъ какъ Александръ пармскій готовилъ новые захваты, то и пришлось генеральнымъ штатамъ, т. е. вліятельнымъ среди нихъ голландскимъ представителямъ, установить миръ и идти на уступки Лейчестеру Тогда онъ приплавилъ изъ Англіи свѣжее войско и привезъ англійскія деньги, но это нисколько не защитило отъ испанцевъ, совершавшихъ все новые захваты.

Впрочемъ, Лейчестеръ менѣе интересовался войною съ испанцами, чѣмъ борьбою съ голландцами, предпринявъ цѣлую систему разоренія голландскаго купечества требованіями уплаты штрафовъ за всю прежнюю торговлю съ Испаніею за множество лѣтъ, и его агенты безцеремонно рылись въ купеческихъ конторскихъ книгахъ.

Наконецъ Елизавета, затрудняясь все новыми затратами на англійское войско въ провинціяхъ, начала считать борьбу съ испанцами совершенно безплоднымъ дѣломъ. Она уже склонялась къ миру. Лейчестеръ очень боялся, какъ бы въ провинціяхъ не провѣдали о проектѣ мира королевы съ испанцами, очень хорошо зная, какъ это вооружитъ всѣхъ противъ него, и чтобы какъ нибудь отвести отъ себя грозу, онъ пытался набросить тѣнь на генеральные штаты, обвиняя ихъ въ отказѣ денежныхъ средствъ для продолженія военныхъ дѣйствій. Тогда генеральные штаты обнародовали проектъ замиренія Елизаветы съ Филиппомъ испанскимъ, но это показалось до того чудовищнымъ, что никто и вѣрить не захотѣлъ. Хитрый Лейчестеръ и этимъ воспользовался, заявивъ, что мирный договоръ съ Испаніею состоится лишь въ случаѣ полнѣйшаго истощенія средствъ для продолженія войны, при этомъ онъ старался возбуждать недовѣріе къ способностямъ голландскаго

главнокомандующаго Морица Оранскаго и честисти адвоката штатовъ Ольденбарневельда. Послѣдній былъ тогда уже адвокатомъ генеральныхъ штатовъ.

Лейчестеръ покусился даже на захватъ Амстердама, явясь подъ какимъ-то предлогомъ съ вооруженною свитою, но тогда выручилъ Амстердамъ осторожный и догадливый бургомистръ, окружившій Лейчестера сильнымъ голландскимъ отрядомъ стрѣлковъ, въ видѣ почетнаго эскорта, который и во время парадnаго обѣда въ честь Лейчестера находился за ковровою перегородкою. Стрѣлки держали наготовѣ свои мушкеты.

Окончательно очнулись провинціи и прекратили ссоры и соперничество, когда подтвердился слухъ о мирѣ Елизаветы съ испанцами. Громадныя толпы шумно и возбужденно требовали отъ Лейчестера официальнаго подтвержденія относительно прекращенія военныхъ дѣйствій противъ Испаніи. Тогда Лейчестеръ въ сильномъ смущеніи скрылся въ Англію.

Елизаветѣ пришлось-таки воевать съ испанцами заодно съ провинціями. Это случилось послѣ предпріятія одного изъ безчисленныхъ корсаровъ того времени, когда одинъ изъ этихъ авантюристовъ, англичанинъ Дрекъ, съ 24 судами своей флотиліи напалъ, пожегъ и потопилъ испанскій флотъ въ самомъ Кадиксѣ, а Филиппъ счелъ Англію отвѣтственной за дѣйствія этого корсара. Въ 1588 году Филиппъ снарядилъ сильную армаду, отправлявшуюся якобы въ Америку, но она появилась у береговъ Англіи, и Александръ пармскій долженъ былъ присоединиться къ ней въ Кале.

Напрасно Александръ просилъ позволенія сначала закончить покореніе семи сѣверныхъ провинцій, а не давать имъ времени укрѣпиться. Филиппъ не внялъ и просьбѣ его, дозволить хоть захватить портъ Флиссингенъ, откуда голландцы могли высылать военныя суда противъ испанской армады. Это и случилось. Голландскіе крейсеры, таившіеся въ многочисленныхъ лагунахъ и рукавахъ Шельды, не давали Александру присоединиться къ испанской армадѣ, а затѣмъ въ тяжелую, мало подвижную армаду пущены были зажженныя англійскія барки, съ горючими веществами. Увидѣвъ ихъ, испанскій экипажъ, охваченный паникою, въ смятеніи закричалъ: «Огненныя суда гёзовъ!» Испанцы вынуждены были перерѣзать якорные канаты

своихъ судовъ, спасая армаду въ открытомъ морѣ отъ общаго пожара, а въ это время легкія, быстрострѣляющія англійскія и нидерландскія суда преслѣдовали въ морѣ неуклюжіе испанскіе корабли [1]). Помогала имъ и разыгравшаяся буря. Армада была потоплена и уничтожена.

Растроганная Елизавета прислала горячее спасибо штатамъ за ихъ своевременную помощь и... только. Но зато Елизавета навсегда покинула проектъ мира съ Филиппомъ испанскимъ.

Нидерландскія провинціи смогли передохнуть, когда Филиппъ занялся французскою войною [2]) и отправилъ командовать войскомъ Александра пармскаго. Едва Александръ повернулъ спину провинціямъ, какъ тутъ началось всеобщее ликованіе. Пользуясь его отсутствіемъ, голландскій главнокомандующій. Морицъ Оранскій. отобралъ важный стратегическій пунктъ—крѣпость и городъ Бреда. Хотя тутъ нельзя говорить объ успѣхахъ оружія Морица, такъ какъ голландскихъ стрѣлковъ пришлось. подъ видомъ торфа, провезти въ трюмѣ торфяного судна, доставивъ въ крѣпость какъ матеріалъ для отопленія. Этотъ необыкновенный торфъ не былъ обревизованъ испанцами, а легкомысленно оставленъ на ночь въ судиѣ у берега, благодаря оплошности неопытнаго молодого испанскаго дворянина, временно командовавшаго крѣпостью. Ночью крѣпостной караулъ былъ, конечно, перебитъ выскочившими изъ трюма голландцами. Къ этому времени подоспѣло и сухопутное голландское войско и легко справилось съ небольшимъ испанскимъ гарнизономъ въ крѣпости Бреда

Такъ взята была Бреда. Вѣсть о взятіи быстро разнеслась по провинціямъ, и въ эту ночь трезвонили во всѣ колокола, зажигались всюду потѣшные огни, и веселились больше, чѣмъ въ рождественскія ночи старой, веселой Голландіи.

Захватъ Бреды такъ поднялъ репутацію Морица, что пять провинцій признали его своимъ штатгальтеромъ. Даже Утрехтъ

---

[1]) Въ Испаніи не гонялись за новизною и продолжали строить тяжелыя, неповоротливыя суда старинной конструкціи, разбиваемыя во всѣхъ моряхъ англичанами и голландцами.

[2]) Филиппъ готовилъ тогда французскую корону для своей любимой дочери Изабеллы и сыпалъ деньгами «католической лигѣ», агитировавшей противъ гугенота Генриха IV французскаго.

подалъ за него голосъ, подъ условіемъ, что генеральные штаты предоставятъ право кальвинистскому духовенству «не дозволять языческо-католическаго идолопоклонства въ Утрехтской области». И дальше удалось Морицу воспользоваться отсутствіемъ главныхъ силъ испанскаго войска, и не особенно трудна была задача этого главнокомандующаго, когда передъ нимъ открывались ворота городовъ, и населеніе помогало изгонять или избивать слабые остатки испанскихъ гарнизоновъ.

Мориць ввелъ дисциплину и по новому организовалъ войско, установивъ правильную уплату жалованья солдатамъ, въ десятидневные сроки, благодаря чему солдаты-наемники, считавшіеся до этого настоящими разбойниками, превратились въ желанныхъ гостей и квартирантовъ. Въ городахъ наперерывъ всѣ хотѣли имѣть военныхъ своими постояльцами, а жившій тогда въ Голландіи итальянецъ, хваля чистоту голландскихъ нравовъ разсказывалъ: «Всякій хозяинъ можетъ спокойно уходить изъ дома по своимъ дѣламъ, хотя въ домѣ у него квартируютъ военные и имѣются дочери».

Несмотря на строгую дисциплину, ученья, маршировки и работы, введенныя Морицемъ, солдаты любили его и не только за выгодность походовъ съ нимъ, а и за умѣнье обращаться запросто, весело.

Мориць заковалъ своихъ солдатъ въ броню, вооружилъ ихъ пистолетами, шпагами. Онъ отобралъ много городовъ, гаваней, освободилъ пути сообщенія, въ періодъ 1591 и 1592 года, сначала благодаря отъѣзду, а потомъ смерти Александра Пармскаго, впавшаго въ немилость неблагодарнаго Филиппа, который очень легко вѣрилъ всякой клеветѣ. На Александра уже сыпались обвиненія въ измѣнѣ, и главнымъ образомъ изъ за его дружбы съ итальянцами, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства; но это возбуждало зависть испанцевъ и создало враговъ Александру. Да и самъ Филиппъ завидовалъ все растущей популярности и славѣ Александра и окружалъ его соглядатаями. Слишкомъ долго игралъ Александръ такую выдающуюся роль, а Филиппъ не выносилъ чужого превосходства.

Онъ внезапно вызвалъ Александра въ Мадридъ, въ то время, какъ тотъ уже полубольной, по приказанію Филиппа, снаряжался въ третій французскій походъ. Филиппъ, по своему

обыкновенію, написалъ ему прелюбезное письмо, прося вернуться въ Испанію, «чтобъ дать добрый совѣтъ своему королю», но одновременно другому гонцу поручено было силою заставить Александра вернуться въ Мадридъ, если онъ не захочетъ сдѣлать этого добровольно.

Къ своему счастью, Александръ пармскій умеръ въ Аррасѣ, по дорогѣ въ Испанію, въ 1592 г., но уже передъ этимъ Филиппъ назначилъ новаго главнокомандующаго. Такова была награда лучшему сподвижнику, пожертвовавшему все свое состояніе на нужды вѣчно голодающаго испанскаго войска. Въ Мадридѣ ждала его опала, можетъ быть хуже того, но, къ счастью, судьба сжалилась, и смерть во время выручила его отъ незаслуженнаго публичнаго позора.

Временно его замѣстилъ энергическій испанецъ, графъ Фуэнтосъ,—солдатъ школы Альбы. Онъ началъ усиѣшную аттаку и не давалъ откупаться ни городамъ отъ грабежей, ни плѣнникамъ отъ висѣлицы.

Но это были уже послѣднія потуги Испаніи. Въ 1593 году, старѣющій Филиппъ назначилъ правителемъ въ южныя провинціи своего родственника, эрцгерцога Эрнеста австрійскаго, вялаго подагрика, воспитаннаго при его дворѣ. Филиппъ обѣщалъ въ жены и ему, какъ многимъ, свою любимую дочь Изабеллу.

При слабомъ Эрнестѣ удалось Морицу Оранскому отобрать нѣсколько городовъ [1]). Эрнестъ предлагалъ миръ штатамъ провинцій на прежнихъ основаніяхъ, но штаты отвѣтили: «невозможенъ миръ, когда только что по приказанію Филиппа Фуэнтосъ подсылалъ убійцъ къ Морицу и подкупалъ докторовъ для отравленія королевы Елизаветы англійской и короля Генриха IV французскаго, лучшихъ союзниковъ республики семи сѣверныхъ соединенныхъ провинцій».

Черезъ годъ Эрнестъ умеръ, не дождавшись инфанты Изабеллы, за то его брату, архіепископу Альберту, посчастливилось; черезъ три года онъ добился всего, т. е. за него выдалъ Филиппъ сорокалѣтнюю Изабеллу. Ради этого Альберту пришлось сложить архіепископскій санъ и шляпу кардинала, но съ

[1]) Тогда былъ взятъ г. Гронингенъ и Гертруденбургъ.

рукою инфанты Изабеллы должны были перейти въ наслѣдство: Фландрія, Брабантъ, Геннегау и другія присоединенныя къ Испаніи провинціи.

Филиппъ отправилъ Альберта правителемъ въ провинціи, и въ числѣ блестящей свиты прибылъ туда и старшій сынъ Вильгельма Молчаливаго, воспитанный въ Испаніи іезуитами. Они, однако, не смогли искоренить въ немъ глубокаго почтенія къ памяти отца, и онъ не позволялъ въ своемъ присутствіи дурно отзываться о покойномъ. Въ Мадридѣ онъ даже выкинулъ изъ окна [1]) испанскаго офицера, дурно отзывавшагося въ его присутствіи объ его отцѣ. Офицеръ до смерти расшибся о мостовую.

Въ Брюсселѣ ему объявили, что Филиппъ возвратитъ ему всѣ конфискованныя владѣнія его отца и назначитъ еще громадную пенсію, если только онъ согласится выплачивать опредѣленную сумму наслѣдникамъ убійцы своего отца. Услышавъ такое возмутительное предложеніе, онъ такъ вспылилъ, что кинулся съ кинжаломъ на объявлявшаго ему такую милость, и только вмѣшательство присутствующихъ, бросившихся между ними, помѣшало ему закончить свою личную расправу.

Филиппъ хотѣлъ вторично отправить испанскую армаду къ англійскимъ берегамъ, но Елизавета рѣшила предупредить этотъ вторичный визитъ и сама аттаковала армаду у испанскихъ береговъ. На это предпріятіе соблазняла прежняя удача корсара Дрека. Когда англійскіе и нидерландскіе корабли неожиданно появились въ Кадиксѣ, они произвели такой переполохъ и привели въ такое разстройство испанскую армаду, что безъ всякаго труда захвачены были цитадель и городъ Кадиксъ (1596 г.). Испанцы сами сожгли корабли, чтобъ они не достались ихъ врагамъ, а на башняхъ Кадикса побѣдоносно взвились трехцвѣтные флаги гёзовъ рядомъ съ англійскимъ флагомъ. Можно было бы тогда же окончательно сломить Испанію, поднявъ возстаніе испанскихъ мавровъ и Арагонію, да только англичане и голланды не рѣшились на это и ушли изъ Кадикса. Въ это время никто еще не понималъ, что Испанія находится уже въ состояніи полнаго разслабленія. Всѣ

[1]) Выбрасываніе изъ оконъ «фенестрація» было дѣломъ довольно обычнымъ.

преувеличивали ея силы. Черезъ нѣкоторое время Филиппъ выслалъ вновь армаду, но буря и англичане опять сокрушили ее.

Упрямство Филиппа продолжать эту полувѣковую войну съ Нидерландами, вмѣстѣ съ другими причинами, привело Испанію къ совершенному банкротству, и пришлось объявить о несостоятельности Испаніи въ уплатѣ долговъ. Послѣ чего взбунтовались солдаты, наемники испанскаго войска въ провинціяхъ (1597 г.), что опять облегчило захваты Морица Оранскаго.

Въ томъ же году Филиппъ сдалъ своей дочери Изабеллѣ и зятю Альберту наслѣдство, а черезъ нѣсколько недѣль онъ уже былъ при смерти. При передачѣ подвластныхъ Испаніи провинцій, Филиппъ, не обращая никакого вниманія на давно совершившееся фактическое освобожденіе семи сѣверныхъ провинцій, причислилъ и ихъ къ своимъ владѣніямъ передаваемымъ имъ дочери. Главнымъ условіемъ передачи была охрана единой католической церкви и недопущеніе провинцій къ торговлѣ съ Индіею изъ за конкурренціи для испанской торговли. На притязанія подданства со стороны Альберта, республика семи сѣверныхъ соединенныхъ провинцій, не удостоила даже отвѣтомъ наслѣдницу Филиппа Изабеллу и ея супруга Альберта.

Въ 1598 г., великій истребитель человѣчества, семидесятидвухлѣтній Филиппъ II, умеръ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни онъ былъ прикованъ подагрою къ креслу и не выходилъ изъ узенькой комнатки, альковъ которой сообщался оконцемъ съ часовнею, и черезъ это оконце Филиппъ слышалъ церковную службу. Тутъ же Филиппъ принималъ министровъ для совѣщаній. Передъ самою кончиною Филиппъ приказалъ перенести себя къ главному алтарю Экскуріала, надѣясь, несмотря на свои грѣхи, быть ближе къ вѣчному блаженству.

Испанскій наслѣдникъ Филиппъ III всецѣло находился въ рукахъ своихъ фаворитовъ, а важнѣйшимъ актомъ управленія Филиппа III было изгнаніе изъ Испаніи дѣятельнѣйшаго промышленнаго населенія мавровъ, и это изгнаніе мавровъ изъ за католической нетерпимости окончательно подорвало испанскую индустрію.

Въ Нидерландской республикѣ изъ за сильной кальвинистской нетерпимости католическое населеніе не было уравнено въ правахъ съ протестантскимъ. Главнымъ защитникомъ этого уравненія является свободомыслящій адвокатъ генеральныхъ штатовъ Ванъ Ольденбарневельдъ, который такъ трагически окончилъ свою жизнь на плахѣ.

Тонкій дипломатъ Ванъ Ольденбарневельдъ надѣялся одними дипломатическими переговорами и съ помощью Франціи покончить счеты съ издыхающей Испаніей, но онъ встрѣтилъ противника своей политики въ лицѣ главнокомандующаго Морица Оранскаго, считавшаго военныя дѣйствія необходимыми, чтобъ не дать времени Испаніи собраться съ новыми силами. Съ другой стороны, федеральному самоуправленію республики угрожала опасность, такъ какъ только война и военное положеніе давало неограниченную власть главнокомандующему, пользующемуся во время войны правомъ смѣщать неправящіеся ему городскіе магистраты, что подрывало самостоятельность провинціальнаго управленія.

Хотя Ольденбарневельдъ довѣрялъ Морицу, но и онъ настаивалъ на болѣе быстромъ веденіи войны, на рѣшительныхъ сраженіяхъ во Фландріи, привлекая сочувствіе Франціи захватами въ ея пользу. Такимъ образомъ, голландская милиція была двинута во Фландрію, къ г. Ньюпорту, но фламандскіе крестьяне до того враждебно относились къ ней и такъ стѣсняли движеніе своихъ голландскихъ освободителей, что войско Морица съ трудомъ могло подвигаться, а о внезапномъ захватѣ Ньюпорта не могло быть и рѣчи.

Испанцы между тѣмъ устроили Морицу западню, и онъ очутился со всѣми своими наличными силами въ ужасной, критической позиціи между испанцами, морскимъ приливомъ, рѣкою и городскою стѣною. Морицъ объявилъ своимъ солдатамъ, что: «у нихъ нѣтъ никакого отступленія: впереди испанцы, а сзади на нихъ устремляются волны морского прилива». Его солдаты отчаянно дрались, и выручила Морица его кавалерія.

Одержавъ побѣду, потрясенный до слезъ, Морицъ снялъ шляпу и молился. Въ это время къ нему подошелъ Ванъ Ольденбарневельдъ, поздравляя съ побѣдою. Народная легенда при-

бавляетъ, что Морицъ далъ ему пощечину, до того былъ раздраженъ только что пережитымъ, рискованнымъ предпріятіемъ, въ которое вовлекъ его Ольденбарневельдъ. Народная фантазія этимъ подчеркивала все растущую вражду главнокомандующаго генеральныхъ штатовъ съ адвокатомъ генеральныхъ штатовъ, могущественнымъ вождемъ штатовъ голландской провинціи.

Побѣда у Ньюпорта не дала результатовъ. Голландцы не смогли взять ни Ньюпорта, ни Дюнкирхена (западная гавань). Поэтому съ 1600 года Ольденбарневельдъ энергично стремится къ замѣнѣ войны дипломатическими переговорами, на которые былъ такъ ловокъ этотъ адвокатъ штатовъ.

Мирныя предложенія Альберта и Изабеллы были отклонены въ виду того, что республика не можетъ договариваться съ южными провинціями, какъ съ независимымъ отъ Испаніи государствомъ или дружественнымъ сосѣдомъ, пока тамъ находятся испанскія войска.

Со смертью союзницы Елизаветы, нападенія на республику сдѣлались смѣлѣе, и хотя голландцы пытались напустить море на испанцевъ, защищая г. Остенде [1]), но испанская бомбардировка не оставила камня на камнѣ. Даже Изабелла прослезилась, увидѣвъ одинъ дымящіяся развалины, вмѣсто красивѣйшаго прежде города Остенде. Одно утѣшеніе было у голландцевъ: они безъ счета топили и захватывали испанскіе корабли, цѣлые испанскіе флотиліи въ Гибралтарѣ и отдаленныхъ моряхъ.

Въ концѣ разоренная Испанія съ безхарактернымъ Филиппомъ III не могла болѣе затягивать войны. Всѣ жаждали давно мира. Однако послѣ короткаго перемирія (1607 г.) испанцы еще разъ поднимаютъ старыя требованія о прекращеніи нидерландской торговли съ Индіею, снятіи голландской блокады съ устья рѣки Шельды и просятъ согласиться «хоть терпѣть католическую вѣру». Нелѣпое требованіе прекращенія торговли, когда остиндская голландская компанія приносила громадные барыши, заставило перервать восьмимѣсячное пере-

[1]) Послѣдній фландрскій портъ, еще не занятый испанцами Остенде осаждалъ энергическій испанскій полководецъ Спинола, послѣ смерти Елизаветы англійской, скончавшейся въ 1603 году.

миріе, хотя партія Ольденбарневельда давно готова была «терпѣть» католическую вѣру.

Переговоры тянулись цѣлыхъ три года, часто обрываясь и все изъ за условія о прекращеніи торговли съ Индіей. Ольденбарневельдъ съ пятью провинціями стоялъ за возобновленіе перемирія и переговоровъ, а штатгальтеръ Морицъ съ нѣсколькими голландскими городами и Зеландіей за войну. Три голландскихъ города и Зеландія назвали Ольденбарневельда: «измѣнникомъ родинѣ», заподозривая его «въ тяготѣніи къ католицизму», т. е. къ Испаніи. Глубоко возмущенный Ольденбарневельдъ потребовалъ своей отставки, и его партизанамъ едва удалось уговорить его. Тутъ временно всѣ успокаиваются, и Морицъ получаетъ право на наборъ 30,000 войска и на пенсію для всѣхъ членовъ своего семейства. Довольно апатичный обыкновенно Морицъ возбуждался только подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, то подъ вліяніемъ жены, властолюбивой француженки, то двоюроднаго брата Людовика Оранскаго.

Ольденбарневельдъ добился установленія двѣнадцатилѣтняго перемирія, въ условіяхъ котораго испанцы уже не упоминали о запрещеніи торговли съ Индіею, сдѣлавшейся главнымъ источникомъ богатства городовъ республики.

Съ открытія самостоятельныхъ отношеній съ Индіею [1]) и учрежденія въ 1602 г. «Остиндской» и позже «Вестиндской компаніи» достигаются чисто сказочныя прибыли. Такъ въ 1602 году «Остиндская компанія» давала своимъ компаніонамъ только 15% барыша, въ 1606 г. чистая прибыль доходитъ уже до 40% а въ 1607 году достигаетъ 75 процентовъ. Тогда сдѣлалось ходячимъ, особенно на востокѣ, такое изреченіе: «какъ не ростетъ трава тамъ, гдѣ ступитъ копыто султанова коня, такъ исчезаетъ торговля всѣхъ другихъ народовъ, гдѣ только появятся голландцы». Сборнымъ названіемъ «голландцы» крестили тогда всѣхъ нидерландцевъ.

[1]) Съ той поры какъ папа Иннокентій VI благословилъ «неоспоримость владѣнія испанцевъ всѣмъ новымъ свѣтомъ и всею Индіею», испанцы хранили въ тайнѣ путь въ Индію. Первымъ собралъ свѣдѣнія объ ихъ путяхъ и нарисовалъ планы и карты жившій въ Бомбеѣ фрисляндецъ Линшотенъ. Изысканія Линшотена впервые были напечатаны въ 1598 году. Въ томъ же году напечатана первая географическая карта въ Антверпенѣ.

Монополизируя свою торговлю, голландцы страшно поднимали всѣ цѣны. Для примѣра: цѣна на перецъ (на перецъ тогда былъ громадный спросъ) поднята была голландцами съ обычной цѣны въ 2 шиллинга за фунтъ до 4 и 8 шиллинговъ за фунтъ. Англійскія торговыя компаніи никакъ не могли съ ними тягаться, такъ какъ капиталъ голландской компаніи былъ въ восемь разъ больше, чѣмъ англійской компаніи, учрежденной еще при Елизаветѣ. На всемъ земномъ шарѣ тогда водружены были торговые флаги республики семи сѣверныхъ соединенныхъ провинцій.

Въ 1609 г.. основанъ былъ знаменитый амстердамскій банкъ [1]), который былъ извѣстенъ всему міру; онъ ссужалъ деньгами государей и въ переговорахъ держался съ ними на равной ногѣ. Но, несмотря на свои несмѣтныя богатства, голландцы, задававшіе такой тонъ всей Европѣ, жили сами чрезвычайно просто, даже патріархально. Только во всей Европѣ, въ серединѣ этого же столѣтія, нигдѣ нельзя было найти такихъ цѣнныхъ книгъ и такихъ прекрасныхъ, дешевыхъ и общедоступныхъ изданій [2]) и газетъ, какъ въ Нидерландахъ. Здѣсь начались первыя газетныя разоблаченія. и давались отчеты о государственныхъ дѣлахъ всей Европы, и положено начало той гласности, безъ которой не существуетъ свободныхъ народовъ. Повсюду слышалась такая фраза: «а вотъ я пропечатаю твои дѣйствія въ голландской газетѣ». Газета сдѣлалась международною силою, не знавшею границъ. Вездѣ, въ Каирѣ, въ Индіи, въ Константинополѣ, въ Левантѣ читались голландскія газеты.

Голландія все расширяла свои колоніи на дальнемъ востокѣ, и двѣнадцатилѣтнее перемиріе съ испанцами не мѣшало стычкамъ на моряхъ и въ колоніяхъ, гдѣ голландцы вступали въ союзы съ туземными цвѣтными князьками и захватывали новыя территоріи. Сначала насчитывалось множество остиндскихъ ком-

---

[1]) Первый банкъ по громадности и разнообразію операцій. Капиталъ его доходилъ до 65 милліоновъ флориновъ. Банки и банкиры имѣлись даже въ Вавилонѣ въ VIII в. до Р. Х., въ Греціи, въ Италіи, но они не имѣли такого значенія.

[2]) Напр., изданіе «Эльзевировъ», знакомившее съ классическою литературою и современнымъ естествознаніемъ. Съ конца XVI и въ XVII вѣкѣ издательство и типографіи семьи Эльзевировъ выпустили 1213 изданій, томиковъ образцовой печати.

ніи. Въ одномъ Амстердамѣ появилось нѣлыхъ три компаніи. но ихъ распри и соперничество вынудили центральное правительство. т. е. генеральные штаты, слить всѣ компаніи въ одно общество «Остиндскую компанію». Управленіе цвѣтнымъ населеніемъ колоній было предоставлено самимъ туземцамъ. Отъ компаній требовалось гуманное отношеніе, уваженіе къ обычаямъ и религіямъ туземцевъ. Голландскія колоніи разростаются въ Малайскомъ архипелагѣ, на Молукскихъ островахъ. въ Вестиндіи, колонія Суринамъ и на Антильскихъ островахъ. Въ этихъ колоніяхъ никогда на плантаціяхъ не существовало рабскаго труда. хотя какъ вездѣ тогда въ домахъ колонистовъ рабы имѣлись въ качествѣ домашней прислуги.

По мнѣнію англичанина Валласа (Wallas. The Colony). положеніе туземцевъ въ голландскихъ колоніяхъ было несравненно лучшимъ, чѣмъ въ англійскихъ колоніяхъ. Туземцы за извѣстную плату обязывались отдавать часть своего времени на обработку кофейныхъ, сахарныхъ и другихъ плантацій. Извѣстный процентъ изъ этой платы шолъ племеннымъ начальникамъ, но туземное населеніе страдало изъ-за того, что его собственныя рисовыя и саговыя плантаціи оставались плохо обработанными. хотя Валласъ и говоритъ: «статистическія данныя указываютъ, что населеніе удваивалось, а это несомнѣнный показатель сноснаго положенія аборигеновъ въ нидерландскихъ колоніяхъ».

Другіе источники приводятъ отношеніе странъ дальняго востока къ нидерландцамъ. Напримѣръ. въ 1624 году, въ Японіи изданъ былъ эдиктъ объ изгнаніи изъ Японіи всѣхъ миссіонеровъ. покровительствовавшихъ торговлѣ рабами. и всѣхъ иностранцевъ за исключеніемъ голландцевъ, которые никогда не занимались миссіонерствомъ и не вмѣшивались въ японскія дѣла. а торговля съ ними доставляла большія выгоды. Съ конца XVII и начала XVIII вѣка наступаетъ время наивысшаго колоніальнаго развитія.

Подъему голландской торговли способствовало паденіе ганзейскихъ городовъ. взятыхъ подъ строгую опеку курфюрстами и германскими правителями, которыхъ давно раздражала независимость ганзейскихъ городовъ. Этимъ пользуются голландцы и изъ союзниковъ ганзы дѣлаются конкуррентами, а затѣмъ и

ожесточенными преслѣдователями ея, и голландцы почти нигдѣ не покидаютъ разъ начатыхъ предпріятій, но всегда развиваютъ ихъ. Издревлѣ практиковавшійся ими подвозъ соли съ береговъ Африки въ Германію съ обмѣномъ на зерно превращаетъ Голландію въ центръ хлѣбной торговли, а во время затрудненія подвоза шерсти изъ Англіи голландцы ухитрялись провозить изъ Англіи некрашеныя ткани, соткапныя тамъ ихъ ткачами-эмигрантами. Эти сукна окрашивались въ Нидерландахъ и циркулировали по всему свѣту подъ названіемъ «нидерландскихъ».

Несчастныя юго-западныя провинціи, захваченныя испанцами, давно потеряли всякое значеніе. Къ Антверпену, въ устье Шельды, на пушечный выстрѣлъ не подпускала судовъ голландская блокада, и всѣ торговые обороты перетягивались въ сѣверо-восточныя провинціи.

Но и безъ конкурренціи Голландіи захваченныя испанцами юго-западныя провинціи, какъ и сама Испанія, омертвѣли бы подъ гнетомъ мертвящей руки испанскаго инквизиціоннаго вмѣшательства, которое, вмѣстѣ съ чудовищными до нелѣпости поборами, подрывало въ корнѣ всякую жизнедѣятельность.

Среди испанскаго дворянства трудъ считался принижеиіемъ, а признакомъ благородства—бездѣльничество. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія было господство хищничества во всѣхъ видахъ надъ обнищалою страною. Испанія не разъ уже бывала на краю банкротства, и случалось, что не имѣлось даже денегъ на содержаніе королевскаго двора.

Прежде цвѣтущая, господствующая на моряхъ, Испанія переродается при Филиппахъ въ разлагающееся тѣло, не способное справиться даже съ семью нидерландскими провинціями. Завоеванныя ею провинціи, называвшіяся прежде «садомъ Европы», Фландрія и Брабантъ, совершенно запустѣли. Густо заселенный, кипящій жизнью Антверпенъ такъ опустѣлъ, что цѣлыя улицы были съ незанятыми домами. Даже платилось, чтобъ только въ нихъ жили. Голодъ, тифъ свирѣпствовали тутъ. Голодные волки рыскали по предмѣстьямъ, разрывая остатки скота [1]). Живой горячій народъ совсѣмъ упалъ ду-

[1]) Слабыя попытки сдѣланы были Альбертомъ и Изабеллой поднять тутъ промышленность, торговлю, ввести новый судъ, однимъ словомъ, уничтожить

хомъ, а лучшія силы его выбыли изъ страны и укрылись въ Англіи, въ Америкѣ, въ Нидерландскихъ колоніяхъ или въ республикѣ семи сѣверныхъ соединенныхъ провинцій. Чужимъ странамъ должны были отдавать фламандцы и валлоны свои лучшія жизненныя силы.

Съ началомъ двѣнадцатилѣтняго перемирія Испаніи съ Нидерландскою республикою первая не скупились на соблазнительныя предложенія главнокомандующему сухопутныхъ и морскихъ силъ и адвокату генеральныхъ штатовъ, но тщетно, хотя Ольденбарневельдъ былъ дѣловымъ голландцемъ, не забывавшимъ своего кошелька, расчетливъ былъ и Морицъ, только они оба, каждый на свой ладъ, горячо любили родину, готовы были на всевозможныя жертвы для нея и съ величайшей гадливостью отвергали испанскія предложенія.

Въ то время провинціямъ не откуда было ждать помощи. На англійскомъ тронѣ послѣ Елизаветы былъ Яковъ I, съ наклонностями къ католичеству. Онъ даже мечталъ о женитьбѣ на испанской принцессѣ, о полученіи въ приданое Фландріи, Брабанта и прочихъ испанскихъ провинцій и заявилъ нидерландскимъ штатамъ, чтобъ они поторопились мириться съ Филиппомъ III, не то онъ передастъ ему заложенныя и еще не вполнѣ выкупленныя у Англіи при Елизаветѣ нидерландскіе портовые города Флиссингенъ, Брилль и Раммекенъ. Съ другой стороны, политика французскаго короля Генриха IV, бывшаго кальвиниста, тоже клонилась къ миролюбію съ испанцами. Однако, голландцамъ удалось соблазнить его перспективою львиной доли въ захватахъ изъ испанскихъ провинцій. Ужъ онъ готовъ былъ вступить въ союзъ съ Нидерландами, да только полная изолированность ихъ пробудила въ немъ новые аппетиты. Онъ внезапно потребовалъ полнаго подчиненія. Такой оборотъ дѣлъ страшно смутилъ штаты. Къ счастью французскій король былъ отвлеченъ другою войною, но черезъ

послѣдствія ужасающей политики разоренія Филиппа II. Изданный имъ эдиктъ (Edit perpetuel) не смогъ, конечно, поднять глубоко подорванныхъ силъ страны. Въ Антверпенѣ проявилась жизнь въ лицѣ ея великихъ художниковъ XVII вѣка, и тутъ же издана была первая въ Европѣ газета въ 1605 г. (газета Вергерена). Изабелла осталась бездѣтной, такъ-что послѣ смерти Альберта провинціи управлялись испанцами, до перехода ихъ въ наслѣдство Австріи (Габсбургскому дому).

нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять повторилъ прежнее требованіе. Великій дипломатъ Ольденбарневельдъ какъ бы пошелъ на встрѣчу желаніямъ французскаго короля, «но», вставилъ онъ, «такое важное рѣшеніе потребуетъ совѣщанія всѣхъ провинцій, городовъ и общинъ, и кто знаетъ, не потеряетъ ли планъ полнаго крушенія, да главное не въ этомъ, а какъ отнесутся Испанія и Англія? Будутъ ли онѣ равнодушными зрительницами присоединенія Нидерландъ. Оно непремѣнно вызоветъ войну, тоже теперь едва ли выгодную для Франціи».

До Испаніи дошелъ слухъ о переговорахъ съ французскимъ королемъ, только у испанцевъ казна была пуста для новыхъ вооруженій. Среди совѣтниковъ Филиппа раздавались уже сильные голоса, настаивавшіе на признаніи независимости Нидерландъ, съ тѣмъ, чтобы голландцы поскорѣе только убрали свои флотиліи, крейсирующія противъ испанскихъ судовъ на дальнемъ востокѣ и въ европейскихъ моряхъ. Торговыя голландскія суда были тогда настоящими военными крейсерами, и ими уничтоженъ былъ испанскій флотъ, подвозившій испанскія и итальянскія войска во Фландрію, при чемъ плѣнниковъ кидали за бортъ. Предложеніе мира на условіи прекращенія крейсированія не было принято, такъ какъ голландцы по опыту знали все коварство подобныхъ испанскихъ договоровъ. Съ другой стороны, продолжительность перемирія заставляла попрежнему Морица заявлять опасенія, что испанцы соберутся съ силами. Главнымъ образомъ его возбуждала честолюбивая жена, которой хотѣлось, чтобъ вновь запвѣли поблеклые было лавры Морица, котораго передъ началомъ перемирія преслѣдовали постоянныя неудачи.

Между тѣмъ упорство испанскихъ требованій уже было сломлено, и въ условіяхъ мира какъ-то неопредѣленно заявлялось эрцгерцогомъ Альбертомъ: «о допущеніи католической религіи лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ очень много католиковъ», какъ Амстердамъ, Гарлемъ, Роттердамъ. Испанія видимо слабѣла и сдавалась, и надо было ее окончательно сломить.

До сихъ поръ сѣверныя провинціи, упорно стоявшія на стражѣ своей независимости, благодаря своимъ геніальнымъ дипломатамъ, удачно лавировали среди противорѣчивыхъ интересовъ Франціи, Англіи и Испаніи, и какъ яблоко раздора

никому не достались. Уже достигнуто было официальное признаніе тѣхъ пунктовъ независимости, изъ-за которыхъ происходила долгая борьба. Испанцы перестали упоминать о правахъ торговли съ Индіей и о единой католической церкви. Продолженіе войны, по мнѣнію партіи Морица, заставило бы Испанію окончательно признать полную независимость республики, но партія мирныхъ переговоровъ одолѣла. Странѣ нуженъ былъ миръ, но партизанамъ Оранскаго казались подозрительными и измѣнническими дѣйствія Ольденбарневельда, хотя для того времени они были самыми обычными. Все истолковывалось въ дурную сторону. Напримѣръ, пріемъ подарка отъ французскаго короля, тогда самое обычное дѣло, представляли чѣмъ-то въ родѣ подкупа.

Особенно заподозривалось его согласіе «терпѣть» католическую вѣру и защита католиковъ съ попыткою совершенно уравнять ихъ въ правахъ и обложеніяхъ съ протестантами. Самъ Ольдебарневельдъ принадлежалъ къ сектѣ арминіанъ, и тогда въ полномъ разгарѣ были богословскія препирательства двухъ кальвинистскихъ сектъ арминіанъ и гамаристовъ [1]). Послѣдняя секта въ самой грубой формѣ придерживалась догмата предопредѣленія, противъ котораго возмутился Лейденскій университетъ. Изъ стѣнъ университета дебаты перешли на каѳедры церковныхъ проповѣдниковъ, и все общество подѣлилось на партіи.

Морицъ, совершенно равнодушный къ богословскимъ дебатамъ, не выходя изъ обычной апатіи, заявлялъ: «Я солдатъ, а не ученый, и эти богословскія пререкательства совсѣмъ не мое дѣло!» И онъ открыто сознавался, что: «рѣшительно ничего не понимаетъ и не знаетъ — голубого или зеленаго цвѣта догматъ о предопредѣленіи». Дебаты начали принимать настолько политическую подкладку, что магистраты голландскихъ штатовъ, по почину ученаго Гуго Гроція, издали предписаніе объ умиротвореніи церквей.

[1]) Отъ именъ основателей сектъ Гамара и Арминія. Приверженцы послѣдней прозывались позже «ремонстрантами», еще позже «унитаріями». Арминіане стремились объединить всѣ христіанскія секты и ученія и признавали возможность прощенія кающимся, отвергая догматъ предопредѣленія.

Мориц вышелъ изъ своей апатіи подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата Людовика, когда Ольденбарневельдъ и провинціальные штаты снарядили ополченія въ городахъ, чтобъ сдерживать крайнихъ кальвинистовъ. Мориц счелъ это вторженіемъ въ его штатгальтерскія права и сталъ на сторону крайней кальвинистской секты, тѣмъ болѣе, что ея приверженцы ратовали за продолженіе войны.

Въ засѣданіи штатовъ на обращенный къ Мориду вопросъ по поводу сектъ онъ вмѣсто отвѣта приказалъ принести книгу протоколовъ съ записями штатгальтерскихъ присягъ и прочелъ, повторяя свою штатгальтерскую клятву: «Всегда поддерживать реформатскую (кальвинистскую) церковь». Ольденбарневельдъ замѣтилъ: «Но вѣдь нельзя же допускать, чтобъ крайніе кальвинисты проповѣдывали о томъ, что нѣкоторыя изъ дѣтей уже съ рожденія обречены въ геенну огненную, а другимъ съ колыбели уготовано вѣчное блаженство?!» Мориц на это отвѣтилъ: «Можетъ быть это имѣетъ свой смыслъ и значеніе», а на возраженіе Ольденбарневельда, что Мориц не богословъ и не ему объ этомъ судить, Мориц горячо сказалъ: «Именно, я не богословъ, но этому-то и надо собрать синодъ ученыхъ богослововъ. Пусть они обсудятъ и окончательно вырѣшатъ дѣло».

Вскорѣ гонимую Ольденбарневельдомъ секту сталъ защищать Мориц. Съ вооруженными всадниками и большою толпою крайнихъ кальвинистовъ онъ отобралъ нѣсколько церквей для гамаристскаго богослуженія.

Смертельная ненависть между штатгальтеромъ и адвокатомъ генеральныхъ штатовъ и борьба двухъ партій группируетъ все населеніе въ два враждебныхъ лагеря, взаимно обвинявшихъ вождей въ покушеніи на верховенство. Мориц все больше заподазриваетъ Ольденбарневельда въ симпатіяхъ къ католичеству, иначе говоря къ Испаніи, тѣмъ болѣе, что католики принимали горячее участіе въ борьбѣ кальвинистской секты арминіанъ и сочувствовали Ольденбарневельду, старавшемуся вернуть имъ право на публичное богослуженіе и право на варку пива, котораго они тоже были лишены.

Въ Утрехтѣ борьба двухъ сектъ до того обостряется, что для водворенія порядка туда отправились два брата Оранскіе,

принадлежавшіе къ разнымъ партіямъ: Морицъ, сдѣлавшійся крайнимъ кальвинистомъ, и арминіанинъ Фридрихъ (сынъ отъ послѣдней жены Вильгельма Молчаливаго), приверженецъ Ольденбарневельда: послѣдній объявилъ вербовку ополченцевъ противъ штатгальтерскаго войска. Ополченцевъ явилось мало. дѣло было непопулярнымъ, а собравшіеся ополченцы по требованію Морица тотчасъ же мирно разошлись по домамъ. Морицъ былъ совершенно удовлетворенъ этимъ исходомъ. Онъ вовсе не думалъ уничтожать своего противника Ольденбарневельда, если-бъ послѣдній не началъ настаивать на совершенной ненужности созыва синода изъ крайнихъ кальвинистовъ, хотя онъ соглашался на созваніе синода съ примирительными элементами.

Споръ разгорался съ чисто голландскимъ упорствомъ. Наконецъ Морицъ, пользуясь своими правами генералъ-капитана, смѣстивъ въ нѣкоторыхъ городахъ враждебные ему муниципалитеты, заручился отъ нѣсколькихъ членовъ генеральныхъ штатовъ полномочіемъ: «совершить необходимое ко благу родины» и арестовалъ Ольденбарневельда, Гуго Гроція и еще нѣсколько человѣкъ. Друзья Ольденбарневельда предостерегали его, уговаривая покинуть Гагу и укрыться въ какомъ-нибудь приверженномъ ему городѣ, но Ольденбарневельдъ не захотѣлъ скрываться—считая свое дѣло правымъ.

Входя въ зданіе засѣданій штатовъ, онъ былъ приглашенъ къ Морицу (жившему въ томъ же домѣ), который тотчасъ приказалъ своимъ стражникамъ схватить Ольденбарневельда, заявивъ, что дѣлаетъ это по распоряженію генеральныхъ штатовъ. Арестованы были и всѣ организаторы утрехтскаго сопротивленія Морицу.

Вѣсть объ арестѣ адвоката штатовъ была встрѣчена продолжительнымъ молчаніемъ всего собранія голландскихъ штатовъ. Затѣмъ одинъ изъ членовъ сказалъ: «Итакъ, насъ лишили нашей головы, языка и руки!»

Генеральные штаты взяли на себя отвѣтственность за совершившіеся аресты, собравъ многочисленныя сочувственныя подписи. Морицъ объѣхалъ Голландію, смѣняя магистраты, а затѣмъ созвалъ дордрехтскій синодъ, вырѣшившій, въ теченіе 180 засѣданій, вѣроисповѣданіе, котораго должны были при-

держиваться кальвинисты. Созваніе этого синода обошлось штатамъ болѣе милліона гульденовъ.

Судъ надъ Ольденбарневельдомъ и его единомышленниками состоялъ изъ 24 судей (12 отъ провинціи Голландіи и по два отъ остальныхъ провинцій), а дѣло было названо: «касающимся измѣны родинѣ». Одинъ изъ арестованныхъ отъ страха пытокъ повѣсился въ тюрьмѣ.

Послѣ пытокъ, которыя старикъ Ванъ Ольденбарневельдъ мужественно вынесъ, исполненъ былъ надъ нимъ смертный приговоръ. Семидесятитрехлѣтній адвокатъ — пенсіонарій штатовъ, не оправившійся отъ пытокъ, тяжело опираясь на палку, пришелъ на мѣсто казни. Онъ оглянулъ многочисленную толпу на площади и съ горечью проговорилъ: «Вотъ она плата родины за сорокалѣтній, безпрерывный трудъ!» Онъ помолился и положилъ голову на плаху, но еще разъ приподнялъ и громко крикнулъ толпѣ: «Сограждане! не вѣрьте — не измѣнникъ я! Я умираю съ чистою совѣстью!» И черезъ нѣсколько секундъ скатилась его сѣдая голова.

Актъ осужденія заключалъ 215 пунктовъ, а въ числѣ судей не очень много было личныхъ враговъ Ольденбарневельда, остальные дѣйствовали безпристрастно, хотя судили совершенно воображаемыя преступленія, постановивъ приговоръ: «смерть» (1619 г.). Не совсѣмъ вѣрно съ другой стороны утвержденіе, будто бы Морицъ постоянно стремился къ власти. Это прямо опровергается его послѣдующимъ поведеніемъ. Онъ совершенно апатично относился ко всему, что касалось усиленія власти, хотя и возобновилъ войну съ испанцами задолго до истеченія двѣнадцатилѣтняго срока перемирія.

Казнь Ванъ Ольденбарневельда была исходомъ борьбы двухъ началъ—центральнаго управленія съ олигархическимъ провинціальнымъ самоуправленіемъ,—и въ данномъ случаѣ одержало побѣду центральное управленіе штатгальтера и генеральныхъ штатовъ.

Приговоръ дордрехтскаго синода (состоявшаго изъ 86 членовъ), осудивъ секту арминіанъ, запретилъ ихъ собранія и проповѣди. Восторжествовавшіе крайніе кальвинисты, со своей стороны, на каждомъ шагу мстили противникамъ за прошлое могущество. Надо прибавить, что во время засѣданій дордрехт-

скаго синода и суда надъ Ольденбарневельдомъ былъ открытъ заговоръ противъ Морица, и это, можетъ быть, косвенно повліяло на суровость приговора.

Извѣстный ученый Гуго Гроцій, приговоренный къ пожизненному заключенію, черезъ два года бѣжалъ изъ тюрьмы, благодаря своей женѣ, прославившейся за это на всю Европу. Она прислала ему въ тюрьму большой сундукъ съ книгами для его научныхъ занятій, и въ этомъ сундукѣ былъ вынесенъ изъ тюрьмы Гуго Гроцій. Онъ нашелъ радушный пріемъ въ Швеціи, гдѣ впослѣдствіи игралъ крупную роль въ качествѣ посла при французскомъ дворѣ.

Со Швеціею еще при Ольденбарневельдѣ былъ заключенъ союзъ противъ Испаніи, и къ нему присоединились нѣкоторые сѣверо-германскіе города. Теперь же, съ возобновленіемъ Морицемъ войны, въ 1621 году, до истеченія двѣнадцатилѣтняго перемирія, у республики Семи Сѣверныхъ Соединенныхъ провинцій не имѣлось никакихъ союзниковъ. Яковъ англійскій продолжалъ любезничать съ Испаніей, а французскій король, заступавшійся за Ольденбарневельда во время суда надъ нимъ, глубоко негодовалъ на несправедливость этой казни и считалъ себя оскорбленнымъ.

Штаты были въ переполохѣ тѣмъ болѣе, что слава Морица только все тускнѣла. Его дѣйствія отличались нерѣшительностью, а его утомительнѣйшіе марши и контрмарши, занятія, потери городовъ, походъ на помощь Германіи ни къ чему не приводили, доставляя только громадные расходы. Масса денегъ изводилась на задабриванье разныхъ вліятельныхъ личностей чужеземныхъ дворовъ и на безчисленныя посольства, съ подражаніемъ блеску королевскихъ посольствъ. Все это до того истощало казну провинцій, что самъ Морицъ однажды въ отчаяніи воскликнулъ:

— «При жизни старой канальи (рѣчь шла объ Ольденбарневельдѣ) бывали хоть деньги и полезный совѣтъ!»

Между тѣмъ штаты были удивительно изобрѣтательны въ установленіи все новыхъ косвенныхъ налоговъ, и безъ всякаго преувеличенія разсказывалось, что блюдо рыбы, съѣдаемое голландцемъ, подвергалось тридцати обложеніямъ. Нигдѣ въ Европѣ

не было такихъ высокихъ налоговъ рѣшительно на все, но нигдѣ ихъ такъ легко не выплачивали, какъ въ Нидерландахъ.

Испанцы то съ сѣвера, то съ востока производили довольно удачныя нападенія. и на Морица градомъ сыпались нареканія за неудачное веденіе войны. Эти неудачи были въ связи съ болѣзнью, точившею его уже нѣсколько лѣтъ. Онъ скоро умеръ (въ 1625 г.), а вмѣсто него генералъ-капитаномъ сдѣлался его братъ, Фридрихъ-Генрихъ Оранскій. избранный также штатгальтеромъ всѣхъ провинцій, за исключеніемъ Фрисляндіи.

Вступивъ въ управленіе, онъ тотчасъ освободилъ изъ тюремъ политическихъ заключенныхъ, и при немъ погасли религіозныя распри. Даже провинціи дѣлаются прибѣжищемъ всѣхъ гонимыхъ за вѣру. Были и нѣкоторые военные успѣхи, напр., знаменитый захватъ испанской «серебряной флотиліи» (1628 г.) съ серебромъ [1]) изъ испанскихъ рудниковъ, отъ котораго такъ зависѣли испанскіе финансы. Позже. въ 1639 г.. разбита испанская армада у англійскихъ береговъ.

Прежняя политика балансированія между противорѣчивыми интересами сосѣдей приводила республику иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ. Напримѣръ, съ французскимъ министромъ Ришелье былъ заключенъ союзъ; Франція даже уплачивала деньги за содѣйствіе противъ Испаніи, но внезапно французы заключили съ испанцами отдѣльный миръ. Тогда приникось нидерландцамъ прибѣгать къ помощи спасительнаго моря—ломать плотины. открывать шлюзы, напуская воду на испанцевъ и защищая Утрехтъ. Голландская провинція продолжала нести громадные военные расходы, выручая изъ бѣды остальныя провинціи, а въ это время маленькіе города въ Оберисселѣ грызлись между собою изъ-за первенства. Не спастись бы республикѣ безъ амстердамскихъ милліоновъ отъ покушеній на нее испанцевъ, французовъ, англичанъ и австрійцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обостряется борьба голландской провинціи со штатгальтеромъ и генералъ-капитаномъ Фридрихомъ

[1]) Обиліе серебра, добываемаго испанцами изъ ихъ мексиканскихъ рудниковъ. до того обезцѣнило серебряную монету, которою платилась земельная аренда, что помѣщики подняли цѣну, такъ какъ имъ самимъ приходилось за все платить больше, но крестьяне не могли платить больше за аренду земли и оставляли свои фермы, уходя въ городъ на заработки, да и помѣщики уходили въ городъ искать службы.

Оранскимъ, когда онъ ради своихъ семейныхъ интересовъ готовъ былъ жертвовать интересами республики.

Онъ чрезвычайно возвеличился браками своихъ дѣтей—сына Вильгельма съ дочерью англійскаго короля Карла I. а дочери съ германскимъ принцемъ и совершенно поглощенъ былъ семейными интересами. заставлявшими его вести ожесточенную борьбу съ могущественными голландскими штатами. Дѣло въ томъ, что интересы его дѣтей не совпадали съ интересами этой провинціи.

Въ послѣдніе годы своей жизни, при ослабленіи умственныхъ способностей. штатгальтеръ Фридрихъ совершенно подпадаетъ вліянію своей жены, прежней придворной дамы бывшей чешской королевы (изгнанной изъ Чехіи и укрывавшейся въ Нидерландахъ). Принадлежа къ такому кругу, жена Фридриха была исключительно поглощена устройствомъ почетныхъ браковъ своихъ дѣтей, вселивъ тѣ же чувства въ штатгальтера Фридриха, такъ что онъ сталъ тайно помогать деньгами и аммуниціею своему зятю, англійскому королю Карлу I, въ его борьбѣ съ англійскимъ парламентомъ. а это было совершенно въ ущербъ торговымъ интересамъ голландцевъ и заставило ихъ открыто стать на сторону англійскаго парламента. Голландцы крайне негодовали на измѣнническія дѣйствія штатгальтера Фридриха. подрывавшаго торговлю родины. У голландцевъ торговля была всесильнѣйшимъ божкомъ, и ради нея они готовы были на всякій рискъ. Когда одного купца какъ-то порицали за торговлю съ испанцами (во время Ленчестерскаго запрещенія), онъ отвѣтилъ: «нельзя запрещать торговать, всѣ купцы торгуютъ у испанскихъ береговъ, и ради торговыхъ выгодъ ни одинъ купецъ не побоится проплыть не только въ Испанію. но въ самую геенну огненную съ рискомъ сжечь свои паруса». Точно такъ же и въ данномъ случаѣ голландскіе штаты безбоязненно приняли посла отъ англійскаго парламента. послѣ того какъ штатгальтеръ Фридрихъ и генеральные штаты отказали ему въ пріемѣ. Фридрихъ ничего не могъ подѣлать съ голландцами; онъ хорошо зналъ, что безъ голландскихъ купцовъ ему не устроить новаго займа въ помощь своему зятю Карлу I.

Старѣющій Фридрихъ до того возненавидѣлъ голландцевъ, что хотѣлъ уничтожить амстердамскую торговлю, снявъ гол-

ландскую блокаду съ р. Шельды, для открытія антверпенской торговли, но для этого необходимо было сперва отвоевать Антверпенъ отъ испанцевъ. Злоба Фридриха на голландцевъ заставила его рѣшиться на этотъ походъ, но, къ величайшему удовольствію амстердамцевъ, походъ не увѣнчался успѣхомъ. Приглашенные имъ на помощь французы думали только о своей пользѣ при захватахъ во Фландріи и нисколько не помогли Фридриху при осадѣ Антверпена. Голландцы ликовали. Также и слѣдующій походъ штатгальтера Фридриха послужилъ только на пользу французамъ.

Въ это время голландцевъ живо интересовалъ исходъ другой войны шведовъ съ датчанами, и тутъ голландцы энергично дѣйствовали какъ союзники шведовъ противъ датскаго короля, стѣснявшаго свободу плаванія по узкому Зундскому проливу мимо Даніи. Онъ взималъ усиленныя пошлины съ голландскихъ товаровъ. Тутъ опять противъ голландскихъ интересовъ предательски выступилъ штатгальтеръ Фридрихъ, тайно содѣйствуя ихъ врагу и возбуждая противъ голландской провинціи всѣ остальныя нидерландскія провинціи.

Но Фридрихъ опять просчитался. Голландскій флотъ, соединившійся со шведскимъ, побивъ датчанъ, заставилъ короля Христіана I не поднимать пошлинъ. Дружба штатгальтера съ датскимъ королемъ объяснялась очень просто, вѣдь одинъ только Христіанъ поддерживалъ Карла I, дорогого зятя штатгальтера Фридриха. Скоро пришлось штатгальтеру уступить властнымъ голландскимъ штатамъ, опять въ расчетѣ на голландскіе капиталы, безъ которыхъ ему бы не снарядить и въ слѣдующемъ году вооруженной помощи тому же Карлу I Стюарту.

Что касается испанцевъ, со всѣхъ сторонъ ихъ окружали тогда враги. Португалія уже сбросила съ себя испанское иго. Каталонія возмутилась противъ Испаніи, французы отрывали цѣлыя области, и французскій министръ Мазарини усиливалъ субсидіи Нидерландской республикѣ за помощь французскому оружію. Испанцамъ становилось такъ плохо, что они возобновили переговоры о мирѣ (1641 г. въ Мюнстерѣ въ Вестфаліи), тянувшіеся нѣсколько лѣтъ до 1648 г., до признанія полной независимости Нидерландской республики.

Но еще въ 1646 году, за два года до окончанія этихъ пе-

реговоровъ. когда Фридрихъ лежалъ уже въ могилѣ. его воинственный сынъ Вильгельмъ, тоже не ладя съ голландцами, явился въ засѣданіе генеральныхъ штатовъ. обвиняя голландскую провинцію: «въ недостаточномъ усердіи къ общему дѣлу». т. е. голландцы желали мира, а Вильгельму Оранскому хотѣлось войны. чтобъ широко использовать власть. которую давало въ Нидерландахъ лишь военное положеніе.

Выходка Вильгельма заставила голландскіе штаты еще настойчивѣе придерживаться мира. тѣмъ болѣе. что вестфальскіе переговоры вели къ миру и, несмотря на всѣ подстрекательства французовъ. жаждавшихъ захватовъ изъ южныхъ провинцій, голландцы не возобновили договора съ ними, не давали денегъ Вильгельму на новый походъ и настаивали на сокращеніи войска, въ виду задолженности страны еще за прежнія войны. Но Вильгельмъ не смущался этимъ и хотѣлъ воспользоваться своимъ не разоруженнымъ войскомъ (участвовавшимъ въ 30-лѣтней войнѣ въ Германіи) для похода на Амстердамъ. Прежде всего, онъ арестовалъ не согласныхъ съ нимъ представителей штатовъ, тщательно сохраняя въ тайнѣ приготовленіе къ захвату Амстердама. Только счастливая случайность спасла Амстердамъ. который во-время успѣлъ захлопнуть свои городскія ворота, и горожане пригрозили Вильгельму открытіемъ шлюзовъ, чтобъ по старому обычаю затопить водою нарушителя городскихъ правъ.

Древнее средство. употреблявшееся еще батавами. приводившими на помощь море, никогда не измѣняло голландцамъ.

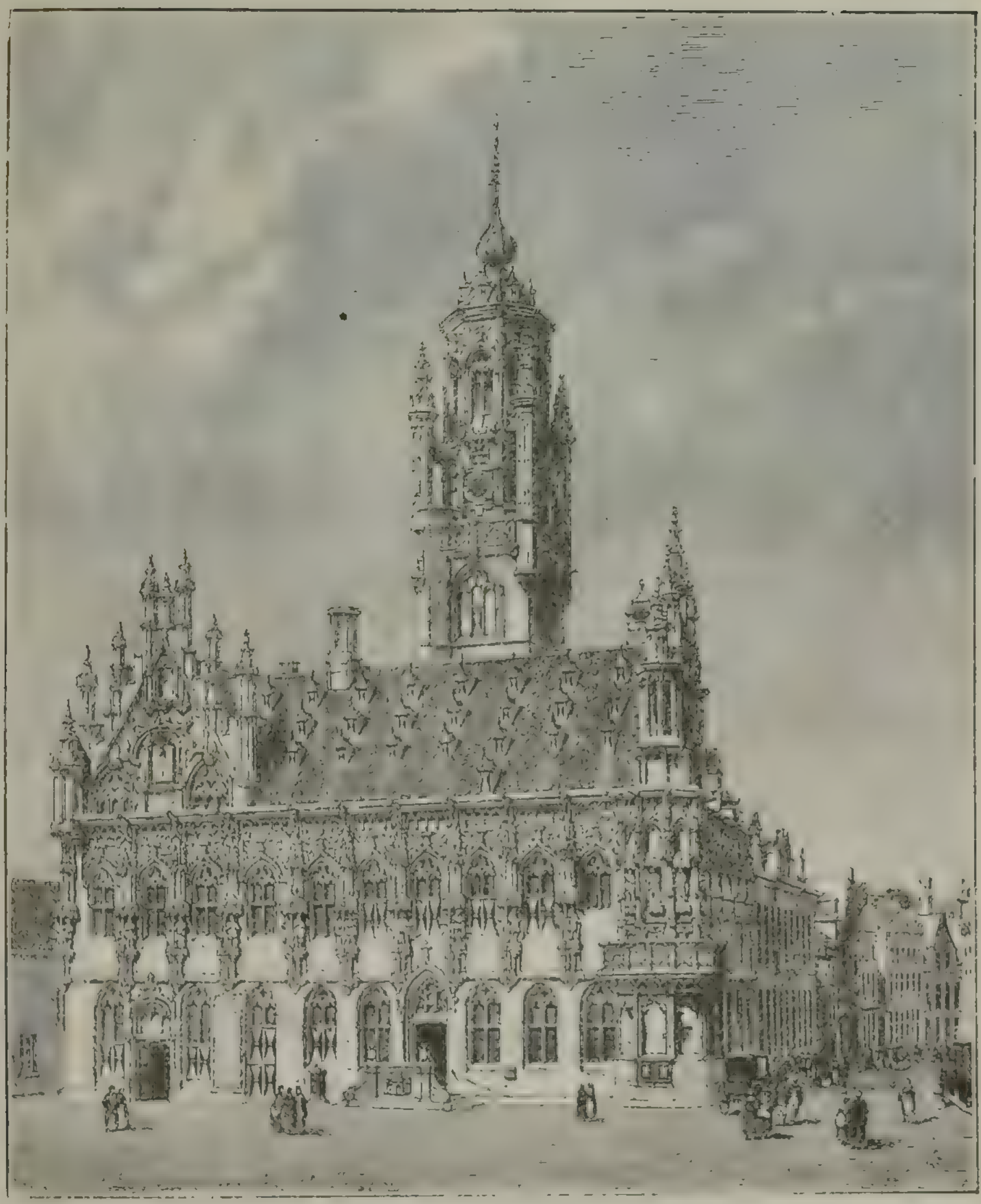
Вильгельмъ былъ крайне смущенъ, не принявъ этого въ расчетъ. Къ тому же явился къ нему въ лагерь двоюродный братъ, указавшій съ холма на массу окружающей воды, если голландцы спустятъ ее, то гибель Вильгельма и его войска будетъ неминуема. Вильгельмъ, чтобъ какъ нибудь снять съ себя отвѣтственность и замять дѣло, отнесъ все къ распоряженію генеральныхъ штатовъ. Но этому зятю Карла I англійскаго и Людовика XIII [1]). послѣ его попытки преобразовать избирательное штатгальтерство въ наслѣдственную монархію. пришлось сократить войско.—Онъ скоро умеръ.

[1]) Штатгальтеръ былъ женатъ на сестрѣ Карла I англійскаго, женатаго на Генріеттѣ, сестрѣ Людовика XIII французскаго.

Изъ-за него очень обострились отношенія англійскаго парламента къ голландцамъ, когда совершилось убійство англійскаго посла въ Гагѣ. Посолъ былъ отъ англійскаго парламента. но убили его вовсе не голландцы, а англичане-роялисты, укрывавшіеся въ Гагѣ во время англійской революціи послѣ казни Кромвелемъ англійскаго короля Карла I Стюарта. Дѣло въ томъ, что убійцы посла не были наказаны, и пронелъ слухъ въ Англіи, что они укрыты штатгальтеромъ Вильгельмомъ. Убійство посла. конечно. считавшееся величайшимъ оскорбленіемъ англійской націи, было засчитано англичанами республикѣ, несмотря на официальное осужденіе штатами «всѣхъ дѣйствій Вильгельма и рѣшеніе сосредоточить военное управленіе въ рукахъ штатовъ». Это не помѣшало англійскому военному диктатору Кромвелю объявить свой «навигаціонный актъ». не допускавшій иностранныхъ судовъ въ англійскія гавани. что было страшнымъ подрывомъ для голландцевъ. недаромъ вѣдь прозывавшихся «морскими извозчиками».

Когда штаты провинцій рѣшили сосредоточить все управленіе въ своихъ рукахъ и не избирать болѣе штатгальтера, его сынъ. тоже Вильгельмъ, лежалъ еще въ колыбели, такъ что вопиствующая партія оранжистовъ не имѣла еще вождя. Въ Гагѣ, въ 1651 г., генеральные штаты объявили, что не представляется нужды въ главнокомандующемъ въ виду заключеннаго мира съ Испаніей, поэтому должности штатгальтера и генералъ-адмирала останутся вакантными (сохранялось только штатгальтерство въ Фрисляндіи, но безъ правъ главнокомандующаго). Назначеніе всѣхъ чиновниковъ должно было зависѣть только отъ городскихъ совѣтовъ.

Республика уже считалась вполнѣ независимымъ государствомъ. и ея восьмидесятилѣтняя борьба закончилась самыми унизительными условіями для Испаніи. для которой оставалось закрытымъ устье Шельды. заблокированное голландскими пушками. Внуку Филиппа II пришлось чуть не на колѣняхъ вымаливать этотъ миръ у тѣхъ, кого его дѣдъ съ такимъ презрѣніемъ называлъ «бунтовщиками». Изъ пепла костровъ и крови мучениковъ поднялось полное силъ протестантское государство, въ которомъ города, какъ Амстердамъ, Гронингенъ, Утрехтъ, Гардвикъ и другіе, славились своими прекрасными школами.



Миддельбургъ. Ратуша. *Къ стр. 263-й.*

Лейденскій университетъ въ то время считался выше парижскаго и англійскаго. Книгъ выпускалось въ республикѣ больше, чѣмъ во всей Европѣ въ совокупности. Нидерланды дали знаменитыхъ мыслителей, ученыхъ. Современная физика зародилась въ Голландіи, и здѣсь дѣлались самые точные астрономическіе и математическіе приборы. Англичанинъ, профессоръ политической экономіи въ Англіи, Роджерсъ [1]) говоритъ, что нидерландцы были учителями англичанъ въ отвоеваніи освобожденія отъ феодальнаго ига. Они создали многія важнѣйшія учрежденія, которыми живетъ современная Европа. Въ промышленности они были первыми, а въ агрикультурѣ англичане только черезъ сто лѣтъ начали подражать нидерландской культурѣ озимыхъ посѣвовъ, кормовыхъ травъ, культурѣ картофеля, рѣпы и т. п.

Въ то время политическое устройство республики удивляло иностранцевъ. Ея семь провинцій, составлявшихъ союзъ совершенно независимыхъ городовъ, посылали своихъ депутатовъ на общее собраніе генеральныхъ штатовъ, при чемъ въ разныхъ провинціяхъ и городахъ выборы были различны. Такъ, напримѣръ, въ городахъ Миддельбургѣ, Гронингенѣ и Оверисселѣ почти всѣ жители участвовали въ выборахъ своихъ городскихъ совѣтниковъ. Въ г. Дордрехтѣ было иначе, тутъ отъ разныхъ корпорацій посылалось восемь депутатовъ и представители отъ сорока именитыхъ гражданъ. Въ Амстердамѣ опять иначе. Здѣсь «сами совѣтники» избирали своихъ новыхъ членовъ для управленія городомъ. Совѣтниковъ въ городахъ было по 20—30. Бургомистры и судьи избирались на годъ и на три года. Здѣсь фактически уже почти утратило значеніе дѣленіе общества на три сословія: духовенство, дворянство и патриціевъ, а преобладала буржуазія: банкиры, предприниматели, судовладѣльцы, купцы, рыболовы, моряки. Штаты преобладающей надъ другими голландской провинціи засѣдали въ Гаагѣ, и въ этомъ собраніи насчитывалось 19 группъ или голосовъ, но изъ нихъ только одинъ голосъ принадлежалъ дворянству, а восемнадцать—городамъ. Всѣ они размѣщались въ извѣстномъ порядкѣ, за разными столами. Дворяне тоже сидѣли

[1]) «Holland» by Rodgers.

за отдѣльнымъ столомъ, но имъ приходилось поневолѣ оставаться лишь совершенно бездѣятельными зрителями совѣщаній городскихъ представителей, такъ какъ все дворянство располагало однимъ голосомъ. Депутаты назначались на три года отъ своихъ городовъ, и каждый городъ голландской провинціи, присылая своихъ депутатовъ въ Гагу, присылалъ при нихъ своего адвоката-пенсіонарія (этимъ адвокатамъ платили города), который говорилъ отъ имени своей депутаціи. Это собраніе штатовъ голландской провинціи называлось «Благородныя и великія державы» голландской провинціи [1]). Ихъ голосованія имѣли рѣшающій голосъ на собраніяхъ генеральныхъ штатовъ, т. е. на собраніи союза всѣхъ провинцій. Штаты голландской провинціи имѣли своего министра, называвшагося «великимъ пенсіонаріемъ», избиравшагося на пять лѣтъ, и онъ былъ всегда въ числѣ представителей отъ голландской провинціи на собраніяхъ генеральныхъ штатовъ. Эти генеральные штаты засѣдали въ другой залѣ, и ихъ называли официально «Высокія державы»; они засѣдали весь годъ и состояли изъ 30 депутатовъ. Тутъ рѣшались дѣла, касавшіяся всего союза, опредѣлялась численность арміи, заключались трактаты съ иностранными государствами и т. д. Какъ ни обширна была власть «Высокихъ державъ», но онѣ должны были подчиняться провинціальнымъ собраніямъ и предварительно съ ними совѣщаться, но особенно вліяли на нихъ «Благородныя и великія державы» провинціи Голландіи. Рѣшеніе, принятое штатами объ упраздненіи штатгальтера-главнокомандующаго, въ 1651 г., было торжествомъ союзнаго или федеральнаго самоуправленія или, какъ тогда говорилось, бюргерской партіи надъ оранжистской.

Должность адвокатовъ-пенсіонаріевъ въ началѣ (при бургундцахъ) была просто адвокатская—судебная защита общественныхъ интересовъ, позже адвокаты-пенсіонаріи пріобрѣтаютъ политическое право говорить отъ имени своихъ штатовъ. Великій пенсіонарій сдѣлался предсѣдателемъ генеральныхъ шта-

---

[1]) Кромѣ того, при голландскихъ штатахъ имѣлись совѣтники-депутаты, въ числѣ десяти. Одинъ въ качествѣ президента избирался дворянствомъ, а остальные девять—городами, составляя нѣчто въ родѣ провинціальнаго исполнительнаго совѣта; они завѣдывали финансами и военными дѣлами, созывали экстренныя засѣданія, исполняли рѣшенія ихъ и т. д.

товъ и управлялъ внутренними дѣлами, за исключеніемъ финансовъ. исполнялъ также обязанности министра иностранныхъ дѣлъ. Великій адвокатъ-пенсіонарій могъ быть перезбираемъ. Но. несмотря на громадное количество лежащей на немъ работы. онъ получалъ всего 3.000 флориновъ въ годъ, имѣя во дворцѣ засѣданій лишь четыре комнаты. Знаменитый своей кипучей дѣятельностью пенсіонарій де Виттъ лишь черезъ 15 лѣтъ сталъ получать отъ штатовъ двойное жалованье.

Янъ де Виттъ двадцати семи лѣтъ былъ уже адвокатомъ-пенсіонаріемъ штатовъ города Дордрехта. Его дѣловитость и таланты выдвигали его чрезвычайно быстро. а безкорыстіе и неутомимость признавались феноменальными. Онъ способенъ былъ отдавать не только дни, но и ночи на службу республикѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ скромныхъ героевъ, безъ пышныхъ фразъ, безъ мелочнаго честолюбія, самоотверженныхъ слугъ родины. Его ужасающая смерть, еще болѣе трагическая, чѣмъ смерть на плахѣ Ванъ Ольденбарневельда, наложила неизгладимое пятно на послѣдующій захватъ власти штатгальтера.

Отецъ Яна де Витта былъ представителемъ голландскихъ штатовъ, но былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму послѣднимъ штатгальтеромъ Вильгельмомъ. который долго продержалъ его въ Левенштейнской тюрьмѣ и освободилъ подъ условіемъ навсегда отказаться отъ службы штатамъ. Въ этой семьѣ жила глубокая ненависть и боязнь Оранскихъ. У отца даже вошло въ обычай, въ привычку ежедневно, вмѣсто «здравствуй», говорить сыну: «Не забывай, есть еще Левенштейнская тюрьма»!

Когда Яну де Витту удалось установить миръ съ Кромвелемъ, то согласіе на тайный параграфъ условій мира съ Кромвелемъ было принято по почину Яна де Витта. Извѣстно, что въ этомъ параграфѣ заключалось недопущеніе Оранскихъ не только къ власти, но и къ въѣзду въ республику. Кромвелю не желательны были въ сосѣдней странѣ родственники казненнаго имъ Карла I Стюарта. Янъ де Виттъ способствовалъ даже изгнанію изъ Нидерландъ бѣжавшаго изъ Англіи Карла, сына казненнаго короля. Зато, когда Карлу удалось сдѣлаться Карломъ II англійскимъ. вступивъ на англійскій тронъ. де Витту пришлось все свалить на устрашающія мѣры Кромвеля. направленныя противъ республики. На эти оправданія Карлъ II

любезно отвѣтилъ лишь просьбою де Витту, дозволить возвратиться въ Нидерланды его родственнику, юному Вильгельму Оранскому. Желаніе короля было исполнено, и Янъ де Виттъ добросовѣстно занялся руководительствомъ молодого Вильгельма, стараясь внушить ему любовь къ Голландіи. Поощряя обще-нидерландскую торговлю. Янъ де Виттъ отдавалъ всѣ преимущества своей родинѣ—голландской провинціи.

Торговый флотъ республики состоялъ тогда изъ 34,000 кораблей. а колоніи разростались въ Азіи. Америкѣ. Африкѣ. и даже въ Европѣ имѣлись нидерландскія колоніи. По словамъ одного историка того времени: «Голландія, какъ пчела изъ цвѣтовъ, пользовалась соками изъ всѣхъ странъ: Норвегія снабжала ее лѣсомъ, побережья южныхъ рѣкъ служили ей виноградниками. Германія, Испанія, Ирландія пастбищами овцеводства, Пруссія и Польша—хлѣбными житницами. Индія и Аравія—фруктовыми садами» и т. д.

Уѣзжая изъ Брюсселя, передъ своимъ вступленіемъ на англійскій тронъ. Карлъ II завѣрялъ Яна де Витта въ своемъ особенномъ расположеніи къ Нидерландамъ и обѣщалъ охрану мира. Дѣйствительность показала совсѣмъ другое. Также и французскій король Людовикъ XIV просто осыпалъ его любезностями, покушался и на подкупъ, но безсребреникъ Янъ де Виттъ сумѣлъ, не разсердивъ короля, любезно отклонить предложеніе. заявивъ французскому послу: «Дружественное отношеніе ко мнѣ французскаго короля считаю уже наградою свыше всякой мѣры!». Людовикъ XIV опутывалъ его обѣщаніями содѣйствія давней мечтѣ де Витта создать прочный союзъ обороны между южными и сѣверными провинціями на подобіе швейцарскихъ кантоновъ. Въ дѣйствительности Людовикъ думалъ только о захватахъ южныхъ и сѣверныхъ провинцій. Очутившись внезапно въ этой ловушкѣ Людовика, Янъ де Виттъ съ отчаянія прибѣгнулъ къ предложенію договора испанскому послу, на основаніи стараго «гентскаго замиренія». Но ужъ въ это время Людовикъ XIV захватывалъ города во Фландріи и приближался къ Рейну, а Карлъ II англійскій продалъ Людовику нидерландскую гавань (Дюнкирхенъ—захваченную еще Кромвелемъ). Карлъ II захватилъ тогда Нидерландскую колонію въ Мексикѣ, но голландцы отобрали ее,

а знаменитый адмиралъ Рюйтеръ сжегъ англійскій флотъ. Во время этой войны съ англичанами фальшивый союзникъ Людовикъ XIV не только не помогалъ, какъ обѣщалъ, а выжидалъ время, когда морская война настолько истощитъ республику, чтобъ напасть на нее безпрепятственно съ суши. И онъ началъ уже наступленіе.

Но тутъ Янъ де Виттъ поспѣшилъ заключить миръ съ англичанами, образовавъ противъ воинствующаго Людовика «тройственный союзъ» съ Англіей и Швеціею. Это удалось, потому что англійскій парламентъ очень встревожился захватами французовъ и отправилъ посла для переговоровъ съ республикою. Пришлось Людовику подписывать миръ (1668 г.) съ досадой, что его заставили уйти «ни съ чѣмъ»; но еще болѣе разгнѣвался онъ, узнавъ объ отлитой въ Голландіи медали съ изображеніемъ и подписью: «остановка тріумфальнаго шествія солнца въ Голландіи». «Король-солнце, le-roy-soleil», какъ прозывали Людовика XIV придворные льстецы, готовилъ за это реваншъ и началъ дѣятельно, всѣми средствами, разрушать «тройственный союзъ», рѣшивъ завоевать или «стереть съ лица земли» ненавистную ему республику.

Совсѣмъ духомъ средневѣковья и злобою Филиппа II испанскаго вѣяло отъ этой ненависти Людовика и его приверженцевъ-іезуитовъ къ протестантской странѣ, убѣжищу всѣхъ гонимыхъ за вѣру, за идеи, всѣхъ свободомыслящихъ Европы XVII вѣка.

Этотъ вѣкъ называется «вѣкомъ великихъ открытій» въ точной наукѣ, въ которомъ нидерландская республика была передовою страною. Научныя открытія произвели тогда рѣшительный переворотъ средневѣковаго міросозерцанія. Совершился онъ не только въ наукѣ, но и въ искусствѣ этого вѣка, неподражаемо изображавшемъ дѣйствительную жизнь въ художественныхъ воспроизведеніяхъ, гдѣ голландская и фламандская школа искусства, если можно такъ выразиться, демократизировали искусство, въ лучшемъ значеніи этого слова. Эти удивительнѣйшіе художники, какъ: Францъ Ванъ-деръ-Гальсъ, Ванъ-Дейкъ, Рембрандтъ, Рюисдаль, Янъ Стеенъ, Теньеръ, Нетчеръ и десятки другихъ, навсегда останутся величайшими мастерами Европы [1]).

[1]) Фламандецъ Францъ Ванъ-деръ-Гальсъ родился въ Антверпенѣ, но пе-

Благодаря мидельбургскимъ и амстердамскимъ шлифовальщикамъ стеколъ [1]), дѣлавшимъ вогнутыя и выпуклыя стекла, изобрѣтены микроскопъ и телескопъ, и вооруженному глазу человѣка открылся міръ отъ отдаленнѣйшихъ планетъ до мельчайшихъ проявленій жизни на землѣ. Невозвратно во мракъ средневѣковья съ той поры начали прятаться невѣжество и предразсудки. Исчезло и общепринятое представленіе о землѣ въ формѣ блина, окруженнаго морями, за которыми клокоталъ адъ—геенна огненная.

Всѣ путы, сковывавшія мысль, спадали, не такъ легко было зажигать костры инквизиціи, и іезуитамъ, приверженцамъ Людовика XIV, приходилось вести борьбу на другой почвѣ. Изъ дипломатической переписки того времени видно, что изъ Франціи часто жаловались на голландскихъ газетчиковъ и памфлетистовъ, дерзко раскрывавшихъ публикѣ всѣ происшествія, нескромности которыхъ не могло переносить французское правительство. Повторялись безпрестанно требованія, чтобъ запретили безнаказанно играть репутаціями французскаго короля и его приближенныхъ. Но посланники вынуждены были отвѣчать на это, что въ республикѣ свобода слова и печати не подлежитъ преслѣдованію, какъ въ королевствѣ: «Здѣсь могутъ обойтись безъ чего угодно, писалъ одинъ посланникъ, но только не безъ газеты, которая служитъ предметомъ разговора даже для извозчиковъ и для матросовъ». «Здѣсь, писалъ другой посолъ, не существуетъ даже наказаній для тѣхъ, кто печатаетъ оскорбительныя вещи противъ правительства».

Людовикъ, чтобъ уничтожить республику, готовъ былъ разорить въ конецъ Францію и сыпалъ направо и налѣво деньги, подкупая всѣхъ, чтобъ разрушить «тройственный союзъ», заклю-

---

реселился въ Гарлемъ. Умеръ въ 1666 г. Ванъ-Дейкъ родился въ Антверпенѣ въ 1599 г., жилъ въ Лондонѣ, умеръ въ 1641 г. Рембрандъ родился въ Лейденѣ 1607 г., умеръ въ Амстердамѣ въ 1669 г. Рюйсдаль родился въ Гарлемѣ въ 1625 г., умеръ въ 1681 г.

[1]) Шлифованьемъ стеколъ существовалъ тогда знаменитый амстердамскій философъ еврей Барухъ Спиноза. Громадное вліяніе имѣлъ его богословско-политическій трактатъ въ защиту безусловной свободы религіознаго и философскаго мышленія. Онъ объяснялъ, что насильственное стѣсненіе мысли не находитъ себѣ оправданія ни въ сущности государства, ни въ сущности религіи.

ченный Яномъ де Виттомъ съ Англіею и Швеціею. Такъ было подкуплено могущественное шведское дворянство, ворочавшее тогда всѣми шведскими дѣлами, и Швеція отпала отъ союза. У нѣмецкихъ курфюрстовъ явились свои расчеты, чтобъ оставаться нейтральными или стоять за Людовика XIV. Въ Англію, къ Карлу II, онъ отправилъ для переговоровъ красавицу француженку и нѣсколько милліоновъ денегъ, съ обѣщаніемъ прислать еще денегъ. Красавица такъ успѣшно дѣйствовала въ пользу Людовика и противъ республики, что сама превратилась въ англійскую герцогиню, но по возвращеніи во Францію она была отравлена, чтобъ устранить возможность повѣствованій о нескромной миссіи.

Устранивъ такимъ образомъ всѣхъ союзниковъ республики, въ 1672 г., Людовикъ XIV съ 120,000 войскомъ перешелъ Рейнъ. Удобный переходъ черезъ бродъ указалъ ему голландскій крестьянинъ. Людовикъ быстро началъ захватывать города и провинціи, одну за другою: Оберисселъ, Утрехтъ, Гельдернъ. Это нашествіе производило страшную панику. Напримѣръ, ночью передъ воротами Амстердама появилась какая-то французская шайка мародеровъ, а перепугавшійся магистратъ уже вообразилъ, что передъ Амстердамомъ стоитъ все войско Людовика XIV. Члены магистрата начали разсуждать:

«Не лучше ли добровольно и тотчасъ сдать ключи отъ городскихъ воротъ!?»

Заснувшій, престарѣлый бургомистръ, все время клевавшій носомъ, вдругъ при этихъ словахъ проснулся и спросилъ:

«Развѣ получено отъ французовъ требованіе сдачи городскихъ ключей?»—«Нѣтъ не получено».

«Ну, такъ подождите же, по крайней мѣрѣ, пока ихъ потребуютъ!»

Богачи уже собирались уплыть со своими богатствами на мысъ Доброй Надежды, но утромъ они успокоились, увидѣвъ, что войско Людовика еще не стоитъ передъ Амстердамомъ.

Французы съ суши, а англичане съ моря напали тогда на республику, и только одинъ гельдерскій г. Нимвегенъ оказалъ серьезное противодѣйствіе французамъ, послѣ чего и Амстердамъ пріободрился, открылъ свои шлюзы, проломилъ плотины и, затопивъ всю окрестность, окружился водою и гол-

ландскимъ флотомъ. Громадное наводненіе разорило окрестное населеніе, бѣжавшее въ города, такъ что голландскимъ штатамъ пришлось выплачивать деньги безработнымъ. чтобъ они не примкнули къ французамъ.

Положеніе Яна де Витта становилось критическимъ, потому что Вильгельмъ Оранскій, тайно агитируя въ Зеландіи. добился преобладанія. онъ былъ избранъ главнокомандующимъ въ Зеландіи, и другія провинціи готовы были признать его верховную власть. Де Виттъ. больше всего боявшійся верховенства Оранскихъ. вмѣсто того, чтобъ признать совершившійся фактъ. бросился съ отчаянными мирными предложеніями къ Людовику XIV, надѣясь избѣжать войны и военной власти Оранскаго. Принявъ посла отъ Яна де Витта. Людовикъ вообразилъ. что республика уже лишена всѣхъ средствъ къ дальнѣйшей оборонѣ, поэтому онъ отвѣтилъ предложеніемъ самаго унизительнаго мира. въ которомъ было не только требованіе возстановленія католичества, но и полнаго подчиненія Нидерландъ Франціи. Это вызвало сильнѣйшую бурю гнѣва, со всеобщимъ патріотическимъ подъемомъ. Города обратились къ Оранскому, а Амстердамъ вручилъ ему даже титулъ «графа». а г. Вееръ, бывшій маркизатомъ Оранскихъ, провозгласилъ его «первѣйшимъ дворяниномъ». Только Дордрехтъ. пригласивъ его къ себѣ. взялъ съ него клятву не совмѣщать двухъ должностей: генералъ-адмирала и штатгальтера [1]).

Гнѣвъ и отчаяніе населенія обрушиваются прежде всего на Яна де Витта, при чемъ оранжисты коварно указывали народу, что причина всѣхъ бѣдъ не только ошибки, но и продажность Яна де Витта. погубившаго республику. На улицахъ стрѣляли въ Яна де Витта и его брата Корнелія. но лишь слегка ранили.

Вильгельмъ Оранскій. совѣтуя отвергнуть унизительныя условія мира Людовика XIV. твердилъ на засѣданіи штатовъ объ обращеніи къ содѣйствію Англіи. Тогда англійскій король сообща съ французскимъ пытались соблазнить его перспективою пріобрѣтенія для него Нидерландской короны. Но

---

[1]) Такъ какъ Голландія избрала его генералъ-адмираломъ, но не штатгальтеромъ.

Вильгельмъ, недовѣряя имъ, отказался отъ предложенія. Въ то же время возбужденіе противъ де Витта все росло, а его брата Корнелія заподазриваютъ въ покушеніи на жизнь Вильгельма и арестуютъ. Послѣ чего Янъ де Виттъ сложилъ съ себя всѣ свои должности. На собраніи штатовъ хотѣли было выразить сожалѣніе, но ограничились одною благодарностью за прошлую дѣятельность, допуская впредь его участіе въ совѣтѣ.

Въ тюрьмѣ Корнелія де Витта жестоко пытали, но онъ кричалъ своимъ палачамъ: «Можете въ клочки разорвать все мое тѣло, но не добьетесь отъ меня сознанія въ преступленіи, котораго я не совершалъ!» Во время ужасныхъ пытокъ онъ имѣлъ силу воли громко декламировать стихи Горація: «Объ ослѣпленіи взбѣшенной толпы». Затѣмъ ему объявили изгнаніе изъ Нидерландъ. Его палачи собрали толпу оранжистовъ около тюрьмы и подослали сказать Яну де Витту, что его братъ освобождается и желаетъ его видѣть. Янъ де Виттъ собрался навѣстить брата, хотя вся семья молила Яна не выходить на улицу, а любимая его дочь, рыдая у его ногъ, обливая ихъ слезами, удерживала отъ разставленной ему западни. Но ничто не могло поколебать де Витта, онъ ушолъ, взявъ только двухъ секретарей и слугу. Братъ, увидѣвъ его, въ ужасѣ воскликнулъ: «Братъ, зачѣмъ ты сюда пришелъ!?»

Въ толпѣ, окружающей тюрьму, раздались крики: «Къ оружію! къ оружію! Измѣна! Бей измѣнниковъ!» и посыпались страшные удары въ тюремную дверь. Голландскіе штаты въ страхѣ за самихъ себя выставили было милицію и просили Вильгельма явиться на помощь изъ лагеря, но онъ отказался. Графъ Тилень съ кавалеріей съ трудомъ оборонялъ дверь тюрьмы отъ нападеній «горожанъ съ голубымъ знаменемъ» (оранжистовъ). Затѣмъ явился приказъ, отзывавшій Тилена отъ тюрьмы, якобы для защиты Гаги отъ ворвавшихся крестьянъ.

Графъ Тилень, отступая отъ тюрьмы, сказалъ посланному: «Повинуюсь приказу.—но де Виттовъ теперь навѣрное убьютъ!» Едва онъ отступилъ, какъ толпа горожанъ съ голубымъ знаменемъ разломала тюремную дверь и ворвалась въ тюрьму, гдѣ Корнелій де Виттъ лежалъ въ постелѣ, больной послѣ пытокъ, а Янъ де Виттъ читалъ ему библію. Имъ велѣли выйти на лѣстницу. Братья, предчувствуя разлуку, попроща-

лись. Янъ де Виттъ сказалъ толпѣ: «Друзья мои, мы вовсе не измѣнники. Что это такое?! Изслѣдуйте же наши поступки!» Но эти слова только усилили возбужденіе. Больной Корнелій де Виттъ, медленно сходившій по ступенямъ, отъ удара бревномъ полетѣлъ съ лѣстницы, а появившагося на улицѣ Яна де Витта ранили въ лицо коротким копьемъ и свалили ударомъ въ затылокъ. Съ усиліемъ приподнявшись на колѣняхъ, онъ поднялъ голову съ послѣдней молитвой, а въ это время кто-то со словами: «Вотъ тебѣ, предатель!» размозжилъ ему черепъ. Корнелій де Виттъ былъ одновременно убитъ. Тѣла ихъ поволокли къ висѣлицѣ и повѣсили за ноги.

Дѣло объ убійствѣ де Виттовъ закончилось всеобщею амнистіею, въ виду того, что не было возможности узнать виновниковъ убійства. Только подставному обвинителю братьевъ де Виттъ была назначена пенсія.

Между тѣмъ въ Голландіи паника отъ нашествія французовъ все росла. Появился даже планъ эмиграціи въ Вестиндію. въ расчетѣ, что голландскій флотъ сможетъ сразу забрать до 200,000 человѣкъ. Только французы сами ушли (въ 1673 г.). Противъ нихъ вооружилась не только вся Европа, но и вся голландская природа. Сухая погода, облегчавшая французскій походъ, внезапно обернулась въ сильнѣйшее ненастье, бури, ливни. Рѣки выступили изъ береговъ, море ворвалось въ проломленныя плотины, погубивъ жатву и надолго испортивъ почву. За то оно прогнало французовъ. Отступленіе французовъ нельзя причислить къ заслугамъ Вильгельма. Относительно его военныхъ доблестей одинъ изъ современниковъ говорилъ: «Никто не терпѣлъ большаго числа пораженій и не вынуждень былъ снять столькихъ осадъ».

Выручила опять Нидерландскую республику услужливая вода, союзъ съ курфюрстомъ бранденбургскимъ и Европа, встревоженная развивающеюся наклонностью Людовика къ совершенію набѣговъ на сосѣднія страны, среди полнѣйшаго мира. Австрія, Баварія, Бранденбургъ, Швеція, Англія и Савойя. образовавъ союзъ. положили предѣлъ его нашествіямъ.

Истративъ семьсотъ милліоновъ ливровъ на свои походы, истощивъ Францію, Людовикъ XIV долженъ былъ заключить миръ, возвративъ захваченный Маастрихтъ, и отмѣнить огра-

ничныя пошлины. Послѣднее было самымъ важнымъ для голландцевъ, но и себя Людовикъ не обидѣлъ [1]).

Голландцы на радостяхъ, что ушли французы одарили Вильгельма Оранскаго: вручивъ ему наслѣдственное штатгальтерство, денежную сумму и участіе въ Вестиндской компаніи. За это Вильгельмъ въ интересахъ голландской провинціи, а главнымъ образомъ въ собственныхъ интересахъ передѣлалъ стѣснявшія его и голландцевъ конституціи другихъ провинцій: Утрехта, Гельдерна, Оберисселя, урѣзавъ ихъ права.

Наступившій миръ былъ, однако, не въ интересахъ Вильгельма; ему нужно было военное положеніе, чтобъ удержать за собою неограниченныя права. Только не съ кѣмъ было воевать. Людовикъ XIV, пугавшій всѣхъ, отъ кальвинистовъ до самого папы (секвестровавъ французское папское владѣніе Авиньонъ), теперь не давалъ повода къ войнѣ. Амстердамъ тоже не разрѣшалъ войны Вильгельму.

Его воинственности открылось другое поле борьбы со своимъ тестемъ, англійскимъ королемъ, т. е. онъ высадилъ въ Англіи нидерландское войско и помогъ англійскому парламенту свергнуть короля Якова II (католика), на дочери котораго былъ женатъ. Яковъ II англійскій бѣжалъ во Францію къ Людовику XIV, а въ это время англійскій парламентъ провозгласилъ Вильгельма Оранскаго англійскимъ королемъ, короновавъ его Вильгельмомъ III. Только англійскій парламентъ предусмотрительно назначилъ ему ежегодный бюджетъ и обезпечилъ себѣ полнѣйшую свободу контроля и собранія. Въ послѣдующей борьбѣ со своимъ парламентомъ Вильгельмъ растратилъ все свое здоровье и сократилъ жизнь. Положеніе его было довольно странное, такъ какъ англичане вѣчно ставили ему въ укоръ его пристрастіе и любовь къ голландцамъ и ко всему голландскому, и дѣйствительно, его натянутое въ Англіи лицо совершенно расцвѣтало, когда онъ пріѣзжалъ въ Голландію. Между тѣмъ, въ двойной своей роли англійскаго короля и голландскаго штатгальтера, онъ часто раздражалъ голландцевъ, вынужденныхъ выкладывать свои флорины, когда англійскій

[1]) По «Нимвегенскому миру» 1679 г. Людовикъ получилъ Валенсьеннъ, Ньюпортъ, Камбре, Сентъ Омеръ и другія мѣстности изъ испанскихъ Нидерландъ.

парламентъ велъ свои войны. Въ случаяхъ отказа изъ Англіи присылались войска для усмиренія Амстердама, Роттердама, Гарлема и другихъ. Съ великимъ трудомъ выполняли голландцы и требованія англичанъ не торговать съ государствами, съ которыми воевала Англія, а свое могущество Вильгельмъ проявлялъ, смѣняя не подчинявшіеся ему магистраты въ городахъ Нидерландской республики, и при раздачѣ военныхъ чиновъ, до полковника. Ожесточеніе противъ Вильгельма дошло однажды до того, что почти рѣшено было сдѣлать штатгальтеромъ республики его двоюроднаго брата, фрисляндскаго штатгальтера. Только всѣ протесты, всѣ волненія мгновенно прекращались, въ виду вѣчно грозившаго Людовика XIV, паденія котораго сдерживались и отражались лишь англійскимъ оружіемъ.

Послѣ смерти Вильгельма штаты провинцій поспѣшили опять сосредоточить управленіе республикою въ своихъ рукахъ.

Новое нашествіе Людовика XIV для захвата юго-западныхъ испанскихъ Нидерландъ, не встрѣтивъ никакого сочувствія среди голландцевъ, заставило Людовика грозно заявить имъ: «Господа голландскіе купцы скоро будутъ раскаиваться за то, что осмѣлились раздражать такого великаго короля, каковъ я!»

Встревожились всѣ европейскія державы и образовали союзъ противъ Людовика, какъ только онъ захватилъ Испанію и короновалъ тамъ своего сына. Его угрозы республикѣ не могли осуществиться — ее выручилъ многолѣтній недородъ во Франціи, окончательно подрѣзавшій французскіе финансы. Людовикъ ничего не могъ болѣе выжать изъ разоренной имъ Франціи и сталъ просить мира. Европейскія державы не отдали ему Фландріи, Брабанта и другихъ бельгійскихъ провинцій, которыя перешли къ австрійцамъ [1]).

Тутъ скоро жадность голландскихъ купцовъ привела ихъ въ западню. Дѣло въ томъ, что австрійскій императоръ Карлъ VI, чтобъ поддержать своихъ обнищалыхъ новыхъ подданныхъ фламандцевъ, разрѣшилъ имъ основать Вестиндскую компанію. Она основалась въ Остенде. Только голландцы

[1]) По соглашенію европейскихъ державъ претензія Людовика на испанскія Нидерланды была отвергнута, и въ 1713 году «утрехтскимъ миромъ» испанское наслѣдство было передано Австріи (Габсбургскому дому).

стали энергично противиться, не желая конкурренціи своей торговлѣ. И ради этого голландцы рискнули связать себя страшно тяжелымъ договоромъ съ императоромъ австрійскимъ Карломъ VI, обѣщавъ ему «всегда поддерживать его династическіе интересы», но подъ условіемъ уничтоженія покровительствуемой имъ Фламандской вестиндской компаніи. И конечно Карлъ не задумался уничтожить въ Остендѣ фламандскую торговую компанію, но за то и голландцевъ разорило вынужденное теперь вмѣшательство ихъ во всѣ безконечныя распри европейскихъ династій. Это привело республику къ плачевнымъ послѣдствіямъ, она вошла въ неоплатные долги, втянутая въ европейскія войны. Изъ-за этого ворвались опять французы, воевавшіе съ Австріею и Англіею, когда-же голландцы пошли на миръ съ Франціею, то англичане не захотѣли мира и нагрянули на республику.

Передрягою воспользовались оранжисты и утвердили штатгальтеромъ сына послѣдняго штатгальтера Вильгельма, тоже называвшагося Вильгельмомъ, которому посодѣйствовалъ своимъ войскомъ его тесть англійскій король Георгъ, а также нѣкоторая часть крестьянъ примкнула къ военной партіи оранжистовъ. Крестьянъ тѣснили монополіи большихъ городовъ. У цеховъ давно отняты были послѣднія крохи независимости плутократическимъ управленіемъ республики, государственныя должности которой не только свободно продавались, но и передавались по наслѣдству и по кумовству. Все дѣлалось только въ интересахъ и только согласно съ выгодами тѣхъ или другихъ семей патриціевъ—банкировъ и крупныхъ предпринимателей—купцовъ. Колоніальныя богатства постепенно переродили и былую предпріимчивость голландцевъ въ вырождающееся существованіе паразита, живущаго на счетъ чужой жизни въ колоніяхъ.

Старыя цеховыя учрежденія, превратившіяся въ мертвую форму, только стѣсняли производство и его усовершенствованія, ставя безчисленныя преграды новымъ изобрѣтеніямъ. Средневѣковой уставъ запрещалъ не только соединеніе различныхъ предметовъ ремесленной выдѣлки, но даже частей предметовъ, считавшихся спеціальностью различныхъ цеховъ, между тѣмъ каждое новое изобрѣтеніе требовало соединенія различ-

нѣшнихъ предметовъ. Всѣмъ извѣстенъ случай съ Джемсомъ Уаттомъ, желавшимъ установить свою паровую машину, но онъ нигдѣ не могъ найти пріюта для нея, или, лучше сказать, разрѣшенія ея установки. Кузнечный цехъ «не дозволялъ ея, какъ предмета не перечисленнаго, не входящаго въ составъ строго обозначенныхъ вещей, изготовляемыхъ кузнечнымъ цехомъ», и лишь совершенно случайно удалось Уатту помѣстить свою паровую машину въ пристройкѣ одного англійскаго университета.

Внутренняя жизнь цеховъ соотвѣтствовала омертвѣнію всего общественнаго строя. Цеховые мастера все болѣе стѣснили переходъ подмастерьевъ на степень мастеровъ и превратили обычные цеховые взносы въ откупъ, въ монополію. и степень мастера давно давалась не по заслугамъ, а лишь тѣмъ, кто могъ уплатить болѣе другихъ. Званіе мастера передавалось по наслѣдству сыновьямъ, дочерямъ и вдовамъ умершихъ мастеровъ, такъ-что, если какой-нибудь злополучный подмастерье не находилъ себѣ подходящей вдовы или дочери умершаго мастера, то обреченъ былъ на всю жизнь остаться только подмастерьемъ. Сроки ученья учениковъ все удлинялись, чтобъ пользоваться даровою работою учениковъ, и съ этою цѣлью послѣднимъ не давалось нужныхъ свѣдѣній въ ремеслѣ, и тормозилось представленіе пробныхъ ученическихъ работъ цеховымъ старшинамъ. Поэтому и случалось, что ткачи, совершенно порабощенные предпринимателями. заправилами республики. находились въ числѣ оранжистовъ. Законы республики согласовались только съ выгодами ея заправилъ, уступая только ихъ требованіямъ, но они никогда не подчинялись законамъ. Напримѣръ, существовало старинное установленіе, запрещавшее мастерамъ набирать большое число учениковъ въ городахъ. въ виду охраненія цехового равенства, давно исчезнувшаго; этотъ законъ легко обходился устройствомъ въ деревняхъ громадныхъ мастерскихъ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка изобрѣтена была первая самопрялка приводимая въ движеніе водяною силою. Не хватало только примѣненія пара, чтобы паровыми машинами окончательно убить мелкія городскія мастерскія. съ ихъ ручными станками, и сосредоточить производство въ немногихъ самыхъ крупныхъ рукахъ фабрикантовъ-предпринимателей.

Паровая машина, за сто лѣтъ передъ тѣмъ, была изобрѣтена въ Англіи. Изобрѣтатель ея, Папинъ, даже построилъ модель своей паровой машины, но двигательная сила пара, уже извѣстная до Р. Х. [1]), была примѣнена лишь тогда, когда появился усиленный спросъ на произведенія промышленности для рынковъ въ колоніяхъ. Тогда появляются одновременно машины различной конструкціи, вызванныя требованіями болѣе дешевой и равномѣрно дѣйствующей силы, чѣмъ та, которую давала работа ручныхъ станковъ.

Впервые въ бумагопрядильной промышленности примѣнена была сила пара въ 1775 году какъ и механическій станокъ (усовершенствованный лишь въ 7813 г.). Предприниматели въ погонѣ за дешевизной предпочитали даже дѣтскій и женскій трудъ и все удлиняли рабочее время.

Развитіе монополіи въ республикѣ достигло такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что существованіе людей даже средняго достатка становилось труднымъ, не говоря уже о низшихъ классахъ, но могущественное купеческое управленіе своими наемными войсками умѣло сдерживать всякое проявленіе недовольства. Правда, въ гельдерскихъ городахъ, какъ Нимвегенъ, Аригеймъ и друг., бывали вспышки, кончавшіяся дикою расправою, и головы бургомистровъ скатывались на плахѣ. Въ одномъ изъ городовъ повѣсили бургомистра надъ окномъ городской ратуши.

Штатгальтеръ Вильгельмъ, утвержденный отчасти силою англійскаго оружія, не долго прожилъ. Онъ умеръ черезъ четыре года, но штатгальтерство, ставши наслѣдственнымъ, должно было перейти къ его малолѣтнему сыну, за котораго правила мать, англичанка Анна, съ которою и начала борьбу купеческая Голландія. Англичанкѣ Аннѣ естественно лежали ближе къ сердцу интересы ея отца, англійскаго короля, чѣмъ интересы нидерландской республики. Она и блюла ихъ въ теченіе семилѣтней войны англичанъ съ французами, между тѣмъ

---

[1]) Двигательную силу пара знали еще до Р. Х.; александрійскій ученый Геронъ дѣлалъ надъ нею опыты, но въ древности не нуждались въ удешевленіи труда, который былъ уже достаточно дешевъ работою рабовъ, да и ремесло, будучи въ «презрѣніи» въ республикахъ древней Греціи и Рима, не имѣло путей къ усовершенствованію.

выгоды голландцевъ требовали ихъ союза съ Франціею. Вѣдь и война эта шла изъ-за полнаго преобладанія англичанъ на моряхъ и колоніяхъ Индіи и Америки.

Голландскіе торговые обороты все шпрились, и англійской Вестиндской компаніи приходилось быть на ножахъ съ голландской Вестиндской компаніей. Онѣ взаимно другъ друга уничтожали: топили въ моряхъ корабли, дрались въ колоніяхъ. Это была постоянная война.

Курьезное воззрѣніе существовало въ XVIII вѣкѣ на международныя права торговли. Лучше сказать, правъ не было, такъ какъ всякое государство считало всю торговлю только своею монополіею, поставивъ себѣ задачею уничтоженіе рынковъ сосѣдей. Англія, дѣлаясь преобладающею морскою державою, запрещала другимъ торговлю съ Франціею, назвавъ ее «контрабандной». Англичане установили надзоръ за судами чуть не всего свѣта, и этотъ надзоръ находился въ рукахъ частныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ какъ настоящіе пираты. Англійскій министръ Питтъ (старшій) поддерживалъ этихъ пиратовъ, захватывавшихъ на моряхъ голландскіе корабли, подъ предлогомъ, что они «можетъ быть везутъ товары во Францію». Это прекратилось лишь послѣ новаго договора [1]), и тогда Нидерландамъ дана была передышка.

Въ Америкѣ, въ англійскихъ колоніяхъ, вспыхнуло возстаніе противъ англійскихъ налоговъ, и образовались независимые соединенные Сѣверо-Американскіе штаты, но англичане, усмиряя своихъ колонистовъ, потребовали помощи отъ нидерландской республики, въ силу стараго договора. Тогда штатгальтеромъ былъ безвольный Вильгельмъ, совершенно подчинявшійся своей женѣ (прусской принцессѣ) и министру-сторонику англичанъ. Вильгельмъ сталъ на сторону англичанъ, только голландскимъ штатамъ вовсе не было расчета содѣйствовать усиленію англичанъ подавленіемъ новой американской республики. За отказъ штатовъ раздраженная Англія отомстила, захвативъ нидерландскія суда.

Американская борьба все разгоралась. По почину русской императрицы Екатерины II образовался такъ называемый «во-

[1]) «Парижскимъ миромъ» 1763 г.; англичанамъ удалось тогда изгнать французовъ изъ Индіи, оставивъ имъ часть ихъ американскихъ колоній.

оруженный нейтралитетъ державъ въ англійской войнѣ съ Америкой», къ которому присоединились европейскія державы, при чемъ англичане употребляли всѣ усилія, чтобъ помѣшать нидерландской республикѣ вступить въ союзъ державъ. Но какъ ни усердствовалъ штатгальтеръ въ пользу Англіи, штаты послѣ нѣкотораго колебанія примкнули къ «Европейскому нейтралитету», а въ отвѣтъ на это англичане объявили войну голландцамъ (въ 1780 г.). Въ этой войнѣ штатгальтеръ Вильгельмъ проявлялъ такое равнодушіе къ интересамъ, потерямъ и убыткамъ республики, что противъ него образовалась очень большая новая партія «патріотовъ» изъ разныхъ сословій.

Державы вооруженнаго нейтралитета вовсе не защищали свою союзницу — республику. Какъ разъ наоборотъ. Еще до объявленія разрыва съ Англіею у республики оторваны были ея колоніи въ Индіи и на мысѣ Доброй Надежды, и ей пришлось заключить весьма невыгодный миръ съ англичанами (1783 г.). Партія «патріотовъ», возмущенная бездѣятельствіемъ штатгальтера, потребовала устраненія самаго главнаго и вреднаго его совѣтника, тогда-же энергично потребовала возстановленія уничтоженнаго значенія государственнаго совѣта, какъ и упраздненной штатгальтеромъ мѣстной милиціи «стрѣлковой стражи». Но Вильгельмъ протестовалъ противъ этихъ демонстрацій «патріотовъ», а прусскій король, покровительствуя своей племянницѣ, женѣ Вильгельма, сдѣлалъ болѣе чѣмъ строгое внушеніе, явясь усмирять голландцевъ. Тутъ голландцы съ горечью признавались другъ другу, что «только теперь уразумѣли всю мудрость прадѣдовъ, всегда чуждавшихся браковъ своихъ штатгальтеровъ съ принцессами крови».

Хуже всего было то, что стѣсненнымъ положеніемъ нидерландской республики вздумалъ воспользоваться австрійскій императоръ Іосифъ II, нагрянувъ и захвативъ множество пограничныхъ крѣпостей. Іосифа австрійскаго соблазняло затруднительное финансовое положеніе республики и полнѣйшая бездѣятельность ея штатгальтера. Іосифъ II совершенно основательно полагалъ, что теперь-то и наступило самое подходящее время, чтобъ освободить свою фландрскую рѣку Шельду, все еще заблокированную голландскими пушками, а вѣдь про-

шло почти болѣе трехъ четвертей вѣка съ той поры, какъ его дѣдъ получилъ въ наслѣдство испанскія Нидерланды.

Война казалась неминуемой, въ 1784 году, и республика съ трудомъ набирала солдатъ-наемниковъ. Однако, угрозы Іосифа II оказались холостыми зарядами и ни къ чему не привели. Малосильная тогда Австрія могла выступить только при союзничествѣ и субсидіяхъ другихъ государствъ, а всѣ недолюбливали Іосифа.

Іосифъ все-таки сумѣлъ выговорить себѣ денежную контрибуцію при переговорахъ о мирѣ. Но послѣ этого весь гнѣвъ голландцевъ обрушился на штатгальтера за его неумѣнье поддержать оборону крѣпостей, часъ-отъ-часу усиливалось возбужденіе противъ Вильгельма, и дѣло дошло до того, что послѣ стычекъ оранжистовъ съ патріотами въ Гагѣ у Вильгельма отобрали командованіе гагскимъ гарнизономъ, а на его угрозу покинуть управленіе не обратили никакого вниманія. Амстердамъ тоже отнялъ у него управленіе сухопутными да и морскими силами. Вильгельмъ пытался, но очень неудачно, обуздать противную ему новую партію патріотовъ-демократовъ. Она была очень сильна въ Утрехтѣ и охватывала даже средніе и богатые классы общества. Столпы управленія городовъ — банкиры и богатѣйшее купечество поддерживали своими деньгами издательство множества газетъ, брошюръ и летучихъ листковъ демократической партіи, вооружавшейся противъ штатгальтера. Конечно, они не чуяли тогда всей опасности такого сближенія среднихъ классовъ съ демократическими элементами.

Въ Утрехтѣ торжественно сожгли голубой штатгальтерскій флагъ Оранскаго и кричали: «долой штатгальтерскихъ солдатъ». Но въ городахъ, гдѣ оранжистская партія преобладала, напримѣръ въ Гагѣ, Роттердамѣ, также въ Зеландіи, на улицахъ происходили настоящія битвы ополченцевъ и штатгальтерскихъ отрядовъ. Смуты были въ Фрисляндіи, Оберисселѣ, Гельдернѣ. Населенный старинымъ дворянствомъ Гельдернъ не потерялъ конечно вольнодумства новой партіи, и, когда въ его городахъ Гатемѣ и Эльбургѣ, по примѣру Утрехта, старый магистратъ былъ смѣщенъ и замѣненъ новымъ выборнымъ магистратомъ, возмущенное дворянство добилось вмѣшательства штатгальтера Вильгельма, двинувшаго туда свои отряды и заставив-

шаго оба города отмѣнить нововведенія. Однако такое вмѣшательство штатгальтера во внутреннія дѣла городовъ было явленіемъ столь необычнымъ, что своимъ беззаконіемъ подняло штаты всѣхъ другихъ провинцій и городовъ, особенно штаты Голландіи. Послѣдовали бурныя кровопролитныя стычки. Борьба партій происходила даже въ семьяхъ. Враждебныя партіи обращались одна къ помощи Пруссіи, другая къ Франціи.

Голландскіе штаты лишили Вильгельма, за превышеніе штатгальтерской власти, всѣхъ правъ и титула, а за грознымъ требованіемъ штатгальтерши возвратить ея мужу его права, послѣдовало еще публичное осужденіе штатгальтера, какъ: «исполнителя - предателя, сердце котораго такъ-же порочно, какъ узка голова». Собственность его обложили налогами, какъ остальныхъ гражданъ, а его гербовую печать на дѣловыхъ документахъ замѣнили гербомъ штатовъ.

Не такъ-то легка была передѣлка конституціи провинцій. Одна партія требовала преобразованій на чисто народной почвѣ, но большинство хотѣло ограничиться борьбою: «за или противъ Оранскаго». При этомъ вспыхивала старая зависть маленькихъ провинцій къ большой и сильной голландской провинціи.

Штатгальтерская семья уѣхала въ Пруссію, а жена штатгальтера, племянница прусскаго короля, объявила, что ее оскорбили, не впустивъ обратно въ Гагу, и подъ этимъ предлогомъ вынудила дядю выслать прусское войско для возстановленія штатгальтера. Это совершилось при помощи прусскаго войска, а затѣмъ всѣ вожаки патріотической партіи были объявлены «неспособными служить родинѣ» при обязательствѣ носить штатгальтерскій значокъ. Все бы обошлось безъ кровопролитія, если бъ побѣдители не начали мстить своимъ личнымъ врагамъ, такъ что даже прусскіе солдаты вынуждены были останавливать неистовства оранжистовъ.

ГЛАВА IX.

Управленіе австрійцевъ среди фламандцевъ и валлоновъ: французы - освободители на югѣ и сѣверѣ. — Соединеніе сѣвера и юга. — Окончательный разрывъ. — Трудовая самопомощь.

Совершенно иначе дѣйствовали пруссаки и англичане въ бывшихъ испанскихъ провинціяхъ (въ Бельгіи), перешедшихъ съ 1713 г. въ руки австрійцевъ здѣсь они подстрекали фламандцевъ и валлоновъ [1]) противъ австрійскаго правительства, потому что Пруссія и Англія очень боялись усиленія Австріи. Подстрекательство къ возстанію нало на давно подготовленную почву ненависти къ австрійцамъ и ихъ насильственнымъ мѣрамъ. Напримѣръ, уничтоженіе цехового самоуправленія въ Брюсселѣ и жестокая казнь цехового мастера Аниссена (1719 г.), павшаго жертвою неумолимои тираніи австрійскаго намѣстника маркиза Дейріе, составляетъ мрачный эпизодъ въ исторіи австрійскаго господства. Всѣ сословія только и ждали возможности изгнать австрійцевъ изъ Бельгіи. И это удалось, но освобожденіе пролетѣло какъ краткій сонъ. Сильнѣйшій разладъ партій и католическое духовенство съ дворянствомъ, стремившіяся подорвать патріотическую либеральную партію, ослабили національную оборону, такъ что австрійцамъ удалось вновь возстановить свою власть въ провинціяхъ Бельгіи, которыя послѣ испанскаго выжиманія изъ нихъ послѣднихъ соковъ подверглись при австрійцахъ иного рода испытаніямъ.

При австрійской императрицѣ Маріи Терезіи дѣлались попытки уничтоженія общиннаго владѣнія, корпорацій и коммунъ, но этотъ законъ 1772 года не въ силахъ былъ привести проекта въ исполненіе, такъ какъ начало общиннаго владѣнія коренилось въ доисторической древности. Вырвать его почти съ корнемъ удалось лишь позже. Затѣмъ императоръ Іосифъ II

---

[1]) До сихъ поръ нервный подвижной валлонъ кельтской расы отличается отъ болѣе флегматичнаго фламандца германской расы. Расовая розпь начинаетъ сглаживаться подъ вліяніемъ экономическихъ и культурныхъ интересовъ, но не вездѣ. Богатый купецъ въ Брюсселѣ говорилъ: «Увѣряю васъ, если больной валлонъ упадетъ на улицѣ, то фламандцы его не поднимутъ!» и наоборотъ.

началъ производить другіе опыты насажденія просвѣщенія и введенія австрійскихъ законовъ, которые были на нѣмецкомъ языкѣ и вводились австрійскими чиновниками со всею грубостью и насиліемъ австрійской бюрократіи того времени. Они возбуждали крайнее озлобленіе въ городахъ, какъ Гентъ, Брюссель, Брюгге, цѣлые ряды вѣковъ жившихъ самостоятельною жизнью и даже при испанцахъ сохранявшихъ внутреннее самоуправленіе.

Всего упорнѣе противодѣйствовало реформамъ Іосифа II католическое духовенство, прямо возбуждавшее населеніе провинцій противъ свободомыслія этого императора, потому что Іосифъ, хотя и католикъ, вовсе не оказывалъ покровительства католическимъ монахамъ.

Новыя идеи всего сильнѣе проникали сюда черезъ ближайшую границу, изъ сосѣдней Франціи наканунѣ ея большой революціи, пробуждая общественное сознаніе, требованія преобразованій и національное стремленіе освободиться отъ австрійцевъ. Іосифъ II, такъ сильно задѣвшій національныя, гражданскія и религіозныя чувства бельгійцевъ, не сумѣлъ даже освободить Шельду отъ вѣчно угрожавшихъ ей голландскихъ пушекъ, мѣшавшихъ торговому судоходству Антверпена.

Прежде всего безпорядки начались въ Брабантѣ возстаніемъ строго-католическихъ студентовъ лувенскаго университета, лишеннаго Іосифомъ своихъ старинныхъ привилегій, но это возстаніе было подавлено силою. Послѣдовалъ отказъ брабантскихъ сословій уплачивать подати австрійцамъ. Тутъ австрійское правительство выказывало свою слабость, то вводя, то отмѣняя реформы. Эта нерѣшительность всѣхъ раздражала. Множество бельгійцевъ выселялись изъ Бельгіи, не вынося подобнаго управленія.

Въ 1788 г. Іосифъ II дѣлаетъ полную уступку всѣмъ требованіямъ упраздненнаго было лувенскаго университета, вслѣдствіе чего смѣлость недовольныхъ доходитъ до того, что адвокатъ Ванъ-деръ-Ноотъ (глава партіи недовольныхъ) дерзко заявляетъ о совершенной ненужности для Брабанта признавать власть австрійцевъ, а вскорѣ выселившіеся брюссельцы вторгаются съ оружіемъ въ Бельгію и, захвативъ врасплохъ нѣкоторые форты, наносятъ пораженіе австрійцамъ при Турнутѣ.

Въ Брюсселѣ тоже вспыхиваетъ возстаніе, и брюссельцы заставляютъ австрійскій крѣпостной гарнизонъ очистить крѣпость, а штаты объявляютъ независимость Брабанта. Ихъ примѣру слѣдуютъ всѣ остальныя провинціи, и въ 1790 году генеральные штаты провинцій совершенно отвергаютъ мирныя предложенія австрійцевъ. Они отвергаютъ мирныя предложенія и другого австрійскаго императора Леопольда II, который не преминулъ выслать сильный корпусъ австрійской арміи и, безъ труда усмиривъ бельгійскія провинціи, ввелъ прежнее управленіе. Новое сопротивленіе бельгійцевъ было опять подавлено.

Бельгія, ближайшая сосѣдка Франціи, чутко прислушивалась къ грянувшей тамъ грозѣ, которою сметены были всѣ расшатанныя остатки феодальныхъ порядковъ западной Европы—крѣпостничество и сословность. Бельгійцы стали ждать французовъ революціи, чтобы они пришли освободить ихъ отъ австрійцевъ. Въ сосѣдней нидерландской республикѣ тоже ждали ихъ помощи, чтобъ отдѣлаться отъ штатгальтера, защищаемаго прусскими штыками и вступившаго въ прусскую лигу противъ Франціи.

Битва при Жемаппѣ отдала страну во власть французовъ, хотя борьба велась съ перемѣннымъ счастьемъ. Австрійцы вытѣснили было французовъ, зато въ слѣдующемъ, въ 1794 году, въ іюлѣ, генералъ Пишегрю торжественно вступилъ въ Брюссель. Нечего и говорить, что города очень гостепріимно открывали французамъ ворота, встрѣчая ихъ радостно, какъ «апостоловъ свободы», «избавителей». А французы тотчасъ присоединили Бельгію къ Франціи, раздѣлили ее на девять департаментовъ, открыли судоходство по Шельдѣ и начали распоряжаться, какъ въ завоеванной странѣ. Они захватывали деньги изъ общественныхъ кассъ, церковныя имущества, всюду вымогая деньги, истощая и безъ того, послѣ испанскаго и австрійскаго хозяйничанья, не цвѣтущую страну. На всѣ доводы, что платежныя способности населенія совершенно истощены, французы отвѣчали: «Не хотите платить! — Такъ не получите отъ насъ «правъ человѣка» («Les droits de l'homme»—французская хартія 1791 года). [1]) Денегъ французамъ требовалось чрезвы-

[1]) Права эти заключались: въ «свободѣ безопасности и сопротивленіи угнетенію». Свобода опредѣлялась: возможностью дѣлать все, что не вредитъ другому. Это не мѣшало революціонерамъ, дѣятелямъ Конвента и Конституанты вводить подати не соотвѣтствующія состояніямъ и законодательнымъ путемъ принуждать къ раздѣлу общинныхъ имуществъ, воспрещать союзы и стачки.

чанно много, а въ разоренной Людовиками Франціи всѣ средства были истощены. Между тѣмъ новорожденной французской республикѣ приходилось нести громадные военные расходы для веденія ожесточенной внѣшней войны со всею Европой, ополчившейся противъ нея, а также велась трудная внутренняя борьба съ приверженцами стараго порядка.

На сѣверѣ, въ республикѣ семи соединенныхъ провинцій, штатгальтеръ Вильгельмъ помогалъ высадкѣ англичанъ на голландскій берегъ, чтобъ бороться съ французами, но французы скоро побили ихъ. Англійскіе корабли замерзли въ голландскихъ рѣкахъ, а французы спокойно перешли по льду и безпрепятственно были впущены въ Амстердамъ (1795 г.). Все время голландское ополченье мѣшало штатгальтерскому войску и англичанамъ наступать на французовъ. Штатгальтерскому семейству ничего не оставалось, какъ укрыться въ Англіи. Обрадованные голландцы тотчасъ отмѣнили постановленіе о «наслѣдственности штатгальтерской власти». Но не долго пришлось радоваться голландскимъ купцамъ: французы начали и здѣсь по своему хозяйничать. Они даже переименовали республику «Семи сѣверныхъ провинцій», въ «Батавскую республику», и новопареченной республикѣ пришлось принять тяжелыя условія, поставленныя ей освободительницей Франціей, въ видѣ уплаты ста милліоновъ гульденовъ, содержанія 30 тысячнаго французскаго войска и уступки своихъ главнѣйшихъ гаваней. Теперь богатства патриціевъ расходовались на французскую армію [1]).

Англія, пользуясь безсиліемъ «Батавской республики», захватывала всѣ ея колоніи (впослѣдствіи онѣ были возвращены, кромѣ Цейлона и мыса Доброй Надежды). Дороговато обошлось заступничество Франціи, но зато окончательно были сокрушены послѣдніе остатки феодализма, неравенства личности передъ закономъ, какъ и неравенство, существовавшее между провинціями.

Борьба французской республики съ союзомъ европейскихъ державъ вызвала на сцену военный геній Наполеона Бонапарта, быстро превратившагося изъ корсиканскаго поручика

[1]) Черезъ годъ совершилась ликвидація дѣлъ знаменитаго амстердамскаго банка.

въ главнокомандующаго французскими войсками, и, послѣ ряда блестящихъ побѣдъ. Наполеонъ дѣлается «временнымъ консуломъ», далѣе «пожизненнымъ консуломъ французской республики».

Торжество надъ всею почти Европою сильно вскружило головы французамъ, опьянило увѣнчаннаго лаврами Наполеона, который и превратилъ свой лавровый вѣнокъ въ императорскую корону, а французскую республику въ монархію. Успѣхъ Наполеона во Франціи объясняется страхомъ буржуазіи усиленія низшихъ классовъ народа и въ то-же время боязни возвращенія прежнихъ порядковъ. Тоже у народа.

Императоръ Наполеонъ I однимъ почеркомъ пера перекрещиваетъ «Батавскую республику» въ «Королевство Голландію». приказавъ тамъ короноваться своему брату Людовику Бонапарту и ввести новый кодексъ законовъ Наполеона (code de Napoleon). Наполеонъ начинаетъ систематически преслѣдовать фламандскій языкъ во Фландріи, запретивъ его въ школѣ. судахъ и административныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе чего уже тогда начинается національное движеніе противъ французовъ.

И четырехъ лѣтъ не прошло, какъ Наполеонъ все сильнѣе коритъ брата, грозитъ ему даже лишеніемъ голландской короны «за его недостаточное усердіе къ интересамъ Франціи», иначе говоря, къ истребительнымъ фантазіямъ Наполеона, въ конецъ разорявшаго новое королевство Голландію безпрестанными требованіями: денегъ, денегъ и солдатъ. Въ то время Наполеонъ готовился къ походу въ Россію.

Тиранія наполеоновскаго режима проявлялась и въ введеніи запретительныхъ законовъ [1]) относительно англійской морской торговли, имѣвшихъ единственную цѣль нанесеніе ущерба злѣйшему врагу, противодѣйствовавшей ему Англіи. Изъ-за ненависти къ англичанамъ онъ готовъ былъ пустить съ нищенскою сумою всю подвластную ему Европу. Англія отъ этого мало пострадала, но страдала вся Европа, особенно портовые

[1]) Таможенный тарифъ утвержденъ императоромъ Наполеономъ I, въ Тріанонѣ, 5 августа 1810 года. Тарифомъ облагались всѣ товары пятидесятипроцентной пошлиною, а декретомъ въ Фонтенебло подтверждена континентальная система. Наполеонъ приказалъ сжигать всѣ англійскія произведенія.

го́рода континента, находившіеся въ южныхъ, западныхъ и восточныхъ моряхъ, подвластныхъ наполеоновскому режиму [1]).

Голландскій король Людовикъ Бонапартъ, сознавая, что онъ ничѣмъ не сможетъ облегчить судьбу разоряемаго Наполеономъ голландскаго королевства, отрекся отъ голландской короны, передавъ ее малолѣтнему сыну, подъ опекою жены, а самъ уѣхалъ въ Германію. Разгнѣванный Наполеонъ тотчасъ уничтожилъ созданное имъ «королевство голландское» и новымъ росчеркомъ пера обратилъ его во «французскую провинцію», небрежно заявивъ: «Вѣдь эта страна только наносъ песку и земли изъ французскихъ рѣкъ!» и приказалъ считать отнынѣ столицу бывшаго голландскаго королевства Амстердамъ «третьимъ городомъ Франціи».

Когда въ «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ (1813 г.) союзныя войска великихъ европейскихъ державъ разбили наполеоновскія войска, эта вѣсть съ восторгомъ была встрѣчена въ Нидерландахъ, гдѣ тотчасъ объявили объ отложеніи отъ Франціи. Оранжисты поспѣшили учредить временное правительство, призвавъ изъ Англіи сына послѣдняго штатгальтера, опять Вильгельма.

Наполеонъ былъ заточенъ на островѣ Эльбѣ, а великія державы вручили принцу Вильгельму Оранскому-Нассаускому титулъ голландскаго короля [2]), присоединивъ къ этому королевству и бельгійскія провинціи.

Рѣшившій это «Вѣнскій конгрессъ», подобно Наполеону, перетасовывалъ народы и государства, не обращая никакого вниманія на ихъ историческое прошлое. Цѣлью присоединенія Бельгіи къ Нидерландскому королевству выставлялась необходимость созданія сильнаго государства, которое могло-бы служить оплотомъ противъ сосѣдней воинствующей Франціи, въ которой возвратившіеся въ 1814 году Бурбоны опять начали по старому хозяйничать. Тогда вдругъ, словно выходецъ съ того свѣта, появляется Наполеонъ, изъ своего заточенія на островѣ Эльбѣ, явясь якобы защитникомъ правъ французскаго народа противъ «старыхъ порядковъ». Онъ грозно становится

[1]) Это обстоятельство, однако, косвенно способствовало росту промышленности на континентѣ, до того времени бывшей въ рукахъ англичанъ.

[2]) На «Вѣнскомъ конгрессѣ» 31 мая и заключительные акты 9 іюня 1845 г.

во главѣ вѣрной ему арміи, и всѣ покорно переходятъ въ его лагерь, даже люди только-что осуждавшіе его. Французскій король Людовикъ XVIII спасается бѣгствомъ изъ Парижа за-границу. Наконецъ битвою при Ватерло наполеоновскія войска были окончательно разбиты соединенными силами бельгійцевъ, голландцевъ, англичанъ и пруссаковъ.

Бельгійцы и голландцы такъ дружно рядомъ воевали противъ наполеоновскаго войска, что, казалось, они побратались между собою, однако съ наступленіемъ мира наступила рознь. Новый законъ голландскаго королевства [1]), объявившій полную свободу совѣсти и допущеніе всѣхъ гражданъ на службу, безъ различія вѣроисповѣданій, скоро былъ нарушенъ нетерпимостью самихъ голландцевъ, и въ то же время бельгійское католическое духовенство требовало покровительства однимъ католикамъ въ Бельгіи.

Послѣ сокрушенія Наполеона собрались было на засѣданіе штаты—старое сословное собраніе, состоявшее изъ дворянства, духовенства и патриціевъ, и они хотѣли было водворить свои старые порядки, но одинъ изъ членовъ собранія, профессоръ Кемперъ доказалъ, что: «прежній сословный строй, утративъ прежнія основы, потерялъ и жизнеспособность, необходимо учредить новое государственное устройство». Онъ прибавилъ: «хотя я врагъ французовъ, но никакъ нельзя не принять во вниманіе послѣдствія французской революціи 1791 г., совершенно измѣнившей жизнь западной Европы. Если не считаться съ этимъ новымъ положеніемъ вещей, то всѣ начинанія окажутся не прочными». Штаты приступили къ болѣе широкой разработкѣ вопросовъ новаго управленія, а въ результатѣ учрежденъ былъ общій для Бельгіи и Нидерландъ парламентъ съ представителями, избираемыми по тремя сословіями, какъ это было прежде, а безъ всякаго сословнаго различія, но съ очень высокимъ избирательнымъ цензомъ, т. е. только богачи, платящіе государству высокіе налоги съ крупныхъ владѣній, допускались къ избранію.

Всего болѣе неудовольствія возбудило въ Бельгіи предоставленіе голландскому королю исключительнаго завѣдыванія

---

[1]) Называвшійся «Основнымъ закономъ» (loi fondamentale).

дѣлами колоній и рѣдкость отчетовъ о нихъ, а также то, что всѣ голландскія интересы ставились всегда выше бельгійскихъ. Различія національности, характера, языка и религіи только обостряли экономическіе и политическіе недочеты. Уничтоженіе голландцами суда присяжныхъ, введеннаго въ Бельгіи еще французами, вызывало сильный протестъ, а также неотвѣтственность голландскихъ министровъ, назначаемыхъ голландскимъ королемъ Вильгельмомъ I.

Свои интересы голландцы ставили гораздо выше бельгійскихъ и облагали бельгійцевъ высокими налогами, не только поземельными, но и на предметы первой необходимости. Напримѣръ, для такой сельскохозяйственной страны, какъ Бельгія, ненавистенъ былъ налогъ на убойный скотъ, на муку, и тяжела такса на бельгійскій каменный уголь, двойной акцизъ на пиво. Всѣ же предметы голландской торговли, чай, кофе, табакъ и проч., почти не облагались пошлинами. При недородахъ въ Бельгіи, голландцы допускали поднятіе цѣнъ при ввозѣ зерна, такъ что во время голода происходили смуты, разграбленіе голодными пекарень и булочныхъ.

Торжественное провозглашеніе свободы печати постоянно нарушалось голландцами, признававшими эту свободу только для себя. Затѣмъ арестъ популярнаго журналиста такъ раздражилъ бельгійцевъ, что они не кланялись на улицѣ пріѣхавшему въ Брюссель Вильгельму, несмотря на его усердные поклоны. Страшный ропотъ католиковъ поднялъ арестъ гентскаго князя-епископа. Бельгійскіе епископы открыто запрещали присягать голландскому правительству, а архіепископъ мехельнскій напечаталъ даже воззваніе: «Объявляемъ нашимъ прихожанамъ, чтобы никто изъ нихъ не бралъ на себя тяжкаго грѣха принесенія присяги еретикамъ». За это заявленіе архіепископъ мехельнскій былъ высланъ, но тѣмъ не менѣе прочее католическое духовенство отказывало въ причащеніи и отпущеніи грѣховъ всѣмъ тѣмъ дворянамъ и богачамъ, которые рѣшились бы присягать голландской конституціи. Поэтому болѣе половины знатныхъ бельгійцевъ не явилось на призывъ голландскаго короля для признанія проекта общей конституціи Бельгіи и Голландіи. Это не помѣшало королю объявить достаточнымъ число голосовъ, т. е. не участвовавшіе въ голо-

сованіи считались какъ подавшіе утвердительные голоса. Бельгійскіе католики совершенно порываютъ отношенія съ голландскимъ правительствомъ, а послѣднее порываетъ съ папой, заставляя этимъ католическое населеніе обратиться къ защитѣ французскаго короля (въ 1818 г.). Только раздразнивъ бельгійцевъ, вызвавъ у французовъ воинственные аппетиты, Вильгельмъ I голландскій добился унизительнаго надзора за собою и руководительства Англіи и Пруссіи: «за то, что онъ не сумѣлъ оберегать спокойствіе Европы».

Низшіе классы бельгійскаго населенія были почти сплошь неграмотны. Отсутствіемъ здѣсь сносныхъ школъ объясняются невѣроятные предразсудки до изувѣрства. Высшія сословія отдавали своихъ дѣтей въ іезуитскія школы и такіе же университеты, но для народа почти не было школы, и жизнь бельгійскаго простолюдина основывалась на суевѣріяхъ. Еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи передъ вниманіемъ жребія воинской повинности принято обращаться къ заступничеству подобающаго католическаго святого, при чемъ въ обычаѣ напоминать ему о своей просьбѣ втыканіемъ булавки въ голову деревянной статуи святого. Сотни булавокъ торчатъ въ головахъ статуй, въ видѣ символическихъ знаковъ. На статую Сентъ-Жиля даже сыплются палочные удары.

Голландскія протестантскія школы стояли всегда выше католическихъ, и за пятнадцатилѣтіе голландскаго управленія школа содѣйствовала подъему живого, воспріимчиваго населенія Бельгіи, развитіе котораго задержано было испанскимъ и австрійскимъ владычествомъ.

Въ самомъ началѣ присоединеніе Бельгіи къ Голландіи и общій парламентъ привѣтствовались среднимъ сословіемъ. Изъ оппозиціи дворянству и надѣясь получить болѣе широкія права, оно выражало сочувствіе королю Вильгельму; только онъ самъ оттолкнулъ и грубо задѣлъ національныя и общественныя чувства этого сословія. Вильгельмъ назначалъ чиновниками на бельгійскую службу только голландцевъ, и голландскій языкъ сдѣлался официальнымъ языкомъ. Между тѣмъ въ Бельгіи, среди валлонскаго населенія, въ употребленіи французскій языкъ, а во Фландріи и Брабантѣ говорится по-французски и по-фламандски. Это нарѣчіе отличается нѣсколько отъ голландскаго.

Сначала бельгійцамъ мѣшала сплотиться противъ голландцевъ ихъ внутренняя рознь, но вскорѣ всѣ партіи временно прекратили свои ссоры и счеты, чтобъ сообща дѣйствовать для освобожденія отъ голландцевъ. Католики, протестанты, сектанты, все высшее и низшее католическое духовенство, дворяне, среднее сословіе и народъ, либералы и консерваторы, въ дружномъ союзѣ, въ 1830 году, изгнали голландцевъ изъ Бельгіи, учредивъ собственное управленіе, свой парламентъ, состоящій изъ двухъ палатъ, для собраній депутатовъ отъ бельгійскаго населенія.

Этому освобожденію содѣйствовали опять событія въ сосѣдней Франціи: тогда въ Парижѣ совершился новый переворотъ—іюльская революція [1]). Изъ Парижа прибыли въ Брюссель эмиссары, возбуждавшіе населеніе къ возстанію, и какъ разъ въ тотъ день, когда пришла вѣсть изъ Парижа, въ брюссельскомъ театрѣ шла опера «Фенелла». Во время сцены воззванія рыбаковъ къ освобожденію отъ Испаніи, возбужденная публика закричала: «Поступимъ какъ французы!». Въ день рожденія Вильгельма были расклеены афиши: «Въ понедѣльникъ—иллюминація, во вторникъ—фейерверкъ, въ среду—революція!» Ночью происходили манифестаціи, когда въ отвѣтъ на петицію объ отдѣльномъ парламентѣ получился отказъ изъ Гаги. Толпа сожгла и разрушила типографію ненавистной министерской газеты, а также зданія судебныхъ мѣстъ, полиціи. Организовалась милиція изъ горожанъ, и сорваны голландскіе гербы, а на мѣсто ихъ водружены старыя брабантскія знамена. Подобныя же манифестаціи происходили въ Люттихѣ, Брюгге, Лувенѣ и другихъ городахъ, отправившихъ также депутаціи въ Гагу. Изъ Гаги прибылъ и появился среди баррикадъ голландскій наслѣдный принцъ, лично пользовавшійся популярностью въ Брюсселѣ. Онъ сталъ завѣрять брюссельцевъ, что непремѣнно учреждено будетъ для Брюсселя отдѣльное управленіе, но не смогъ успокоить умовъ, особенно же когда

---

[1]) Въ концѣ іюля 1830 г. французскій король Карлъ X издалъ указы, которыми онъ нарушилъ конституцію, вызвавъ этимъ возстаніе въ Парижѣ, кончившееся низложеніемъ Бурбоновъ и восшествіемъ на престолъ герцога Орлеанскаго Людовика-Филиппа.

узнали о томъ, что въ Гагѣ вовсе не одобряютъ примирительныхъ заявленій принца.

Въ Брюсселѣ открылось засѣданіе генеральныхъ штатовъ, въ которомъ приняли участіе всѣ бельгійскіе депутаты, начавшіе совѣщанія объ измѣненіи конституціи, а переговоры съ голландскимъ правительствомъ были безуспѣшны, что сильно раздражило брюссельцевъ. За слухомъ о готовящемся нападеніи голландскаго войска послѣдовалъ захватъ власти низшими классами брюссельскаго населенія и ихъ вождями, съ учрежденіемъ временнаго правительства.

Вооруженныя толпы народа, съ военною организаціею, нападали на передовые посты голландскаго войска въ Антверпенѣ, бывшаго подъ начальствомъ голландскаго принца.

Въ то же время брюссельскіе аристократы, испугавшись власти черни, предложили принцу занять городъ. Тогда, съ согласія короля, принцъ оповѣстилъ грозную кару зачинщикамъ и приказалъ гражданской гвардіи снять національные флаги и цвѣта, но это только послужило сигналомъ къ бою. Принцъ, выступивъ изъ Антверпена 23 сентября, напалъ съ 15.000 войскомъ на Брюссель и овладѣлъ верхнимъ городомъ, но съ нижнимъ городомъ онъ не могъ справиться. Къ брюссельцамъ прибывала помощь изъ окрестностей и изъ Люттиха. Сооружены были баррикады, а изъ всѣхъ оконъ, со всѣхъ крышъ сыпался градъ пуль въ подступавшихъ голландцевъ. Три дня длилась перестрѣлка. На четвертый день битвы принцъ съ большимъ урономъ отступилъ въ Мехельнъ.

Послѣ этой побѣды, стоившей жизни 600 бельгійскимъ народнымъ ополченцамъ, возстаніе быстро распространилось во всей Бельгіи. Временное правительство провозгласило въ ратушѣ новую конституцію, состоящую изъ представительства 200 депутатовъ. Въ слѣдующіе дни объявлена была свобода печати, обученія, вѣроисповѣданій, союзовъ и т. д. Такой успѣхъ бельгійцевъ заставилъ принца сдѣлать послѣднюю попытку, укрѣпить Бельгію за своимъ домомъ. Онъ объявилъ, что готовъ управлять ею при независимомъ парламентѣ, и сказалъ: «Бельгійцы, признаю васъ за независимую націю, посылайте же депутатовъ въ національный вашъ конгрессъ!» На это бельгійцы отвѣтили, что, «изгнавъ голландцевъ изъ Бельгіи,

они вовсе не нуждаются въ признаніи своей независимости голландскимъ принцемъ Оранскимъ!» Не только бельгійцы, но и голландскій король вовсе не раздѣлялъ мнѣнія принца, а занялъ войсками крѣпости Маастрихтъ, Вавло и цитадель около Антверпена. Бельгійское войско въ это время вступило въ Антверпенъ, и началась жесточайшая голландская бомбардировка города, напомнившая испанскія неистовства.

Въ пылающемъ и разоренномъ городѣ говорилось: «Потоки крови, слезъ и огня отнынѣ навсегда раздѣляютъ Бельгію отъ Голландіи».

Собравшійся 10 ноября національный конгрессъ провозгласилъ независимость Бельгіи, учрежденіе конституціонной монархіи, съ двумя палатами; только относительно выбора короля для Бельгіи долго не могли придти къ соглашенію европейскія державы. Наконецъ, Англія одержала верхъ, и Бельгіи предложенъ былъ шуринъ англійскаго короля, принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, который, присягая ея конституціи, сказалъ: «единственное мое желаніе, это—счастье бельгійскаго народа, сумѣвшаго отстоять свою свободу». Король Леопольдъ I считался образцовымъ конституціоннымъ монархомъ. Овдовѣвъ, онъ женился на дочери французскаго короля Людовика-Филиппа и при содѣйствіи Франціи отстаивалъ Бельгію отъ продолжающихся покушеній голландскаго короля, все не желавшаго подчиниться рѣшенію великихъ державъ. Онъ выслалъ въ Бельгію подъ начальствомъ принца голландское войско, разбившее при Лувенѣ и Гессельтѣ бельгійскіе отряды, которые не успѣли еще организоваться, при этомъ Брюссель не былъ занятъ благодаря только быстрому вступленію французскаго вспомогательнаго корпуса, и лишь настоянія Франціи и Англіи заставили голландцевъ отступить за границы Бельгіи.

Голландскій король былъ ужасно несговорчивъ, а между тѣмъ ему предлагались выгодныя условія, въ видѣ отступного: дѣлежъ Лимбургской и Люксембургской пограничныхъ провинцій, ежегодную уплату 8.400.000 флориновъ. Бельгійцамъ пришлось поневолѣ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, т. е. заблокированію р. Шельды у голландскихъ береговъ англо-французскимъ флотомъ, со вступленіемъ французскаго войска, захватившаго антверпенскую цитадель, для передачи

ея Бельгіи (1833 г.). Этимъ положенъ былъ конецъ военнымъ дѣйствіямъ, и установленъ договоръ (подписанный только въ въ 1842 г).

Жизнь Бельгіи идетъ усиленнымъ темпомъ. Уже въ 1830 г., т. е. съ установленія временнаго правительства, предпринята постройка первой бельгійской желѣзной дороги между Люттихомъ и Антверпеномъ. Ростъ производства быстро покрываетъ страну густою желѣзнодорожною сѣтью и множествомъ новыхъ каналовъ. Свободная бельгійская торговля, не знающая ни привилегій, ни монополій, требовала сооруженія громадныхъ портовъ Антверпена, Остенде, Бланкенберга.

Какъ только закончилась внѣшняя борьба съ Голландіей, началась ожесточеннѣйшая внутренняя борьба либеральной и католической партій. Послѣдняя съ люттихскимъ епископомъ во главѣ называла либераловъ «франмассонами» [1]) за ихъ стремленіе къ реформѣ въ школьномъ дѣлѣ. Либеральная партія ставила своимъ лозунгомъ: избирательную реформу въ парламентѣ, т. е. расширеніе избирательнаго права для населенія, уравненіе условій городскихъ выборовъ съ сельскими выборами и умѣнье читать и писать какъ условіе участія въ выборахъ.

Борьба партій все разросталась. Во главѣ управленія государствомъ находилась попеременно то либеральная, то католическая партіи, послѣдняя все только усиливалась въ парламентѣ, хотя король Леопольдъ I не послѣдовалъ совѣту своего тестя Людовика-Филиппа, внушавшаго ему: «хорошенько притиснуть либераловъ». Леопольдъ I никогда не производилъ искусственнаго давленія, и министерство составлялось изъ либераловъ или клерикаловъ, если только таковъ былъ составъ парламентскаго большинства.

---

[1]) «Франмассоны» или «братство свободныхъ каменщиковъ» XVIII вѣка взяли нѣкоторые внѣшніе пріемы у средневѣковыхъ братствъ, какъ, напр., тайные знаки узнавать другъ друга по особенному пожатію руки, по привѣтствію незнакомаго члена братства. Таинственность посвященія и засѣданій возбуждали воображеніе. Задачу свою франмассоны полагали въ нравственной перестройкѣ, или, какъ говорили, постройкѣ храма добра, терпимости, прекрасной человѣчности, которая, по ихъ мнѣнію, была выше государственной и церковной исключительности. Въ 1717 г. основана ложа франмассоновъ. Но скоро они сами утратили смыслъ первоначальной задачи.

При либеральномъ министерствѣ всегда преобладала забота объ улучшеніи народнаго образованія и другихъ полезныхъ реформахъ, но когда выборы въ парламентъ давали преобладаніе своею численностью крайней католической партіи, то она, стоя у кормила управленія, спѣшила закрывать школы прежняго либеральнаго министерства, признавая «свободу преподаванія», т. е. школы, находящіяся въ рукахъ іезуитовъ.

Католическая партія провозглашала «свободу преподаванія»,—чтобъ закрыть только школы либеральнаго министерства, и тогда въ деревняхъ школьное дѣло вовсе замирало. Даже въ большихъ городахъ во Фландріи, какъ Гентъ въ 1843 году, на тысячу рабочихъ 850 не умѣли ни читать, ни писать.

Въ 1847 году парламентскіе выборы дали перевѣсъ либераламъ, которые прежде всего возстановили свѣтскія школы, понизили желѣзнодорожные тарифы, отмѣнили высокіе налоги на съѣстные припасы, и матерьяльное благосостояніе страны усиленно развивалось, благодаря большому числу земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ, образцовыхъ мастерскихъ, народныхъ библіотекъ, сберегательныхъ кассъ.

Во Франціи, въ 1848 г., произошла третья революція [1]), а въ Бельгіи король Леопольдъ предоставилъ въ распоряженіе бельгійцевъ свою корону,—что обезоружило всѣхъ недовольныхъ, укрѣпивъ довѣріе къ власти Леопольда I, какъ конституціоннаго монарха. Тогда же министры внесли предложеніе сдѣлать болѣе доступными права на избраніе представителей, т. е., понизить избирательный цензъ, а по вступленіи на тронъ короля Леопольда II крайняя лѣвая партія стояла въ 1865 году за еще большую доступность для населенія на право выборовъ въ парламентъ. Въ 1878 г. выборы были очень благопріятны для либераловъ. Только новый школьный законъ, которымъ духовенство лишалось опеки и надзора за школами, вызвалъ страшную борьбу со стороны крайнихъ католиковъ, которые не брезгали никакими средствами, чтобъ возбуждать простой народъ противъ «безбожныхъ франмассоновъ». Либеральное ми-

[1]) Низложенъ былъ тогда король-буржуа Людовикъ-Филиппъ, и установлена во Франціи демократическая республика въ февралѣ 1848 года.

нистерство ввело даровыя государственныя школы съ обязательнымъ посѣщеніемъ первоначальныхъ школъ, и дѣти различныхъ вѣроисповѣданій могли по желанію обучаться своей религіи дома или въ школѣ.

Католическое духовенство пригрозило лишеніемъ причастія дѣтей, если они будутъ обучаться въ школахъ либеральнаго министерства. Это вынудило лишить жалованья нѣкоторыхъ преподавателей изъ духовенства. но они въ немъ не особенно нуждались, такъ какъ католическое духовенство съ давняго времени пользовалось громадными средствами въ Бельгіи. Проклятія такъ сильно гремѣли на новыя школы, что это произвело извѣстное дѣйствіе на умы населенія, но всего болѣе подѣйствовалъ временный разрывъ либеральнаго правительства съ папою; тогда сильнѣйшій раздоръ былъ внесенъ въ каждую почти семью, въ каждое селеніе, и многія школы остались безъ учениковъ. Сотни общинныхъ католическихъ совѣтовъ были на военномъ положеніи съ либеральнымъ правительствомъ. Поэтому выборы 1884 года дали въ результатѣ сильное преобладаніе клерикальной партіи. Едва успѣвъ вступить въ управленіе. она немедленно начала уничтожать организацію народнаго обученія. съ такимъ трудомъ введенную либералами. Прекращено было и пособіе государства на первоначальныя школы. Въ частныхъ школахъ преподавателями были монахи и монахини, и черезъ годъ было уже закрыто около 900 начальныхъ школъ и 1,079 школъ для взрослыхъ, 228 дѣтскихъ садовъ, и открывались только монастырскія школы.

Въ 1886 году происходили сильнѣйшія волненія рабочихъ въ промышленныхъ центрахъ страны, въ Люттихѣ. Шарлеруа и другихъ. Они нерѣдко сопровождались насиліями, и приходилось прибѣгать къ войску. Всѣ только и слѣдили въ газетахъ за новыми стачками. Поэтому въ тронной рѣчи, произнесенной при открытіи палатъ 1886 года, возвѣщался проектъ улучшенія быта рабочихъ, но не упоминалось объ измѣненіи избирательныхъ правъ, хотя рабочіе и крайняя лѣвая партія настаивали на введеніи всеобщаго избирательнаго права.

Проектъ улучшенія быта остался проектомъ, а въ слѣдующемъ году въ Гентѣ и другихъ мѣстностяхъ опять начались

безпорядки. Такое невыносимое положеніе населенія, не живущаго нормальною жизнью мирнаго труда и находящагося въ какомъ-то напряженіи или въ судорогахъ безпорядковъ, должно было прекратиться. Общественное мнѣніе прониклось сознаніемъ необходимости измѣненій въ бельгійской конституціи, прослужившей шестьдесятъ лѣтъ; но всякое начало бываетъ труднымъ, такъ и здѣсь реформа стараго избирательнаго права совершалась съ громадными усиліями, среди борьбы партій и агитацій.

Въ 1888 году, сто тысячъ человѣкъ подписало петицію о необходимости введенія новаго закона. Въ 1889 г., въ одномъ Брюсселѣ собрано было семьдесятъ пять тысячъ подписей подъ петиціею, отправленною въ парламентъ. Въ 1893 г. еще гораздо большее число участвовало въ манифестаціяхъ, требовавшихъ всеобщей подачи голосовъ при выборахъ, въ Люттихѣ, Намюрѣ, Лувенѣ, Антверпенѣ, Гентѣ и Брюсселѣ. Однихъ углекоповъ болѣе ста тысячъ подписало этотъ адресъ.

Даже бельгійскій король стоялъ за пересмотръ конституціи. Бельгійскій парламентъ пообѣщалъ пересмотръ, и всѣ успокоились въ ожиданіи, но часть депутатовъ парламента высказалась противъ пересмотра конституціи. Тутъ поднялись сотни тысячъ голосовъ. Созваны были всѣ союзы, все настаивало на пересмотрѣ. Всѣ занятія и работы прекратились, даже милиція присоединилась къ этимъ заявленіямъ.

Въ 1894 г. выборы впервые были произведены на основаніи новаго закона, и онъ сразу создалъ въ маленькой Бельгіи одинъ милліонъ триста пятьдесятъ тысячъ новыхъ избирателей, предъявившихъ два милліона избирательныхъ голосовъ, но это также благодаря «двойнымъ» и «тройнымъ» голосамъ нѣкоторыхъ избирателей [1]).

Благодаря проведенію въ жизнь новаго закона, католическая партія вполнѣ торжествовала—съ той поры невѣжественные, зависимые или подкупленные выбирали тѣхъ, кого имъ указывали выбрать, а крестьянамъ католическая партія за-

[1]) Право на полученіе двойныхъ и тройныхъ голосовъ легко пріобрѣталось. Для этого надо было или обладать небольшимъ домомъ, или землею, или же 2,000 флориновъ въ сберегательной кассѣ, быть отцомъ семейства и имѣть свидѣтельство объ окончаніи средняго образованія.

раньше пообѣщала провести въ ихъ пользу благопріятные законы, подъ условіемъ выбирать людей изъ католической партіи.

Либералы и соціалисты (послѣдняя партія сформировалась здѣсь въ 1885 году) очень обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, весь результатъ агитаціи оказался не въ ихъ пользу.

Новый законъ 1894 года далъ право на одинъ избирательный голосъ каждому, кто имѣлъ свидѣтельство объ окончаніи первоначальной школы, и всѣ сейчасъ же начали подучиваться, сдавать экзамены первоначальной и средней школы, чтобъ только обладать правомъ избирать и быть избраннымъ. Особенно привлекало право избранія «коммунальныхъ совѣтниковъ» или «общинныхъ совѣтниковъ», вѣдающихъ всѣми дѣлами общины [1]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти совѣтники не всегда были на высотѣ своего призванія, за то въ другихъ коммунахъ и округахъ совѣтники, избираемые изъ среды неимущаго и трудящагося населенія, знакомые съ его главнѣйшими нуждами, прежде всего хлопотали объ улучшеніи въ устройствѣ первоначальныхъ школъ своихъ общинъ, объ улучшеніи путей сообщенія. Они повышали оклады жалованья служащихъ на городскихъ и сельскихъ должностяхъ. Нѣкоторые налоги перенесены ими съ очень бѣдныхъ на болѣе достаточныхъ, и упорядочены общественныя благотворительныя учрежденія. Устраиваются даже кулинарныя курсы для дѣвушекъ изъ рабочихъ семей, съ ранняго возраста занимающихся на фабрикахъ и потому лишенныхъ возможности домашнимъ опытомъ научиться стряпнѣ. Кухонные курсы учатъ приготовлять де-

---

[1]) То, что для бельгійской провинціи провинціальный совѣтъ, то для общинъ—ихъ общинные или коммунальные совѣты. Въ каждой коммунѣ или общинѣ избирается бургомистръ и общинные (коммунальные) совѣтники, которыхъ бываетъ отъ семи до тридцати одного, по числу жителей въ общинѣ, которая ихъ выбираетъ на шесть лѣтъ, а черезъ три года они по очереди выходятъ. Они получаютъ жалованье за время службы. Совѣтники завѣдываютъ и назначаютъ учителей всѣхъ школъ, служащихъ, докторовъ въ больницахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, ведутъ всѣ денежныя дѣла общины, даже взысканія за нарушеніе полицейскихъ правилъ. Общинный совѣтъ «не можетъ быть никѣмъ распущенъ». Онъ предлагаетъ королю для утвержденія своихъ выбранныхъ кандидатовъ на полицейскія должности.

Въ Бельгіи 41 округъ и 2,603 общины.

шевую, здоровую и вкусную пищу, поднимая этимъ народное здоровье. Тутъ же изготовляются даровые обѣды для бѣднѣйшихъ учениковъ первоначальныхъ школъ общины. Въ нѣкоторыхъ общинахъ предприняты постройки здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ для рабочаго люда.

Передъ выборами 1902 года происходили сильныя волненія изъ за требованій еще большаго расширенія выборнаго права: теперь уже желали всеобщаго голосованія и уничтоженія двойныхъ и тройныхъ голосовъ. Въ результатѣ выборовъ опять одержала верхъ католическая партія. Въ благодарность за поддержку, католическое министерство предоставило большія льготы своимъ приверженцамъ, т. е. дало имъ способы къ быстрому обогащенію. Напримѣръ, привилегіею пользуются скотоводы-земледѣльцы и сильно наживаются благодаря запрещенію ввоза иностраннаго мяса, подъ предлогомъ эпизоотіи, будтобы свирѣпствующей гдѣ-то. Мясо страшно вздорожало и сдѣлалось почти недоступнымъ для недостаточныхъ людей, зато сильно богатѣютъ бельгійскіе крупные скотоводы, поддерживающіе крайнюю католическую партію.

Взаимныя отношенія враждующихъ между собою либераловъ и соціалистовъ, публично возводящихъ другъ на друга всевозможныя обвиненія, вдругъ иногда измѣняются, и они иначе относятся другъ къ другу во время выборовъ коммунальныхъ совѣтниковъ въ своихъ коммунахъ и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Тогда эти двѣ партіи тщательно обходятъ всѣ вопросы, гдѣ онѣ различнаго мнѣнія, указывая только на свои общія нужды, и даже восхваляютъ другъ друга.

Это просто политическая тактика двухъ партій, имѣющая цѣлью успѣшность борьбы съ общимъ имъ третьимъ очень сильнымъ противникомъ—крайнею католическою партіею. Въ другихъ же коммунахъ имѣется возможность для либеральной и соціалистической партіи вести совершенно самостоятельную избирательную агитацію и не щадить другъ друга, несмотря на того же третьяго вѣчно имъ угрожающаго противника. Все это зависитъ отъ состава населенія общины или округа.

Во время выборовъ брабантскаго провинціальнаго совѣта делегаты отъ ассоціаціи либераловъ явились въ брюссельскій «Домъ народа» (Maison du peuple) въ 1904 году, съ предло-

женіемъ дѣйствій сообща противъ усиливающейся крайней католической партіи, но это было отклонено въ виду того, что среди либераловъ находятся нерѣдко такіе ожесточенные противники, которые готовы оказывать даже содѣйствіе крайней католической партіи съ цѣлью ослабить соціалистическую партію въ парламентѣ.

Избирательная борьба не вездѣ даетъ перевѣсъ крайней католической партіи. Уже на выборахъ въ 1900 году въ нѣкоторыхъ округахъ, напр., Шарлеруа, въ числѣ девяти депутатовъ, въ парламентъ избраны были: одинъ либералъ, два клерикала и пять соціалистовъ. Въ 1902 г. либералы нѣсколько усилились,, а передъ выборами 1904 г. всѣ три партіи не жалѣли никакихъ средствъ для агитаціи и веденія войны другъ противъ друга, хотя въ Термондѣ либералы, во главѣ которыхъ стоялъ Поль Янсонъ, соединялись съ соціалистическою партіею парламента, выставляя одно общее требованіе, т. е. введеніе всеобщаго голосованія при выборахъ. Они надѣялись этимъ ввести большее число людей изъ народа, которые въ учредительномъ собраніи внесли-бы законы полезные для трудящихся массъ. Дѣйствительно, съ каждымъ годомъ ихъ прибываетъ.

Маленькая Бельгія чрезвычайно густо заселена, но вмѣстѣ съ тѣмъ бельгійцы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ народовъ по продолжительности жизни. Разумѣется, смертность больше въ низменныхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ Фландріи. чѣмъ въ возвышенныхъ валлонскихъ провинціяхъ.

Но главная причина смертности—ужасныя условія жизни, страшно скудный заработокъ большой части фландрскаго населенія, невѣжество и неумѣнье добыть себѣ лучшее положеніе. Эта страшная нужда и бѣдность встрѣчаются тамъ, гдѣ страна считается наиболѣе цвѣтущею. наиболѣе обработанною, гдѣ плугъ земледѣльца преобразовалъ землю въ обширный чудесный садъ, съ наибольшими урожаями, и гдѣ снимается по два урожая въ годъ, несмотря на то, что земля отъ природы совершенно безплодна. песчаная и только искусственно удобренная. За то невѣроятнѣйшія количества удобреній вкладываютъ фламандцы въ свои крохотные участки.

Земля здѣсь крайне раздроблена [1]). На сыроватыхъ польдерахъ сѣютъ преимущественно кормовыя травы и ячмень. но чѣмъ дальше къ югу, культура становится все разнообразнѣе [2]). Бельгія считается самою богатою страною, по относительному протяженію своихъ обработанныхъ участковъ, и населеніе Бельгіи такъ растетъ, что оно удваивается [3]).

Когда проѣзжаешь по желѣзной дорогѣ въ Гешегау, черезъ Монсъ и по округу Шарлеруа къ Люттиху, всюду виднѣются черныя пространства каменноугольныхъ шахтъ, добычи желѣза, цинка, свинца, мраморныя и другія каменоломни и т. д. [4]). Мелькаютъ заводы, фабрики. Все это кажется какимъ-то безконечнымъ промышленнымъ центромъ выдѣлки желѣза, машинъ, стекла, льна, бумаги, шерсти и проч., проч.

Изъ деревень въ промышленные районы сильнѣйшій наплывъ рабочихъ рукъ. Безземельные батраки. мелкіе арендаторы или фермеры, а также малоземельные крестьяне оставляютъ на своихъ клочкахъ земли женщинъ и дѣтей, которыя на крохотныхъ участкахъ разводятъ огороды. засѣваютъ картофель и кормятся этимъ. Въ Гешегау существуетъ болѣе 30,000 съемщиковъ, снимающихъ гораздо менѣе одной десятой десятины. Мужчины массами уходятъ въ промышленные центры на заработки.

Этотъ все усиливающійся приливъ рабочихъ, несмотря на кризисы и переполненіе рынка, не приводитъ къ такому ужасающему голоду, какъ бывало прежде. что необходимо отнести къ благотворному вліянію кооперации. покрывшихъ словно сѣтью всю Бельгію.

---

[1]) Большинство участковъ отъ 10 до 30 гектаровъ.

[2]) Бельгійскіе огородники и садоводы продаютъ въ Лондонъ овощей и фруктовъ на много милліоновъ франковъ. Огородники достигли при соотвѣтствующей культурѣ разновидностей овощей, напр., всѣмъ извѣстная брюссельская капуста и т. п. Цвѣты вывозятся отсюда во всѣ страны Европы и Новый Свѣтъ. У одного садовода собрано въ теплицѣ тысяча двѣсти видовъ орхидей.

[3]) За исключеніемъ нѣкоторыхъ валлонскихъ округовъ, гдѣ за самые послѣдніе годы замѣчается уменьшеніе, хотя и очень незначительное, прироста населенія. Причины его еще не выяснены.

[4]) По вычисленію Дениса, количество матерьяловъ, извлекаемыхъ ежегодно изъ почвы Бельгіи, составляетъ массу, которая, если придать ей форму столба, имѣла бы около 150 аршинъ въ поперечникѣ и высоту горы Монроза (высота этой горы 14,218 футовъ).

На томъ же мѣстѣ, въ Гентѣ, на Пятничной рыночной площади, гдѣ въ 1345 году при Яковѣ Артевельдѣ (см. глав. III) ткацкій цехъ въ братоубійственной стычкѣ вырѣзалъ пятьсотъ человѣкъ другихъ цеховъ сукнодѣловъ, высятся теперь великолѣпнѣйшіе дома, настоящіе дворцы гентской потребительной кооперации, объединяющей трудящійся людъ и создавшейся буквально на его гроши. Въ теченіе какихъ-нибудь двадцати пяти лѣтъ изъ грошей кооперація создала милліонную прибыль, и не только благодаря ей трудящіеся классы имѣютъ дешевый хорошій хлѣбъ и питаніе, дешевую прочную одежду и обувь и прочіе товары, но даровую медицинскую помощь, даровые аптечные товары, пенсіонную кассу для каждаго члена кооперации, по достиженіи шестидесятилѣтняго возраста, ссуды провіантомъ во время болѣзни, воспитаніе сиротъ и образовательную помощь. Тутъ же имѣются увеселительныя, гимнастическія и литературно-художественныя учрежденія. Не только эта кооперація подняла въ матерьяльномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи рабочій классъ, но своею конкурренціею благодѣтельно отозвалась на всемъ населеніи города, заставивъ остальныхъ булочниковъ понизить цѣны и улучшить качество продаваемаго хлѣба.

Зародилась она въ страшно тяжелую зиму съ 1872 на 1873 годъ, когда работы было мало, а хлѣбъ сильно вздорожалъ и былъ очень плохъ. Приходилось платить за этотъ дурной хлѣбъ 50 сантимовъ за килограммъ (т. е. болѣе 18 коп. за $2^1/_2$ фунта пшеничнаго хлѣба). Тогда тридцать человѣкъ гентскихъ рабочихъ сложили вмѣстѣ маленькую сумму и начали сами печь свой хлѣбъ въ какомъ-то подвалѣ, пользуясь забропенною хлѣбною печью бывшей тутъ прежде пекарни. Дѣла пошли успѣшно у «независимыхъ пекарей», какъ они себя называли, хлѣбъ хорошо продавался—всѣ ихъ товарищи покупали у нихъ, потому что хлѣбъ былъ лучше и дешевле чѣмъ у лавочниковъ. Но случилось у нихъ несчастье, кассиръ у нихъ сбѣжалъ съ ихъ деньгами, и у нихъ осталось на рукахъ всего около 75 руб. (т. е. 200 франковъ) въ 1880 году. Ихъ выручилъ заемъ 2.000 фр. (800 рублей) у ткачей, что дало имъ возможность основать кооперативное общество на болѣе широкихъ началахъ и съ очень широкою программою.

Оно названо было «Voorhuit», т. е. «Впередъ». Они устроили пекарню при усовершенствованныхъ печахъ, а въ 1883 г., кромѣ пекарни, кооперація завела суровскую и мелочную лавки, позже — молочную и бакалейную лавку и продажу каменнаго угля. Затѣмъ число лавокъ выросло до десяти, и выстроенъ большой домъ для собраній и увеселеній, съ рестораномъ. Гордость кооперацiи составляетъ теперь ея большой магазинъ готовыхъ вещей, матерій, бѣлья, обуви, золотыхъ вещей и т. д., а населеніе Гента не нахвалится аптеками кооперацiи, гдѣ медикаменты самаго лучшаго качества много дешевле, чѣмъ въ другихъ аптекахъ. Но за это на нее ополчились остальные аптекари, съ нѣсколькими подкупленными ими докторами, ходатайствовавшими у правительства о закрытiи аптекъ, принадлежащихъ кооперацiи. Однако, вскорѣ кооперація смогла притянуть къ суду за клевету одного изъ своихъ ожесточенныхъ противниковъ-конкурrентовъ и выиграть дѣло.

Въ 1886 году уставъ кооперацiи былъ утвержденъ и опубликованъ въ газетѣ (какъ это дѣлается согласно закону 1873 г. о коммерческихъ учрежденiяхъ въ Бельгiи). Цѣль кооперацiи по первому параграфу устава: «Улучшеніе нравственнаго и матеріальнаго положенія своихъ членовъ».

По уставу этого кооперативнаго общества, каждый членъ ея, для полученія дешеваго хлѣба, долженъ за недѣлю запастись жестяными билетами, называющимися жетонами, т. е. купить столько жетоновъ, сколько ему потребуется на недѣлю хлѣбовъ. Эти жетоны отдаютъ за получаемый хлѣбъ. Его ежедневно доставляютъ на домъ артельщики въ телѣжкахъ, запряженныхъ собаками (большая собака бѣжитъ подъ телѣжкой, помогая тащить ее артельщику).

Цѣна каждаго жетона 30 сантимовъ, и за него получается одинъ килограммъ хлѣба, т. е. за $11^1/_2$ копѣекъ два съ половиною фунта прекрасно выпеченнаго хлѣба. Жетоны продаются въ разныхъ частяхъ города, въ магазинахъ кооперацiи, которые съ каждымъ годомъ умножаются и въ городѣ и пригородахъ. Черезъ каждые три мѣсяца происходитъ раскладка прибылей кооперацiи, и каждый членъ ея, т. е. всякій постоянно покупающій хлѣбъ, послѣ полугодового членства, по представленiи своей книжки записей, получаетъ свою долю изъ общей

прибыли кооперации. Но свою долю прибыли онъ получаетъ не деньгами, а опять жетонами, на которые можетъ купить опять хлѣбъ или мясо, молоко, масло, бакалейные, сапожные, суровскіе, мелочные и всѣ другіе товары кооперации.

При вступленіи въ членство, каждый членъ обязуется уступить свой первый франкъ изъ доли барышей, который и вкладывается въ основной фондъ кооперации. Насколько успѣшны дѣла кооперации, доказываютъ слѣдующія цифры.

Годъ.	Число членовъ.	Доходъ пекарни.	Общій доходъ отъ всѣхъ товаровъ.
1881	400	70,720 фр.	70,720 фр.
1885	1,750	227,560 фр.	240,480 фр.
1895	5,340	805,984 фр.	1.977,388 фр.
1898	6,467	1.146,261 фр.	2.201,149 фр.
1901	7,176	1.102,667 фр.	2.827,811 фр. 63 сент.

За 1903 годъ активъ кооперации былъ въ 2.828,940 фр. [1]). На доходахъ кооперации сильно отразилось вздорожаніе муки въ Бельгіи, потому что кооперативное общество не измѣнило цѣну на хлѣбъ, несмотря на дороговизну покупаемой имъ муки.

Основной фондъ для помощи больнымъ членамъ общества составляется изъ пяти сантимовъ, еженедѣльно вычитаемыхъ изъ доли барышей каждаго члена. На эти деньги посылается не болѣе шести хлѣбовъ въ недѣлю членамъ, которые изъ-за болѣзни не могутъ работать. Это продолжается въ теченіе шести недѣль, и относительно того же члена не можетъ повторяться чаще, чѣмъ черезъ полгода. Больной можетъ требовать отъ кооперации даровыхъ врачей, находящихся на службѣ этого общества, а также даровыхъ лѣкарствъ изъ пяти аптекъ кооперации. Неизлѣчимо больные исключаются, а также больные секретными болѣзнями, и вообще при болѣзняхъ, являющихся какъ послѣдствіе пьянства, разврата и голубинаго спорта [2]),

[1]) За августъ 1903 г. (послѣднія цифры) въ кассѣ было 37,039, въ банкахъ 348 тысячъ, движим. имущества на 209,310, недвижимаго на 1.396,015, машинъ на 93,404, товаровъ на 584,786, въ акціяхъ 7,296 ф., въ долгахъ 163,037. Итого 2.828,940 фр.

[2]) Увлекаясь голубинымъ спортомъ, рабочіе иногда затрачиваютъ послѣдній грошъ, и случаются пораненія во время этой стрѣльбы.

не оказывается никакой помощи ни хлѣбомъ, ни лѣкарствами и т. д. Администрація кооперапіи можетъ исключить вредныхъ обществу или партіи членовъ. Съ своей стороны они могутъ протестовать противъ этого рѣшенія въ первомъ общемъ собраніи, но должны подчиниться приговору большинства голосовъ. Съ 1898 года учреждена пенсіонная касса для каждаго члена кооперапіи по достиженіи имъ 60-лѣтняго возраста.

При этомъ соблюдаются слѣдующія условія: необходимо быть членомъ въ теченіе 20 лѣтъ и покупать не менѣе, какъ на сто пятьдесятъ франковъ въ годъ или на 3,000 франковъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Величина пенсіи отъ 30 сант. до 1 фр. въ день.

Рабочіе пекарни и служащіе при лавкахъ и магазинахъ пользуются хорошимъ жалованьемъ и освобождаются отъ работъ одинъ разъ въ недѣлю послѣ полудня; въ воскресенье они тоже свободны послѣ полудня. Пекари съ 60-лѣтняго возраста имѣютъ право на пенсію въ 365 фр. въ годъ, если даже ничего не покупали въ магазинахъ кооперативнаго общества и не дѣлали никакихъ денежныхъ затратъ въ кооперапіи.

Покупавшіе съ полгода хлѣбъ въ кооперапіи, т. е. члены ея, безплатно пользуются библіотекою, имѣющею нѣсколько тысячъ томовъ, или дополнительными библіотечками при магазинахъ. Кооперапіею издается газета, одного съ нею названія—«Впередъ». Эта газета стоимостью въ два сантима печатается въ собственной типографіи этого общества. При кооперапіи состоитъ музыкальное общество, подъ дирекціею талантливаго артиста, имѣются женскій и мужской хоровые кружки и гимнастическій клубъ, при которомъ для молодежи школьнаго возраста организованы поучительныя путешествія. Они уже побывали въ каникулярное время во Франціи, Швейцаріи и Германіи. Путешествія совершаются чаще пѣшкомъ, съ остановками у членовъ другихъ кооперативныхъ обществъ партіи въ Бельгіи и за границею. Имѣется кружокъ любительскихъ спектаклей, и устраиваются театральныя представленія, съ участіемъ артистовъ. Также организуются лекціи съ проекціоннымъ фонаремъ и уроки (даются даровые уроки англійскаго и нѣмецкаго языка).

Благодаря кооперации члены ея избавились отъ тяжкой зависимости и долговъ лавочникамъ при обычной покупкѣ въ кредитъ. Теперь пекарня доставляетъ болѣе 70,000 килограммовъ хлѣба, она снабжена усовершенствованными печами, съ приводами кипящей воды и механическими мѣшалками.

Съ 1886 г. по 1893 г. въ разныхъ мѣстностяхъ Бельгіи создалось 105 небольшихъ обществъ взаимопомощи, и за одинъ 1903 г. основано—183, съ капиталомъ въ 1.843,000 фр. (изъ отчетовъ Moniteur du travaille). потребительныхъ, продуктивныхъ, коммерческихъ, строительныхъ, страховыхъ и земледѣльческихъ. Бельгія какъ сѣтью покрыта обществами взаимопомощи «Mitualité». Католическая партія, стоя у власти, пришла на помощь семи стамъ пятидесяти девяти мѣстнымъ крестьянскимъ лигамъ взаимопомощи, предоставивъ имъ субсидію въ 50,000 франковъ. Въ одномъ Геннегау, столь богатомъ фабриками, заводами и копями, было 163 союза взаимопомощи. Въ Брабантѣ вмѣстѣ съ Брюсселемъ—144. Въ Люттихской области—102, въ Антверпенской провинціи—31, но въ 1896 г. общее число ихъ увеличилось до 948, а въ слѣдующіе годы оно такъ росло, что къ 1900 г. было уже 5,022 союза взаимопомощи. Въ 1901 г. численность ихъ еще увеличилась, и въ одномъ Геннегау насчитывалось 1.107 союзовъ взаимопомощи. Они буквально ростутъ какъ грибы. Правительственная помощь за 1901 г. католическимъ лигамъ дошла до почтенной цифры—1.960,000 фр.

Множество самостоятельныхъ крестьянскихъ братствъ, корпорацій и гильдій мелкой промышленности братаются иногда съ протестантскими, даже съ еврейскими обществами, хотя это рѣдко. Католическая партія, впрочемъ, относится къ нимъ снисходительнѣе, чѣмъ къ свободомыслящимъ и соціалистамъ. Крайняя католическая партія ведетъ также энергическую борьбу съ независимыми кооперативными обществами и не жалѣетъ никакихъ средствъ для ихъ подрыва, но только идея независимыхъ кооперацій все болѣе и болѣе распространяется, къ нимъ постепенно примыкаютъ крестьяне самыхъ захудалыхъ уголковъ Фландріи, а также среди валлоновъ въ Арденнахъ.

Во многихъ провинціяхъ Бельгіи имѣются прекраснѣйшія учрежденія народныхъ аптекъ, созданныхъ союзами или федераціями

обществъ взаимопомощи. Въ Брюсселѣ 108 обществъ взаимопомощи образовали такой союзъ и открыли одиннадцать народныхъ антекъ и, кромѣ того, громадный центральный аптечный складъ, съ лабораторіею для изслѣдованія доброкачественности полученныхъ изъ-за границы аптечныхъ товаровъ, пріобрѣтаемыхъ оптомъ. Во время лабораторныхъ изслѣдованій подкупъ лаборантовъ совершенно невозможенъ, такъ какъ отъ нихъ скрываютъ, откуда присланъ изслѣдуемый товаръ.

Кооперативныя антеки могутъ продавать по уцѣненной цѣнѣ даже посторонимъ покупателямъ, т. е. не членамъ кооперации. Онѣ даромъ отпускаютъ лѣкарства и все необходимое, даже дорогіе аппараты, больнымъ членамъ кооперации (иногда стоимость хирургическихъ аппаратовъ достигаетъ 80 франковъ!). Несмотря на все это, за 20 лѣтъ своего существованія кооперативныя антеки дали прибыль въ 1.745.100 фр., которая была роздана въ тѣ общества взаимопомощи, изъ союзнаго капитала которыхъ создались эти антеки. Между тѣмъ, въ 1882 году фондъ антекъ составился изъ болѣе тѣмъ скромныхъ взносовъ членовъ, въ одинъ франкъ 50 сантимовъ (56 к.), образовавшихъ основной капиталъ въ 5.915 франковъ. Подобныя антеки имѣются въ Ворвье, Льежѣ (Люттихъ), Шарлеруа и т. д.

Во всей Бельгіи существуютъ кооперации служащихъ желѣзныхъ дорогъ, почтъ, телеграфовъ, пароходовъ, и эти кооперации тоже соединились въ могущественные союзы. Въ Брюсселѣ такая кооперація называется «Экономическимъ Союзомъ», обладаетъ всевозможными магазинами, банкомъ, кассой взаимопомощи, сиротскимъ пріютомъ, рестораномъ, квартирнымъ агентствомъ и библіотекою. Кооперации служащихъ и чиновниковъ исключаютъ въ своихъ собраніяхъ политическіе вопросы, и этимъ было обусловлено ихъ разрѣшеніе правительствомъ.

Совершенно другой характеръ у независимыхъ отъ бельгійскаго правительства ассоціацій, какъ, напр., кооперація, называющаяся «Домъ народа» (Maison du peuple), въ Брюсселѣ. Такъ же, какъ и гентская кооперація «Впередъ», она выросла изъ крохотной пекарни. Въ 1881 году основной ея капиталъ составлялъ 600 фр., при чемъ еще 50 мѣшковъ муки получены были въ видѣ ссуды и благодаря поручительству гентской ко-

операціи. Уже въ слѣдующемъ году цифра оборота была 7,600 фр., а теперь свыше 4 милліоновъ. Чистая прибыль съ 800 фр. поднялась до 500,000 фр. Число служащихъ — съ двухъ теперь свыше 350 [1]).

Уставъ брюссельской кооперации былъ утвержденъ въ 1888 году, когда у нея уже имѣлась не только пекарня, но мясная, масляная и бакалейная торговля. Въ слѣдующемъ году открыта суровская, сапожная торговля, продажа каменнаго угля и десятое добавочное отдѣленіе кооперации. Здѣсь медицинская помощь и аптечные товары дѣлаются даровыми лишь послѣ годового членства. Такого дарового пользованія лишаются новые члены, если, поступая членами, они имѣли уже 60-лѣтній возрастъ.

На общемъ собраніи закрытою баллотировкою избирается «Административный Совѣтъ» и «Контроль» для правильности веденія дѣлъ кооперации. Оба избираются на два года. Завѣдываніе различными отдѣлами торговли (или, какъ здѣсь ихъ называютъ, секціями) поручается шести выборнымъ членамъ отъ каждой секціи, избираемымъ на общемъ собраніи. Секція пекарень состоитъ изъ девяти завѣдующихъ. Служащіе въ разныхъ отдѣлахъ торговли имѣютъ право избирать одного завѣдующаго изъ своей среды или своего отдѣла. Всѣ эти завѣдующіе составляютъ «Исполнительный Комитетъ», наблюдающій за служащими и за главными операціями, отчетностью и точнымъ исполненіемъ всѣхъ рѣшеній выборнаго административнаго совѣта этой кооперации.

Продажа, какъ и въ гентской кооперации, совершается при помощи жетоновъ, но раскладка прибыли по долямъ членовъ происходитъ дважды въ годъ.

Въ январѣ 1903 года брюссельская кооперація «Домъ народа», имѣя уже 20 усовершенствованныхъ печей, продала съ 1 іюня по 31 декабря 5,676,179 килограммовъ хлѣба. Изъ чистой прибыли отчисляется даровая раздача хлѣба больнымъ членамъ, которые не въ состояніи работать и не имѣютъ заработка.

---

[1]) Необходимо быть членомъ въ теченіе двухъ лѣтъ и безупречнаго поведенія, знать хорошо свое дѣло, чтобъ быть допущеннымъ въ качествѣ пекаря, портного, портнихи, прикащика и въ прочія учрежденія кооперации.

Нижній этажъ «Дома народа» занятъ магазинами кооперації и ея большимъ кафе, а въ слѣдующихъ этажахъ помѣщаются библіотека и небольшія залы для засѣданій синдикатовъ, лигъ, политическихъ и экономическихъ организацій [1]). Въ опредѣленные дни собирается здѣсь молодежь, отъ 15 до 20 лѣтъ, называющаяся Jeune Garde («Юная стража»), для бесѣдъ, развлеченій, гимнастики. За послѣдніе годы кооперація начала энергично просвѣтительную дѣятельность, устраивая лекціи, чтенія по всевозможнымъ предметамъ знаній. Эти чтенія и лекціи стали нѣсколько усерднѣе теперь посѣщаться. Обыкновенно препятствуетъ ихъ посѣщенію полнѣйшее отсутствіе времени. Всѣ немногіе часы свободнаго отъ работы времени уходятъ на кипучую и многообразную общественную дѣятельность, и на засѣданія чисто дѣлового характера.

Не только въ брюссельскомъ «Домѣ народа», но и въ различныхъ близкихъ и далекихъ отъ центра города кварталахъ организованы такъ называемые «народные университеты», гдѣ происходятъ отличныя чтенія по самымъ разнообразнымъ предметамъ знаній. Опредѣленной программы пока не существуетъ, но они касаются всѣхъ интересующихъ общество вопросовъ науки и жизни. Перечисленіе содержанія нѣкоторыхъ и широта задачъ совершенно недоступны для народовъ, не достигшихъ такого общественнаго развитія и такой свободы, какъ маленькая Бельгія.

Балансъ операцій «Домъ народа»

съ 1 іюля по 31 декабря 1903 г.

Активъ.	Франк.	с.
Въ кассѣ	6.779	63
Въ акціяхъ	90.777	37
Въ акціяхъ	81.122	10
Поручительства и выданныя въ заемъ суммы . .	46.295	83
Недвижимое имущество и движимое (матерьялы, мебель)	232.295	84

[1]) Лиги имѣются въ каждой коммунѣ бельгійскихъ округовъ. Члены синдикатовъ и кооперативныхъ обществъ принадлежатъ къ лигѣ той коммуны округа, въ которой они живутъ.

	Франк.	с.
Въ различныхъ ссудахъ	61.339	99
Муки въ магазинѣ	71.438	00
Хлѣба, дрожжей, соли и т. д.	5.042	21
Вина, пива, сигаръ	31,967	01
Пивныя лавки	1.061	05
Мясо и мясные продукты	1.006	60
Готоваго платья и суровскаго товара	184.590	53
Угля и фуража	16,915	05
Разнаго товара и масла	69,190	74
Молочная ферма	8,186	69
Всего	2,908,008	64

Пассивъ.

Капиталъ въ акціяхъ	253,580	00
Резервъ	125,000	00
Фондъ погашенія	922,000	00
Въ розданныхъ жетонахъ хлѣба и угля	5,368	75
Поручительствъ, вкладовъ	275,083	17
Займовъ по закладнымъ	650,000	00
Годичныхъ кредитовъ	20,717	26
За различн. кредиторами	395,111	18
Доходъ	261.148	28
Всего	2,908,008	64

Кооперація обладаетъ теперь 21 отдѣленіемъ со всевозможными товарами, а ресторанъ зарабатываетъ до 3 тыс. франк. въ недѣлю.

Съ 1897 года при кооперації имѣется общество страхованія и взаимопомощи. Помощь выдается въ теченіе года (отъ 2 до 3½ фр. въ день), затѣмъ въ теченіе пяти лѣтъ она прекращается и вновь возобновляется. (Ея лишаются также неуплатившіе взноса за три мѣсяца). Для больныхъ членовъ имѣются 12 докторовъ-спеціалистовъ, фельдшера и акушерки. Помощь выдается и новорожденному бѣльемъ, пеленками и проч. Крайне нуждающіеся члены имѣютъ право на уплату за свою квартиру въ теченіе одного года. Членовъ въ коопе-

раціи «Домъ народа» числится въ 20,000 главъ семей, не считая членовъ ихъ семей. При ней организована еще ссудная касса и банкъ (ссуда не болѣе 100 франковъ). Капиталъ кассы и банка создался подпискою въ 100 и 50 франковъ. Тутъ же учреждена сберегательная касса, дающая 3½ процента вкладчикамъ. Такъ что тутъ сберегательная касса и заемный банкъ.

Въ деревнѣ Tpie (въ Forché la Marche) существуетъ больная кооперація, называющаяся «Будущность». За ея успѣхъ среди населенія всего краснорѣчивѣе говорятъ слѣдующія цифры:

Годъ.	Число хлѣбовъ.	Чистый доходъ.
1899	115,193	3,079 франк. 29 сант.
1900	199,181	5,559 » 34 »
1901	285,401	8.002 » 56 »
1902	328,101	10,905 » 74 »
1903	368,877	11,880 » 60 »

Кромѣ пекарни съ механическими приспособленіями имѣются двѣ лавки, народный домъ съ рестораномъ, читальней и т. п.—Это кооперація горныхъ рабочихъ. Для больныхъ членовъ тоже полагается даровая раздача по одному хлѣбу ежедневно. За одинъ 1903 годъ роздано даровыхъ 6.845 хлѣбовъ въ два килограмма вѣсомъ (= 5 фунт.) на сумму 3,080 фр. Члены имѣютъ долю въ барышахъ торговли и медицинскую даровую помощь. Пенсіонная касса начнетъ свои дѣйствія съ 1905 года.

Нѣкоторыя изъ потребительныхъ кооперацій роздаютъ всю свою прибыль членамъ, принимая такимъ образомъ чисто коммерческій характеръ. Другія удѣляютъ значительную долю на учрежденія благотворительныя, или же на нужды своей партіи, на печатаніе газетъ и на расходы во время выборовъ въ парламентъ, когда каждой партіи приходится издерживать много денегъ на предвыборную агитацію. Третьи стремятся къ полной реорганизаціи экономическаго строя на началахъ производительныхъ кооперацій и свой доходъ отдаютъ на устройство производительныхъ союзовъ и на ихъ распространеніе.

До сихъ поръ существовало лишь нѣсколько десятковъ производительныхъ товариществъ, съ оборотомъ болѣе чѣмъ на 1,250,000 франковъ, но года съ два тому образовался союзъ всѣхъ кооперативныхъ потребительныхъ обществъ, поставившій задачею учрежденіе крупной производительной коопераціи. Въ гентскихъ газетахъ (въ 1902 г.) появилось объявленіе объ устройствѣ кооперативной бумажно-ткацкой фабрики на акціяхъ по 25 франковъ за акцію. Взносъ происходилъ и въ разсрочку по пяти франковъ (около 1 руб. 85 коп.) въ мѣсяцъ. Къ этой фабрикѣ примкнули кооперативные потребительные союзы съ 38 милліонами оборотнаго капитала, такъ что фабрика будетъ удовлетворять ихъ спросъ на ея ткани. Однимъ словомъ, потребительныя кооперации сплачиваются въ союзы и поддерживаютъ производительную кооперацію.

Существуютъ въ Бельгіи также строительныя кооперации по примѣру американскихъ строительныхъ обществъ [1]). При чемъ чрезвычайно развивается улучшеніе гигіеническихъ условій городской жизни, особенно рабочихъ жилищъ и промышленныхъ заведеній. Интересно прослѣдить, какъ съ уничтоженіемъ нездоровыхъ жилищъ дѣлается болѣе успѣшною борьба съ чахоткой.

Санитарныя условія старой Бельгіи были ужасающими. Изслѣдованія санитарной коммиссіи 1816 года «гентскихъ трущобъ» доказываютъ, что самыя узкія и плохія улицы въ средніе вѣка никогда не вырождались въ такія омерзительныя клоаки, какія были найдены въ половинѣ XIX вѣка. Коммиссія назвала ихъ: «гнѣздами лихорадокъ и заразы». Вотъ вкратцѣ описаніе мѣстности изъ-подъ стараго сада, который домовладѣлецъ выгодно использовалъ: «На широкой аристократической улицѣ находилась стѣна, въ ней дверца, ведущая въ пространство въ 50 саженъ длиною, а шириною въ 45 аршинъ. Тутъ находится 117 жилищъ съ четырьмя переулками, каждый около сажени шириною. Посерединѣ находилась во-

---

[1]) Громадное значеніе этихъ строительныхъ американскихъ кооперацій, основанныхъ самими рабочими. За послѣдніе годы въ сѣверной Америкѣ имѣется 5,600 строительныхъ кооперацій съ милліономъ семью стами пятьюдесятью тысячами членовъ и тремя милліардами капитала (Rapport du juri international. Economie sociale par. C. Gides.).

ючая канава со всѣми отбросами и содержимымъ изъ шести отхожихъ мѣстъ, стекавшихъ въ общій открытый резервуаръ. Въ этомъ осклизломъ отъ вѣчной мокроты пространствѣ проживало до шести сотъ человѣкъ рабочаго люда. Дѣти ихъ спали въ подвальныхъ этажахъ безъ оконъ, а лачуги надъ подвалами занимались взрослыми. Отъ подобныхъ трущобъ собственникъ, жившій на широкой улицѣ, получалъ доходъ 18% на сто». Дѣти трущобныхъ бѣдняковъ съ 8 лѣтняго возраста посылались на фабрики, гдѣ взрослые мужчины получали въ среднемъ отъ 1 фр. 38 сант. до 2 фр. 36 сантимовъ въ день, женщины 1 фр. 38 сант. Не было конечно и разговора о посѣщеніи школъ. Кабакъ и распутство были тутъ единственными развлеченіями. Многое измѣнилось въ Гентѣ съ половины XIX вѣка. Не узнать ни людей, ни обстановки съ той поры, когда сознательная жизнь широкою волною охватила все общество въ Бельгіи. Въ началѣ, на первыхъ шагахъ не мало было ошибокъ, разочарованій, недовѣрія, а главное много непріязни встрѣтили убѣжденные люди, желавшіе по примѣру Англіи завести въ Бельгіи кооперативныя общества и экономическіе союзы.

Въ Генегау первые шаги кооперативныхъ обществъ сопровождались растратами, недостатками отчетности, и изъ за этого кооператоры разбѣгались и вынимали свои вклады, но чаще это исправлялось избраніемъ новыхъ членовъ управленія этихъ обществъ, и они снова начинали процвѣтать. Въ генегаускомъ Колимонѣ, въ 1872 г., три рабочія ассоціаціи организовали сообща кооперацію, названную «Прогрессъ». Началась она съ пекарни, а теперь она имѣетъ уже нѣсколько собственныхъ домовъ, магазиновъ, аптекъ, пивной заводъ, пенсіонную кассу. Служащіе при этой кооперации образовали кассу страхованія при 75 сантимомъ ежемѣсячномъ взносѣ. Въ случаѣ болѣзни, они получаютъ изъ своей кассы по два фр. ежедневной помощи, да еще врачебную и даровую аптеку. Ихъ «инвалиды труда» получаютъ по 480 фр. въ годъ пенсіи. Въ кооперации «Прогрессъ» около 18 тысячъ членовъ. Въ округѣ Шарлеруа кооперація «Конкордія» тоже имѣетъ много магазиновъ: къ ней присоединилось страховое общество и пенсіонная касса съ обезпеченіемъ старости, съ 55 лѣтъ.

Эти геннегаускія кооперацiи обладаютъ капиталомъ въ два милліона. Другая «Конкордія», въ округѣ Суанье (Soignies), кромѣ пекарни и магазиновъ, организовала: дѣтскій садъ, ясли, чтенія, театральные, хоровые и музыкальные кружки и сберегательную кассу.

Въ антверпенской кооперацiи «Свободные пекари», начавшей съ капиталомъ въ 380 фр. и 38 членами, въ 1890 году было уже 700,000 фр. оборотнаго капитала, магазины, касса взаимопомощи и т. д.

По интенсивности индустрiи, Люттихская область занимаетъ второе мѣсто послѣ Геннегау, хотя и въ ней насчитывалось, въ 1896 г., сорокъ тысячъ всевозможныхъ дѣйствующихъ промышленныхъ предпрiятiй. Отъ Люттиха до Гюи, по Маасу, всюду оживленная заводская дѣятельность. Въ погонѣ за дешевизною рабочихъ рукъ предпринимателямъ приходится то переносить фабрики въ деревни, то пользоваться крестьянскимъ трудомъ въ городахъ. Въ первомъ случаѣ, фабрики пріостанавливаются на время полевыхъ работъ и сѣнокосовъ. Изъ деревень на городскіе заводы ежедневно стремятся десятки тысячъ крестьянскаго люда. Устроены для этого чрезвычайно дешевые рабочіе поѣзда [1]).

Раннимъ утромъ изъ этихъ длинныхъ поѣздовъ III класса выскакиваютъ толпы всевозможныхъ рабочихъ. Вечеромъ они опять спѣшатъ добѣжать съ поѣзда домой, иногда до далекихъ отъ станцiй деревень, а на разсвѣтѣ—та же дистанцiя, почти бѣгомъ. Это производитъ страшное перутомленiе, хотя и спасаетъ отъ голодной смерти безземельныхъ или малоземельныхъ, имѣющихъ лишь крохотный огородъ. За послѣднiе годы и эти дешевые прежде рабочiе подняли свою заработную плату.

Въ знаменитыхъ старинныхъ металлургическихъ заводахъ «Старая гора» (Vieille Montagne). Англеръ (Angleur) управле-

[1]) Абонементный билетъ на недѣлю, т. е. на шесть поѣздокъ, туда и обратно, на разстоянiи 50 километровъ (почти 50 верстъ), обходится всего 2 фр. 25 сант., а на 100 километровъ 3 фр. 15 сант. (почти въ 13 разъ дешевле нашихъ дешевыхъ тарифовъ). Между тѣмъ, за одну поѣздку туда и обратно обыкновенный пассажиръ долженъ уплатить 3 фр. 5 сант., что рабочiй платитъ за цѣлую недѣлю поѣздокъ туда и обратно.

ніе предоставило сверхъ платы еще «преміи» каждому, начиная отъ директора до послѣдняго заводскаго мальчика. Такимъ образомъ, кочегаръ, получающій 3 фр. въ день, съ преміей получаетъ 5 фр. 10 сант. въ день. Кромѣ того, если нѣтъ прогуловъ, за каждыя двѣ недѣли получается по 6 фр. наградныхъ лѣтомъ, а зимою по 3 фр. Это заставляетъ всѣхъ сильно интересоваться успѣшнымъ ходомъ завода, начиная отъ главнаго директора до послѣдняго мальчугана, получающаго вмѣсто 2 фр. 25 сент. съ преміею 2 фр. 70 сент.

Уже въ 1848 г. начали основываться небольшія экономическія кооперапіи въ Люттихѣ и его промышленныхъ округахъ, а въ 1887 г. основалась большая кооперація, называющаяся «Народная» (la Populaire). Ея капиталъ въ короткое время возросъ до 70,000 франковъ. Она производила въ 1902 году 40,000 килограммовъ хлѣба, а теперь уже имѣетъ около 6,000 членовъ. Въ центральномъ домѣ кооперации находится громадный залъ для собраній. Кооперація обладаетъ еще 20 отдѣленіями (Secoursals). Касса страхованій отъ несчастныхъ случаевъ образована изъ чистой прибыли, имѣется и касса взаимопомощи (каждый членъ взноситъ въ обѣ кассы по 1 фр. ежемѣсячно), въ случаѣ болѣзни члена, выдается по 2 фр. ежедневно, при безплатномъ пользованіи врачебною помощью и лѣкарствами. Кромѣ того, семья больного получаетъ тоже даровой хлѣбъ. На второе полугодіе болѣзни выдается по 50 сантимовъ въ день. Люттихская кооперація организовала чтенія, драматическія представленія, концерты. По примѣру ея образовалось множество потребительныхъ обществъ. Въ Люттихской области насчитывается наибольшее число кооперацій. Уже въ 1893 г. существовало 125 кооперацій.

Особенно онѣ ростутъ и развиваются съ 1895—1896 г., послѣ введенія новаго закона голосованія, о которомъ сказано выше. Благодаря этому закону, расширившему участіе населенія въ провинціальныхъ и коммунальныхъ совѣтахъ, администраціи, былъ данъ и толчокъ росту кооперацій. Онѣ ежегодно прибываютъ по 25 и по 30. Нѣкоторыя отличаются тѣми или другими нововведеніями. Кооперація «Союзъ» Люттихскаго округа (Flamelle grande), уже обладая всѣми условіями остальныхъ кооперацій, задается цѣлью усилить потреб-

леніе мяса и уменьшить употребленіе алкоголя, и пользованіе мясомъ, благодаря ей, сильно возросло. При этомъ падаетъ употребленіе алкоголя.

Кооперація «Будущее» въ Грандъ-Леезѣ, въ провинціи Намюръ, перенесла свой капиталъ въ новое общество «Крестьянъ рабочей партіи», и новыя открывающіяся общества становятся отдѣленіями этой центральной кооперации, потому что въ ней сосредоточиваются всѣ закупки оптомъ химическихъ удобреній, сельскохозяйственныхъ машинъ, корма и сѣмянъ. Во главѣ управленія этого общества находятся: огородники, садовники, крестьяне и члены бельгійскаго парламента.

Кооперація «Солидарность», находящаяся въ центрѣ каменоломень Спирмонта, достигнувъ экономическаго успѣха, устроила у себя хорошую библіотеку и проч. Многія кооперации поставили себѣ задачею борьбу съ алкоголизмомъ. Въ Люттихскомъ округѣ кооператоры нерѣдко подписываютъ, вмѣсто 10 франковаго взноса, взносъ въ 100 фр., и рѣдко менѣе 25 фр. Но при этомъ кооперации вынуждены здѣсь открывать кредитъ своимъ членамъ на товары и хлѣбъ, такъ какъ эти члены—рабочіе, получающіе плату лишь въ двухъ-недѣльные сроки.

Интересно зарожденіе нѣкоторыхъ кооперацій. Въ какой нибудь деревнѣ крестьяне выписывали сообща изъ оптоваго магазина въ городѣ 100 фунтовъ кофе, и случалось, что при дѣлежѣ кофе у выписавшихъ не имѣлось даже гири для взвѣшиванья, и приходилось брать ихъ у какого-нибудь знакомаго лавочника.

Теперь создался въ Брюсселѣ «Союзный кредитъ», а также народные банки, освобождающіе трудящійся людъ отъ необходимости кредитоваться въ частныхъ лавкахъ. Такого рода банкъ впервые основался въ г. Люттихѣ въ 1864 году. Мелкіе предприниматели давно нуждались въ подобныхъ учрежденіяхъ. Напримѣръ, какой нибудь мелкій булочникъ, не имѣя средствъ купить собственной телѣжки, чтобъ развозить хлѣбъ своимъ заказчикамъ, вынужденъ былъ брать телѣжку на прокатъ и платить за нее 30 сант. въ день. Обращаясь въ кооперативный банкъ, онъ получалъ 100 фр. на покупку телѣжки и откладывалъ ежедневно по 30 сант. изъ заработка, для уплаты

долга банку въ трехъ-мѣсячные сроки, а черезъ годъ долгъ банку былъ погашенъ. Въ Люттихѣ и Вервье банки опубликовали списокъ своихъ членовъ, и въ Люттихѣ въ 1902 году ихъ оказалось 2,935, а въ Вервье 2,545, при чемъ они состояли въ Люттихѣ изъ 132 категорій людей самыхъ разнообразныхъ занятій. Тутъ были: оружейники, мясники, колбасники, булочники, рестораторы, сапожники, хлѣбопашцы, садовники, мелкіе фермеры, конторщицы и сидѣльцы изъ магазиновъ, служащіе и рисовальщики, прислуга, токари и мельники, промышленники, учителя и профессора, машинисты и механики, хозяйки, рудокопы, торговцы, портные и т. д. Въ 1902 году имѣлось уже множество подобныхъ народныхъ банковъ [1]).

Давно существуютъ кооперативныя типографіи въ Люттихѣ, Гентѣ, Лувенѣ, Антверпенѣ, Монсѣ и другихъ городахъ, также столярныя, металлургическія, швейныя, шляпныя, кондитерскія, каретныя, табачныя, сапожныя и каменоломенныя въ Люттихской области. Строительною кооперацією выстроенъ «Домъ народа» въ Брюсселѣ и башня новой судебной палаты.

Громадная гентская потребительная кооперація «Voorhuit» («Впередъ») зовется матерью (moeder) остальныхъ кооперацій. Она помогаетъ и ссужаетъ деньгами, матерьялами, пищевыми продуктами и посылкою опытныхъ въ дѣловомъ отношеніи людей для устройства другихъ начинающихся кооперацій, въ которыхъ неопытные кооператоры, и гдѣ иногда необходимо разобрать путаницу въ дѣлахъ. Эта же большая гентская кооперація «Впередъ» помогла основаться потребительному обществу деревни Зель. Это одно изъ самыхъ захудалыхъ поселеній Фландріи. Нищенское и одичалое населеніе, гдѣ изувѣрство и пьянство свили свое гнѣздо. Отсутствіе сколько-нибудь сносной

[1]) «Народные банки» имѣются въ Гентѣ, Намюрѣ, Св. Николаѣ (St. Nicolas à Waes), Антверпенѣ, Динанѣ, Гюи, Шателé, Мехельнѣ, Анденнѣ, Термондѣ, Алостѣ, Лимбургѣ, Арженто, Лувенѣ, Жюмé, Брюсселѣ (соединенныхъ синдикатовъ), а также (народный банкъ и взаимный кредитъ) Госсели и Люттихѣ (народный кредитъ), Вервье, Локернѣ, Шарлеруа, Турне, Монсѣ, Гассельтѣ, Граммонѣ. Очень немногіе изъ нихъ ликвидировали свои дѣла. Въ народные бельгійскіе банки члены взносятъ по 200 фр. разомъ, или въ разсрочку по 2 фр. въ мѣсяцъ или 50 сант. еженедѣльно. Этотъ капиталъ съ нарастающими процентами не можетъ быть вынутъ, пока вкладчикъ состоитъ членомъ банка. Принимаются личныя поручительства, залоги и закладныя (ипотечныя).

школы. безграмотность. и среди всего этого дѣйствовали денежные католическіе предприниматели. для которыхъ такъ цѣнно народное невѣжество, чтобъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Они старались враждебно настраивать противъ независимой кооперации. Когда одинъ изъ учредителей этой кооперации впервые въ Гентѣ заговорилъ о необходимости сдѣлать что-нибудь для деревни Зель, то въ отвѣтъ ему всѣ только разсмѣялись. До того казалось невозможнымъ основаніе кооперации среди такого невѣжественнаго, одичалаго населенія. Задѣтые этимъ будущіе учредители рѣшили настоять на своемъ, но у нихъ было всего 1,000 франковъ (т. е. 357 руб.). Кооперація «Впередъ» пожертвовала имъ старую телѣгу и десять мѣшковъ муки, да кто-то продалъ за 130 франковъ очень старую лошадь. ручную телѣжку и собаку. Однако, дѣло продажи хлѣба развилось понемногу. Недовѣріе обитателей Зеля было осилено. А теперь уже давно въ Зелѣ открыто цѣлое отдѣленіе другого гентскаго кооперативнаго общества «Солнце». Въ Зелѣ имѣется зданіе съ залой для собраній, кафе, магазины. То же совершилось въ другихъ самыхъ одичалыхъ фламандскихъ селахъ.

Точно такъ же помогаетъ учрежденію провинціальныхъ потребительныхъ обществъ большая брюссельская кооперація «Домъ народа». Она закупаетъ муку для арденнскихъ отдѣленій, а для себя закупаетъ все молоко въ деревнѣ Герфелингенѣ (до 6,000 литровъ ежедневно), несмотря на всѣ старанія крайней католической партіи, которая пытается подорвать дѣло. скупая молоко, распространяя ложные слухи и т. п.

Другое потребительное общество, къ которому съ большимъ довѣріемъ относятся крестьяне, называется «Справедливость», въ Варемме. Крестьяне привыкли еще къ обмѣнному торгу первобытнаго хозяйства и часто несутъ яица. птицу въ обмѣнъ на сахаръ, кофе, рисъ. Они обмѣниваютъ свою пшеницу на муку и т. д.

Такимъ образомъ сельскія потребительныя общества часто являются лишь продолженіемъ городскихъ кооперацій, и мало-по-малу уничтожается рознь между крестьянскимъ и городскимъ рабочимъ населеніемъ. они проникаются общими интересами и понятіями.

Какъ выше было сказано, большинство сельскаго населенія вынуждено искать заработка на сторонѣ или заниматься ремеслами — выдѣлывать деревянную обувь, вить веревки, наниматься на рубку лѣса или обработку свекловицы. Среди крестьянъ и ремесленниковъ еще существуютъ союзы, основа которыхъ кроется въ самыхъ отдаленнѣйшихъ эпохахъ, а иногда они средневѣкового происхожденія, называются даже «гильдіями». Членами въ нихъ состоятъ всевозможныя профессіи: углекопы, рыбаки, крестьяне, ремесленники.

Новѣйшія крестьянскія кооперацін всего успѣшнѣе дѣйствуютъ, когда ихъ потребительныя общества соединяются съ земледѣльческими. Продуктивныя пока ограничиваются одними молочными и дестилляціонными (спирта). Потребительные союзы или синдикаты закупаютъ оптомъ сѣмена, удобренія, земледѣльческія орудія, машины и проч., и между ними имѣются общества, закупающія пищевые и земледѣльческіе продукты, также кредитивныя и страховыя: крестьянскія кооперативныя кассы, страхованіе скота и страхованіе отъ градобитій. Громадный союзъ подъ покровительствомъ св. Исидора-хлѣбопашца заключаетъ въ себѣ десятки тысячъ членовъ и состоитъ изъ 300 гильдій, ежегодно празднующихъ день св. Исидора, своего патрона. Цѣль союза—покупка по удешевленной цѣнѣ сельскохозяйственныхъ машинъ, за пользованіе которыми члены платятъ самый крохотный взносъ, какъ и оптовая закупка сѣмянъ, химическихъ удобреній, инструментовъ. Покупка скота тоже обходится дешевле. Гильдіи берутъ на себя и продажу продуктовъ сельскаго хозяйства своихъ кооператоровъ и т. д. Сельскохозяйственныя кооперацін начинаютъ чрезвычайно дѣятельно входить въ союзъ съ городскими коопераціями. Въ небольшомъ городкѣ Варемміѣ кооперація «Справедливость» распространяетъ свои операціи болѣе, чѣмъ на двадцать деревенскихъ коммунъ. Это общество учредило для своихъ членовъ — крестьянъ, мелкихъ земледѣльцевъ особенную хозяйственную секцію или отдѣлъ, покупая у нихъ земледѣльческіе продукты и снабжая ими другія кооперативныя общества. Деревенскія кооперацін снабжаютъ сѣномъ и овсомъ лошадей «Дома народа» въ Брюсселѣ, также гентскій «Впередъ», «Народную» въ Люттихѣ и т. д.

Къ 1902 году уже было 497 молочныхъ кооперацій, съ 50,000 членовъ и 140,000 коровъ, при продажѣ на 24 милліона франковъ молочныхъ продуктовъ, особенно масла. Всего больше молочныхъ кооперацій въ Лимбургской провинціи. Въ 1898 г. министерство обложило иностранное масло пошлиною, чѣмъ очень поощрило деревенскія молочныя ассоціаціи. Но онѣ вздумали конкуррировать между собою, и, чтобъ прекратить это, образовать былъ «молочный бельгійскій союзъ», регулирующій цѣны. Оборотный капиталъ крестьянскихъ земледѣльческихъ синдикатовъ къ 1901 г. равнялся 31.131.168 фр.

Существуетъ въ Бельгіи даже кооперативный сиротскій институтъ, кооперативныя дѣтская и коммерческая школа. Союзъ же всѣхъ кооперацій или такъ называемая федерація всѣхъ кооперацій имѣетъ въ виду закупку оптомъ товаровъ по одинаковой цѣнѣ, для снабженія ими всѣхъ кооперативныхъ обществъ.

Кооперація рабочихъ въ докахъ и нагрузчиковъ въ Гентѣ основалась въ 1900 году, теперь они работаютъ за свой страхъ, безъ предпринимателей. Не лишены интереса средневѣковые, существующіе до сихъ поръ въ Антверпенѣ, союзы нагрузчиковъ, разгрузчиковъ, взвѣшивателей, называющіеся до сихъ поръ «Nations d'Anvers». Они дѣлятъ поровну заработки, откладывая извѣстный процентъ въ кассу на случай безработицы. Члены должны являться во-время на работу, иначе уплачиваютъ штрафъ въ 15 сантимовъ за первую четверть часа, 2 франка — за первый часъ и 5 франковъ — за цѣлый день, если не смогутъ привести въ оправданіе уважительныхъ причинъ своего отсутствія на общихъ работахъ.

Въ Арденнахъ, гдѣ почти нѣтъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а преобладаетъ мелкая крестьянская собственность, и гдѣ имѣется много общинныхъ земель, образовались кооперацій крестьянъ, примыкающихъ чаще всего къ рабочей партіи промышленныхъ городовъ, какъ Люттихъ. Такъ, напримѣръ, потребительное общество деревни Отфе, съ населеніемъ въ 800 душъ, гдѣ за 1899 и 1900 года кооперація ея получила 5.171 франкъ чистой прибыли, которую и распредѣлила слѣдующимъ образомъ: 100 фр. для печати рабочей партіи, 200 фр. на агитацію противъ милитаризма, 50% на агитацію въ провинціи Люксембургъ, остатокъ для постройки новаго зданія подъ новый магазинъ.

Противъ усилій крайней католической партіи, вѣчно стремящейся подорвать независимыя городскія кооперації, послѣднимъ приходится надбавлять цѣну при скупкѣ молока у крестьянъ, и когда монахи давали 6 и 7 сантимовъ за литръ молока, независимыя городскія кооперації вынуждены были платить по 10 и 12 сантимовъ за литръ, чтобъ сохранить за собою поставщиковъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ и перетянуть ихъ на свою сторону. Въ католическихъ потребительныхъ обществахъ всѣми дѣлами завѣдуютъ не сами крестьяне, а крупные землевладѣльцы, или викарій, которые поручаютъ веденіе дѣлъ тѣмъ, кто ссужаетъ ихъ деньгами. Они совершенно не отдаютъ отчета крестьянамъ-членамъ и только изрѣдка допускаютъ ихъ, боясь окончательно потерять довѣріе.

Лѣтомъ 1902 года, въ Гентѣ торжественно справлялось открытіе одного изъ новыхъ зданій кооперації «Впередъ». Направляясь въ морской курортъ проѣздомъ черезъ Гентъ, я очутилась въ переполненномъ пріѣзжими праздично-разукрашенномъ городѣ. На вокзалѣ, во всю стѣну, ширилось объявленіе съ программою торжества, убранное зеленью и флагами. Отъ вокзала двинулась процессія съ значками, знаменами, эмблемами: тутъ участвовали всевозможныя мѣстныя и пріѣзжія общества и корпораціи. По газетнымъ отчетамъ, участвовало 13 оркестровъ, 2 хора трубачей, 128 знаменъ корпорацій и до 40 эмблемъ и надписей. Эта громадиѣйшая процессія шла стройно, по шести человѣкъ въ ряду. Были тутъ питомки и питомцы или пенсіонеры кооперації, т. е. сироты-дѣти и старики, называемые «инвалидами труда». Когда эти старики появились въ извозчичьихъ коляскахъ, публика привѣтствовала ихъ сниманіемъ шляпъ. Улица и площадь пестрѣли густою толпою. На Пятничной площади, на сооруженной высокой эстрадѣ высились пять громадныхъ аллегорическихъ картинъ. Подъ первою изъ нихъ была надпись: «Первая гентская кооперативная пекарня 1873 года, съ 30 членами и 80 франками капитала. Подъ второю картиной: «1880 годъ, основаніе гентской кооперації «Впередъ», 200 франковъ капитала». Подъ третьей картиной: «1902 годъ, у того-же общества 7,000 членовъ и 1 милліонъ капитала». Подъ четвертою: «1886 годъ—основаніе первой кооперації у валлоновъ».

Подъ пятою картиною: «1902 годъ, 240 кооперацій у валлоновъ, 50,000 членовъ и 13 милліоновъ капитала». Съ этой эстрады говорилось немало рѣчей и привѣтствій коопераціямъ, разросшимся въ такое множество могучихъ благодѣтельныхъ учрежденій. Громадная толпа привѣтствовала рѣчи любимыхъ ораторовъ. Гентское празднество. говорятъ, длилось весь день до поздняго вечера, и заздравныя рѣчи раздавались всюду въ большихъ кафе и ресторанахъ.

Двадцать пять лѣтъ тому, какъ основалась эта первая кооперація въ Гентѣ, а въ остальной Фландріи тогда большинство даже не знало. что такое потребительная кооперація. Теперь же въ рѣдкомъ городкѣ, коммунѣ или деревнѣ нѣтъ кооперацiи, то въ видѣ «кооперативнаго кафе», то «дома народа». или «кооперативной лавки». Это поднимаетъ и улучшаетъ условія жизни, даже среди страшной нищеты, царящей во фландрской деревнѣ. которая заставляла фламандцевъ толпами уходить на заработки даже во Францію. Батракъ получаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Фландріи отъ 63 сантимовъ до 70 въ день. а лѣтомъ цѣна поднимается только до 1 франка. Работающіе на нѣкоторыхъ провинціальныхъ деревенскихъ фабрикахъ питаются большею частью только картофелемъ. тутъ только въ кермессъ позволяетъ себѣ фламандецъ полакомиться мясомъ. А то утромъ картофель, днемъ картофель, а вечеромъ тотъ-же картофель съ обратомъ, т. е. молокомъ изъ подъ сбитаго масла. Фламандцы говорятъ: «это все набиваетъ животъ, обманываетъ голодъ и дѣлаетъ экономію на дорогой хлѣбъ».

Кружевницы получаютъ три франка въ недѣлю, работая по 12 и 13 часовъ въ день, т. е., по 4 сантима за часъ работы. На кирпичныхъ фабрикахъ онѣ получаютъ 30 сантимовъ за 1.000 кирпичей. мужчины 45 сант. за 1,000. Тутъ работаютъ дѣти семи лѣтъ, съ 4 часовъ утра до 9 и 10 ч. вечера съ перерывомъ на 1 часъ для обѣда. Утромъ до 4 часовъ этихъ дѣтей одѣваютъ и выносятъ спящими на кирпичную фабрику. а такъ какъ и тамъ все не могутъ ихъ добудиться, то обливаютъ имъ голову холодною водою.

Крайнее невѣжество, полнѣйшее неумѣнье помочь себѣ въ своей горькой долѣ отличаетъ до сихъ поръ еще нѣкоторыя деревенскія мѣстности Фландріи отъ валлонскихъ.

Въ центрахъ, какъ Брюссель, недостатокъ государственныхъ школъ стараются пополнить цѣлымъ рядомъ частныхъ профессіональныхъ, нормальныхъ, техническихъ школъ, вечернихъ курсовъ, народныхъ чтеній, школьныхъ ассоціацій, кружковъ самообразованія.

Почтенные размѣры принимаетъ и борьба съ алкоголизмомъ. Пьянство особенно сильно во время «кермесс» — т. е. ярмарочнаго празднества, длящагося по нѣсколько дней. Кермесс—пережитокъ временъ, когда не существовало постоянныхъ рынковъ. Тутъ изобильно льется можжевеловая водка (Genievre).

Передовой Брюссель во время своихъ кермесъ открываетъ поприще всевозможному спорту и клубамъ. Съѣзжаются отовсюду гимнасты, стрѣлки, велосипедисты, общества парусныхъ и другихъ гонокъ на каналахъ, клубы общественныхъ игръ (особенно распространенная игра въ ножной мячъ), оркестровыя и хоровыя общества и т. д. Въ назначенный день бургомистръ торжественно принимаетъ въ ратушѣ пріѣзжія и мѣстныя общества, а затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней происходятъ соревнованія и стрѣльба въ цѣль въ традиціонаго попугая на шестѣ.

Тутъ и балаганы съ сенсаціонными представленіями и каруселп. Подъ конецъ въ ратушѣ происходитъ раздача призовъ спортовымъ обществамъ. Въ 1902 году во время кермесса подошелъ срокъ выдачи преміи въ тысячу франковъ: «преміи гражданина Бастина», завѣщавшаго полученіе ея самому самоотверженному работнику или работницѣ по отношенію къ собственной семьѣ. Въ этомъ году она присуждена была дѣвушкѣ-работницѣ, содержавшей стариковъ отца и мать и малолѣтнихъ братьевъ. Въ кермессѣ играютъ не малую роль процессіи и музыка. Бельгійцы мастера устраивать красиво и быстро свои празднества, и для этого здѣсь не требуется какихъ-либо распоряженій властей. Та или другая партія корпорація, общество, лига и т. п. дружно хлопочетъ объ организаціи своего праздника въ городѣ или деревнѣ, приготовляя увеселенія, фейерверки, шествія. Тутъ, какъ-то само собою все налаживается, безъ суетни и раздора, поэтому полиціи рѣшительно нигдѣ не видно.

Во время купальнаго сезона даже въ деревнѣ коммуны Кнокъ быстро и пзящно организовались двѣ большія процессіи: «огней» и «цвѣтовъ». По окончаніи кермесса и съ прекращеніемъ обычныхъ возліяній пива и водки, выстроилась процессія съ факелами съ разноцвѣтными, причудливыми фонарями, съ эмблемами, каррикатурами на злобу дня на транспарантахъ, геометрическими фигурами изъ планокъ, увѣшанныхъ фонариками и зеленью, сопровождалъ ее мѣстный оркестръ и фейерверкъ. Шествіе изъ деревни остановилось на плотинѣ у шумящаго подъ ночнымъ небомъ моря, волны котораго свѣтились милліонами фосфорическихъ искръ. Обыкновенно молодежь Кнока устраиваетъ тутъ танцы, то подъ звуки оркестра, чаще подъ скрипку бродячаго скрипача, а не то и путешествующаго оркестрона. Во время процессіи цвѣтовъ дѣти вносили самое главное оживленіе. Тутъ несли гирлянды и фигуры, украшенныя цвѣтами, катились облѣпленныя и засыпанныя цвѣтами телѣжки, запряженныя козами. Дѣти иностранцевъ, жившихъ въ морскомъ курортѣ, и дѣти изъ деревни, разукрашенныя вѣнками, разгорѣвшіяся вели оживленную битву цвѣтами, бросались и стриженою цвѣтною бумагою, тутъ же въ мѣшечкахъ покупавшеюся у торговокъ; конечно, дѣти бѣдняковъ участвовавшихъ въ веселой войнѣ не покупали ихъ, а просто сгребали кучи валявшихся на пескѣ бумажекъ, отправляя ихъ по назначенію.

Весело обставляются тутъ всѣ школьныя празднества низшихъ и высшихъ школъ. Своеобразныя процессіи, оживленная, ничѣмъ не стѣсненная толпа, всюду импровизаторы, ораторы на площадяхъ, на улицѣ, шутки, рѣчи, довѣрчивое, привѣтливое отношеніе публики другъ къ другу.

ГЛАВА X

Новое и остатки стараго въ Нидерландахъ.

Довольно сонно протекала жизнь въ голландскомъ королевствѣ послѣ отдѣленія отъ него Бельгіи; но съ этою утратою пришлось-таки примириться голландскому королю Виль-

гельму I. вскорѣ отрекшемуся отъ трона въ пользу сына Вильгельма II (1840 г.). Старый король уѣхалъ въ Германію. гдѣ скоро умеръ, накопивъ многомилліонный капиталъ, благодаря своему участію въ крупныхъ торговыхъ предпріятіяхъ.

Новые запросы жизни вызвали и въ Нидерландахъ пересмотръ устарѣвшихъ законовъ страны. хотя болѣе либеральныя предложенія члена парламента профессора Торбека 1840 года осуществились лишь въ 1848 году, введеніемъ двухъ палатъ въ парламентѣ. Въ первую избирались представители крупной собственности, платящіе государству высокіе налоги съ крупныхъ владѣній, во вторую посылала своихъ депутатовъ мелкая собственность, изъ платящихъ не ниже 20 гульденовъ, т. е. между 20 и 160 гульденами (гульденъ=75 коп.).

Въ томъ же году умеръ Вильгельмъ II, а при слѣдующемъ Вильгельмѣ парламентъ провелъ нѣкоторыя реформы (отмѣнена была смертная казнь, разрѣшена свобода собраній и нѣкоторыя школьныя преобразованія).

Въ 1900 г., когда за отсутствіемъ наслѣдника вступила на голландскій тронъ Вильгельмина Оранская, парламентъ ввелъ важную реформу — обязательность посѣщенія государственныхъ даровыхъ школъ [1]). Слѣдующія реформы расширили выборныя права, и правомъ избирательнаго голоса пользуются всѣ вносящіе не менѣе одного гульдена земельнаго налога, т. е. обладающіе клочкомъ земли, или крохотнымъ домомъ, даже лодкой, также при опредѣленной суммѣ оплачиваемой за квартиру. Также достаточно имѣть 100 гульденовъ въ нидерландскихъ банкахъ или только 50 гульденовъ въ почтовой сберегательной кассѣ. Выборы повторяются черезъ четыре года. Въ теченіе выборовъ каждый выборщикъ пишетъ на избирательномъ листкѣ фамилію избираемаго имъ лица и опускаетъ въ избирательную урну. Эти избиратели (низкаго ценза) избираютъ только во вторую палату парламента, въ которую избирается сто депутатовъ.

---

[1]) Это обязательство отмѣняется для тѣхъ, кто можетъ привести доказательства обученія дѣтей въ частной школѣ или дома. При бѣдности родителей даются короткіе отпуски дѣтямъ для помощи родителямъ на картофельномъ полѣ и огородѣ, да и каникулы приспособлены къ этому времени.

Государство ежегодно уплачиваетъ депутатамъ по 2.000 гульденовъ, такъ какъ они вынуждены прекращать свои личныя дѣла для общественныхъ обязанностей. Новые проекты законовъ предлагаются министрами и вносятся во вторую палату депутатовъ, которая послѣ обсужденія передаетъ ихъ въ первую палату, гдѣ находятся 39 представителей отъ самой крупной земельной собственности, большихъ заводчиковъ и т. д., но представители этой первой палаты имѣютъ право только принять или отвергнуть предложенные имъ второю палатою проекты, но сами они ни въ чемъ не имѣютъ почина. При полномъ соглашеніи обѣихъ палатъ на предложенія министра, дѣла идутъ для подписи королевы, которая всегда ихъ утверждаетъ.

Эти двѣ палаты нидерландскаго парламента находятся среди построекъ XIII и другихъ вѣковъ. Тутъ же на большой площади стоитъ средневѣковое готическое зданіе рыцарскаго зала, гдѣ высокія стрѣльчатыя красивыя арки, точно въ большомъ соборѣ. Стоитъ около восьми вѣковъ тутъ же почернѣлый, древній замокъ голландскихъ графовъ, а позже штатгальтеровъ республики семи сѣверныхъ соединенныхъ провинцій, и пустуютъ старинныя тюрьмы съ орудіями пытокъ, которыми терзали, а на площади казнили знаменитаго адвоката штатовъ республики старика Ванъ Ольденбарневельда, а позже одичалая толпа оранжистовъ растерзала братьевъ де Виттовъ.

Тутъ вѣетъ средневѣковьемъ. Какая-то давящая тишина, а въ сонныхъ водахъ окружающихъ каналовъ неподвижно отражаются широковѣтвистыя старыя деревья.

Вступивъ на тронъ восемнадцатилѣтнею дѣвушкою, королева Вильгельмина Оранская, не захотѣла жить въ мрачныхъ дворцахъ, ей хотѣлось свѣта, зелени. Вильгельмина пользуется большою популярностью особенно въ Зеландіи, гдѣ не разъ она, одѣвшись въ національный зеландскій костюмъ, въ деревенскомъ чепчикѣ съ подвѣсками на лбу, появлялась среди флотилій рыбаковъ. Зеландцы даже поднесли королевѣ очень дорогой костюмъ своей зеландской провинціи.

Старинные національные костюмы, какъ и старые обычаи, не утрачиваютъ силы въ захолустьяхъ Нидерландъ. Еще не вышли изъ употребленія головные уборы, формою похожіе на

опрокинутое ведро, украшенное жемчугомъ и лентами. Изъ подъ чепцовъ голландокъ все еще торчатъ золотыя и серебряныя каски, т. е. широкія металлическія пластинки охватываютъ часть головы. На лбу и вискахъ болтаются бляхи, спирали, драгоцѣнные камни; или-же торчатъ по обѣ стороны чепчика большіе шары металлическихъ булавокъ.

Голландскій деревенскій костюмъ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ обычаѣ надѣвать до двѣнадцати юбокъ съ множествомъ сборокъ, такъ что женщина издали имѣетъ видъ шара. Изъ подъ короткой юбки открываются громадные, словно ладьи, деревянные башмаки. Изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются по наслѣдству увѣнистыя золотыя и серебряныя головныя украшенія женщинъ. Они

служатъ какъ бы доказательствомъ крестьянскаго благосостоянія, которое нидерландцы вовсе не любятъ скрывать. Мужчины иногда носятъ шаровары и куртки съ большими серебряными пуговицами.

Въ послѣднее время появляется и въ деревнѣ общеевропейскій костюмъ, но это скорѣе пришлый народъ. Зато въ городахъ попадалась не разъ на глаза новомодная шляпка, нагроможденная сверхъ національнаго чепца, а изъ подъ него блестятъ еще и металлическія пластинки каски, бляхи и проч. Шляпа поверхъ чепца, очевидно, уступка новизнѣ съ сохраненіемъ почтенныхъ традицій старины.

Въ Фрисляндіи сохранилось много старыхъ обычаевъ. Здѣсь издавна дѣвушки сами выбираютъ мужей и рѣшаютъ свою судьбу, и существуетъ старинная фрисляндская поговорка: «Какъ въ полѣ дѣвушка сама беретъ картофель, такъ сама должна брать мужа». Сватающій подъ вечерокъ является въ домъ родителей дѣвушки, и у очага ведется общая бесѣда. Она затягивается, уже младшія дѣти давно улягутся спать, и родители тоже скрываются въ своихъ шканахъ-кроватяхъ [1]) и спокойно почиваютъ. Только у комелька все бесѣдуетъ дѣвушка съ претендентомъ на ея руку и сердце. Если дѣло у нихъ слаживается, то дѣвушка все поддерживаетъ огонь въ очагѣ, если нѣтъ, то она тушитъ очагъ, и въ послѣднемъ случаѣ фрисляндецъ не можетъ питать надеждъ, ни повторить сватовства. Рядомъ со старыми хорошими и дурными обычаями усиливаются бѣдность и соціалисты, которыхъ, говорятъ, много въ Фрисляндіи.

Въ Гронингенѣ, Дрентѣ, Велувѣ, въ Гойландѣ, Оверисселѣ существуютъ остатки древней «марки», и по прежнему окружающіе ее пустыри образуютъ ея границы. До 1828 года пахотныя земли половины провинціи Дрента были еще въ общинномъ владѣніи, а пастбища до сихъ поръ общинныя. Пахотныя земли хотя теперь и принадлежатъ собственникамъ крохотныхъ лоскутковъ, но они не размежеваны, послѣдствіемъ чего является «древне-германская одновременность» посѣва и

---

[1]) Въ селахъ до сихъ поръ въ употребленіи эти шкапы-кровати, въ которые влѣзаютъ, прикрывая за собою дверцы на ночь.

сбора жатвы. Поля не отдѣлены, и только четыре громадные камня стоятъ отъ вѣковъ на каждомъ углу обширнѣйшаго поля. Это ведетъ къ хозяйственнымъ формамъ, схожимъ съ русскимъ общиннымъ землевладѣніемъ. Земледѣльцы называются «de boer буры»—крестьяне, и попрежнему они собираются подъ дубами или на лужайкѣ—на старинномъ мѣстѣ, гдѣ нерѣдко еще лежитъ большой древній жертвенникъ былого бога. Земледѣлецъ, которому порученъ быкъ или быки общины, имѣетъ «общинный рогъ», въ который трубитъ для сбора на различныя общественныя работы. Во время жатвы, когда рогъ трубитъ на зарѣ, никто не долженъ опаздывать на призывъ, и за получасовое опозданіе налагается штрафъ. При этомъ всѣмъ запрещается жать послѣ заката, и каждый долженъ участвовать въ сооруженіи общихъ изгородей и рытьѣ канавъ. Послѣ уборки жатвы происходятъ общія вышивки и пирушки, а всѣ поля превращаются въ пастбища, покрывающіяся дикимъ щавелемъ, который любятъ овцы.

Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ еще сохранились довольно большіе общинные лѣса, по 800 — 900 гектаровъ. Деревья тутъ сообща рубятся черезъ пятьдесятъ лѣтъ и дѣлятся по жребію. Остатки старины сохраняются въ равенствѣ выборовъ деревенскихъ представителей; такъ земледѣльцы богатые, владѣющіе даже лошадьми, и батраки, живущіе на чужой землѣ, пользуются иногда одинаковымъ правомъ избранія двухъ представителей деревенскаго управленія. Приверженность къ старинѣ не мѣшаетъ гнаться за новизною и пользоваться новыми изобрѣтеніями, и механическія молотилки дѣйствовали здѣсь раньше, чѣмъ въ Англіи. Здѣсь просто чудеса дѣлаютъ съ самою плохою землею. Перемѣшиваньемъ песка, глины, торфяной земли съ иломъ и грязною водою изъ трубъ устраивается отличная смѣсь для плодородной почвы, но и люди здѣсь не жалѣютъ труда, и рѣшительно нѣтъ имъ равныхъ въ упорствѣ преслѣдованія разъ намѣченной цѣли. Торфяную золу они берегутъ какъ драгоцѣнность, а надъ навозомъ возводятъ крыши. Нигдѣ не увидишь на задворкахъ неопрятныхъ навозныхъ кучъ. Пережженныя кости, гуано и т. д., даже старыя насыпи-терпены, богатые иломъ, разгребаютъ считая ихъ плодородною землею. Сельскому хозяйству ока-

зывается всевозможное покровительство, а знанія распространяются не только спеціальными школами, но и публичными чтеніями, частыми выставками.

«Эти упрямыя жесткія головы», какъ ругаютъ голландцевъ, довели нѣкоторыя области искуственно до поразительнаго плодородія. Нѣкоторыя части Фрисляндіи и Гронингена по желѣзной дорогѣ между Нимвегеномъ, Аригеймомъ, Апельдорномъ и на сѣверо-востокъ къ Пурмерендe къ Горну, Эдему и Энкхюзену составляютъ общій предметъ восхищенія агрономовъ. Земледѣльческія колоніи въ Дрентѣ, Фридрихсоордѣ и Вилемсоордѣ учреждены для неимущихъ, но имѣется множество сельскохозяйственныхъ колоній, устроенныхъ самими крестьянами, превратившими песчаные и болотистые пустыри въ чудесные огороды, поля и сады. Большимъ благосостояніемъ пользуются колоніи секты меноннтовъ (чешскіе братья) дружно работающихъ въ своихъ общинахъ. Прекрасно ведется земледѣліе на берегу Мааса, вдоль Ланкстрома. Въ сѣверныхъ Нидерландахъ много мелкой собственности, и существуетъ (особенно въ области Гронингена) особаго вида аренда фермъ, называющаяся «bekleming» (она извѣстна была еще древнимъ римлянамъ). Рента за ферму годовая, и собственникъ не можетъ увеличивать плату. При этомъ фермеръ пользуется правомъ завѣщать свою аренду, даже продать свое право на аренду фермы, но всякій разъ при передачѣ другому лицу надо уплатить собственнику фермы за два года впередъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть крестьяне собственники большіе капиталисты, и ихъ состояніе опредѣляется сотнями тысячъ гульденовъ. Въ богатыхъ крестьянскихъ домахъ комнаты убраны роскошно, рѣдкими цвѣтами, вазами, вышитыми занавѣсями, по угламъ этажерки съ дорогимъ фарфоромъ. Вездѣ у сколько-нибудь зажиточныхъ крестьянъ поставлена и подвѣшена старинная серебряная, а иногда и золотая посуда. Они очень любятъ похвастаться своимъ благосостояніемъ. Сыновья богатыхъ крестьянъ посѣщаютъ не только среднія школы; но очень зажиточные крестьяне отправляютъ сыновей въ университеты и другія высшія школы. За то и отстаиваютъ они такъ толково въ парламентѣ свои интересы, почти всегда неразрывно связанные съ интересами крестьянства и всего края. Такихъ крестьянъ конечно не очень много.

Недавно введенная обязательность первоначальныя школы высоко поставитъ нидерландскую культуру. Школа здѣсь дѣлается образцовой.

По переписи 1894 г. среди рекрутовъ на 1000 человѣкъ оказалось 50 человѣкъ неграмотныхъ. Протестантское населеніе обязано умѣть читать библію, безъ этого оно не получаетъ перваго причащенія, но здѣсь много католиковъ и другихъ вѣроисповѣданій или обывателей, не объявившихъ никакого вѣроисповѣданія [1]). Неграмотные, какъ всегда, среди нищеты городского и сельскаго населенія. Печаленъ видъ черныхъ поселковъ среди торфяныхъ болотъ, перерѣзанныхъ осушающими ихъ каналами. Здѣсь добывается и сушится торфъ, употребляемый какъ матерьялъ для дешеваго отопленія нидерландскихъ провинцій.

На морскихъ берегахъ, почти нищія рыбачьи деревни представляютъ разительный контрастъ съ рядомъ стоящими, роскошными гостинницами купальныхъ курортовъ, какъ, напр., Скевенингенъ. Рыболовныя суда принадлежатъ немногимъ богатымъ судохозяевамъ (Reders), нанимающимъ рыбаковъ только на время улова, недѣль на шесть, на восемь, для отправленія ихъ къ берегамъ Шотландіи и Норвегіи. При удачномъ уловѣ часть добычи уступается рыбакамъ. Владѣльцы судовъ никогда сами не пускаются въ море на своихъ валкихъ, пузатыхъ рыболовныхъ суденышкахъ, вокругъ которыхъ громоздятся горы волнъ въ бурю, кидая ихъ какъ скорлупу и разбивая. Бываетъ, что судохозяева отправляютъ завѣдомо негодныя суда, гибнувшія при первой непогодѣ, а хозяева тѣмъ не менѣе получаютъ приличную страховую премію. Много рыбаковъ нашли свою преждевременную могилу въ морѣ въ дальнихъ плаваніяхъ. Годъ отъ году все тяжелѣе жить рыбакамъ. Рыбы попадается все меньше, а жизнь дѣлается все дороже. Исчезли ихъ старыя привилегіи, и давно не выдается правительственная субсидія.

Повидимому, только въ одномъ мѣстечкѣ Имюденъ (Imuiden), на сѣверѣ Голландіи, рыбаки имѣютъ собственное коопера-

---

[1]) Въ Нидерландахъ въ 1899 году на 3.067,971 протестантовъ было 1.798,915, католиковъ, 103,988 евреевъ, 17,926 другихъ вѣроисповѣданій и 115,179 не признающихъ никакого вѣроисповѣданія.

тивное паровое судно и дѣлять добычу между членами своего общества. Въ другихъ мѣстностяхъ они были такъ невѣжественны и бѣдны, что не въ состояніи предпринять что либо сообща.

Среди лѣта въ Скевенингенѣ, Катвикѣ и другихъ рыбачьихъ деревняхъ, за нѣсколько дней передъ отправленіемъ рыбаковъ, на берегу закипаетъ горячая работа. Приготовляются снасти, сѣти и смолять суда. Толпы подростковъ помогаютъ старшимъ, или, снявъ деревянные башмаки, стоя и сидя, качаются на канатахъ якорей, врывшихся въ песокъ. Когда все подготовлено, взрослые и подростки съ криками наваливаются на корму судовъ и, приподнявъ ихъ носъ, подкатываютъ подъ нихъ круглыя бревна, затѣмъ къ судамъ припрягаютъ множество лошадей и съ новыми гиканьями гонятъ ихъ, чтобъ притянуть суда по бревнамъ поближе къ водѣ. Остальное должны совершить волны ожидаемаго морского прилива, которыя поднимутъ суда на своихъ гребняхъ съ прибрежнаго песка. Вся деревня выходитъ на берегъ прощаться и провожать рыбаковъ въ дальній путь. Имъ жмутъ руки, шутятъ, а никто не увѣренъ, что своенравное Сѣверное море вернетъ ихъ обратно на рыболовныхъ скорлупахъ. При разставаньи съ рыбаками я никогда здѣсь не видала женскихъ слезъ, не слышала и бабьихъ причитаній. Голландки не сантиментальны и не хотятъ разстраивать своихъ мужей, сыновей и братьевъ. Онѣ знаютъ, что безъ этой ужасной работы рыбаковъ всему населенію грозитъ голодная смерть.

Вотъ якоря подняты, и надуваются вѣтромъ красные, желтые, полосатые и бѣлые паруса, съ берега машутъ платками, шляпами Многія женскія лица блѣдны, разстроены, на глазахъ слезы. Я предложила рядомъ стоявшей молодой рыбачкѣ съ ребенкомъ свой бинокль, и онъ сталъ быстро циркулировать въ большой толпѣ женщинъ. Каждой хотѣлось взглянуть и, можетъ быть, въ послѣдній разъ отыскать глазами близкаго человѣка на рыболовномъ суднѣ. Рыбаки скоро исчезли въ морской дали. Моя сосѣдка рыбачка, поднявъ на руки ребенка, не забыла розыскать мой бинокль въ толпѣ женщинъ и, подавая, проговорила: «Ik dank u mevrow!» (благодарю васъ, сударыня), и тихо побрела къ своему опустѣлому домику, въ деревнѣ за плотиною. На плотинѣ, высоко надъ нами, стояли сгорбив-

Голландія. На берегу Сѣвернаго моря.

шись сѣдые старики, называемые здѣсь «инвалидами моря». У многихъ больныя, кривыя ноги отъ морскихъ простудъ. Покуривая изъ короткихъ глиняныхъ трубочекъ, «инвалиды моря» слѣдили еще зоркими глазами за молодыми рыбаками, исчезавшими въ сѣроватой дали, и вѣрно думали: «молодые въ свой чередъ потянули нашу тяжелую старую лямку». Въ «свое время» они случайно какъ-то уцѣлѣли и не попали въ большую общую могилу въ морѣ. Для инвалидовъ моря имѣются какіе-то пріюты, богадѣльни, выдаются пенсіи тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ грудь вся увѣшана медалями за спасеніе погибавшихъ въ морѣ. У большинства видъ очень плачевный: это—«лишніе рты» въ голодающей семьѣ.

Здѣсь, впрочемъ, много хорошихъ филантропическихъ учрежденій, и всѣ, не скупясь, жертвуютъ на нихъ. Имѣются всевозможные пріюты не только для дѣтей и стариковъ, но и для прислуги безъ мѣста и для неизлѣчимо больныхъ. Санаторіи для выздоравливающихъ и для алкоголиковъ, лѣчебницы и т. п. Давно дѣйствуетъ общество «Общее благо», устраивая даровыя летучія библіотеки, съ разсылкою книгъ больнымъ и неимущимъ. Все чаще строятся дома въ городахъ съ здоровыми и дешевыми помѣщеніями. Но все это капля въ морѣ съ наростающею повсюду бѣдностью и дороговизною. Городское населеніе сильно приростаетъ наплывомъ изъ деревень. За послѣднія десятилѣтія сильно развилась фабричная и заводская промышленность, но кооперативныя товарищества только кое-гдѣ начинаютъ появлятся и то въ видѣ пекаренъ и кооперативныхъ мельницъ. Въ Гаагѣ уже давно дѣйствуетъ большая кооперативная пекарня «Самопомощь»—Eigen Hulp.

Въ устройствѣ здоровыхъ народныхъ развлеченій, чтеній и т. п. города, какъ Амстердамъ, Утрехтъ и Гага, хотѣли бы догнать Бельгію и Англію, но эти попытки не могутъ увѣнчаться успѣхомъ въ виду того, что организація такой дѣятельности рѣдко выходитъ здѣсь изъ среды самихъ рабочихъ. Въ Амстердамѣ «Нашъ домъ—Ons Huis» организованъ благотворительнымъ обществомъ капиталистовъ. Домъ въ нѣсколько этажей, съ прекрасными залами для чтеній, уроковъ, гимнастики, концертовъ, съ прекрасною библіотекою съ широкимъ научнымъ и литературнымъ каталогомъ. Чтенія отлично орга-

низованы. Обыкновенно бываетъ по одному чтенію объ одномъ и томъ же предметѣ, рѣдко два или три. Они читаются докторами и профессорами, какъ это доказываютъ печатные годовые отчеты научныхъ и литературныхъ чтеній. Особенно посѣщаются уроки иностранныхъ языковъ, необходимыхъ здѣсь каждому при легкости и частотѣ всеобщихъ передвиженій за границу и обратно. Имѣются уроки рисованія и черченія, рѣзьбы по дереву, бухгалтеріи.

Для женщинъ заведены курсы шитья и починки, или, какъ послѣдняя здѣсь называется: «Искусство освѣжать старый костюмъ», также поварскіе курсы. По праздникамъ концерты, живыя картины, въ которыхъ нерѣдко принимаютъ участіе посѣтители. Прогулки дальнія и близкія, съ учрежденіемъ «клуба путешествій». Клубомъ совершено путешествіе въ Италію. При домѣ имѣется и «шахматный клубъ». Въ «Ons Huis» въ опредѣленные часы можно пользоваться даровыми адвокатскими совѣтами. Для дѣтей увоселенія устраиваются отдѣльно, хотя въ томъ же домѣ. Плата общая для всѣхъ (переводя на наши деньги) колеблется между двумя и восьмью копѣйками. Доступъ въ библіотеку на три мѣсяца около 20 копѣекъ. При домѣ буфетъ съ кофе, чаемъ, пивомъ за плату отъ $2^1/_2$ до 8 к.

Самою большою симпатіею пользуется хоровое пѣніе, и большинство стремится обучаться пѣнію и попасть въ хоръ. Обученіе отдѣльно для мужчинъ и женщинъ, но къ мужскому хору часто присоединяется женскій хоръ, и одною изъ любимыхъ хоровыхъ пѣсенъ считается варіантъ на слова старинной пѣсни XVI вѣка, времени борьбы съ испанцами. Пѣсня называется: «Во имя Оранскаго — открывайте городскія ворота!» In naam van Oranje doe open de poort».

Одинъ изъ варіантовъ на этотъ мотивъ называется «Samen», т. е. «Вмѣстѣ». Конечно, переводъ въ прозѣ даетъ только схему содержанія. Начинаетъ пѣснію женскій хоръ:

Женскій хоръ: „Что жизнь нашу краситъ,
„Что облегчастъ страданья?“—
Мужской хоръ: „Сочувствіе друга“.—
Женскій хоръ „Гдѣ найти силу
„Нести крестъ страданій?“—
Мужской хоръ: „Облегчатъ его вѣра, любовь“.—

Женскій хоръ: „Сообща будетъ трудъ нашъ,
„Сообща будетъ радость“.—
Мужской хоръ: „Рука съ рукою—въ крѣпкомъ союзѣ!“—
Женскій хоръ: „Одинокіе—мы слабы!“—
Оба хора: „Вмѣстѣ—мы великаны!“—
Мужской хоръ: „Горе—одинокому человѣку!“—
Женскій хоръ: „Мрачна, холодна его жизнь!“—
Мужской хоръ: „При богатствѣ онъ бѣденъ!“—
Женскій хоръ: „Бѣжитъ отъ него радость!“—
Мужской хоръ: „Намъ надо работать и надо
„учиться, трудиться руками и головою“.
Женскій хоръ: „И поддерживать друзей“.
Мужской хоръ: „Тогда лишь полна жизнь семьи“.
Оба хора: „Любить будемъ тѣхъ, кто умѣетъ любить“.
Женскій хоръ: „Тѣхъ, кто сумѣетъ подняться—
„Знаньемъ, искусствомъ, талантомъ“.—
Мужской хоръ: „Поднимая друзей“.—
Женскій хоръ: „У того высочайшій процентъ“.—
Мужской хоръ: „Обогащающій сотни людей!“—
Женскій хоръ: „Другъ за друга, и вмѣстѣ всѣ къ свѣту!“—
Мужской хоръ: „Въ союзѣ всѣхъ членовъ!“—
Оба хора: „Въ братствѣ, въ союзѣ—вотъ нашъ девизъ!“—

На тотъ же мотивъ имѣется множество варіантовъ.

Утрехтскій народный домъ меньшихъ размѣровъ. Въ его верхнемъ этажѣ помѣщенія для чтеній уроковъ, концертовъ. Здѣсь студенческое хоровое общество устраиваетъ народные концерты. Внизу кафе, или нѣчто въ родѣ ресторана, гдѣ не дозволены не только крѣпкіе напитки, но и пиво. такъ какъ устроители ярые противники алкоголя, считающіе даже пиво «ядомъ».

И въ Нидерландахъ, по древнему обычаю, происходитъ кермессъ въ городахъ и деревняхъ. Во время ярмарочныхъ кермессъ. всегда умѣренные. трудолюбивые кальвинисты приносятъ усиленныя жертвы Бахусу и особенно сильныя въ Зеландіи. Зеландцы оправдываются сыростью воздуха и говорятъ. что всѣ старыя суда и бочки требуютъ провѣтриванія. что необходимо время отъ времени снимать крышки и обручи, иначе дѣло можетъ не благополучно окончиться. Точно такъ же. среди монотонной жизни и имъ необходимъ. какъ воздухъ. ихъ кермессъ. Кермессъ заставляетъ даже женскую прислугу требовать себѣ полной свободы въ эти дни. и, нанимаясь, она выговариваетъ себѣ освобожденіе на кермессъ. Въ очень давно ми-

нувшія времена весельемъ кермессовъ не брезгали знатнѣйшіе дворяне и только въ эти дни снисходили иногда до танцевъ съ горожанками женщинами не дворянскаго происхожденія. Множество вѣковъ прошло съ той поры, какъ первенство не на сторонѣ дворянъ въ Голландіи, гдѣ дворянство давно давно утратило всякое значеніе. Прошло здѣсь и время всемірной монополіи голландскихъ купцовъ. Но, потерявъ значеніе всесвѣтнаго поставщика, Голландія до сихъ поръ имѣетъ значительную ввозную и вывозную торговлю. Торговый оборотъ маленькихъ Нидерландъ, за 1902 г., равнялся семи милліардамъ трехстамъ сорока милліонамъ франковъ (ввоза 4,020 милліоновъ. а вывоза 3,320 милліоновъ, тогда какъ торговый оборотъ европейской Россіи: ввоза было на 1.840 милліоновъ. а вывоза 1,800 милліоновъ). Ввозъ и вывозъ достигаютъ почтенной цифры 1,400 франковъ въ годъ, если разложить его на каждую душу населенія. что можетъ служить отчасти нѣкоторымъ показателемъ благосостоянія большинства [1]). Главные продукты вывоза попрежнему сельскохозяйственные, особенно быки. масло. сыръ, также рыба, кофе, чай, табакъ. сахаръ. бумага, полотна, краски, бриллianты, спиртъ и крѣпкіе напитки.

Громадно число водочныхъ и ликерныхъ заводовъ, но растетъ и число всевозможныхъ обществъ и союзовъ борьбы съ алкоголизмомъ. Образовался даже «Большой Нидерландскій Союзъ борьбы за полную отмѣну производства и ввоза алкоголя». т. е. члены союза не только пропагандируютъ посредствомъ брошюръ и лекцій о вредѣ его, но добиваются въ парламентѣ проведенія закона о прекращеніи производства и ввоза алкоголя въ Нидерланды. Это общество имѣетъ многочисленныхъ членовъ во всѣхъ провинціяхъ. Также многочисленный «Клубъ преподавателей» пропагандируетъ трезвость и имѣетъ множество членовъ среди сельскаго люда. Особенною дѣятельностью отличается «Всеобщая лига трезвости». хотя члены ея считаютъ

---

[1]) Ввоза на 774 франковъ, а вывоза на 639 фр., въ Бельгіи ввозъ съ вывозомъ равняются 619 франкамъ на одну душу населенія, именно ввоза на 332 фр. а вывоза на 287 фр. Между тѣмъ въ Англіи ввозъ съ вывозомъ равняются 460 фр., на душу населенія. Въ Германіи равняются 133 франкамъ, а въ Россіи—27 франкамъ.

достаточной пропаганду чтеніями и публикаціями, не прибѣгая къ агитаціи для проведенія въ парламентъ закона, стѣсняющаго производство и ввозъ алкоголя въ Нидерланды. Существуетъ множество католическихъ лигъ и союзовъ противъ пьянства, а также женскихъ обществъ, преслѣдующихъ ту же цѣль.—Такимъ образомъ и эта борьба съ алкоголизмомъ и со скверно очищенною можжевельною водкою должна привести къ благопріятнымъ результатамъ и дастъ возможность пробудить въ низшихъ классахъ населенія вкусъ къ другимъ болѣе здоровымъ удовольствіямъ.

Послѣднія вѣсти изъ Голландіи сообщаютъ объ начавшемся тамъ объединеніи всѣхъ прогрессивныхъ партій. Это явится сильнымъ оружіемъ на предстоящихъ выборахъ въ парламентъ противъ консерваторовъ. Въ Голландіи имѣется очень сильная католическая партія, которая дѣйствовала заодно съ клерикалами изъ кальвинистовъ, и они дружно выступали въ парламентѣ противъ всѣхъ прогрессивныхъ партій, дѣйствовавшихъ не только врозь, но даже враждебно другъ другу. До сихъ поръ всѣ эти партіи, называющіяся старо-либералы, ново-либералы, либеральный союзъ, свободомыслящіе, демократы и даже соціалисты (раздѣлявшіеся здѣсь на двѣ фракціи) вели между собою войну. Это раздѣленіе прогрессивныхъ партій довело до небывалой силы католическую партію, и немыслимый прежде фактъ дѣятельности іезуитовъ въ Голландіи теперь совершается при свѣтѣ дня. Изъ Франціи прибыли изгнанные оттуда іезуиты, купили старые голландскіе замки и превратили ихъ въ монастыри. Католическіе клерикалы, соединясь съ кальвинистскими клерикалами, сократили школы, запретили разрѣшенную прежде свободу стачекъ и т. д. Въ 1903 году свободомыслящіе демократы внесли въ парламентъ законопроектъ, дающій избирательное право всѣмъ жителямъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, но партія либеральнаго союза дѣйствовала осторожнѣе и внесла проектъ, исключавшій женщинъ. Рознь, обезсиливная эти двѣ группы прогрессивной партіи, и дала возможность сплотившимся консерваторамъ - клерикаламъ провалить оба проекта.

Въ выработанной теперь резолюціи объединившихся про-

грессивныхъ партіи главными пунктами были слѣдующіе: «Улучшеніе въ постановкѣ народнаго образованія; сокращеніе расходовъ на войско; измѣненіе торговой политики въ направленіи свободной торговли; улучшеніе закона о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ; милиція; страхованіе рабочихъ на случай старости и увѣчья; пересмотръ закона о призрѣніи бѣдныхъ». Главный пунктъ программы касается, однако, реформы избирательнаго права и носитъ такое заключеніе: «Партія будетъ стремиться къ такому измѣненію конституціи, которое давало бы законодательному собранію полную возможность приступить къ измѣненію избирательнаго закона».

Бельгійская и нидерландская научная литература чрезвычайно богата работами ихъ знаменитыхъ ученыхъ XIX вѣка. Многіе изъ нихъ пользуются большою извѣстностью и за предѣлами этихъ странъ: астрономы, физики, математики и другіе естественники, юристы, филологи, а также историки. По изящной литературѣ имена большинства выдающихся писателей пользуются извѣстностью болѣе внутри страны. Долгое время въ Бельгіи самостоятельное направленіе изящной литературы задерживалось наплывомъ произведеній изъ Франціи. Фламандцы и голландцы имѣютъ болѣе оригинальную беллетристику.

«Очерки» не могутъ быть детальною картиною, но, обрисовывая прошедшее маленькихъ смежныхъ областей, съ ихъ германскою и кельтскою расою, они указываютъ и на то, какъ почти одинаковые историческіе процессы задерживаются у однихъ, въ то время какъ у ближайшихъ сосѣдей уже совершается эволюція дальнѣйшаго развитія. Жизнь племенъ, подобно жизни отдѣльныхъ организмовъ, слагается подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и внутреннихъ основъ, заложенныхъ въ отдѣльныхъ расахъ, и поэтому смѣшеніе племенъ сглаживаетъ особенности и прекращаетъ вѣковую рознь. Но валлоновъ и фламандцевъ объединяютъ не только экономическія задачи, но и высшая нравственная сила. Изъ Геннегау, Фландріи, Брабанта и Люттиха они братски протягиваютъ другъ другу руку, потому что общія неотложныя культурныя задачи заставляютъ ихъ отбросить старую расовую рознь.

Въ Нидерландахъ культурныя стремленія объединяютъ общество для завоеванія мирнымъ путемъ лучшихъ условій жизни. Старинный зеландскій гербъ, изображающій льва, борющагося съ волнами, съ девизомъ: «luctor et emergo», т. е. «борюсь и выплываю!» теперь ужъ символизируетъ борьбу народа за жизнь и счастье.

ОБЛАСТНО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ.

инв. ~~12530~~.
6287

НИДЕРЛАНДЫ
И
БЕЛЬГІЯ
МАСШТАБ
1 / 2.600.000
СѢВЕРНОЕ МОРЕ
АМСТЕРДАМЪ
ГЕЛЬДЕРНЪ
УТРЕХТЪ
ГАГА
РОТЕРДАМЪ
ФРИСЛАНДЪ
ГРОНИНГЕНЪ
ДРЕНТЕ
ОБЕРЪ ИССЕЛЬ
ЗЕЕЛАНДЪ
СѢВ. БРАБАНТЪ
АНТВЕРПЕНЪ
БРЮССЕЛЬ
ЮЖ. БРАБАНТЪ
ГЕНЕГАУ
НАМЮРЪ
ЛЮКСЕМБУРГЪ
ЛЮТТИХЪ
МАСТРИХТЪ
КЁЛЬНЪ
ЛОНДОНЪ
ОСТЕНДЕ
БРЮГГЕ
ГЕНТЪ
ФЛАНДРІЯ
МОНСЪ

Б... ...КА
ТЕ... ...АГО
...ЗЧИЧЬЯГО
КЛУ...
8(х

Недавно вышедшія изданія Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.

Поль Луи Курье. Сочиненія. Политическіе памфлеты. Цѣна 2 р.

Видерле. Люди въ доисторическую эпоху. Пер. съ чешскаго, подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Ц. 5 р.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Пер. П. И. Вейнберга. Ц. 75 к.

Сеайль. Леонардо да-Винчи. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 75 к. Т. III. Ц. 2 р. 75 к.

Ларра. Общественные очерки Испаніи. Пер. М. В. Ватсонъ. Ц. 2 р. 50 к.

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ соціальнаго положенія. Ц. 1 р. 25 коп.

Паскаль. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. (Les Provinciales). Ц. 2 р.

Джорджъ, Генри. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.

Рагозинъ. Соціологія Конта. Ц. 2 р. 50 к.

Бельшовскій. Жизнь Гёте. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.

П. Л. Больe. Новыя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (вѣсколько главъ посвящено Трансваалю). Ц. 2 р.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка (Исторія аграрно-коммунистическихъ движеній) и квакеры. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к.

Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Пер. Я. Н. Колубовскаго. Изд. 2-ое. Ц. I вып. 2 р. 50 к., II вып. 3 р. 50 к.

Лихтенбергъ. Афоризмы. Пер. съ нѣм. Н. М. Соколова. Ц. 1 р. 50 к.

Дриль, Д. Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.

Ланге, Ф. А. Исторія матеріализма. Перев. подъ ред. Н. Н. Страхова. 2-ое изд. въ одномъ томѣ. Ц. 1 р. 50 коп.

Бойесенъ, Гіальмаръ. „Фаустъ" Гёте. Комментарій къ поэмѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Бартъ, Пауль. Философія исторіи какъ соціологія. Пер. съ нѣм. Ч. 1. Ц. 1 р. 75 к.

Кохъ, М. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.

Грегоровіусъ, Ф. Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. Отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Пер. съ нѣм. 2 тт. Ц. 3 р. 50 к.

Тома, Э. Римъ и Имперія въ первые два вѣка новой эры. Ц. 1 р. 50 к.

Вецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. Т. I. Ц. 3 р., т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Гаусратъ, А. Средневѣковые реформаторы. Пер. съ нѣм. подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Абеляръ. Арнольдъ Брешіанскій. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассизскій. Вѣчное Евангеліе. Сегарелли. Дольчино. Ц. 2 р.

Штеринъ, Альфредъ. Исторія революціи въ Англіи. Перев. съ нѣм. Ц. 2 р.

Морганъ, Л. Г. Первобытное общество, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р.

Монтескье. О Духѣ Законовъ, съ предисл. М. М. Ковалевскаго Ц. 4 р.

Прокоповичъ, С. Н. Къ критикѣ Маркса. Ц. 1 р. 50 к.

Генри де Уокеръ. Развитіе австралійской демократіи. Ц. 1 р. 80 к.

Мижуевъ, П. Г. Великій расколъ англо-саксонской расы. Американская революція. Ц. 1 р. 25 к.

Бутру, Эмиль. Паскаль, пер. съ франц. Ц. 80 к.

Старке, К. Н. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 60 к.

Рибо. Опытъ изслѣдованія творческаго воображенія. Пер. съ франц. Ц. 80 к.

Рескинъ, Джонъ. Прогулки по Флоренціи. Пер. А. Герцыкъ. Ц. 60 к.

Филипповичъ, Евг. Основанія Политической экономіи, пер. съ нѣм. Ц. 3 р.

Даудент, Эд. Исторія французской литературы. Ц. 1 р. 50 к.

Игнатовичъ, И. И. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Ц. 1 р.

Джорджъ, Генри. Запутавшійся философъ. Разборъ мнѣній Г. Спенсера по земельному вопросу въ связи съ его синтетической философіей. Ц. 1 р. 50 к.

Мякотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Ц. 2 р.

Вундтъ, В. Система философіи. Ц. 3 р.

Ланнаранъ, А. Общедоступная геологія. Съ 157 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к.

Монье, Ф. Опытъ литературной исторіи Италіи XV в. Кваттроченто. Ц. 4 р.

Буличъ, С. К. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I (съ приложеніемъ „Введенія въ изученіе языка" Б. Дельбрюка). Ц. 6 р.

Печатаются и готовятся къ печати

Сорель. Европа и французская революціяі, тт. V—VI.

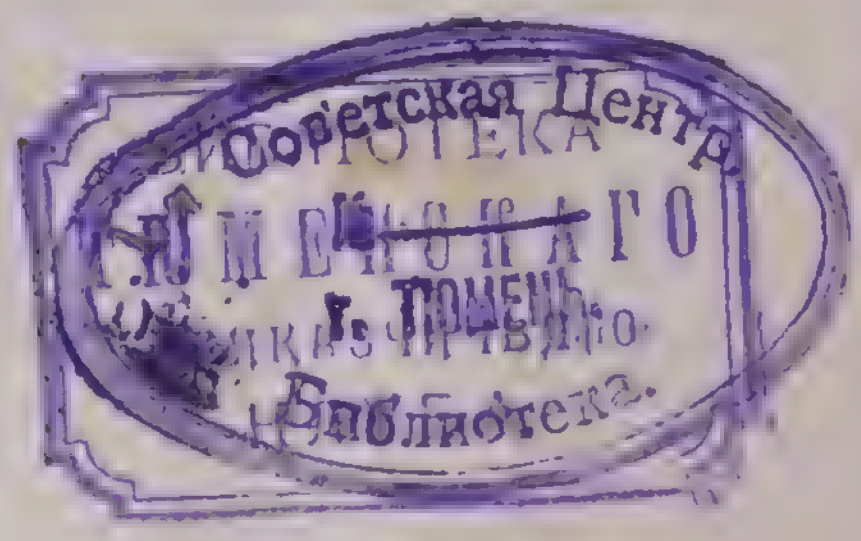
Складъ всѣхъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ книжныхъ магазинахъ И. И. Карбасникова.

ПАНТЕЛѢЕВЪ, Л. Ф. Изъ воспоминаній прошлаго. [Пріѣздъ въ Петербургъ—1858 г.—Экзаменъ.—Первый семестръ.—Уроки.—Сходки.—Студенческая (русская) корпорація.—Дѣло кассира Бутчика.—Студенческая библіотека.—Великія реформы и отношеніе къ нимъ студентовъ.—Польская студенческая корпорація.—Профессорская корпорація.—Педагогическій кружокъ.—Диспуты.—Женщины въ Петербургскомъ университетѣ.—Литературныя чтенія, спектакли литераторовъ и публичныя лекціи.—Публичныя лекціи.—«Основы».—Студенческая исторія.—Вечера Штакеншнейдера, Тиблена и др.—Думская исторія.—Шахматный клубъ.—II Отдѣленіе при Литературномъ Фондѣ.—Петербургскіе пожары.—«Земля и Воля»]. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПАНТЕЛѢЕВЪ, Л. Ф. Изъ раннихъ воспоминаній. [Старый домъ.—По вечерамъ.—Енюшка.—Екатерина Степановна.—Исполиновъ.—Чижиковъ.—Юристы.—Иванъ Николаевичъ.—Вина Ивана Николаевича и Бѣляевъ.—Большой начетчикъ.—Ошибочка Сани Котловой.—Обывательская тоска.—Первая поѣздка въ деревню.—На лѣтнихъ кондиціяхъ.—Сборы и отъѣздъ въ университетъ]. Спб. 1903. Ц. 80 к.

КОВАЛЕВСКІЙ, МАКСИМЪ. Современные соціологи. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

ВОДОВОЗОВЪ, В. И. Словесность въ образцахъ и разборахъ. Изд. 6-е. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.



БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

1605

18/V

16/VI

25/VI

14/X

4/VIII

2 R E

2 / III